

НИЗАМІ ГІЯНЕСІ

ХОСРОВ И ШИРИН

К 840-ЛЕТИЮ
МИРЗА АСАДУЛЛАХ КХАН

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХАМСЭ

СОКРОВИЩНИЦА ТАПИ
ХОСРОВ И ШИРИН
ЛЕЙЛИ И МЕДЖИМУН
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕР-НАМЕ

БАКУ—1983

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

ХОСРОВ И ШИРИН

2-593/43

М. Ф. Ахундов adına
Azərbaycan Respublikası
Kitابخanası

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЯЗЫЧЫ“

Перевод *К. Липскерова*
Научный редактор, автор вступительной статьи
и комментариев
проф. *РУСТАМ АЛИЕВ*

ВСТУПЛЕНИЕ

Восьмьсот лет назад произошло событие, которое наложило впоследствии неизгладимый отпечаток на весь дальнейший ход развития художественной литературы не только нашего народа, но и всех народов Ближнего и Среднего Востока. В 1181 г. гениальный азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви завершил свою знаменитую поэму «Хосров и Ширин», которая открыла совершенно новую эпоху в истории развития художественной, этической и эстетической мысли. В своей поэме Низами впервые за все существование мусульманского мира провозгласил право женщины на любовь, непреходящую ценность человеческих чувств, воспел прекрасный мир чистых и благородных движений человеческой души, создал свое стройное учение о возвышенной любви, которое в Европе стало завоевывать себе признание лишь семь столетий спустя. Образы Ширин и Фархада стали не только неотъемлемой частью духовной жизни всех последующих поколений читателей, но и олицетворением чистой, беззаветной любви и душевного величия, целомудрия и верности, так же, как образы других героев поэмы — Хосрова, Ормуза, Михин-бану и Шапура — символами определенных этических и нравственных понятий.

Форма поэмы еще задолго до Низами была известна эпическому жанру персоязычной литературы. Дидактические поэмы Рудаки (ум. в 940), от которых до нас дошли отдельные, разрозненные даустишия, гениальная эпопея Фирдоуси (ум. в 1036), любовно-рыцарские стихотворные романы Унсури (ум. в 1040), которые дошли до нас лишь частично, произведение Фахраддина Гургани (ум. в 1073), суфийско-мистические поэмы Мадждуда Саневи (ум. в 1141), философско-автобиографическое сочинение Хагани (ум. в 1199) и т. д. в XII в. пользовались широкой известностью.

Но все эти безусловно выдающиеся для своего времени произведения тускнеют на фоне великолепного шедевра Низами. Созданное его волшебной кистью великое творение не имело себе равных. В своей поэме, которая по существу является скорее «романом в стихах», поэт впервые изобразил свободную, независимую личность, действия которой определяются не волей провидения и предначертаниями неких сверхъестественных сил, а логикой характера, внутренними нравственными законами. В своем произведении Низами пропел вдохновенный гимн человеческой свободе, провозгласил независимость и самоценность чувств и помыслов личности, раскрепостил своим пером женщину, лишенную почти всех прав в мусульманском обществе, создал красочную галерею высокохудожественных типических образов, которые до сих пор волнуют читателей. При этом Низами изобразил характеры своих героев в развитии и становлении, убедительно раскрыв нюансы психологии и тончайшие изгибы человеческой души. Тем самым поэт впервые громко, во всеуслышание заявил, что каждый индивид — это целый неповторимый мир.

Низами обожествил и страстно воспел возвышенную любовь, явившись в этом плане предтечей Данте, Петрарки и трубадуров в европейской литературе. Приступая к созданию своей поэмы, он, несомненно, ставил перед собой определенную общественно-этическую задачу — создать такое произведение искусства, которое могло бы внушить людям высокие идеалы, воспеть нравственную чистоту и благородство помыслов и доставить читателям истинные радость и наслаждение.

Поэт блестяще выполнил эту сверхзадачу. В ходе вековой борьбы за лучшую, более счастливую жизнь человечество помнит и выделяет из своей среды людей, которые выдвигают дальнейшие и показывают миру пути в грядущее. И пусть кажутся их идеалы неосуществимыми для современников. Последующие поколения убеждаются в том, что за много веков до них в мире уже жили люди, которые предвидели завтрашний светлый день. И поэтому, не забывая и не умаляя труда и страданий миллионов людей, творивших до нас историю, мы с особой благодарностью вспоминаем имена великих мыслителей, поэтов, художников, ученых, зодчих, предвосхитивших звездные часы человечества.

Низами является одним из таких титанов, вошедших в историю нашего народа и всех народов мира. Он воплотил в своем творчестве самые заветные мечты, думы и чаяния передовых людей своего времени,

создав утопический прообраз счастливого общества, в котором нет ни классов, ни раздоров, где господствуют всеобщее равенство, счастье и братство, где люди умирают не от болезней, а только в силу естественного хода времени, прожив долгую и счастливую жизнь.

Творчество Низами предопределило характер дальнейшего развития литературы не только Азербайджана, но и многих других народов Ближнего и Среднего Востока, создавших свою письменную культуру на тюркских, персидском, урду и других языках. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что на протяжении восьми столетий творения Низами воспринимались поэтами, писателями, мыслителями, художниками как произведения современные, как живые соучастники художественного творчества разных эпох. «Пятерица» Низами стала эталоном истинно высокой поэзии, мерилом подлинной художественности. Все выдающиеся поэты последующих эпох, пытаясь доказать свое мастерство и желая получить «входной билет» в храм искусства, вынуждены были писать пятерицы или отдельные поэмы на темы Низами. История литератур Востока насчитывает сотни таких поэтов и пятерниц, написанных поэтами разных народов на темы Низами.

Прошлые поколения прекрасно сознавали величие Низами, его выдающуюся роль в этическом, эстетическом и художественном формировании человека. Бессмертные образы Ширин, Лейли, Фархада, Меджнун и других героев Низами составляют неотъемлемую часть, мощный пласт духовной культуры человечества. Однако, несмотря на это, наука в прошлом сделала не так уж много для изучения и тщательного анализа творчества Низами. Лишь после установления Советской власти в Азербайджане началось подлинное исследование и популяризация богатейшего наследия поэта. Труды Е. Э. Бертельса, З. М. Бунятова, Г. М. Араслы, А. А. Ализаде, А. Е. Крымского, И. Ю. Крачковского, М. Рафили, А. Н. Болдырева и других советских ученых щедро пролили свет на эпоху, жизнь и творчество Низами. Однако при всем внушительном объеме работы, проделанной советскими учеными, проблемы восстановления подлинного, очищенного от последующих наслоений и переработок текста, полного филологического и художественного переводов на азербайджанский и русский языки, поэтического анализа его произведений, тщательного разбора социально-политических, этических и эстетических взглядов Низами до сих пор остаются полностью не решенными. Исходя именно из этого обстоятельства, ЦК Компартии нашей

республики в январе 1979 г. принял специальное решение об улучшении изучения, издания и популяризации литературного наследия великого азербайджанского поэта и мыслителя.

Чтобы понять и осмыслить в полной мере идейное богатство, значение того или иного литературного шедевра, необходимо знать историю его создания, причины, побудившие художника обратиться к данной теме. Это вдвойне справедливо, когда мы говорим о поэме «Хосров и Ширин», ибо история ее создания и образ прекрасной Ширин неразрывно переплелись с собственной судьбой Низами. Именно это обстоятельство обусловило предельную искренность повествования, его проникновенный лиризм. Можно без преувеличения сказать, что вся поэма написана кровью сердца, она волнует сегодня читателя так же, как много веков назад волновала современников Низами.

Обратимся к истории создания поэмы. Известно, что Низами, наряду со своей бессмертной «Пятерницей», создал также целый Диван прекрасных лирических стихов — газелей, касыд, рубай. К сожалению, из этого Дивана до нас дошли лишь отдельные произведения. В лирике поэта важное место занимали касыды — довольно большие по объему стихотворцы того времени посвящали касыды восхвалению несуществующих стихотворений, в основном дидактического характера. Если придворные стихотворцы и щедрости шахов и эмиров, то Низами в касыдах излагал свои воззрения о лучшем переустройстве мира, призывал правителей блюсти справедливость, не попираť интересы своих подданных, заботиться о благе государства, всего народа.

Случилось так, что одну из своих поучительных касыд поэт посвятил правителю Дербенда — Дарию ал-Малик ал-адил Музаффару, сыну Мухаммеда, сына Халифа (правил, примерно, с 1155 по 1170 г.).

По стечению обстоятельств в это же время ему был преподнесен другой подарок — юная красавица-тюрокка из племени кыпчаков по имени Аппаг («белая», «беленькая», в арабской передаче — Афак, ибо в арабском языке нет звука «п»). Точно не известно, кто подарил невольницу Дербендскому правителю. Возможно, это были его грузинские родственники, в войсках которых насчитывалось много кыпчакских

наемных отрядов, а может быть, она вместе с семьей попала в плен во время частых военных стычек с кыпчаками, населявшими в то время огромную территорию от устья Волги до Черного моря. Дарий Музаффар, соблазненный красотой юной пленницы, захотел украсить ею свой гарем. Но свободолюбивая, гордая и целомудренная Афак не покорилась воле правителя Дербенда. Видимо, ни уговоры, ни подарки, ни угрозы не смогли сломить волю Афак, ибо, как мы читаем у Низами, она основательно «наказала» своего господина, «надрала ему уши». Тогда Музаффар, вероятно, и решил подарить ее поэту в качестве своеобразного «господара» за касыду. Не исключено, что при этом он хотел, с одной стороны, посмеяться над поэтом за его слишком навязчивые поучения, всучив ему драчливую рабыню, чтобы она и ему расцарапала лицо, а с другой стороны, унижить Афак, подарив ее бедному поэту и лишив, таким образом, дорогих нарядов и изысканных яств. Однако Дарий Музаффар, сам того не желая, оказал Низами огромную услугу: он осчастливил поэта, который в честь любимой Афак впоследствии создал непревзойденную поэму, по праву входящую в золотой фонд мировой литературы.

Это событие произошло в 1170 г. После встречи с Афак тридцатилетний поэт впервые в жизни испытал подлинное чувство привязанности, познал настоящую любовь. Низами ввел Афак в свой дом не как невольницу и рабыню, а как законную и почитаемую жену.

Афак сыграла значительную роль в жизни и творчестве Низами. Как говорилось выше, она была родом из кыпчаков, одной из крупнейших тюркских народностей, которых на Руси звали половцами. Арабские путешественники Ибн-Фадлан (921 г.) и Ибн-Батута (30-е годы XIV в.) отмечали их красоту, изящество, свободолюбивый характер, чувство собственного достоинства. Даже два века спустя после принятия ислама кыпчакские женщины, как и большинство тюркских женщин, ходили без покрывала, с открытым лицом, что немало смущало правоверных мусульманских путешественников.

Описывая Афак, воспевая ее красоту, изящество, расторопность, преданность, поэт неоднократно подчеркивал ее целомудрие и независимый нрав. Афак не была образованна, не знала ни персидского, ни арабского языков, не была искушена в литературе, но зато, как упоминает поэт, она обладала необычайной внутренней культурой, прекрасно знала народные сказания и песни, героические легенды своего народа. Рас-

сказы Афак об обычаях и нравах своих соплеменников позднее нашли отражение в поэмах Низами. Афак, сыграв заметную роль в судьбе поэта, помогла ему создать впоследствии образ Ширин, способствовала становлению в душе поэта учения о возвышенной любви, гармоничных взаимоотношениях между женщиной и мужчиной.

В 1174 г. у Низами родился сын, которого он назвал Мухаммедом. Эти годы были самой счастливой порой в жизни поэта. В этот период он нашел себя как художник, сложились его общественные идеалы, этические и эстетические воззрения. Продолжая писать газели и правоучительные касиды, в которых он проповедовал благородные гуманистические идеи служения обществу, Низами решил изложить свое учение в законченном крупном произведении. Примерно в первой половине 1177 г. он приступает к созданию своей первой поэмы «Махзан ал-Асрар» («Сокровищница тайн»), в которой впервые изложил в дидактическом ключе на фоне большого художественно-иллюстративного материала свои сокровенные раздумья о человеческой судьбе, жизни и смерти, цели бытия, справедливом переустройстве общества, избил тиранов и власть имущих, призвал к искоренению насилия, гнета, воспел труд простого человека как одну из высших добродетелей.

«Сокровищница тайн» имела огромный успех и вызвала к жизни множество подражаний. Но, несмотря на это, жизнь Низами после этого мало изменилась. Правда, Бахрам-шах, правитель Эрзинджана, которому была посвящена поэма, сказал: «Если бы было возможно, то целые казначейства и сокровищницы послал бы я в награду и дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам». Однако судя по тому, что дальнейшая жизнь поэта прошла в лишениях и нужде, он не получил обещанных даров. Но как бы то ни было, 70-е годы были самой счастливой порой в жизни поэта — это был период его творческого взлета, возмужания таланта, пора личного счастья и семейного благополучия. Однако счастье это продолжалось недолго. Через четыре года, в 1178 г. умерла Афак, оставив в память о себе малолетнего Мухаммеда. Смерть ее потрясла Низами. Описывая гибель героини в поэме «Хосров и Ширин», поэт с такой душевной мукой вспоминает Афак, что эти строки до сих пор нельзя читать без волнения.

После смерти Афак поэт долго не мог обрести душевный покой, эта рана так и не зажила до самой смерти. В своей лебединой песне —

второй части «Искендер-наме» поэт вспоминает ее так, словно совсем недавно расстался с ней:

Ее лик спешил саму луну (т. е. луна была
пешкой перед ее красотой),
Она коном целомудрия объявляла мат многим шахам,
Она была благодатной розой, чьей пищей стала моя кровь,
В мире не было у нее мужчин, кроме меня.
Она была светочем моих глаз,
От моих глаз ее удалил дурной глаз.
Похититель — колесо небосвода так ее похитило, что
Ты бы сказал: Ее вовсе не было, но она же была.
За ту радость, которую она дарила мне,
Что мне сказать? — Да будет доволен ею господь.

(Подстрочный перевод)

После смерти Афак Низами после долгих и мучительных раздумий решил увековечить ее образ в поэзии. Об этом он прямо говорит в заключении книги, в главе, которая называется «Смысл сказа о Хосрове и Ширин»:

Вняв сказу этому, пролей потоки слез,
Омой мою Ширин водой из горьких роз.
Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилой.
Кыпчакский мой кумир! Мой нежный хрупкий злат!
Погибла, как Ширин, и ты моя Афак!
Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.
Ее фата была, как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех.
Всем недоступная и всех прекрасных строже
Она стелила мне супружеское ложе...

И вот как раз в это время атабек Джахан-Пахлаван самолично заказал поэту написать в его честь поэму о любви, обещая достойным образом вознаградить его:

Ковать обязан ты, дохнул из горна пламень.
Для твоего ключа железо отдал камень, —
Так приказал мне тот, кто правил миром, —

Ты в этот мир пусти великую любовь!..
Ты бирюзу вправляй в наш перстень, мы
ведь ради
Все Соломоновы тебе отверзнуть клады.»

Заказ, видимо, пришелся Низами по вкусу прежде всего тем, что он полностью совпадал с творческими планами самого поэта. Тема будущей поэмы была полностью предоставлена на усмотрение самого Низами, что его очень обрадовало: он был свободен в выборе сюжета. Другая причина, побудившая поэта взяться за незнакомый ему жанр, была обусловлена новыми эстетическими запросами эпохи. Время дидактического жанра и громоздких эпосов было позади. Хотя значение «Шахнаме» Фирдоуси для культурной жизни народов Ближнего и Среднего Востока было очень велико, многие художники слова уже ясно сознавали, что исторические условия, вызвавшие к жизни «Книгу царей», отошли в прошлое. Вместе с тем Низами понимал, что дидактический метод, использованный им в «Сокровищнице тайн» для проповеди своих социальных, политических, этических и эстетических воззрений, не всесилен. Поэт постиг ту истину, что с помощью одних только сентенций, увещаний, проповедей, в какую бы совершенную форму они ни были облачены, донести до людских сердец свои идеи ему не удастся, что настало время воздействовать на людей не через их разум, а через их чувства. В одной из вступительных глав к «Хосров и Ширин» он пишет:

«Сокровищницу тайн» создать я был во власти,
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к страницам о страстях.

Иными словами, во времена поэта читателям нравились любовные романы, и Низами решил идти в ногу со временем. Он задумал создать качественно новый тип поэмы и поставил перед собой задачу: сделать героем своих произведений отдельную личность, раскрыть с помощью

поэтических средств художественного выражения внутренний мир человека во всей его противоречивости, показать столкновение разума с влечениями души.

Выражаясь словами поэта, он решил «замесить страсть со сладостной приправой для всех отравленных любовною отравой» и «с такой страстностью явить страсть, чтобы все пристрастившиеся к страсти припали к его стихам».

Чтобы претворить в жизнь свой замысел — увековечить память о прекрасной Афак — и одновременно выполнить заказ атамана, летом 1180 года поэт приступил к созданию поэмы «Хосров и Ширин».

Желая сделать главной героиней своего романа женщину, поэт избрал широко известную на Ближнем и Среднем Востоке легенду о Ширин и Хосрове. Сюжет этой легенды во всех отношениях отвечал новой творческой установке Низами и в то же время давал возможность создать образ идеальной женщины, воспеть всепобеждающую, возвышенную любовь.

Чтобы осуществить свою задачу, Низами должен был преодолеть два препятствия: во-первых, оправдать то, что героями его поэмы являются не мусульмане, а домусульманские огнепоклонники, что он собирался «обратить в райский сад капище огня». «Воскрешать образы огнепоклонников» с точки зрения ортодоксального ислама было кощунством. Поэтому Низами, чтобы обезопасить себя от обвинений в ереси, написал специальную главу «В оправдание этой книги». Тем не менее, опасения поэта сразу же оправдались — обвинения посыпались на него, едва он приступил к сочинению. Друг примчался к нему и начал обвинять его в том, что он «на бронзу наводит позолоту», что он «воздвигает Каабу над идолами». Это обстоятельство наложило свой отпечаток на композицию и сюжет поэмы. Низами впоследствии пишет специальные главы: «Хосров видит пророка Мухаммеда во сне», «Пророк пишет письмо Хосрову», «Вознесение пророка», «Осуждение завистников» и другие, не укладывающиеся в рамки логического развития сюжета.

Во-вторых, Низами необходимо как-то смягчить кривотолки о том, что главным действующим лицом своего романа он сделал женщину. Как известно, в мусульманском мире в средние века женщина была лишена почти всех прав, она рассматривалась лишь как средство для продолжения рода. Однако среди тюрков женщины (даже спустя долгое время после принятия ими ислама) пользовались известной сво-

До сих пор исследователи не обращали внимания на то, что Саксия — Сакашена (арм. Шакашена) — это старая форма названия города Шакки (не путать с современным Шеки!), который находился на месте нынешнего Сисиана. Кызыл-Арслан ехал в Гянджу из Нахичевани — второй столицы Азербайджана, и путь этот проходил через Сакасену (Шакки). Таким образом, поэт выехал из Гянджи, ехал равниной до Тертера, а оттуда до Агдама, Шуши и далее в Шакки.

Атабек принял поэта весьма приветливо и с большим почтением. Из рассказа его не ясно только, присутствовал ли на приеме султан Тогрул III.

Когда прибыл Низами, атабек веселился на пиру: узкоглазые певицы-тюрокчанки, облаченные в шелка, играли на чанге и руде и исполняли как раз газели Низами. Виночерпни подносили шаху чашу за чашей, «он пил, а напивались его враги». Когда ввели поэта, атабек из уважения «к воздержанности поэта, а не к его чалме», приказал музыкантам и певцам смолкнуть, убрать со стола вино, и, положив свою руку ему на плечо, усадил поэта рядом с собой. Низами пригласил своего декламатора (рави), который прочел касыду, сложенную поэтом в честь Кызыл-Арслана. Затем они долго беседовали, и поэт преподавал шаху «добрые советы и наставления, подобающие царям». В конце беседы атабек, похвалив поэму «Хосров и Ширин», сказал:

И на мне и на моем брате

Лежал долг обеспечить тебя пропитанием, словно
материнским молоком.

Брат, который был царем царей мира,

Миру был царем и богатырем,

За ту книгу, над которой ты трудился годы,

Что дал тебе в награду из самоцветов и сокровищ?

Слышал я, что вытянул он жребий на избавление тебя
[от нужды],

Записал на тебя две деревни из своих личных имений.

Что ты скажешь, дали тебе те деревни или нет?

Ярлык на деревню послали или нет?

Из этих вопросов Низами понял, что покойный Джахан-Пахлаван взамен обещанных «китайских шелков, гуламов, рабынь, коней с цар-

ственным убором» выделил ему две деревни, однако чиновники не исполнили воли своего государя. Он дипломатично ответил, что смерть атабека помешала исполнению его воли. Тогда Кызыл-Арслан велел отписать поэту одну из своих захудалых деревень под названием «Хамдуния». Как выяснилось потом, Хамдуния представлял собой жалкую развалину, тесную, словно печь, длинной и широкой в полфарсанга, далеко на границе с Грузией. Деревня эта не только не приносила дохода, но требовала больших затрат. Насчет этого «царского дара» впоследствии немало злорадовывали завистники поэта.

В 1187 г. поэт, побуждаемый, видимо, чисто житейскими соображениями, женился второй раз. Брак этот оказался несчастлив, и вскоре, в 1188 г., жена, имени которой поэт не упоминает, скончалась. Впоследствии он женился еще раз, однако и третья его жена долго не жила и умерла в 1199 г., не оставив, по-видимому, о себе особой памяти у поэта.

Низами принадлежал к категории тех художников, между словами и делами которых не было расхождения. Он придерживался тех нравственных принципов, которые проповедовал в своих произведениях. Так, в то время «уважающие себя», «солидные» мужчины имели, как правило, одновременно четырех жен. Низами не одобрял этого обычая и открыто выступал против многоженства:

Одной только напарницы тебе достаточно,

Ибо муж, у которого много жен, одинок.

Потому-то изменчивым и стало время,

Что у него семь отцов и четыре матери.

Для создания в поэме идеального женского образа, воплощающего одновременно целомудрие и нежность, ум и красоту, доброту и преданность, одним словом, все существующие добродетели, Низами долго искал достойный прототип в древней истории. До Низами в литературе арабов и иранцев были созданы прекрасные женские образы — Лейли в арабской легенде, Судабе, Фиррангиз и Майнже в «Шах-наме» Фирдоуси, Азра в поэме Уисур. Однако ни один из этих женских образов не отвечал требованиям Низами как по характеру, так и по тому, что они уже были разработаны в предшествующей поэзии.

Наконец он остановил свой выбор на Ширин, одной из жен знамени.

того иранского царя Хосрова Парвиза. Жизнь и деяния Хосрова Парвиза и его любимой жены Ширин описаны в «Шах-наме» Фирдоуси, однако там образы их очерчены лишь приблизительно, не отображены их внутренний мир, психология, они не обобщены, не типизированы. Такой исторический прообраз Афак, как Ширин, во всех отношениях устраивал поэта, во-первых, потому, что давал возможность воплотить в нем самые идеальные черты, а во-вторых, тем, что тема эта не была подробно разработана в предшествующей литературе.

Хосров и Ширин — реальные исторические лица, но их судьбы, облик дошли до Низами измененными до неузнаваемости, приукрашенными легендами и народными сказаниями. Хосров Парвиз (буквально «Царь победитель») был одним из выдающихся царей династии Сасанидов, господствовавших начиная с 224 г. вплоть до завоевания Ирана арабами в 650 г.

Жизнь и деяния Хосрова впервые стали предметом художественной литературы в творчестве Фирдоуси. В своей эпопее «Книга царей» он воспел на основе прозаической «Летописи царей» царствование Хосрова и его возлюбленной, супруги Ширин. Основные вехи деяний и жизни Хосрова, описанные Фирдоуси, почти полностью совпадают с сообщениями византийских и восточных летописей. И это понятно, ибо великий поэт ставил своей целью правдиво, на основе проверенных традиций и «Летописи царей» воссоздать историю иранских царей, а попутно ввел в ткань своего повествования персонажи, сыгравшие определенную роль в жизни тех или иных шахов.

Низами же преследовал совершенно иную художественную задачу. Он не только обрабатывал исторические хроники и их интерпретации, но и широко привлекал при работе над поэмой легенды и сказания, созданные творческой фантазией народа. Он дал гораздо большую волю и своему художественному вымыслу, что позволило ему ввести в свою поэму персонажи и события, которые не происходили в действительности, но которые не противоречили логике изображения жизни тех времен.

Если Фирдоуси излагал жизнеописание Хосрова, уделяя основное место его походжениям, сражениям, богатству, дипломатической деятельности, подробно описывая великолепие его выездов, строительство дворцов и т. д., то Низами стремился в основном изобразить движения души Хосрова, Ширин и Фархада, создать образы, раскрывающие типичные

свойства человеческих характеров. Он вложил в свою поэму весь жар своей души, вдохновения, таланта. В поэме, содержащей более двенадцати тысяч стихов, он не только воспел драму жизни Ширин, Фархада и Хосрова, но и поделился с читателями своими сокровенными мыслями о лучшем мироустройстве, воспитании чувств, внутреннем долге человека.

В «Хосрове и Ширин», как и в последующих своих произведениях, Низами объединил особенности лирического и эпического жанров, слепил единое целое лирические медитации и широкомасштабное повествование. При этом доминирующим началом все же является эпическое, ибо изображение исторической действительности осуществляется поэтом в законченных характерах и сюжетах, действительно реальных, ярких образах. Эта двуплановость позволяет отнести произведение Низами скорее к типу так называемых «романов в стихах», чем к поэме. Классическим образцом такого романа в стихах является «Хосров и Ширин».

Поэма начинается нетрадиционно: вместо славословий, с которых обычно начиналось любое произведение, поэт обращается с мольбой к богу, чтобы тот «показал Низами путь к истине»:

Ты помыслим дурным ставь предо мной предел
И отведи меня от недостойных дел.
Ты в глубь души моей своим проникни светом.
Позволь моим словам благим служить заветам...

Во вступлении поэт специально подчеркивает, что главным героем его произведения является Ширин (Сладостная). Далее следует глава «Восхваление бога», которая тоже представляет значительный интерес, ибо в ней поэт не просто славословит Аллаху, но излагает свои суждения об Абсолюте, свое богопонимание. Эти суждения резко отличаются как от ортодоксальных исламских представлений о творце, так и от многочисленных теософских течений того времени.

Последующий раздел «В разъяснение прямого постижения и познания разумом» не был необходим с точки зрения традиционного построения книги. Он, видимо, написан поэтом специально для того, чтобы обосновать то, что в произведении будут фигурировать идолы, храмы огня и т. д. Доказывая единство Аллаха и его абсолютность доводами чистого разума и при помощи логики, поэт хочет сказать, что нет ничего предосудительного в речах об идолах, храме огня, зуннаре (поясе, ко-

торый носили христиане и зороастрийцы), ибо все люди — творения бога и созданы им, ведь даже пророк Ибраһим (библейский Авраам) вырос в семье Азера, который изготавливал идола и поклонялся им. Поэт пишет:

Пусть блещут идолов прельщающих огни,
Но не себе поют хваления они.
Они вращаются, свои вращая очи,
Чтоб отыскать того, кто вызвал их из ночи.

За этой главой снова следует «Мольба о прощении», в которой развивается предыдущая тема, но в несколько ином ключе. Поэт говорит о том, что он, может быть, ошибается в своих суждениях, но что его утешают милость, великодушие, всепрощение бога:

Я правой веры друг иль идолов искатель, —
Каков бы ни был я, прости меня создатель.

Далее, согласно литературным канонам, следует восхваление «великого пророка». Следует отметить, что против обыкновения этот раздел занимает незначительное место — он содержит всего 23 двустушия. Для сравнения укажем на аналогичный раздел, помещенный в «Сокровищнице тайн», который включает целых пять (!) восхвалений пророка. Это отклонение от канона, по-видимому, было замечено читателями из числа знати и об этом было указано поэту. Только этим можно объяснить, что во время второй и третьей редакций книги были написаны специальные главы, восхваляющие пророка и описывающие его миссию (вознесение к Богу). Эти главы включены в конец книги, что было в те времена не принято. В разделе «О том, что предшествовало написанию книги», на который мы уже ссылались выше, поэт излагает обстоятельства, при которых атабек Джахан-Пахлаван Ил-Дениз попросил его написать книгу «о великой любви». Некоторые биографы Низами почему-то считают, что заказчиком поэмы был иракский султан Тогрул II. Так, Г. Ю. Алиев по этому поводу пишет: «Во вступительной части поэмы «Хосров и Ширин» есть глава, посвященная восхвалению правителя Ирака Сельджукида Тогрула II (1174—1194), в которой поэт говорит:

Так повелел царь царей мира:
Новую любовь заставь подняться на путях мира.

Из дальнейшего изложения мы узнаем, что султан Ирака, обещав Низами награду, предложил ему написать поэму, основной темой которой была бы любовь. Вскоре поэма была закончена»¹.

Это утверждение, по нашему мнению, не соответствует действительности. Прежде всего, Тогрул II не мог заказать поэту поэмы, ибо он правил иракским султанатом всего три года — с 1132 по 1135 г.² Речь может идти лишь о Тогруле III, который был султаном Ирака с 1176 по 1194 год.

Как установлено, султан Тогрул III был сводным племянником Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана. После смерти Тогрула II, в 1135 г. атабек Шамс ад-Дин Ил-Дениз женился на его вдове Момин-хатун. От Тогрула у нее был сын Арслан-шах, а от атабека Шамс ад-Дина два сына — Джахан-Пахлаван и Кызыл-Арслан. Шамс ад-Дин Ил-Дениз, в руках которого была сосредоточена власть иракского султана, в 1161 г. объявил своего свободного брата номинальным султаном. После смерти Арслан-шаха Джахан-Пахлаван, вершитель судеб иракского султаната, опять-таки ради формальности, в 1176 г. «посадил на трон султана семилетнего сына Арслан-шаха Тогрула III, став одновременно его атабеком»³. Малолетний Тогрул III был игрушкой в руках своих дядей — Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана и лишь номинально считался султаном. Подлинным же властителем в интересующий нас период был атабек Джахан-Пахлаван. Говоря «царь царей» — «шаханшах», Низами имел в виду именно атабека, ибо он и в дальнейших главах, обращаясь к нему, величает его подобным титулом. Это ясно видно и из последующих глав, посвященных Тогрулу III, Джахан-Пахлавану и Кызыл-Арслану. В славословии, посвященном Тогрулу III, Низами называет его «султаном», «шахом», а в главе «В восхваление атабека, великого Шамс ад-Дина Абу Джафара Мухаммеда ибн-Ил-Дениза» говорится в обращении: «Шаханшах» — «царь царей»:

¹ Г. Ю. Алиев. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960, с. 59.

² З. М. Бунятов. Государство атабеков Азербайджана. Баку, «Элм», 1978, с. 238.

³ З. М. Бунятов. Там же, с. 68.

Имя царя царей я сделал чеканкой этого
письма.

Он — глава и глава всех шахов и шах всех горизонтов...

Согласно традиции, во времена поэта посвящение верховному правителю состояло из двух частей. Первая часть называлась «В восхваление» (такого-то царя или султана), а вторая часть — «Обращение во время целования земли» (Хитаб-е эзминбус). В «Хосрове и Ширин» лишь посвящение атабеку состоит из указанных двух частей. Таким образом, нет никакого сомнения в том, что заказчиком поэмы был атабек Джамал-Пахлаван, которому поэт и посвятил свое произведение. Третье «Восхваление» посвящено брату атабека Музаффар ад-Дину Кызыл-Арслану. Все эти посвящения представляют большой интерес с точки зрения конкретной информации, заключенной в них, ибо поэт не только восхваляет султана и атабеков, но и приводит массу неизвестных или малоизвестных фактов о внешней политике современных ему правителей, об их походах и завоеваниях, о своих взаимоотношениях с ними, о своем положении и т. д. Сведения, заключенные в этих главах, до сих пор еще не становились объектом подробного исследования.

Для иллюстрации насыщенности «восхвалений» разнообразной информацией ограничимся двумя примерами. Так, в главе «В восхваление шаха Музаффар ад-Дина Кызыл-Арслана» имеются такие строки:

От сближения никаких звезд людям века
Не наступит конец, если правитель не тиран.
Затемнения светил нечего бояться нам,
Если властитель справедлив, а судья — правосуден.

Здесь поэт, развенчивая одно из знаменитых астрономических предсказаний, попутно излагает свои мысли о справедливом правителе. Дело в том, что в середине семидесятых годов XII в. группа хорасанских астрологов, в том числе и знаменитый поэт-панегирист Анвари, предсказали, что в результате сближения «несчастливых звезд» в сентябре 1186 г. произойдет страшная катастрофа — буря уничтожит все, что есть на поверхности земли. Всех охватила паника, долгое время и власть имущие жили в страхе. Некоторые правители даже приготовили для себя подземные убежища. Низами на какое-то время тоже поверил в пред-

сказание астрологов, среди которых были знаменитые ученые и поэты. Он даже посвятил одну из «бесед» «Сокровищницы тайн» наступлению конца мира и призывал властителей образумиться, не творить насилия хотя бы в течение оставшегося срока. В дальнейшем, однако, поэт отказался от своей веры в конец мира и даже высмеял звездочетов.

В приведенном отрывке поэт утверждает, что никогда никакое стихийное бедствие не сможет погубить род людской, все бедствия, существующие на земле, являются порождением тирании и деспотизма.

Вторым примером могут служить известные строки из главы «В похвалу Тогрул-Арслану»:

Пусть скажет султан атабеку: «О владетель мира,
Низами и в то же время сотни упущений?!
Разве не наступило время, чтобы приласкать его,
Чтобы устроить дела этому лишенному благополучия...
Ты (всяким) сити и мехсити за газели
За одну ночь даруешь сто сокровищ, и это стало
уже поговоркой.
Если его гумно откроется от наших щедрот,
То, клянусь Аллахом, ни на йоту не убавится
наше богатство.

Смысл этих строк легко понять, если вспомнить обычай придворной жизни атабеков. Обращаясь к одиннадцатилетнему султану Тогрулу III, Низами просит у него заступничества перед атабеком Мухаммедом Джамал-Пахлаваном и хочет сказать, что не подобает правителю проявлять невнимательность по отношению к такому достойному поэту, как Низами.

Атабеки, как и все цари и правители того времени, держали при дворе специальный штат певцов и танцовщиц. Звали их «сити» (сокращен. от арабского «сейидати» — «госпожа», не без отрицательного, презрительного оттенка), а главную среди этих певцов и танцовщиц — мехсити («старшая госпожа»). Эти сити и мехсити вечерами услаждали слух своих хозяев веселыми песнями, а их взоры — искусными танцами, пели сладострастные газели, которые зачастую отличались весьма игривым, эротическим и гедоническим содержанием. «Труд» этих сити

оплачивался весьма щедро. Намекая на данное обстоятельство, поэт жалуется на то, что атабек Джахан-Пахлаван каждую ночь всяким придворным певцам за их стихи дарует целые сокровища; а такому мастеру слова, как Низами, не уделяет внимания.

После всех указанных посвящений следует глава, в которой Низами излагает свои творческие принципы, взгляды на поэтическое слово. Называется эта глава «О проникновении в сущность сей книги». Обращаясь к своим современникам — придворным поэтам, изводившим «рынок слов» своими низкопробными виршами, поэт призывает их остановиться, не умалять достоинство слова, которое является первым божьим творением и должно служить источником мудрости, глубоких мыслей, доставлять людям подлинное духовное наслаждение:

Не сложно написать слова свои на стих,
Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них...

Немного говори, дай речи удил,
Знай: изобилие слов есть изобилие зла...

В словах — душа. Душа на все возьмет права.
Твоя бесценна жизнь, — бесценны и слова.

Низами произносит приговор всей современной придворной поэзии: «лживой», «продажной», «блестящей снаружи и гнилой внутри»:

Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай,
Взгляни: они продать за хлеб готовы душу.

Прежде чем приступить к созданию поэмы, поэт долго размышлял над смыслом поэтического творчества, прислушивался к «потасниным словам» своего сердца:

В уединении, в котором сердце — море,
Быют все источники, с душой твоей не споря...

Хоть все вмещать в слова живущим и дано,
И может в их ключе все быть заключено, —

Но если отражать в них истину мы можем,
То небылицы мы с их помощью не множим.

Провозглашение в этих строках творческие принципы Низами успешно претворял в жизнь. Он создал четыре поэмы (романа в стихах), изобразив в них совершенно разные социальные среды, эпохи, на фоне которых художественно полноценно раскрыл характеры своих героев со всеми их внутренними противоречиями. Исходя из этого, с точки зрения принципов отражения жизни, можно считать Низами художником-реалистом.

Низами отчетливо осознавал внутренние закономерности развития изображаемых им характеров и, описывая коллизии чувств, переживания и поступки своих героев, всегда исходил из этих закономерностей. Поэт никогда не отступал от художественной правды во имя каких-то отвлеченных, абстрактных идей и тенденций, в угоду каким-либо политическим или иным соображениям, продиктованным временем.

Низами придал образам своих героев такую жизненность, достоверность, что они до сих пор предстают перед нами как живые реальные люди из плоти и крови. Не удивительно поэтому, что образы Низами воспринимались также читателями и во все последующие эпохи, ибо поэт стремился создать образы, характеры с такими чертами и свойствами, которые присущи человеческому роду вообще, людям всех времен.

В указанной главе Низами рассказывает читателям еще об одной стороне своего творчества. Сказание о Хосрове и Ширин, говорит поэт, было всем известно, и более сладостную повесть трудно придумать. Но лик этой отрадной повести был скрыт под покровом неизвестности. «Беловая рукопись» сказания отсутствовала, а черновик находился в тайниках у старцев города Берды (Барды).

Эти старцы будто бы уговорили поэта обратиться к легенде о Ширин:

...И списки не были известны: И Берда
Таила этот сказ немалые года:
И в книге древних дней, мне некогда врученной,
В той местности, сей сказ прочел я, восхитенный.
И старцы, жившие поблизости, меня
Ввели в старинный сказ, исполненный огня.

Как явствует из этих строк, в основу своего романа Низами положил не исторические хроники, «Летописи царей», как это сделал Фир-

доуси, а обработанную народным творчеством легенду, запись которой хранилась у старцев г. Берды. Если даже принять за поэтический вымысел существование записи легенды о Хосрове и Шири, несомненно, что сформировавшееся народное сказание о легендарной любви Шири к Хосрову послужило основой для поэмы Низами. Поэт приводит далее ряд аргументов, доказывающих правдивость сказания, в частности ссылается на изображение Шебдиза — коня Хосрова на скалах Бисутуна, на «канал, прорытый Фархадом» и т. д.

И как же правдою всю правду нам не счесть?
Есть письма о ней, и памятки есть:
И очертания Шебдиза в сердцеvine
Скалы, и Бисутун, и замок в Медаине,
Безводное русло, что выдолбил Фархад...

В этих строках поэт говорит о барельефах на скалах примерно в 10 километрах к северо-востоку от г. Кирманшаха. Так как это место находилось неподалеку от одной из древних оживленных дорог, ведущих из северной Месопотамии в Иран, оно было легко доступно путешественникам, с рассказами которых Низами мог быть знаком.

Далее Низами отмечает, что сказание о Хосрове и Шири впервые было воплощено в поэтической форме в «Шах-наме» Фирдоуси. Однако последний ставил перед собой лишь такую художественную задачу, как воссоздание жизни и деяний царя Хосрова. Низами же преследовал совершенно другую цель — героиней его поэмы стала любовь, воплощенная в образе благородной Шири. Низами так характеризует повесть Фирдоуси о Хосрове и Шири:

Мудрец сказал о них, но не дал он рассказу
К сказанию о любви приблизиться ни разу...
Тогда достигнул он шестидесяти лет
И от стрелы любви уже забыл он след.
О том, как сладких стрел неистова отвага,
Повествовать в стихах он счесть не мог за благо.
К рассказу мудреца не тронулся я внять.
Уже звучавших слов не должно повторять.
Я молвлю о делах, опущенных великим,
Велениям любви внимай многоликим.

После этого поэт переходит к изложению своей концепции любви, которая нашла свое отражение во всех поэмах «Пятерницы». Надо сказать, что любовь давно, начиная с VII в., служила темой философских трудов многих мусульманских авторов — арабского писателя ал-Джахи-за (776—868), философов ал-Кинди (801—866), ал-Фараби (874—950), Мухаммеда ибн-Закария Рази (865—925), Абу Али ибн-Сины (980—1037), членов общества «Братья по чистоте» (Ихван ас-Сафа), Мухаммеда Газали (1057—1111) и других, посвятивших исследованию любви специальные трактаты или разделы в своих философских трудах¹.

Суждения мусульманских философов о любви нашли свое наиболее законченное завершение в «Трактате о любви» Абу Али ибн-Сины, где рассматриваются и классифицируются различные виды любви, начиная от животной плотской страсти и кончая любовью возвышенной (божественной).

Официальные теоретики ислама впоследствии многое заимствовали из учений о любви этих философов, которые долгое время считались «опасными», одиозными фигурами. Так, знаменитый мусульманский теолог, имам Мухаммед Газали в своем фундаментальном труде «Возрождение религиозных наук» уделит значительное место учению о любви. Он считал, что существуют пять разновидностей этого чувства, в том числе «любовь к тому, с кем у него есть скрытая внутренняя гармония».

Низами, разумеется, был в курсе всех этих учений о любви. Его взгляды на любовь, сложившиеся впоследствии в стройную теорию, возникли не на пустом месте. Творчески осмыслив и восприняв суждения античных и мусульманских философов, он создал в своих поэмах собственную гармоничную концепцию любви.

Любовь — душа души, она заключена во всех субстанциях, и благодаря ей все эти субстанции притягиваются к своему центру. Влаги, образующаяся из паров на небе, благодаря своему тяготению к земле, устремляется вниз, огонь, пылающий в недрах земли, прорвав земную оболочку, устремляется вверх.

Любовь, проникая в сердцевины камня, превращает его в жемчужину, ибо ее основное свойство — облагораживать, очищать. Она делает лучше, добрее, красивее, счастливее все, к чему прикасается. Если

¹ См. С. Б. Серебряков. Трактат Ибн-Сины о любви. Тбилиси, Мецниереба, 1976.

ты живое существо, то должен влюбиться хотя бы в кошку. Те, кто смысл жизни видят в еде и сне, подобны камням, лишенным свойства притяжения.

Любовь по своей природе священна, ибо она порождена всемирной душой, и поэтому влюбленные должны подавлять в себе низменные инстинкты, чтобы достичь духовной гармонии, развития всех сил души. Телесное слияние влюбленного с возлюбленной допустимо лишь тогда, когда разумные силы души достигли полного единства с близкой душой и страстно охвачены силой взаимного притяжения.

Низами своей концепцией любви оказался в одном ряду с таким передовым мыслителем, как Ибн-Сина. Последний в своем учении освободил любящих от необходимости следовать крайнему аскетизму, хотя наивысшую оценку отдает благородной любви, основанной на духовном родстве.

Низами в своем учении также воспекает возвышенную, облагораживающую человека силу земной любви, когда влюбленный обожествляет свою возлюбленную, его чувство к ней подобно любви к божеству. В образах Ширин и Фархада поэт воплотил именно такую любовь. Приведем несколько бейтов, где ярко запечатлены эти мысли:

Всех зовов сладостной любви всевластный зов,
И я одной любви покорствовать готов!..
Все дождь, одна любовь указ беспрекословный,
И в мире все игра, что вне игры любовной...
Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б стократ он был исполнен жизни...
Нет, без любви ничья не прорастают зерна,
Лишь в доме любящих спокойно и просторно...

В образе Ширин Низами воплотил свою идею о том, что любящий человек должен уметь противостоять земным соблазнам, не быть их игрушкой. Подлинно любящий должен стремиться к слиянию гармоничных, настроенных на один лад душ, а не к простому удовлетворению телесных потребностей.

Композиционно поэма «Хосров и Ширин» построена на коллизиях характеров, чувств, событий. Главными героями поэмы являются прекрасная Ширин, царевич (а затем царь) Хосров и искусный ваятель и

каменотес Фархад. Остальные действующие лица, хотя и представляют вполне самостоятельные, законченные образы, но играют вспомогательную роль, их основное назначение — способствовать раскрытию характеров главных героев. Место действия в поэме — средневековый Иран со столицей в Медане и Арран (Азербайджан) со столицей в Берде. Арраном правит могущественная царица Михин-Бану (Великая госпожа):

Нет мужа у нее, но есть почет и власть,
И жить ей весело: ей все на свете власть.
Она — ей от мужчин в отваге нет отличья —
Великой госпожой зовется за величье.

У Михин-Бану есть племянница по имени Ширин (Сладкая).

Она, что гурия! О нет! Она — луна!
Владычица веща укрытая она,
Лик — месяц молодой, и взор прекрасен черный,
Верь: черноокая — источник животворный...

Ширин воспитана в духе обычаев своей родины. Она свободолюбива и независима, прекрасна и нежна, образованна и начитанна, обладает великолепным слухом и слагает стихи, она добросердечна и ласкова, мудра и умна и при том всегда печется о благе тех, кто служит ей; ведь она — наследница трона. Ширин выросла на доне природы, она любит и понимает ее. Вместе с Михин-Бану и девушками из своей свиты она любит бывать в различных живописных местах своего родного края.

Она окружена «роем девушек, явившихся из рая». Они живут и веселятся, и общество их недоступно мужским взорам:

Их ровно семьдесят, прекрасных, как луна,
Ей так покорны все, ей каждая верна.

Ширин внутренне созрела для большой, страстной любви, ради которой она будет способна отказаться от престола, свободы, родных гор и муганских роз. Но она еще не сознает этого.

Так же подробно описывает Низами происхождение Хосрова и годы его юности. Отец его, царь Ирана Ормуз, правил справедливо и разумно. Но он несчастлив, ибо у него не было наследника-сына. После долгих молений и жертвоприношений бог, наконец, даровал ему сына, которого нарекли Хосровом (Кесарем). Царь на радостях издал справедливый закон, который гласил:

«Пасти коней в чужих полях нельзя,
К плодам чужих садов заказана стезя.
Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама» и т. д.

Хосров рос прекрасным и статным юношей. Он превосходил в ловкости, смелости, красноречии своих сверстников. Его благородная внешность, остроумие восхищали всех. Он любил радости жизни, проводил время, веселясь в обществе красивых певиц и музыкантов. Наслаждения и радости жизни он ценил выше интересов государства или каких-либо высоких нравственных идеалов. Поэтому он оказался первым, нарушившим приказ своего отца. Однажды во время охоты он остановился у одного крестьянина и всю ночь веселился в обществе своего певца, а в это время его конь потравил посевы, а его раб срывал виноград в чужом саду. Узнав об этом, царь велел перерезать сухожилия любимому коню Хосрова, раба и трон царевича подарить пострадавшему крестьянину, а музыканту обрезать ногти и оборвать струны его инструмента.

Эта притча нужна была поэту, во-первых, чтобы подчеркнуть легкомыслие, свойственное натуре Хосрова, а во-вторых, чтобы произнести приговор своему времени:

Где ж правосудие здесь великое, как рок?
Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?
Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.
Да, мусульмане мы, а он — язычник был.
Коль то — язычество, в чем мусульманства пыл?

Опозоренный Хосров задумывается о своем образе жизни и глубоко раскаивается:

Он понял: для себя он в прошлом не был другом,
Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.

Однако вскоре после примирения с отцом он забывает обо всем. В сие Хосров видит своего деда Ануширвана Справедливого, который упрекает его и сулит ему в будущем взамен утраченных благ гораздо большие блаженства: золотой престол, любовь прекраснейшей женщины, быстрого коня Шебдиза, сладкогласного певца Барбеда:

Утратив камешки — клад золотой найдешь,
Костяшки потеряв — ты перлов рой найдешь.

В окружении Хосрова был художник по имени Шапур, глубоко постигший тайны живописи. Шапур много путешествовал, побывал в разных странах, в том числе и в Азербайджане. Смысл его жизни заключался в постоянных поисках красоты в людях и в природе. Зная слабость царевича к женской красоте, преклоняясь перед Ширин как перед самым совершенным творением божественного искусства и желая соединить двух молодых людей, Шапур, рассказывая о чудесах мира, поведал Хосрову и о «прекраснейшей женщине в мире», искусно описав ее молодость, душевную красоту и мудрость. Рассказ Шапура производит на Хосрова большое впечатление, его пылкое воображение воспламенено. Хосров велит художнику найти способ познакомить его с Ширин.

Написав несколько портретов Хосрова, Шапур отправляется туда, где Ширин в это время пребывает на лоне природы. Он незаметно подбрасывает ей три раза портреты Хосрова. Увидев портрет Хосрова, Ширин не остается равнодушной к его красоте:

Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
И вот оно в руках! И счастье и страданье!

Семена, брошенные Шапуrom, попадают на благодатную почву. Любовь к Хосрову овладевает всем существом Ширин, становится единственным смыслом ее жизни. После долгих раздумий она решает отправиться на поиски своего счастья. С разрешения царицы Михин-Бану, которая заменила ей мать, Ширин в мужском платье вместе со своими подругами отправляется на охоту. Там она, отделившись от своей свиты, одна на верном коне Шебдизе скачет в столицу Ирана к Хосрову.

Здесь поэт вводит в повествование новый сюжетный ход. В то время, как Ширин стремится к своему избраннику, отрякаясь от престола, власти и даже от Михин-Бану, Хосров тоже мчится в Барду, к Ширин. Но Хосров бежит вовсе не потому, что без Ширин ему не милы власть и блеск придворной жизни. Он вынужден бежать потому, что его враг Бахрам Чубине, стремящийся захватить власть, оклеветал его перед отцом Ормузом. Он, чтобы очернить Хосрова перед царем, отчеканил дирхемы с именем Хосрова и пустил их повсюду в обращение. Естественно, старый шах охвачен тревогой: он решил, что «юный лев хочет захватить престол седого волка». Узнав о том, что ему грозит опасность, Хосров, спасаясь от гнева царя, бежит в Азербайджан, не забыв предварительно попрощаться со своими «мускуснокудырми и месяцеликими» красотками, развлекающими его в его зеленом дворце. Он наказывает им достойно принять Ширин, если она прибудет в его отсутствие. По дороге Хосров и Ширин встречаются, но не узнают друг друга. Это происходит так. Изможденная трудной скачкой, покрытая дорожной пылью, Ширин останавливается у источника в безлюдном месте, чтобы искупаться и отдохнуть. Через некоторое время у того же источника останавливается и обессиленный Хосров, который видит из засады купающуюся Ширин. Поэт с исключительным мастерством, поистине волшебной кистью рисует картину купания Ширин, чувства и переживания Хосрова и Ширин при встрече:

Не роза ль из воды возникла, полускрыясь,
Лазурной пеленой окутана по пояс.
И миндала цветком, отрадное суля,
Была вода. Ширин — орешком миндала.
В воде сверкающей и роза станет краше.
Еще нежней Ширин — в прозрачной водной чаше.

После этой краткой встречи Ширин поспешно мчится дальше. Она приезжает в замок Хосрова в Медании. Луноликие обитательницы зеленого дворца Хосрова при виде красоты Ширин от зависти вынуждены прикусить языки. Жизнь в замке в окружении завистливых куртизанок наводит на Ширин тоску, она просит построить ей замок на лоне природы.

В это время Хосров приезжает в Барду, к Михин-Бану, которая оказывает ему поистине царский прием. Он проводит свои дни в пируш-

ках, на охоте, по-прежнему наслаждается беззаботной жизнью. Он посылает Шапура в Медании за Ширин. Первый раз Ширин, стыдась, не хочет возвратиться в Барду. Тогда Хосров второй раз посылает Шапура за ней. Как раз в это время Хосров узнает, что его отец умер, а сам мчится в свою столицу, чтобы унаследовать трон отца. Здесь он узнает, что Ширин вместе с Шапуром уехали в Барду.

Но молодой царь не спешит ехать за Ширин, он предается утехам, веселью. В это же время против Хосрова открыто выступает Бахрам Чубине. Этому эпизоду Низами уделяет в книге небольшую главу. Он не описывает походы Хосрова, сражения, победы, чему Фирдоуси посвятил несколько тысяч строк. Низами ограничивается лишь сообщением о том, что, когда Парвиз вззошел на трон, все помыслы Бахрама устремились к Парвизову престолу. Восстановив всех против Хосрова, Бахрам занимает его столицу. У Хосрова не оказалось опоры в решающую минуту, и вот он садится на коня Ширин Шебдиза и бежит, направляясь в Арран, а оттуда в Мугань. Здесь наконец он встречается на охоте с Ширин:

И два охотника, одним замкнутым кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом...
Два друга — им любовь, как хмель, затмила око, —
Пылая, всех друзей оставили далеко...

Хосров и Ширин встречаются каждый день. Они прозодят дни на охоте, в веселых празднествах и пирах, читают стихи, слушают музыку. Однажды Хосров один выходит на единоборство со львом и убивает его. Ширин все больше привязывается к Хосрову. Его необыкновенная привлекательность, смелость, изящные манеры, красноречие и остроумие, благородное поведение все больше покоряют девушку. Любовь к нему становится смыслом ее жизни, овладевает всем ее существом. Любовь для Ширин существует ради самой любви — это чистое, неземное, священное чувство, в нем нет ничего от телесной страсти. Ширин жаждет соединиться с Хосровом, ради этого она готова пожертвовать даже жизнью, но только не честью. Чем больше она любит, тем больше ради самой любви и своего любимого она должна оберегать девичью честь. Близость с Хосровом — самый желанный час в ее жизни, но этому священному акту должен предшествовать свадебный обряд. Беспредель-

ная любовь к Хосрову не толкает ее на безрассудство, а наоборот, укрепляет в ней чувство собственного достоинства. Эти чувства Ширин разделяет и мудрая царица Михин-Бану.

Хосров по своей натуре глубоко отличается от Ширин. Он знает себе цену, знает, что он статен, изящен, неотразим. Ни одна женщина не может устоять перед ним. Он увлекается Ширин, искренне любит ее, но любит за ее красоту. Ему чужды мысли о самоотречении ради любимой, он не стремится к каким-либо высоким идеалам. Больше всего на свете он любит себя, и если совершает подвиг в единоборстве со львом, то лишь потому, что ждет за это награду в виде восхищения Ширин и окружающих. Он делает добро, зная, что будет вознагражден, он не боится зла, если заранее знает, что оно обернется для него пользой. Душевное величие, чистота, целомудрие чувств Ширин нравятся Хосрову, но он тянется к ней не по велению души, а по зову телесной страсти. Он знает, что рожден сильным мира сего, и ему должно принадлежать все самое лучшее, в том числе любовь такой красавицы, как Ширин. Но если перед ним встанет выбор: власть над людьми и сила или любовь, то он ради сохранения этой земной власти принесет в жертву любые душевные порывы. Ширин же, наоборот, видит свое счастье в самоотречении. Ради своей любви она готова страдать, терпеть лишения и муки, отказаться от трона и всех земных благ, лишь бы быть до конца своих дней с Хосровом, дышать с ним одним воздухом. Ширин умна и проникательна, она видит ветреность Хосрова, его легкомыслие, его страсть к утехам, но она любит его таким, каков он есть. Когда Хосров остается наедине с Ширин, он пускает в ход все свое красноречие, чтобы «загнать дичь в желания загон»:

Здесь только ты да я! Ну, оглянись,
взгляни!

Чего страшиться нам? Ты видишь — мы одни.
Горит моя душа! Я жажду благодетели!
Ведь ты — моя судьба; будь ею ты и ныне.

Ширин трепещет от близости с ним, душа ее умоляет: «Бери меня», но все же она находит в себе силы отвернуться и убежать, ибо знает, что Хосровом движет «адчба», что он охвачен «лишь страстью». Когда отец Хосрова умирает, и трон его узурпирует Бахрам Чубине, Ширин

предвидит, что Хосров, склонный к забавам и беспечный по природе, глубоко раскается, когда осознает, что он лишился власти — источника его беззаботной жизни, наслаждений и утех. Но она так же знает, что, вернувшись к власти, Хосров может забыть ее. Поэтому она уговаривает его:

Ты юн, и силен ты, ты создан для державы.
Ты родом царственный, прекрасный, величавый.
Стреножена страна; сбрось узы мятежа.
Очнись, и робкий враг покается, дрожа...

Убедительные речи и мольбы Ширин действуют на Хосрова. Но у него нет войска, мало сторонников. Поэтому он отправляется в Византию и обращается к кесарю за помощью. Кесарь соглашается помочь Хосрову с условием, что он женится на его дочери Мариам.

Эта коллизия лучше всего выявляет характер, сущность Хосрова. Позабыв о Ширин, которой клялся в вечной любви, он соглашается на условие кесаря и ради того, чтобы возвратить власть, женится на нелюбимой Мариам, с помощью войск ее отца возвращает себе трон. Узнав о том, что случилось, Ширин приходит в отчаяние.

В это время умирает Михин-Бану, завещав престол Ширин, которая наводит в стране порядок, руководствуясь принципами справедливости и правосудия. В стране воцаряются благоденствие и мир. Но молодая царица не может совладать со своим сердцем. Она томится, тайная тоска гложет ее, душа устала. Единственное страстное желание руководит всеми ее помыслами — видеть Хосрова, чтобы он по-прежнему «сидя пред ней один, причина всей тоски и всех кручин». И вот она снова отправляется в Медани, поручив управление страной наместнику.

Узнав о приезде Ширин, Хосров снова загорается страстью к ней. Однако от страха перед Мариам он не решается открыто встречаться с Ширин. Открывшись Мариам, Хосров просит ее разрешить ввести Ширин во дворец в качестве наложницы, обещая ей, что Ширин во всем будет покоряться ее воле. Разгневанная Мариам отвечает, что наложит на себя руки, если Ширин появится во дворце. Поняв, что «двум женщинам вовек ужиться не дано», Хосров посылает Шапура, чтобы тот уговорил Ширин встречаться с ним тайно. Но Ширин гневно прогоняет Шапура. Она поселяется в горном замке вдали от Медани. Она страдает не только душевно — поблизости растут только ядовитые лютики,

и потому нет пастбищ и нет молока, которое она привыкла пить. Шапур советует проложить канал через скалы и пустить по этому каналу с пастбищ молоко прямо в замок. Выполнение этой работы он возлагает на своего друга Фархада, искусного скульптора, архитектора и каменотеса. Фархада приглашают в замок. Так на сцену выступает новый герой, которому суждено стать символом самоотверженной любви, героем легенд на протяжении многих последующих веков.

Ширин по обычаям того времени не выходит к Фархаду и все переговоры ведет с ним из-за завесы. Пленительный голос царицы так очаровывает богатыря, что он обещает в месяц выполнить возложенную на него непосильную работу. Фархад влюбляется в Ширин так же сильно, беззаветно и чисто, как она в Хосрова. По своей натуре, нравственным идеалам, благородству и целомудрию он под стать Ширин. Ширин понимает это, глубоко уважает его, но сердце ее по-прежнему от дано Хосрову. Родство душ позволяет ей понять и оценить всю глубину чувства Фархада, увидеть величие его души, но Ширин ничего не может поделать с собой — она любит только Хосрова, любит, невзирая на его ветреность, легкомыслие, эгоизм. Узнав о любви Фархада, Хосров испытывает ревность. Она вызывает скульптора к себе. Диалог Хосрова с Фархадом — кульминационная точка поэмы:

Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?».

Фархад: «Сладчайшая — душа влюбленной сладость».

Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон».

Фархад: «Когда усну. Но недоступен сон».

Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?».

Фархад: «Когда усну, прикрыв себя землею».

Почувствовав, что он не может ни утешить, ни подкупить Фархада, Хосров ставит ему заведомо невыполнимое условие: если Фархад проложит дорогу через гору Бисутун, которая состоит из сплошного гранитного монолита, то он волен добиваться любви Ширин. Фархад соглашается и, вдохновляемый великим чувством, начинает сокрушать Бисутун. Ширин, восхищенная подвигом Фархада, его титаническим трудом, отправляется посмотреть на его работу. Когда Ширин приближается к Фархаду, копыта ее коня скользят по скале, и она оказывается в опасности, но тут Фархад подхватывает мощной рукой коня вместе с всадницей и на своих плечах относит в замок.

Охваченный яркой ревностью и зная, что Фархад выполнит поставленное условие, Хосров решает на гнусное предательство. Он подсылает к Фархаду вестника, который сообщает тому ложную весть о смерти Ширин. Удар рассчитан точно. Сраженный этой властью, Фархад словно проколот острейшим копьём в грудь — он умирает от горя. Ширин горько оплакивает его и строит для него прекрасную гробницу. Хосров тоже поражен гибелью Фархада. Мучимый раскаянием, он чувствует, что его постигнет тяжкая кара.

В это время умирает жена Хосрова Мариам. Хосров свободен. Но вместо того, чтобы искупить свою вину перед Ширин, он наносит ей еще одну рану — женится на красавице Шекер. Однако вскоре Хосров понимает, что он не может забыть Ширин. Однажды, во время охоты близ замка Ширин, Хосров, рассчитывая на слабость и беззаветную любовь, ее, подлезает к замку. Однако гордая Ширин не впускает царя. Падает снег, холодно. Ширин наказывает встретить царя подобающими почестями, но не впускать во дворец. Она поднимается на стену и оттуда ведет свой диалог с Хосровом. Этот диалог является одним из ключевых моментов в поэме. Слова Ширин, исполненные чувства собственного достоинства, ее нескрываемая любовь, но в то же время и ее непреклонная воля — все это заставляет Хосрова очнуться.

Униженный и печальный, он возвращается в слезах, предаваясь невеселым размышлениям. Между тем, после мучительной душевной борьбы Ширин садится на коня и мчится вдогонку за шахом. Хосров же в это время, чтобы развеять грустные мысли, устраивает пир, на котором знаменитые певцы и музыканты Барбед и Некиса своими песнями стараются рассеять печаль царя. Ширин незаметно пробирается во дворец и уговаривает певцов, чтобы они в своих песнях изложили историю их любви. Под влиянием песен Барбеда и Некисы Хосров прозревает окончательно, он понимает, что до сих пор по своему легкомыслию пренебрегал величайшим счастьем, подлинной любовью, которая редко выпадает на долю человека. В эту минуту на пиру появляется Ширин.

Хосров собирает своих вельмож и тут же в их присутствии совершает свадебный обряд по всем правилам старины. Наконец-то Ширин соединяется с Хосровом. Но Хосров продолжает вести прежний образ жизни.

То на златой доске он в нард играл, то бегом
Шебдиза тешил, былым отдавшись негам.
То он Барбеда звал, то слушал водовет,
То обнимал Ширин, как бы вкушая мед.
Ширин и царский трон, Барбед и бег Шебдиза, —
Излюбленный предел всех радостей Парвиза.

Между тем Ширин возмущена произволом и гнетом, царящими в стране. Своими «медоточивыми устами» она преподносит царю горькое снадобье своих наставлений, стремится пробудить его от беспечности, заставить заботиться о подданных. Поэт устами Ширин произносит свой приговор царю Хосрову и в его лице современным правителям, грозит им неминуемой карой:

...И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за зло твоё в тугие схватит сети.
Без пользы закричишь, горе глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев...
Насилий не чини, не угнетай свой край.
И подданных своих приветливо ласкай.

Советы Ширин оказывают отрезвляющее действие на Хосрова. Ему становится ясно, что забавы и утех не могут быть единственной целью в жизни. Он окружает себя учеными, мудрецами, старается мудро править страной, отдает разумные распоряжения. Но как раз в то время, когда он, казалось бы, достигает вершины счастья, кара за содеянное ранее настигает его.

От Мариам у Хосрова был сын по имени Шируйе («Львенок»). Юноша, увидев Ширин, страстно влюбляется в нее. Он переманивает на свою сторону вельмож, свергает отца с престола и заключает его в темницу. Но Ширин готова делить с Хосровым любые невзгоды, она идет вместе с ним в тюрьму. Тогда Шируйе подсылает в тюрьму убийцу, который наносит Хосрову смертельную рану. Хосров просыпается, он чувствует, что жизнь покидает его, хочет разбудить Ширин, мирно спящую рядом с ним, но потом ему приходит в голову мысль, что она много ночей провела в тюрьме без сна и теперь в первый раз задремала. И он, так и не разбудив ее, безмолвно умирает. Этим эпизодом

Низами показывает, как переродился эгоист, избалованный царевич, никогда в жизни не думавший о других и искавший только утех для себя. Здесь Хосров поднимается до уровня человека, способного на самопожертвование во имя любви.

Отцеубийца Шируйе хочет овладеть своей жертвой, но Ширин обмывает его. Она притворно соглашается на требования Шируйе, но ставит условие, чтобы он предварительно уничтожил все, что связано с именем Хосрова: сжег его дворец, убил Шебдиза и предал пышному погребению тело отца. Когда тело шаха вносят в склеп, Ширин входит туда, закрывает двери и закалывается кинжалом над прахом своего возлюбленного.

Поэма «Хосров и Ширин» — величественный и пламенный гимн любви. В ней поэт с огромной художественной силой воспел страстную, чистую, гордую и умную красавицу Ширин, показал, как сумела она своей любовью переродить Хосрова. Хосров в начале поэмы — безвольный юноша, ставший жизненные утехы превыше всего, но под благотворным влиянием любви Ширин он меняется, становится гуманным правителем, заботящимся о своих подданных и ведущим достойный образ жизни. Хосров в конце поэмы как бы воплощает в себе те черты, которые, по мысли поэта, должны быть присущи идеальному венецианцу.

Поэма «Хосров и Ширин» имела поистине эпохальное значение. Не нужно забывать, что она написана на сто с лишним лет раньше «Божественной комедии» Данте, на сто пятьдесят с лишним лет раньше сонетов Петрарки. Но, несмотря на это, в ней мы видим образ прекрасной любящей женщины, готовой на смерть ради любимого, но неспособной преступить законы чести. Ширин беззаветно и глубоко любит Хосрова, из любовь не ослепляет ее, она видит все его недостатки. Ширин не любит Фархада, но глубоко уважает его чувство. Образ Фархада предвосхищает образы провансальских, а позднее итальянских поэтов эпохи Возрождения, воспевавших беззаветную любовь. Исключительно интересен, типичен для своего времени образ Хосрова — человека с «роем благородных задатков», безвольно отдающегося страстям, но находящего в конце концов в себе силы под влиянием Ширин стать иным, лучшим человеком и справедливым правителем. Образ Хосрова — живой упрек современным Низами венецианцам, повторявшим все недостатки Хосрова, но не сумевшим, конечно, достичь его нравственного величия к концу жизни.

Предлагаемое вниманию читателей издание — перевод, сделанный одним из лучших переводчиков Низами на русский язык К. А. Липскеровым. Его отличают верность духу оригинала, полноценная передача идейного и художественного богатства поэмы. При подготовке издания в тексте поэмы были сохранены принятые переводчиком написания собственных имен, географических названий и восточных слов, даже если они несколько расходились с современной их трактовкой, чтобы сохранить в полной мере ритмику, а в некоторых случаях — рифмы и особенности инструментовки гласных (Бехрам, Ильдигиз, Ферхад, Джихан-Пехливан и т. д.).

ХОСРОВ И ШИРИН

В ВОСХВАЛЕНИЕ БОГА

Во имя давшего всем существам названья¹,
Земле — ее покой, а звездам — их мерцанье;
Тому, пред кем все мы моление свое
Возносим, распознав, что в нем — все бытие;
Непостижимому, не кающему лика,
Тому, кто наречен «властителей владыка»;
Тому, кто твердь воздвиг, возжег огни планет,
Кто в разум наш с высот прямой бросает свет;
Кто в жемчуг обратил благие мысли наши,
Кто обращает в дни ночей сапфировых чаши;
Нам давшему восторг, печаль, надежду, страх,
Поднявшему луну в полночных небесах;
Дающему горам всю мощь их основанья!
Все сущее — лишь знак его существованья!
И каждый видящий во всем сей видит знак,
Из сущности творца возник творенья знак.
Созвездья поднял он могучими руками,
Искусно небеса украсив жемчугами.
Он — прозорливый взор всех пламенных творцов,
Он — в кротком разуме смиренных мудрецов².
Он тот, что, будучи восславлен как Владыка,
Не молвит: «Моего ты не увидишь лика».
Лишь в нем вся мощь владык, искать ли нам другой?
Он — лучший властелин. Так стань его слугой.
Он вне того, что есть миров его основа —
Вне постижения, вне разума, вне слова.

Чтоб распознать его, скакнув на звездный дол,
 Конь постижения подковы расколол.
 Чтоб разыскать его, поднялся трезвый разум,
 Но в безграничности свой путь утратил разум.
 И так постичь его ты сможешь, что, дивясь,
 С привычным для ума свою утратишь связь³.
 Узришь очами высь, забыв земные очи,
 От глаз откинуть ткань всех зримых узорочий⁴.
 Не медленен, не скор в своих решениях он,
 Нет глубин, высоты, нет у него сторон.
 Читай слова о нем не на его скрижали,
 Так сделай, чтоб они в душе твоей лежали.
 На сто частей себя, как роза, разрывай:
 С собою разлучась, войдешь в надзвездный край.
 Откуда ты сошел под мглу ночного крова,
 Из нашего шатра туда взойдешь ты снова.
 Богопознания проверены ль весы?
 Все домыслы ума — ничтожнее росы.
 Рассудка доводы в одно мгновенье мигнут,
 Как только доводы творца их опрокинут.
 Знай свой единый путь, пребудь в пути своем,
 Не то дойдешь до круч иль рухнешь в водоем⁵.
 Когда узнал, кому несешь ты поклоненья,
 Тогда откинь навек причин и следствий звенья.
 В огне любой свечи поймешь ее завет:
 В сиянии всех свечей — творца единый свет.
 Из праха розу он поднял во всем величье,
 И создал из воды людское он обличье.
 Он людям разум дал, чтоб нам его познать,
 Чтоб полным разума он мог бы страх внушать.
 И на доску земли он бросил знаки; знаем,
 Их девять — цифра сфер! — и мир мы постигаем⁶.
 Чтоб в нас росла душа, сок сердца дал он ей.
 Светильнику ума дал масло из очей.
 Шесть воротов он дал пространства дивной шири,
 Объятиям земли — жемчужины четыре⁷.
 И как он начинал творенья? Человек

На тайну всех начал своих не вскинет век.
 И как разрушит он созданья? Смертным взглядом
 Не глянуть в будущность, грозящую распадом.
 По образу людей ты бога не твори,
 Пред силою его в бессилии цари⁸.
 Бог уничтожит все, что создал он цветущим,
 Могущественно он повелевает сущим.
 Всеодаряющий в своем избытке сил,
 Основы первые он щедро сотворил.
 Призвал к служению он каждую основу
 Свой путь она нашла, его внимая слову;
 Той — щедрость дал, чтоб все дарить она могла,
 Ту — сделал алчною, чтоб все она брала.
 И о дарах вовек не знает ни дарищий,
 Ни одаряемый, дары куда-то мчащий.
 Не ведает огонь, что в пламени — беда,
 О блеске струй своих не ведает вода.
 Ни с кем не делит бог своей верховной воли,
 Все — исполнители веления, не боле!
 У исполнителей вовек не станет сил,
 Чтоб изменить пути им созданных светил.
 Не сокрушить того, что создал бог когда-то,
 Всем вихрям не умчать ни капли аромата.
 Да славится творец, что смертный наш удел
 Дивит всей стройностью своих великих дел!

В РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЯМОГО ПОСТИЖЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ РАЗУМОМ

Зачем паломники заоблачной равнины
 Текут вокруг земли — сей звездной сердцевины?¹
 Кому в михраб земли несут они мольбы?
 Какой для странствия хотят они судьбы?²
 Зачем влекут шатры по облачным увалам³,

К каким в полуночи спешат они привалам?
 Кто вымолвил одним: «Вращайтесь»? Кто, рукой
 Остановив других, назначил им покой?
 Их препоясан стан. Ты молвишь: «Их горенье,
 Как их движение, — не есть ли поклоненье?»⁴
 И редко ль думал я, едва смирив свой жар,
 Что в храме идольском надел бы я зуннар?⁵
 Но все ж, когда душа к борьбе была готова,
 Мгновенно — «Низами! — с высот я слышал слово, —
 Пусть блещут идолов прельщающих огни,
 Но не себе поют хваления они»⁶.
 Они вращаются, свои вращая очи,
 Чтоб отыскать того, кто вызвал их из ночи.
 Ты сам могуч, как царь, сильнее, чем цари,
 Дверь храма идолов ты накрепко запри.
 Хоть идолов ты чтил, как Ибрагим, но все же
 От них очисти храм: ведь он отверг их тоже.
 На идола взглянув, ты склонись пред ним.
 На идола ступи! Будь господом храним!»
 Мы весь тайник творца измерить не могли бы.
 Печать на тайнике: мир от Луны до Рыбы⁷.
 Путь к тайнам тайника — неодолимый путь.
 Но разломи печать и с господом пребудь.
 Пусть чувства каждые умчатся друг за другом.
 И только разум свой своим ты сделай другом.
 Не лстись красой небес! Что веровать в мечту!
 Как этих звездных уз ослишь тесноту?
 По таинствам высот где сыщется водитель?
 Что ведаю о них, — земли смиренный житель?
 Когда бы в тайну мог людской проникнуть взор,
 О тайне молвил бы сверкающий узор.
 И в этих куполах какое излученье?⁸
 Что видим мы с земли, что ясно нам? — Вращенье.
 И явственно для нас: вращения должный круг —
 Предначертание непостижимых рук.
 Несет вращение всем людям извещенье,
 Что есть вращающий: вращается вращенье.

И, к колесу небес свой устремляя дух,
 Спеши его сравнить ты с прялками старух.
 Ведь прялку завертеть нам следует сначала,
 Чтоб колесо она в кружении помчала.
 Коль чья-нибудь рука слегка ее толкнет,
 Она повернется немного и замрет.
 Вращение небес подобно прялке. Всякий
 Поймет сие, коль он небес постигнул знаки.
 Мерило звездное, ума служитель — взор
 Уму не разъяснит надоблачный узор,
 Коль не сойдет к нему создатель мироздания.
 Напрасно ждать вестей! Напрасны все гаданья!
 Ты в черном камне, друг, без пользы ищешь свет.
 Свет сыщешь у луны, а в камне света нет.
 Светилам виден бог с его сиянием ясным
 Во всем им созданном, великом и прекрасном.
 Гадают смертные по зернам ячменя,
 По черным двум камням, сомненья отстраня⁹.
 От зерен и камней не ждать нам поученья,
 И колеса небес к чему коловращения?
 Твердишь, что жизни нам стихиями даны,
 И то, что звездами стихии рождены.
 Зачем же говоришь ты в дерзости бескрайной
 Лишь об орудии, а не о силе тайной?
 Кто взял орудие, творя весь мир, — кто он?
 И кем орудия рычаг был сотворен?
 Пусть ветер, и огонь, и прах земной, и воды
 В общении, созданном велением природы, —
 Но только божьего приказа письмена
 Всем душу ниспосллют; да властвует она!
 Не каждый божий раб — служитель верный бога.
 Коль раб самовлюблен, то служит он убого.
 Себя для господа ты должен превозмочь.
 С горящим, ярким днем кто совместил бы ночь!
 Творец того сочтет своим слугою верным,
 Кто позабыл себя в служении безмерном.
 Ты чашу встречи пить желаешь? О, пойми,
 Себя обязан ты утратить, Низами!

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ

Творец! Ты глину взял и создал нас, и людям
 Ты повеленья дал. Им следовать мы будем!
 Ты молил смертному: «Служить мне будешь рад»,
 И он спокойно ждет обещанных наград.
 И коль мы служим все, покуда изнеможем,
 И если, страждуща, свое служенье множим, —
 Ты, всепрощающий, к тому, кто сир и слоа,
 Сойдешь с прощением, твой не погибнет раб.
 Твоею милостью спасаемый от века,
 Стал дерзновенным ум тлетворный человека.
 Но, услышав слова указа твоего,
 Как мы осмелимся не выполнить его?
 Ты, не в ущерб себе, в комке земли и влаги?
 Найдешь служение; служа тебе, мы в благе.
 Коль нерадивым ты узришь кого-нибудь,
 О всепрощении своем не позабудь!
 И, милосердия нас озаряя силой,
 Дай лицезреть себя! Спаси нас и помилуй!
 Я прах, но ты в мой мозг свое вложил зерно.
 Вот сердце — бабочка! К тебе летит оно!
 Я тот, кого, слепив, кому назначив грани,
 Ты сделал избранным среди своих созданий.
 Ты осветил мой лик, — направь мой взор в свой край,
 Мне благо даровав, — быть благодарным дай!
 Дай мне в моем труде долготерпенья, боже,
 Когда мой легок путь, — пребудь со мною тоже!
 Открой передо мной глубокий свой тайник,
 Да тень беспечности мой не застелит лик!
 Дай, чтобы мощь твоя, со дней моих начала
 Мне все подав, — от благ меня не отлучала.
 Пускай мой долгий путь проступками изрыт, —
 Своим заступником я призываю стыд.
 Коль худо вымолвлю, перечеркни. Так зыбок
 Моих речений путь! Как быть мне без ошибок?

Троп семьдесят и две, но путь у нас один³,
 Путь — в розах; в терниях все выгибы тропин.
 Мне веры паланкин даруй. К спасенья странам
 Хочу благим путем стремиться с караваном.
 Мой видит глаз во всем черты твоих основ.
 Ты — цель вот этим ртом произносимых слов.
 И я к достойному — горя с тобой в разлуке —
 И к недостойному протягиваю руки.
 Оставив дом, иду к стопам твоим прильнуть.
 Коль заблудился я, открой мне должный путь.
 К Каабе суждено стремиться мне отныне.
 Кто знает, может быть, погибну я в пустыне!
 Все без тебя — ничто. Что есть добро и зло?
 И в них твой скрытый лик сознание нашло.
 Одних, их сокрушив, к себе призвал ты все же.
 Других, их одарив, ты все ж отринул, боже.
 Но кто же я, скажи? О, как несчастен я!
 Я изгнан? Избран я? Темна судьба моя.
 Я правой веры друг иль идолов искатель, —
 Каков бы ни был я, прости меня, создатель!
 Скажи, творец: «За зло я щедростью воздам».
 Суди меня, творец, не по моим делам!
 Скажи, что значу я со многими грехами
 Пред справедливости небесными весами?
 Ведь щедрость господа превыше дел моих.
 Ты в должный день, господь, простишь меня за них.
 Позволь же мне, творец, с любой моей судьбою
 В служеньи радостном склоняться пред тобою!
 Пусть бытие мое и пусть небытие
 Возрадуют, господь, дыхание твое!
 Освободи меня от дел напрасных мира
 И зная обо мне, скитающемся сиром,
 Чрезмерных, господи, мне не давай обуз,
 Лишь в силу мышц моих мне назначая груз.
 Своим огнем зажги светильник мой. Нестрога
 Взгляни на павшего у твоего порога.
 Мой дух ты отрезви: хмель в пламенной груди.

От сна беспечности мой разум пробуди.
 Дай мне сказать, забыв снов горестных угрозы:
 «Быть розовой воде, когда не станет розы»⁴.
 И сделай мой язык возвышенным таким,
 Чтоб смертный мой удел стал сладким и благим.
 Мне скромность ниспосли. Даруй, в благой заботе,
 Умеренность моей тебе подвластной плоти.
 И если ты пошлешь мне горечь иль беду,
 Пусть в том, что ты пошлешь, я должное найду.
 Мой разум исцели пылинкою любою
 Из-под ступни того, кто избран был тобою.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА ВЕЛИКОГО,
 ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ
 И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ

О Мухаммед, чей дух сияет в небесах!
 Все сотворенное — пред ним простертый прах.
 Он дал огонь очей пророческому клиру¹,
 Он — мастерской миров дар наилучший миру.
 На войнах верности он — праведный глава,
 Всем праведным полкам приказ — его слова.
 Он тот, кто зачеркнет всех злодеяний списки,
 Он павшему сулит час всепрощенья близкий.
 Он — утренних садов повеявший рейхан.
 В нем ключ от божеских сокровищниц нам дан².
 Сироты льнут и льнут к его дыханья чарам.
 Он прозван: «Сирота-жемчужина» не даром³.
 Пророкам дав устав, он дал нам книгу книг⁴,
 В своем убежище трон разума воздвиг.
 Указ любой стране — основы шариата,
 И верований нет, вознесшихся когда-то!
 То милосерден он, то яростен, как лев.
 Его глагол — то ключ, то меченосный гнев.

Он стал для господи возлюбленным Айазом,
 Венца махмудова пылающим алмазом.
 Он — роза радости приверженцев своих,
 Он — кипарис, что бурь не ведает земных.
 Он свод небес облек в зеленые одежды,
 Дал аромат ветрам, что нам ласкают вежды.
 Вознес он свой шатер, созвездья заградив.
 Из праха пред людьми был им изваян див.
 «Друг господи» — Халиль, Келим — «Внимавший
 богу»⁵, —

Ведут его войска, хранят его дорогу.
 Он шел для дум, для сна в пустынные края:
 Его в пещерной мгле не жалила змея⁶.
 А я, я — жаждущий, который не однажды
 Искал его: ведь он все утоляет жажды.
 Как много промахов свершил я, о пророк!
 Путь к исправлению и труден и далек.
 И обращаюсь я к тебе, о сад аллаха,
 Взгляни внимательно на эту горстку праха.
 Ты, иеменский шелк откинув до меж
 Всевышней, подними ладони и скажи:
 «Господь, на Низами ты погляди не яро,
 Сними с его души позор его зуннара!»⁷
 Пусть в тишину твою он будет погружен,
 Пусть будет он прощен, коль может быть прощен.
 Пусть он свои грехи вознес превыше взгорий,
 Но милость господи — неведомое море.
 Прости его, господи, о днях его радей,
 Ведь снисходительно ты милуешь людей!»

О ТОМ, ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО
 НАПИСАНИЮ КНИГИ

За благодати звездой удач несется свита, —
 И вот лицо земли их отблеском покрыто.
 Тьму отнял у небес луч утренний — халиф¹,

До ясной белизны свод неба раскалив,
 Шатер небес возник, — ждать в небесах султана:
 Всегда наш видит взор в таких шатрах султана!²
 И стражу пятую, подняв свою игру,
 Хор пробужденных птах прошелкал поутру³.
 И на подвижный трон взнеся Джемшида чашу⁴,
 День поднялся и жизнь всю разукрасил нашу.
 Семи фагфуров край сверкал; его главам⁵
 Угодно было дать приказ моим словам.
 Восточный хан стихов напал на страны рьяно
 И сделал златомеч пером Ночного хана⁶.
 Тем, что сему мечу свою не слали дань,
 Перо, как бы мечом, перерубало длань.
 И острее пера, как мечь, блеснуло; очи
 Я поднял, я был пьян от звезд бессонной ночи.
 И стал я размышлять, с чего бы мне начать,
 С каких сокровищниц сломить бы мне печать?
 Каким роскошеством я речь свою украшу,
 Что выберу? Страну чем я взволную нашу?
 И счастье, засияв, открыло дверь мою, —
 И сладких уст его я поцелуй пью:
 «Ковать обязан ты, дохнул из горна пламень.
 Для твоего ключа железо отдал камень⁷.
 Так приказал мне тот, кто правил миром. Вновь
 Ты в этот мир вступи великую любовь!
 Давно погибли все хранители познания,
 И мир оледенел без пламени пыланья.
 По голове небес язык твой, что кинжал,
 Сбривая разум их, победно пробежал.
 И обращаешь в гвоздь калам ты Утарида,
 И плащ свой рвет Зухре, — в ней зависть и обида⁸.
 Как Моисей, зажги костер любви. Спеш!
 Как Иисус, неси ты пламенный души.
 Ты бирюзу вправляй в наш перстень, — мы ведь рады
 Все соломонины тебе отверзнутьклады,
 И коль мы чтим тебя, и по заслугам чтим, —
 Ответно нас почти творением своим.

Коль мы окажемся не истинны сынами,
 И ты, как Фирдовси, обманут будешь нами⁹, —
 Ты можешь скудный дар, в укор таким скупцам,
 Небрежно разбросать шербета продавцам.
 Но если счастлив ты, забудь все опасенья
 И жадность ослепи себе же во спасенье».

Счастливый, внял гонцу я благосклонных сил,
 И счастье счастливо я внять мне попросил:
 «Час помощи пришел, склонись ко мне с любовью.
 Ведь сердце жжет меня, все облитое кровью,
 Я ниже тех, что сказ все тот же, все один
 При помощи царей сверлили, как рубин.
 Удача берегла слова былого сказа.
 Дано сверлить рубин лишь с помощью алмаза¹⁰.
 Готовы те слова подняться до Плеяд¹¹,
 Которые нужды и скорби не таят.
 От мира скрылся я в свой угол неизменный,
 Дорожный мой запас лишь горсть муки ячменной.
 Я над сокровищами будто бы змея¹².
 Лепешку круглую имею на день я.
 Я будто бы пчела: мой дом, как улей тесный¹³,
 Но мед в приюте пчел скрывается чудесный.
 Величье шаха — ветвь, нам сыплющая снедь, —
 И пропитание нам трудно ли иметь?
 Когда б я попросил, — земли раздвинув глыбы,
 Блеснул бы предо мной хребет безмерной Рыбы.
 Но я от благодати, что свойственна лучу,
 Лишь благосклонности сочувственной хочу.
 О, сколько славных дел взлетело выше праха,
 Блистая, как луна, под взглядом шаханшаха¹⁴.
 Но если славы нет, есть и другая честь:
 Есть доблесть в скромности. А есть ли скромность? —
 Есть».

В ПОХВАЛУ ТОГРУЛ-АРСЛАНУ

Когда султан и царь, шах молодой со счастьем
 Таким же молодым, сошедший к нам с участием,
 Он, освещающий премудрости страну,
 Он, взявший в дань свою все жизни, как одну.
 Тогрул, венец для всех, чья царственна порфира,
 Царь справедливости и повелитель мира,
 Мелик-Тогрул, сей шах — владыка бытия,
 Шатер щедрот, поток, что льется, всех поя,
 Тогрул, облекшийся в блеск царственного сана,
 Воссел на царский трон, чтоб заменить Арслана, —
 Тогда лишь вскрыл я клад, чтоб всех людей сердца
 Пленить всей прелестью творимого дворца.
 Рисуюнок начал я. Был рок благословенным,
 Он рек: «Будь благ» — и стать я смог благословенным.
 Звезда счастливая, благословив меня,
 Мой дух исполнила счастливого огня.
 Я — отражение победных дел султана:
 Все счастливы среди ликующего стана.
 Но в образы свои вложив душевный пыл,
 Я время некое отдохновенье плл.
 И промедлению явиться было надо:
 Шах вел свои дела, — стихам была преграда.
 Но шах связал Хабеш с Тамгаджем. И удар
 Он за ударом нес: он с Чачем сплел Шуштар¹.
 Он Анкой на шатре утешил наши взгляды,
 Не золотой венец надел он, а Плеяды².
 До всех семи небес он взнес свои шатры,
 В Джейхуне взвил коня и прыгнул до горы³.
 Решил семь областей своим он сделать станом,
 И девять высших сфер он сжал своим арканом⁴,
 И шлет ему хакан харадж. И не грозит
 Ему кейсар, а шлет румийский свой газит⁵.
 Аллах! Очами злых да будет не угадан
 К Тогрулу путь; к нему пусть только всходит ладан⁶.

И ладан свой к царю в блаженстве я вознес,
 Как утренний свой вздох, как запах росных роз.
 Чтоб ладан мой, взнесясь благоуханным дымом,
 Сказал бы обо мне, владыкою хранимом,
 Словами, что горят, как драгоценный клад,
 Что мир в себе таят и с миром дышат в лад;
 «О ты, что целый мир скрутил, как стебель гибкий!
 Пускай за Низами и числятся ошибки,
 Но надо, чтоб твой взор на скорбного глядел,
 Устрой дела того, кому не стало дел.
 Чтоб он прекрасный мир увидел как бы внове,
 Разгладь ему, о шах, насупленные брови.
 Ты сто сокровищ дал Сити и Мехсити⁷
 За каждую газель, — их славе расцвети.
 И если ты пред ним откроешь дверь хырмана,
 Зерна достаточно, не будет нам изьяна.
 Владенья велики, удел так счастлив наш,
 Развалинам ты вновь благоустройство дашь.
 Как долго жить певцу в углу своем неярком?
 Как долго к дивному не выйдешь ты с подарком?
 Ведь солнца светлого затем и вечен свет,
 Что им весь божий мир в сиянье разодел,
 А туча потому пленяет щедрым правом,
 Что в детстве молоко она дарует травам.
 От наших чашников ни чаши не приняв,
 Нам Низами поет возрастанье наших слов.
 Он словно соловей. Но, взвешивая слово,
 Про нашу славу петь совсем ему не ново.
 Ходатайствую — я, он — раб, сияешь нам
 Сияньем лунным — ты, что дашь подарком? —
 Джам⁸...

Послушай, Низами! Твои так дерзки взоры,
 Зачем с благой судьбой вступил ты в разговоры?
 Тому, к кому фагфур приходит и хакан
 И пред его дверьми свой преклоняют стан,
 Как извинения ты выскажешь за строки,
 Где дерзновенные нам слышатся упреки?

Есть извинение одно лишь — вот оно:
 Я в царстве, что дворцам божественным равно.
 Тут всех ничтожней тот, кто был всех многоценней,
 А чем ты ниже пал, тем стал ты дерзновенней.
 Но может молния прервать всей жизни нить
 И немощной вдовы светильник засветить.
 Потоки бурные, прорвавшие ограду,
 Для роз питаю сад, послали гибель саду.
 Великий Соломон был всех мудрей, зане
 И Рыбе он внимал, не только лишь Луне⁹.
 Золу и золото, ведя свой счет чернильный,
 Писцы включают в счет вблизи печи плавильной¹⁰.
 Пока стоцветен мир и ярок, о аллах,
 Пока в движеньи высь и неподвижен прах¹¹.
 Дай этот мир тому, пред кем он пал, как пленный,
 И небо подруж с властителем вселенной.
 Пусть благом юности воспользуется тот,
 Кто взял от бытия обилие щедрот.
 Так ведай счастье ты, и пусть венцом царевым
 Сияет вся страна в своем сверканьи новом.
 Пусть ведает весь мир удач твоих следы,
 Пусть будут небеса шатром твоим горды!
 Так будь непоколебим в стремленьи духа строгом.
 Да будет твой порог святилища порогом!

В ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА ВЕЛИКОГО
 ШАМСЕДДИНА АБУ-ДЖАФАРА
 МУХАММЕДА ИБН-ИЛЬДИГИЗА

Я мирволенье звезд хочу к себе привлечь:
 В благоприятный день я эту начал речь.
 Внося хваления, калам возносим все мы,
 И вот царю царей чеканю я дирхемы.
 Величья аркою он занял кругозор,

Иль мы на бровь его свой устремляем взор?
 Великий атабек, всех наших дней владыка,
 Тот, кто пугает зло огнем благого лика,
 Абу-Джафар, сей шах, что, свой раскинув стан,
 Как некогда Махмуд, захватит Хорасан,
 Над миром правящий, свет правды и возмездья,
 По воле собственной сплетает он созвездья!
 Все явственно для нас. Он — солнце, он — один:
 Ведь «Солнце веры» — он, не он ли Шамседдин?¹
 Как солнце, что дает сияние светлам,
 Он счастье нам дает. К его прибежим силам!
 Нам был ниспослан дар и новый послан вслед:
 Есть двое, каждого назвали — Мухаммед².
 Один всей сущностью — предел пророков бога,
 Другой — предел владык в кругу земного лога.
 Тот — пред арабом встал и взор его отверз,
 Другого, как царя, в восторге видит перс.
 Один — освободил от угнетенья веру,
 Другой — законность ввел, дал вес всему и меру³.
 Вот имя! Всем сердцам звучит на свете «эм»,
 В ушах у двух миров не кольца ль — эти «эм»?⁴
 Расколот скорбно мир, — нет, не за ним победа!
 У мира «эм» одно, три «эм» у Мухаммеда.
 Коль щедрости своей даст выйти он из врат,
 Поток его щедрот затопит Арабат⁵.
 Пред ним безмолвствует желание воли звездной,
 Он сам низвергнет всех и всех спасет над бездной.
 Пред шахом океан клянет свою судьбу:
 Он — лишь блестящий пот на суши черном лбу.
 Царь — глубь, но жемчуга взнес щедрыми руками.
 Он, яхонты даря, не схож ли с рудниками?
 Мечом своим он бьет как бы из черных туч.
 Сей меч — семь областей нам отождивший ключ⁶.
 Рука великого владеет силой львиной,
 Нет, не владеют львы сей силы половиной.
 Но хоть всемогущий шах сильнее сильных львов,
 Он лишь на милости для подданных готов.

Сень благомыслия он распростер над светом,
 И мудростью небес мир кажется одетым.
 Все, кроме господ, перед шахом склонено, —
 И все, что белизна, и все, что так черно.
 И море бурное, одетое в кольчугу,
 Грозит врагам царя: сродни они друг другу.
 И рудоносных гор взнесенные кремни
 Бьют недругов царя: с ним родственны они.
 Железный колокол — врагов кричащих горло.
 Но к ним железный меч рука твоя простерла.
 Беспечным быть нельзя: не дремлет вражья рать;
 Коль хочешь царствовать, — не надобно дремать.
 Шах светлый Ильдигиз, не вняв укорам света,
 Четыре дал венца семи просторам света.
 Два мира, уходя, он дал душе одной,
 И коли дышишь ты, то он — в стране земной.
 И свет наш оживлен небесных сфер вожатым,
 И свет нам видится душой его объятим.
 Взнеслось его чело до звездной синевы,
 Пусть волос не падет с взнесенной головы!
 Кому дана судьба такая золотая? —
 От Абиссинии все взял он до Китая.
 В Ираке побыл он, исполнен светлых дум,
 И Сирия пред ним склоняется к Рум.
 Зубами войск изгрыз воитель необорный
 На шлемах Рума крест, подобно неграм, черный.
 И Рум, лишь в Турцию тот с битвами проник,
 Мечом индийским он индийцем сделал вмиг.
 Абхазия, Дербент — края его охоты,
 Хорезм и Самарканд, — и с ними свел он счеты!
 Кто вышел из Гянджи и ввергся в Хузистан?
 Оман и Исфахан кому — победный стан?
 Да не уйти луне, светящей детям праха!
 Да не упасть венцу с главы такого шаха!
 Пусть все, к чему царя не мчит стремленье конь, —
 Будь это амброю, — сжигает злой огонь!
 Пусть тот, кто воззовет к враждебному походу, —

Хоть словно сахар он, — падет немедля в воду!
 Пусть каждый ум, что мог лишить владыку сна,
 Как осень, скорчится, хоть был он, как весна!
 Пусть мысли, что царя смущать и мучить рады,
 Останутся в земле, хоть мысли эти — клады!

ОБРАЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАНИЯ ЗЕМЛИ

Живи и охраняй свой вознесенный трон —
 Хранилище щедрот и милосердия он!
 Султанства крепкий щит и халифата голос,
 От твоего меча до смерти — только волос!
 Воскресший Феридун, вновь явленный Джемшид,
 Нет, за слова свои я ощущаю стыд!
 Что Феридун? — Дитя. Мы истине послужим,
 Назвав тебя, о муж, львиноподобным мужем!
 Был ими трон храним, был и венец храним,
 Венцы и троны, шах, бросаешь ты другим.
 Был каждый богатырь властителя хранитель,
 Но сам ты — богатырь, и сам же ты — властитель.
 Был с перстнем Соломон, а с правой верой — ты,
 С зеркалом — Искендер, а с верной мерой — ты!
 Не зрели многого, что зрел ты в жизни нашей,
 В зеркале — Искендер, Джемшид — склоняясь над
 чашей.

Живи! Цвет юности, воскресшей снова, — ты!
 И всей твердыне дней одна основа — ты!
 Коль на спине слона трон созерцаем ныне,
 Когда не твой сей трон, трон созерцаем синий.
 Подняв железный меч и весь принявши мир,
 Ты с чашей золотой продлил джемшидов пир.
 Походы кончены; есть через край железа, —
 Для зеркала стихов немного дай железа!
 Рассказов несколько, когда позволит шах,

Я шаху расскажу лишь в нескольких словах,
 Я вдаль бросал гонцов — слова свои — с размаха,
 Я был как бы звонарь словес волшебных шаха.
 Я птаха первая во всем саду твоём.
 Скажи, мне вороном тут быть иль соловьем?⁴
 Твой медлил, медлил раб, но ты, — ты будь незлобен,
 Я медлил — все ж я лев! О да! Я лву подобен!
 Как хорошо сказал все видевший мудрец:
 «Хоть поздно, да найди путь правильный, храбрец!»
 Был сон моих надежд пленителен и ярок:
 Все для владыки мнил я отыскать подарок⁵.
 Но ты ведь, как фагфур, но ты ведь, как Джейпал,
 С каким бы даром я перед тобой упал?
 Вот горстка образов: иль страсть свою неловко
 Поверг, — иль не для них священная циновка?
 Я днем и вечером служу тебе, о шах,
 Как сердце служит нам, — хоть я лишь только прах⁶.
 Но людям я всегда — тебе сие не тайна —
 Служу молитвами, и сила их бескрайна.
 В безлюдии своем двоится Низами:
 И укус он и мед, — таким его прими.
 Из влажности его — все сладостные речи,
 Но сушь его, что груз, легла ему на плечи.
 Источник моего подвижничества — сух,
 Но сочный мой язык всем улаживает слух.
 Я — мускус в мускусном мешочке просветленья,
 Я — Апка, я люблю от мира отдаленье.
 Я шип, и розою не быть мне на пиру.
 Я лишь молитвами чертог твой уберу.
 И службою тебе служу я лишь одною:
 Молитвословием предутренней порою.
 Мой сумасброден ум, а сети ставит свет.
 Душа моя алчна, но страшно мне сует.
 На сумасбродство я надена власяницу,
 Я усмирю алчбы взлетающую птицу.
 С любовью лишь одной останусь я тогда,
 В отдохновенные уйду края тогда.

И к стремени царя я припаду, участья
 Дождусь я от царя и полон буду счастья.
 А коль отгонишь ты, — склонюсь вдали у врат,
 Приветить, — не найду для радости оград.
 Когда ты месяцем блеснешь, меня лаская,
 Взлечу я светлячком, от радости сверкая,
 Ты — солнце, осыпать ты хочешь не одну
 Мешками золота, а каждую страну.
 Да будет золота полна твоя палата!
 Да будет меч огнем, душа — сильнее булата!
 Да узришь: все края для строк твоих — листы.
 И да не будет стран, где не ступал бы ты!
 Пусть в каждой стороне твоих стремлений стремя,
 Блеснув на благо всем, твоё прославит время!
 Да будет слава слав навек тебе близка,
 Враги — сраженными, победными — войска!

В ВОСХВАЛЕНИЕ ШАХА МУЗАФФАРАДДИНА КЫЗЫЛ-АРСЛАНА

О нежный ветерок, как утра поцелуй,
 Пускай на царский пир твои повеют струи!
 Пусть негой они все души упоят
 В чертогах, поднятых до блещущих Плеяд!
 Он, областям семи являющий примеры
 В делах благой судьбы и светоносной веры,
 Востока славный шах, он — запада приют, —
 Кызыл-Арслан, чей стяг в созвездьях узнают.
 Он — будто бы Махди, дремавший на закате, —
 Велел к востоку течь ему подвластной рати.
 Едва наложит шах на воск печать свою, —
 Китай пошлет харадж, а Рум пошлет джизью,
 Коль меч поднимет он рукой своей прекрасной, —
 Он черный Зеиг вспонет рекою русской — красной!

И ливнями побед, весь в молнийном свете,
 Он с хиндустанских стран отмоет черноту.
 Как солнце трон его — всем ведомо об этом —
 Вознесся он к луне высокой славы светом,
 И без него не семь, а семьдесят земель
 Исчезли бы, как все рожденное досель.
 Не обрати в раба он старого Сатурна,
 Тот пал бы с кровли, — с той, которая лазурна².
 Аракс бежит, гремит, бурлит страшнее лав,
 Но умолкает вмиг, до моря добежав.
 Хоть враг достичь бы мог и звездного чертога,
 Перед его дворцом он пал бы у порога.
 Скрюив халат судьбы, в который он одет,
 Обрезки отдали на шапки для планет.
 Алмаз его кольца блеснет — и вот над бездной
 Скользит сожженный враг, чудовищный, железный.
 И от железных сил властителя и див
 Бежит: они гремят, всех дивов победив.
 И жизнь его идет с Мессией стремя в стремя,
 До страшного суда его продлится время.
 Его блестящий меч блеск Тигра уронил,
 Как лотос, чистотой стыдя блестящий Нил.
 Нужде народа вняв, его смиряя горе,
 Ворота он раскрыл, широкие, как море.
 И к ним дано идти по дням и по ночам
 Хазарским дервишам и румским богачам.
 И месяц, блещущий в просторах неба темных,
 Он сделает кольцом ворот своих огромных.
 Ум светлого — вожак, к пределу мудрых стран
 Ведет он знания потайный караван.
 Беда ль, коль не могло гостям вина остаться,
 Когда могла для них сия луна остаться³.
 Во всех земных делах, что встанут впереди,
 Мы будем праведны, коль есть такой Махди.
 Дня судного самум взревет, — но оборона
 В нем. В этом царственном вся сила Соломона.
 Не убоимся мы затмения светил:

Свой милосердный дух он в мире засветил¹.
 Есть указания на близость бурь, на ветер,
 Но все они (ведь шах — сама лазурь) — на ветер.
 Поднял его дворец, в себя включивший мир,
 Свой запрокинутый лазоревый потир.
 Как этой высоты достигнуть бедной пыли?
 С усиьем облака к таким высотам всплыли.
 О ветер, в том дворце, в благой его сени
 О сотоварище своем упомяни!
 Склоняясь до земли перед владыкой света,
 Промолви: «Низами сказал царю вот это:
 «Пусть время некое и медлил я, но все ж
 Трудился для царя, — слова мои не ложь.
 Заполнил я листы; им шахской благодатью
 Позволили лежать под шахскою печатью.
 Мне стало ведомо, что царственный Джемшид —
 Пускай его аллах от бедствия отрешит —
 Лишь розы лепесток в саду увидит этом,
 К нему склоняется, своим овеяв светом.
 Я здесь. Восходит свет на своде голубом.
 Лишь только б господин доволен был рабом!»
 Мне молвил некий друг, в былое взор свой бросив:
 «Был пестован юнец, красивый, как Иосиф,
 И был наставником сей усладитель чтим.
 И мудрый все забыл, плененный только им.
 Властителя сердец он в сердце взял с такою
 Большою нежностью, что душу сплел с душою.
 Дай сто садов ему меж царственных оград,
 А не скупую гроздь, — он все ж не будет рад!
 А розу поднесут его любимцу, — сможем
 Сказать: «Наставник стал с весной веселой схожим!».
 Он, в дружбе обретя всех дней своих привал,
 Лишь общей радостью обрадован бывал».
 Скажу и о царе, любовью всех объятom.
 Любя наставника, его назвал он братом.
 Пусть счастья светлого не изменится лист,
 Пускай напиток сей век остается чист!

Будь шах самой красой, подобной сладким узам,
 Миладжем — ночь его, а день его — Новрузом.
 И ты, о ветерок, в кудрях его летай,
 Взбурли их Индостан, как взвихренный Китай!
 О царь! Бровей не хмурь, врагов умчится стая,
 Да быть индийцами всем тюркам из Китая!
 Пусть обратится враг, что в тяжких узах смолк,
 В союзника царя, а эти узы — в шелк!
 Пусть чаша полнится у верных и покорных,
 На злобных пусть падут удары молний черных!
 Пусть будет этот дар, в твои возникший дни,
 И юности твоей и дням твоим — сродни!

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ СЕЙ КНИГИ

От снов моей души я ныне недалече.
 Под сводом замыслов я словно слышу речи:
 «Спеши, о Низами, а то минует срок —
 Неверны времена и вероломен рок!»
 Из животворных вод весну исторгни снова
 И облеки весну весенней тканью слова.
 Свой звонкий саз возьми, — твой короток привал,
 Напев твой по тебе давно затосковал.
 В путь опоздаешь, — глядь: ночь сумрак распростерла.
 Некстати запоешь — под нож подставишь горло.
 Как роза, говори лишь только должный срок,
 Болтливый лилии привязан язычок?
 Слова — булат. Чекал подобный сыщем где мы?
 Чеканом слов своих чекал свои дирхемы.
 Хоть выкован клинок, но трудность впереди:
 До блеска лезвее ты камнем доведи.
 Писать не надо слов, идущих не от мысли,
 Их говорить нельзя. Своими их не числи.

Не сложно нанизать слова свои на стих,
 Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них.
 Слов много у тебя, — пусть будет их не много!
 Сто вправь в одно, — в одно сто обращая строго!
 Коль забурлит река неудержимых стоп,
 Не полноводие увидим, а поток.
 Коль крови через край и слишком жадно тело,
 Ты накажи его пожом врачебным смело.
 Не много говори, дай речи удила.
 Знай: избыток слов есть избыток зла.
 Сдержи потоки слов, им предназначив грани,
 Иль скажут: «Помодни!» — и нет постыдней брани.
 В словах — душа. Душа на все возьмет права.
 Твоя бесценна жизнь, — бесценны и слова.
 Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай;
 Взгляни: они продать за хлеб готовы душу.
 Слова — жемчужины. Поэт — оп водолаз.
 И труден темный путь к ним устремленных глаз.
 Страхатся мастера: им долгий опыт нужен,
 Ведь бережно сверлят ядро таких жемчужин.
 Строги сверлильщики к своим ученикам,
 С опаской жемчуга вручая их рукам.
 Ты трезв иль разум твой весь в опьянении сладком.
 Ты пищи не давай безудержным нападкам.
 Ведь соглязатаев до сотни у тебя,
 Они снуют вокруг, подол твой теребя.
 Будь осмрителен и не дохлый беспечно.
 Не думай про людей: глядят они беспечно». —
 И вот, заслушав звук тех потаенных слов.
 Ушел я, словно дух, под свой безлюдный кров.
 В уединении, в котором сердце — море.
 Бьют все источники, с душой твоей не споря.
 И сказку начал я с того благого дня,
 В сад райский обратил я капиле огня.
 Но это капиле, вновь явленное взорам,
 Я лишь разрисовал мной созданным узором.
 Хоть все вмещать в слова живущим и дано,

И может в их ключе все быть заключено, —
 Но если отражать в них истину мы можем,
 То небыллицы мы с их помощью не множим.
 От неправдивых слов честь мигом утечет,
 Предназначается правдивому почет.
 Правдивый всем очам с лучами минется схожим,
 Приемля золото, подобен он вельможем.
 Зеленый кипарис лишь потому, что прям,
 Не предан осенью осенним янтарям.
 «Сокровищницу тайн» создать я был во власти,
 К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
 Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
 Кто б страсти не питал к страницам о страстях.
 И страсть я замесил со сладостной приправой
 Для всех отравленных любовною отравой.
 С какою ясностью я всем являю страсть!
 К ней пристрастившимся — к моим стихам припасть!
 Я взял такой сучок, каких и не бывало.
 И фиников на нем напишано немало.
 Известен всем Хосров и знают о Ширин.
 Какой рассказ милей и слаще? Ни один.
 Но хоть предания ограднее не знали,
 Оно, как лик невест, скрывалось в покрывале,
 И списки не были известны. И Берда
 Тамда этот сказ немалые года.
 И в книге древних дней, мне некогда врученной
 В той местности, сей сказ прочел я, восхищенный.
 И старцы, жившие поблизости, меня
 Ввели в старинный сказ, исполненный огня.
 И книга о Ширин людьми сочтена дивом,
 В ней все для мудрого покажется правдивым.
 И как же правдою всю правду нам не счесть?
 Есть письма о ней и памятки есть:
 И очертания Шебдиза в сердцевине
 Скалы, и Бисутун, и замок в Меданине³,
 Безводное русло, что выдолбил Фархад,
 Скупой приют Ширин меж каменных оград,

И город меж двух рек, и царственные взлеты
 Дворцов хосрововых, и край его охоты,
 Барбеда памятен десятиструнный саз,
 И чтут Шахруд. Хосров там отдыхал не раз.
 Мудрец сказал о них, но не дал он рассказу
 К сказанию о любви приблизиться ни разу.
 Тогда достигнул он шестидесяти лет,
 И от стрелы любви уже забыл он след.
 О том, как сладких стрел неистова отвага,
 Повествовать в стихах он счесть не мог за благо,
 К рассказу мудреца не тронулся я вспеть:
 Уже звучавших слов не должно повторять.
 Я молвлю о делах, опущенных великим,
 Велениям любви винная многоликим.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

Всех зовов сладостней любви всевластный зов,
 И я одной любви покорствовать готов!
 Любовь — михраб ветров, к зениту вознесенных,
 И смерть иссушит мир без вод страны влюбленных.
 Явись рабом любви, заботы нет иной.
 Для доблестных блеснет какой же свет иной?
 Все ложь, одна любовь — указ беспрекословный.
 И в мире все игра, что вне игры любовной.
 Когда бы без любви была душа миров, —
 Кого бы зрел живым сей круголетный кров?
 Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
 Он мертв, хотя б сто крат он был исполнен жизни.
 Хоть над любовью, знай, не властна ворожба,
 Пред ворожкой любви — душа твоя слаба.
 У спеди и у сна одни ослы во власти.
 Хоть в кошку, да влюбись, любой отдайся страсти!
 Дерись хоть за нее, ну что ж — достойный гнев!

Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев.
 Нет, без любви ничьи не прорастают зерна,
 Лишь в доме любящих спокойно и просторно.
 Без пламени любви, что все живые чтут,
 Не плачут облака и розы не цветут.
 И гебры чтут огонь, его живую силу,
 Лишь только из любви к полдневному светилу.
 Ты сердце не считай властителем души:
 Душа души — любовь, найти ее спешит!
 Любовь поет кыбду, но помнит и о Лате.
 К Каабе льнет, горит в языческой палате.
 И в камне, — если в нем горит любовный жар, —
 Сверкнет в добычу нам бесценный гаухар.
 И если бы магнит был не исполнен страсти,
 Железо привлекать он не был бы во власти.
 И если бы весь мир не охватила ярь,
 Не мог бы привлекать соломинку янтарь.
 Но сколько есть камней, которые не в силах
 Привлечь соломинку, — бездушных и застылых.
 И в веществе во всех, — а можно ли их счесть? —
 Стремление страстное к сосредоточью есть.
 Огонь вскипит в земле, и вот в минуту ту же
 Расколет землю он, чтоб взвихриться снаружи.
 И если в воздухе и держится вода,
 Все ж пасть в стремлении придет ей черед.
 Для тяготения в чем сыщется преграда?
 А тяготение назвать любовью надо.
 О смертный, разум свой к раздумью призови,
 И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.
 Когда на небесах любви возникла сила,
 Она для бытия нам зсмяу сотворила.
 Был в жизни дорог мне любви блаженный пыл, —
 И сердце продал я, и душу я купил.
 С пожарами любви дым бросил я по странам,
 И очи разума задернул я туманом.
 Я препоясаясь, пылая, — и постичь!
 Любовь сумеет мир, услышавший мой клич.

Не для презренных он! Мой стих о них не тужит,
 Сладкочитающим, взыскательным он служит.
 Вот сказ, но неказит мои стихи писец.
 Страшусь: припишет мне свои грехи писец.

В ОПРАВДАНИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Когда, замкнувши дверь, в беседе с небосводом
 Я время проводил, по звездным переходам
 В раздумьи странствуя, ниша свои пути
 Меж ангельских завес, чтоб скрытое найти, —
 Я друга верного имел, и не случайно
 Ему была ясна моих мечтаний тайна.
 И в благочестии лев, он был — я знал о том —
 Для всех врагов мечом, а для меня — щитом.
 Лишь знание он чтил, в котором нет мирского.
 Лишь знание он взял из всех сует мирского.
 Вся серебрилась ночь под неземным кольцом,
 И стал серебрян перст, гремя дверным кольцом.
 Но светлый гость вошел не с миром, а для спора.
 И речь его была исполнена укора:
 «Да слависься вовек, ты, миродержец слов,
 Кому счастливый рок способствовать готов!
 Тебе ведь сорок лет, — раздел всей жизни ломкой, —
 Ты благостный свой лист сей благочестья свет,
 Ты соблюдал посты, ты благочестья свет,
 Ты костью падали не разговляйся, нет!²
 Ведь не влеклось к тебе мирское вождельенье,
 И ты к мирским делам не мчал свое стремленье.
 Когда твое перо, горящее, как луч,
 От всех сокровищниц тебе врученный ключ³,
 Зачем на бронзу ты наводишь позолоту?
 Искать лишь золото найди в себе охоту!
 Зачем карунов клад скрыл в недрах ты? Зачем

Ты не учитель всех создателей поэм?
 В дверь господя стучись, всем ведом ты **в отчизне**,
 Поклонников огня зачем зовешь ты к жизни?
 Ты дух свой умертвил, хоть был он огненным,
 Лишь Зенд-Авесты чтец найдет его живым!
 И я внимал словам и горестным и ярым,
 Но не обижен был я другом этим старым.
 И я прочел пред ним, не теряющим грехи,
 О сладостной Ширин отменные стихи.
 Свой златотканый шелк явил я, над которым
 Трудился, лишь начав работу над узором.
 Когда увидел друг всю живопись Мани, —
 Сей огнедышащий забыл свои огни.
 Я молвил: «Почему молчишь ты? Или слово
 Для изъяснения хвалений не готово?»
 И вот воскликнул он: «Язык мой только раб,
 Тебе несущий да. Все выразить он слаб.
 Слова о Сладостной услышал я. Молчанье —
 Единственный ответ на слов твоих звучанье.
 Свои заветы бесчисленно множишь ты!
 Каабу идолам воздвигнуть сможешь ты!
 Так много сладости рука твоя простерла,
 Что сахаром твоим мое застлалось горло.
 И копь от сахара язык я прикусил, —
 Да льется сахар твой! Да не утратит сил!
 Дойди же до конца, копь выступил в дорогу.
 Основы есть, весь дом достроишь понемногу.
 Пускай же небеса твои труды хранят
 И сладость вечную твои плоды хранят!
 Что медлишь тут? Зачем ждать зова или знака?
 Есть у тебя казна с чеканкою Ирака.
 Ты справишься со львом; от этих стен Гянджи
 Ты своего коня поспешно отвяжи.
 Стреми коня. Ты свеж, а наше сердце нежим
 На утренних путях мы ароматом свежим.
 В дни наши, Низами, красноречивых нет,
 А копь и есть, таких, как ты, счастливых нет.

Тень счастья, как Хума, брось на свои деянья,
 На филинов обрушь всю тяжесть воздаянья.
 Пусть жалкие певцы и блещут, как свеча,
 Лишь крылышки свои сжигают стогряча.
 Их свет — в дому; уйдут лишь на два перехода,
 И не видны, но ты — совсем иного рода!
 Ты — солнце. Полный день огнистое кольцо
 Пылает над землей; всем ведом ты в лицо.
 Когда ты выйдешь в путь, твои слышавши речи,
 Глупцы в свои углы пугливо спрячут плечи.
 Всех дарований грань не станет ли ясна?
 И всадника почтят поэзии страна!
 И молвил я ему, взглянув как можно строже:
 «Ты с мясником не схож и я с бараном — тоже».

Светильник мой горит, не дуй на светоч сей.
 От веянья Исы не вздрогнет Монсей.

Я — пламень. Пламени воспламенять не надо,
 В самосжигании одна моя отрада!
 Я — хрупкое стекло; кинь камень — и обид
 Услышу много я, меня покроет стыд.
 Ты бронзой чтить меня под легкой позолотой,
 Ты в розах падалью зовешь меня с охотой.
 Ты мнишь, что снедь моя — мне лакомая смесь
 Из самопнения, в котором есть и спесь.
 Мой знаешь гороскоп? В нем — лев, но я сын перста,
 И если я и лев, я только лев из шерсти.
 И мне ли на врага, его губя, идти?
 Я лев, который смог лишь на себя идти!
 Где жизнерадостность? И снов о ней не стало.
 И всей кичливости весенних дней не стало.
 Слов юных похвальба, самовлюбленный бред —
 Лишь опьянение; его потерял след.
 Лет тридцать проживешь иль хоть бы только
 двадцать, —

С былой беспечностью куда тебе деваться?
 Еще под сорок лет нам радости даны.

А после — крыльев нет иль крылья не вольны!
 А минет пятьдесят — ушло здоровье; очи
 Ослабли. И для ног пути уже короче.
 И неподвижны все, когда им шестьдесят,
 И тело в семьдесят как бы впало яд.
 А в восемьдесят лет иль больше — в девяносто
 Как одолеть нам жизнь и жить нам как непросто!
 Коль дальше выйдешь в путь, и ты дойдешь до ста,⁴
 Со смертью схожи дни, и жизнь, как смерть, пуста.
 Столетье проживешь иль только день единый, —
 Все ж разлучишься ты с пожизненной долиной.
 Что ж, радостным пребудь на всем своем пути
 И этой радостью создателя почти!
 Будь, как свеча: она в своем восторге яра
 И тает радостно от радостного жара.
 Сверканье радости ты помни, как свеча, —
 Та, что погашена и уж негоряча.
 И так как радости не сыщешь ты без горя
 И так как льется смех, с твоей печалью споря,
 Я дам тебе совет — я знаю, ты толков —
 Лишь радости знаять. Послушай, он таков:
 Коль осчастливлен ты благой судьбой, — умело
 Ты бедняка, о друг, счастливым также сделай.
 Ведь солнце радостно, а радостно оно
 Затем, что радовать весь мир ему дано».

НАЧАЛО РАССКАЗА

Так начал свой рассказ неведомый сказитель, —
 Повествования о канувшем хранитель:
 Когда луна Кесры во мрак укрылась, — он
 В наследье передал Ормузу царский трон.
 Мир озарив, Ормуз державно создал право.
 И правом созданным прочна была держава.

Обычай отца на месте он держал.
 И веру с милостями вместе он держал.
 И, рода своего желая продолженья,
 Он посвящал творцу все жертвоприношенья.
 Творец, его мольбы отринуть не хотя,
 Дал мальчика ему. О дивное дитя!
 Он был жемчужиной из царственного моря.
 Как светоч, он светил, светилам божьим вторя.
 Был гороскоп хорош и благостен престол:
 Соизволением звезд свой трон он приобрел.
 Его отец, что знал судьбы предначертанье,
 Ему «Хосров Парвиз» дал светлое прозвание.
 Парвизом назван был затем царевич мой.
 Что для родных он был красивой бахромой¹.
 Его, как мускус, в шелк кормилица укрыла², —
 В пушистый хлопок перл бесценный уложила.
 И лик его сиял, все горести гоня,
 Улыбка сладкая была прекрасней дня.
 Уста из сахара так молоко любили!
 И сахар с молоком младенцу пищей были.
 Как роза, он сиял на пиршествах царя,
 В руках пирующих над кубками паря.
 Когда же свой покой он люлечный нарушил,
 Мир положил его в свою большую душу³.
 Был в те года храним он сменой удач,
 Всеми нежданному был ум его — толмач.
 Уже в пять лет все то, что дивно в нашем мире,
 Он постигал, и мир пред ним раскрылся шире.
 Парвизу стройному лет наступило шесть,
 И всех шести сторон мог свойства он учсть⁴.
 Его, прекрасного, увидевши однажды,
 «Юсуф Египетский!» — шептал в восторге каждый.
 И к мальчику отец призвал учителей,
 Чтоб жизнь его была полезней и светлей.
 Когда немного дней чредою миновало, —
 Искусства каждого Хосров познал начало.
 И речь подросткового стала дорога:

Как море, рассыпать умел он жемчуга.
 И всякий краснобай, чья речь ручьем бурлила,
 Был должен спорить с ним, держа в руках мерило.
 Он волос в зоркости пронизывал насквозь.
 Ему сплетать слова тончайше довелось.
 Девятилетним он покинул школу; змёя
 Он побеждал, со львом идти на схватку смея.
 Когда ж он кирпичи десятилетия стлал, —
 Тридцатилетних ум он по ветру пускал.
 Была его рука сильнее лапы львиной,
 И столп рассечь мечом умел он в миг единый.
 Он узел из волос развязывал стрелой,
 Коньём кольцо срывал с кольчуги боевой.
 Как лучник, превращал, на бранимо целясь поле,
 Он барабан Зухре в свой барабан соколий⁶.
 Тот, кто бы натянул с десяток луков, — лук
 Хосровов гнуть не мог всей силой мощных рук.
 Взметнув аркан, с толпой он не боялся схваток.
 Обхват его стрелы был в девять рукояток.
 Он Зло пронзал стрелой — будь тут хоть Белый див⁷.
 Не диво — див пред ним дрожал, как листья ив.
 Коль в скалы он метал копьё летучий пламень, —
 Мог острие копыа он вбить глубоко в камень.
 А лет четырнадцать к пределу донеслись —
 У Птицы знания взметнулись крылья ввысь.
 Он все укрытое хотел окинуть взором,
 Добро и зло своим отметить приговором.
 Один ученый жил; звался Бузург-Умид⁸.
 Сам разум — знали все — на мудрого глядит.
 Все небо по частям постичь он был во власти,
 И вся земля пред ним свои вскрывала части.
 И все тайны тайн даны ему в удел.
 Сокровищниц небес ключами он владел.
 Хосров его призвал. В саду, к чертогам близким,
 Тот речью засверкал, — мечом своим индийским.
 Он в море знания жемчужины искал,
 Руками их ловил, царевичу вручал.

Он озаренный дух овеял светом новым, —
 И было многое усвоено Хосровом.
 Кольца Кайвана свет и весь хребет земли⁹, —
 Весь мир именовать слова его могли.
 В недолгий срок во власть морские взял он недра,
 Все знал он, что открыл ему учитель щедро.
 К познанию дух пришел из безраздумных дней.
 В своем пути достиг он царских ступеней.
 Когда же для него — пределов звездных друга —
 Открылись все круги крутящегося круга, —
 Он понял: долга нет отраднее, чем долг
 Служения отцу, и пред отцом он молк.
 Отец его любил сильнее всей вселенной —
 Да что вселенная! — сильней души нетленной.
 Чтoб длительную жизнь на свете сын узнал,
 У длинноруких всех он руки обкарнял⁹.
 И, укрощая зло, гласил стране глашатай:
 «Беда злокозненным!» — и никнул виноватый.
 Гласил: «Пасти коней в чужих полях нельзя,
 К плодам чужих садов заказана стезя,
 Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама.
 Не пребывай в дому турецкого гуляма¹⁰,
 Иль Кару понесешь достойную». Не раз
 Шах в этом поклялся, — да помнят все наказ!
 Он к справедливости не погашал стремленья, —
 И в эти дни земля достигла исцеленья.
 И выпустило мир из рук ослабших Зло.
 Не стало злых людей, спасение пришло.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

Был весел день. Хосров в час утренней молитвы
 Поехал по местам, пригодным для ловитвы.
 Всем любовался он, стрелял зверей, и вот
 Селенье вдалеке веселое встает.

И тут над росами зеленого покрова
 Раскинут был ковер велением Хосрова.
 Пил алое вино на травах он, и, глядь, —
 Златая роза вдаль уж стала уплывать¹.
 Вот солнце в крепости лазоревой на стены
 Взяло свой желтый стег. Но быстры перемены:
 Оно — бегущий царь — алоэ разожгло,
 Раскрыло мрак шатра, а знамя унесло².
 И под гору оно коня, пылая, гнало,
 Мечами небосвод, ярься, полосовало.
 Но, ослабев, ушло, ушло с земли больной
 И свой простерло щит, как лотос, над водой.
 В селении Хосров потребовал приюта.
 Для пира все собрать пришла теперь минута.
 Он тут среди друзей поночую встретил тень,
 Пил яркое вино, ночь обрщая в день.
 Под органона гул — о, звуков прензбыток! —
 Пил аргаванный он пурпуровый напиток.
 Во фляге булькал смех. Была она хмельна.
 И сыну царскому с ней было не до сна.
 С зарей хосровов конь — безудержный по нраву —
 Меж чьих-то тучных трав был схвачен за поправу.
 А гурский нежный раб, всем услаждавший взгляд³,
 Через ограду крал незрелый виноград.
 И вот лишь солнце вновь над миром засияло
 И ноци голову от тела дня отъяло, —
 Уж кое-кто из тех, что носят яд в устах,
 Умчались во дворец, и там услышал шах,
 Что беззаконие свершил Хосров, что, верно,
 Ему не страшен шах, что шепот будет скверный.
 Промолвил шаханшах: «Не знаю, в чем вина».
 Сказали: «Путь его — несправедность одна.
 И для его коня не создана ограда,
 И раб его желал чужого винограда.
 И на ночь бедняка лишил он ложа сна,
 И арфа звонкая всю ночь была слышна.
 Ведь если бы он был не отпрыск шаханшаха, —

Он потерял бы все, наведаясь бы страха.
 Врач в длань болящего вонзает острое,
 А тело острием он тронет ли свое?»
 «Меч тотчас принести!» — раздался голос строгий,
 И быстрому коню немедля рубят ноги,
 А гурского раба владельцу лоз дают, —
 Сок розы сладостной в поток соленый льют.
 Оставили в жилье, где пили в ночь охоты,
 Как дар, хосровов троп искуснейшей работы.
 Арфисту погги — прочь, чтоб голос арфы смолк,
 А с арфы смолкнувшей сорвать велели шелк⁴.
 Взгляни, — вот древний суд, для всех неукоснимый,
 Суд даже над своей жемчужиной творимый.
 Где ж правосудие днесь великое, как рок?
 Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?
 Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
 Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.
 Да, мусульмане мы, а он язычник был.
 Коль то — язычество, в чем мусульманства пыл?
 Но слушай, Низами, пусть повесть вновь струится:
 Безрадостно поет правоученный птица.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОЦУ

Когда Хосров Парвиз увидел свой позор, —
 Он призадумался, его померкнул взор.
 Он понял: для себя он, в прошлом не был другом.
 Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.
 Все дело рук своих! И вот руками он
 Бил голову свою, собою возмущен.
 Двум старцам он сказал, не ощущая страха:
 «Ведите кипарис к престолу шаханшаха¹.
 Быть может, вашему заступничеству вняв,

Шах спойдет ко мне, хоть я и был неправ»,
 И саван он надел и поднял меч, — и в мире?
 Как в судный день, шел плач, звуча все шире, шире,
 С мольбою старцы шли. Смотри смиренно вниз,
 Подобно пленнику, за ними шел Парвиз.
 Лишь к трону подошли, — не умеряя стона,
 В прах, грешник горестный, царевич пал у трона
 «Так много горести, о шах, мне не снести!
 Великим будь — вину ничтожному прости.
 Юсуфа не считай ты оскверненным волком.
 Он грешен, но он юн, он свет не понял толком.
 Ведь рот мой в молоке, и все мне в мире в новь.
 Что ж мощный лез испить мою жаждет кровь?
 Попадай! Я — дитя! Сразит меня кручина,
 Не в силах вынести я гнева властелина!
 Коль провинился я — вот шея, вот мой меч.
 Тебе — разить, а мне — сраженным наземь лечь.
 Я всякий гнет снесу на перепутьях жизни, —
 Лишь только б царственной не внять мне укоризне».
 Так молвил чистый пера и начал вновь стелать.
 И голову свою склонил к земле опять.
 Покорность, мудрая толпу людей сразила,
 И вновь раздался плач — его возрастала сила, —
 И вопли понеслись, как шум листвы в ветрах,
 И жало жалости почуял шаханшах.
 Он видит: сын его, хоть молод он и нежен,
 Уж постигает путь, что в мире неизбежен.
 Он, для кого судьба не хочет вовсе зла.
 Сам хочет одного — чтоб скорбь отца прошла.
 Подумай: как с тобой поступит сын, — он то же
 Увидит от того, кто всех ему дороже.
 Для сына ты не будь истоком зла и мук,
 Преемником ему ведь твой же будет вник.
 И на сыновний лик склонился взор Ормуза,
 Он понял: сын ему — целенье, не обуза.
 Он благороден, мудр, и как не разгадать,
 Что божия на нем почилa благодать.

Целуя сына в лоб, обвинив его руками,
 Ормуз повелевать велит ему войсками.
 Когда, сойдя с крыльца, на двор ступил Хосров,
 Мир заснял опять: с него упал покров.
 Гадал хосровов лик — он был для взоров пирам —
 Дано ли в будущем снять ему над миром?

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАНА

Лишь кудри полночи разлили аромат,
 Свет утонул во тьме, и свет был тьмой объят.
 И, ткани мглы развив, блеснул в выси кудесник!
 Не чародей дневной, а страстных игр предвестник.
 Вошел во храм Хосров, и там, склонивши стан,
 Он на ступени сел, еще шепча: «Яздан».
 Вчера из чаши сна не отпил он нимало,
 И дрема сладкая на юношу напала.
 И деда своего увидел он во сне.
 Дед молвил: «Юный свет! Весь мир в твоём огне.
 Ты четырех рабов утратил ненароком.
 Четыре радости тебе пошлются роком.
 За то, что ты вкусил столь горький виноград,
 Но горестным не стал и не померк твой взгляд, —
 Красавицу, о внук, обнимешь ты. Едва ли
 Таковую красоту созвездья создавали.
 Затем; за то, что ног лишен твой лучший конь,
 Но все ж тебя не жжет неистовый огонь, —
 Шебдиза обретешь. Его летучи ноги.
 Следы его подков не врежутся в дороги.
 А третья: твой отец дал бедному твой трон,
 Но от несчастья в том счастье — не урон.
 Утешен будешь ты сверкающим престолом.
 Он деревом златым возвысится над долом.

Четвертое: за то, что, пылкий, не вспылл,
 Хоть шах прогнал певца и струн тебя лишил, —
 Барбеда ты найдешь; внимать ему услада, —
 Припомнившим о нем сладка и чаша яда.
 Утратив камешки — клад золотой найдешь,
 Костяшки потеряв — ты перлов рой найдешь».
 Страхнул царевич тьму дремотного тумана
 И встал, и вновь хвалой прославил он Яздана.
 Он целый день молчал, был думой взор одет,
 Он будто все внимал тому, что молвил дед.
 И, мудрецов созвав, он рассказал им ночью
 О том, что видел он как будто бы воочью.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИНИ

И некий жил Шапур, Хосрова лучший друг,
 Лахор он знал, Магриб прошел он весь вокруг.
 Знай: от картин его Мани была б обида.
 Как рисовальщик он мог победить Эвклида.
 Он был калама царь, был в ликописи скор,
 Без кисти мысль его могла сплестать узор.
 Столь тонко создавал он нежные творенья,
 Что мог бы на воде рождать изображенья.
 Он перед троном пал, — и услышал Хосров,
 Как зажурчал ручей отрадных сердцу слов:
 «Когда бы слух царя хотел ко мне склониться,
 Познанья моего явилась бы крупица».
 Дал знак ему Парвиз: «О честный человек!
 Яви свое тепло, не остужай наш век!»
 Разверз уста Шапур. В струеньи слов богатом
 Он цветом наделил слова и ароматом.
 «Пока живет земля — ей быть твоей рабой!
 Да будет месяц, год и век блажен тобой!
 Да будет молодость крассе твоей сожителю!

Твоим желаньям всем да будет исполнитель!
 Да будет грустен тот, кто грусть в тебе родил!
 Тебя печалющий — чтоб в горести бродил!
 По шестисводному шатру моя дорога!
 Во всех краях земли чудес я видел много.
 Там, за чредою гор, где весь простор красив,
 Где радостный Дербент, и море, и залив, —
 Есть женщина. На ней блеск царственного сана,
 Кипенье войск её достигло Исфахана.
 Вплоть до Армении Аррапа мощный край
 Ей повинуются. Мой повелитель, знай:
 Немало областей шлют ей покорно дани.
 На свете, может быть, счастливей нет созданий.
 Без счета крепостей есть у нее в горах,
 Как велика казна — то ведает аллах.
 Четвероногих там исчислить не могли бы.
 Ну, сколько в небе птиц? Ну, сколько в море рыбы?
 Нет мужа у нее, но есть почет и власть.
 И жить ей весело: ей все на свете отлучь.
 Она — ей от мужчин в отваге нет отлучья —
 Великой госпожой зовется за величье.
 Шемору видел я, прибывши в ту страну.
 «Шемора» — так у них звучит «Михин-Бану»².
 Для месяцев любых, в земли широтах разных,
 Пристанищ у нее не счесть многообразных.
 В дни розы Госпожа отправится в Мугань,
 Чтоб росы попить, весны приемля дань.
 В горах Армении она блуждает летом
 Меж роз и тучных нив, пленясь их ярким цветом.
 А осень желтая надвинется, — и вот
 На дичь в Абхазии вершит она налет.
 Зимой она в Барде. Презревши смены года,
 Живет она, забыв, что значит непогода.
 Там дышит радостней, где легче дышит грудь,
 Отрадней обретя в делах житейских путь.
 И вот в ее дворце, в плену его красивом,
 Живет племянница. Ее ты счесть бы дивом.

Она, что гурья! О нет! Она — луна!
 Владычица венца укрытая она!
 Лик — месяц молодой и взор прекрасен черный.
 Верь: черноокая — источник животворный.
 А косы блещущей, — ведь это негры ввысь
 Для сбора фиников по пальме поднялись.
 Все финики твердят про сладость уст румяных,
 И рты их в сахаре от их мечтаний пьяных.
 А жемчуга зубов, горящие лучом!
 Жемчужины морей им не равны ни в чем.
 Два алых сахарца — два в ясной влаге лала.
 Арканы кос ее чернеют небывало.
 Извивы локонов влекут сердца в силки.
 Спустив на розы щек побегов завитки.
 Дыханьем мускусным она свой взор согрела, —
 И сердцевина глаз агатом заблестела.
 Сказала: «Будь мой взор, что черный чародей.
 Шепчи свой заговор всех дурноглазых злей».
 Чтоб чарами в сердца бросать огонь далече,
 Сто языков — во рту, и каждый — сахар мечет.
 Улыбка уст ее всечасно солона⁴.
 Хотя сладкой соли нет — соль сладкая она.
 А носик! Прямотой с ним равен меч единый,
 И яблоко рассек он на две половинны.
 Сто трещин есть в сердцах от Сладостной луны,
 А на самой луне они ведь не видны.
 Всех бабочек влекут свечи ее сверканья,
 Но в ней не сыщешь к ним лукавого вниманья
 Ей нежит ветерок и лик и мглу кудрей.
 То мил ему бобер, то горностаи милей⁵.
 Приманкою очей разит она украдкой.
 А подбородок, ах, как яблочко, он сладкий!
 Ее прекрасный лик запутал строй планет.
 Луну он победил и победил рассвет⁶.
 А груди — серебро, два маленьких граната,
 Дирхемами двух роз украшены богато.
 Не вскроет поцелуй ее уста — строга:

Рубины разомкнешь — рассыплешь жемчуга⁷.
 Пред шеей девушки лань опускает шею.
 Сказав: «Лишь слезы лить у этих ног я смею».
 Источник сладостный! Очей газельных вид
 Тем, кто сильнее льва, сном заячьим грозит⁸.
 Она немало рук шипами наполнила:
 Кто розу мнил сорвать, не преуспел нимало.
 Хотя зрят ее во сне сто сотен человек, —
 Им въявь ее не зреть, как солнца в ночь, вовек.
 Она, браня свой взор, ища исток дурманов,
 В глазах газелевых находит сто изъянов.
 Узрев нарциссы глаз, в восторге стал бы нем
 Сраженный садовод, хоть знал бы он Ирем.
 Как месяц, бровь ее украсит праздник каждый.
 Отдаст ей душу тот, с кем встретится однажды.
 Меджуна бы смутить мечты о ней могли, —
 Ведь красота ее страшна красе Лейли⁹.
 Пятью каламами рука ее владеет¹⁰
 И подписать приказ: «Казнить влюбленных» —
 смеет.

Луна себя сочтет лишь родинкой пред ней.
 По родинкам ее предскажешь путь ночей¹¹.
 А ушки нежные! Перл прошептал: «Недужен
 Мой блеск! Хвала купцу! Каких набрал жемчужин!»
 Слова красавицы — поток отрадных смут.
 А губы — сотням губ своей нежный сахар шлют.
 Игривостью подны кудрей ее побегу,
 А лал и жемчуг рта зовут к истомной неге.
 И лал и жемчуг тот, смеясь, она взяла.
 И от различных бед лекарство создала¹².
 Луной ее лица в смятенье всвержен разум.
 Кудрями взвихрены душа и сердце разом.
 Красой ее души искусство смущено.
 А мускус пал к ногам: «Я раб ее давню».
 Она прекрасней роз. Ее назвали Сладкой:
 Она — Ширин. Взглянув на лик ее украдкой¹³,
 Всю сладость я вкусил, влохнул я всю весну.

Наследницей она слывет Михин-Бану.
 Рой знатных девушек, явившихся из рая,
 Ей служит, угодить желанием сгорая.
 Их ровно семьдесят, прекрасных, как луна,
 Ей так покорны все, ей каждая верна.
 Покой души найдешь, коль их увидишь лики.
 От луноликих мир в восторг пришел великий.
 У каждой чаша есть, у каждой арфа есть.
 Повсюду свет от них, они — о звездах весть.
 Порой на круг луны свисает мускус; вина
 Там пьют они порой, где в розах вся долина.
 На светлых лицах их нет гнета покрывал.
 Над ними глаз дурной в бессильи б изнывал.
 На свете их красы хмельнее негу зелья.
 Им целый свет — ничто, им дайте лишь веселья.
 Но вырвут в должный час — они ведь так ловки —
 И когти все у льва и у слона — клыки.
 Вселенной душу жгут они набегом грозным
 И копытами очей грозят мерцаньям звездным.
 О гурнях твердят, что ими славен рай.
 Нет, не в раю они — сей украшают край.
 Но все ж Михин-Бану, владея всей страной,
 Владеет не одной подобною казною.
 Привязан в стойле конь. Дивись его ногам:
 Летит — и пыль от ног не ухватить ветрам,
 Его стремительность не уловить рассудком.
 Он в волны бросится, подобно диким уткам.
 Он к солнцу вскинется — так что ему до стен!
 Он перепрыгнет вмиг небесных семь арен¹⁴.
 В горах взрыхлят скалу железные копыта,
 А в море пена волн с хвостом волнистым слита.
 Как мысли — бег его, движенья — бег времен.
 Как ночь — всезнающий, как утро — бодрый он.
 Зовут его Шебдиз, им целый мир гордится,
 О нем грустят, как в ночь грустит Ночная птица¹⁵.
 Умолк Шапур, чья речь свершила все сполна:
 Покой свалился с ног, а страсть — пробуждена.

«Ширин, — сказали все, — должны почесть мы дивом».

Охотно вторят все устам сладкоречивым:

«Все, что возносит он, возвышенным считай:
 Ведь живописью он прельстил бы и Китай¹⁶».
 В мечтах за повестью Хосров несется следом.
 Стал сон ему не в сон и отдых стал неведом.
 Слов о Ширин он ждет, и в них — она одна,
 Уму давали плод лишь эти семена.
 Дней несколько о ней он был охвачен думой,
 Речью убажен. Но час настал. Угрюмый.
 Он руки заломил. Весь мир пред ним померк.
 В тоске он под ноги терпение поверг.
 Шапура он зовет, ему внимает снова,
 Но после сам к нему он обращает слово:
 «Все дело, о Шапур, кипучих полный сил,
 Ты приberi к рукам, я — руки опустил.
 Ты зданье заложил искусно и красиво.
 Все заверши. Всегда твои созданья — диво.
 Молчи о сахаре. Твой сказ не зря возник.
 Будь там, где насажден сей сахарный тростник¹⁷.
 Иди паломником туда, где этот идол.
 Хочу, чтоб хитростью ты идола мне выдал.
 Узнай, добра ль, узнай, — мне сердца не томи, —
 Общаться может ли со смертными людьми.
 И коль она, как воск, приемлет отпечаток, —
 Отгисни образ мой. Внимай! Наказ мой краток:
 Коль сердце жестко в ней, — лети назад, как шквал,
 Чтоб я холодное железо не ковал».

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

И мастер слов, Шапур, поклон земной отвесил.
 «Да будет наш Хосров и радости и весел!
 Чтоб добрый глаз всегда был на его пути,
 Чтоб глаз дурной к нему не мог бы подойти!»

Воздал хвалу Шапур — отборных слов хранитель,
 И вот дает ответ: «О мира повелитель!
 Когда любой узор мой делает калам,
 То славою с Мани делюсь я пополам.
 Я напишу людей, — они задыхат. Птица,
 Написанная мной, в небесный свод помчится!
 Мне с сердца твоего пылинки сдуть позволь,
 Когда на сердце — пыль, в глубинах сердца — боль.
 Все, что задумал я, всегда я завершаю,
 Я все несчастья от власти отрешаю.
 Утихни, веселись, не думай ни о чем.
 За дело я взялся — забудет оно ключом.
 Мой не замедлят путь ни усталость и ни хворость.
 У птиц полет возьму, а у онагров — скорость.
 Я не усну, пока твой жар не усыплю,
 Приду, когда Ширин придти я умолю.
 Пусть, как огонь, она скует чертог железный
 Иль будет, как алмаз, скалистой скрыта бездной.
 Я силою ее иль хитростью возьму,
 Схвачу алмаз, смету железную тюрьму.
 Я стану действовать то розами, то терном,
 Все огляжу и все свершу ударом верным.
 Коль счастье в Сладостной, — найду добычу я.
 Тебе должна служить удачливость моя.
 А калъ увижу я, что не свершу я дела, —
 Вернусь к царю царей и в том признаюсь смело».
 Едва сказав сие, сказавший быстро встал
 И нужное в пути поспешно он собрал.
 Пустыню пересек, скакал в другой пустыне,
 Спешил к Армении, к возвышенной долине.
 Вель там красавицы, бродившие толпой,
 В нагорьях дни вели, покинув тяжкий зной.
 Поднялся ввысь Шапур, там были в травах склоны,
 Там базиликам путь открыли анемоны.
 Там каждый склон горы цветов окраску взял
 И в складках красных был иль желтых покрывал,
 К вершинам этих гор подъем свершая трудный,

Луга приподняли ковер свой изумрудный.
 До Пажитей Бугри с большой горы Джирам
 Цветы сплетали вязь, подобясь письменам.
 В михрабе каменном, а он — устоя Ирака,
 И мощный пояс он вершины Анхарака —
 Вздмался монастырь, он был — один гранит.
 Монахи мудрые устроили в нем скит.
 И спешился Шапур у каменного входа:
 Знал обычай он каждого народа.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕБДИЗА

И вот о чем ему там рассказал монах,
 Слов жемчуга сверля в струящихся речах:
 «Вблизи монастыря находится пещера.
 В ней камень схож с конем; того же он размера.
 В дни зрелых фиников спешит из Ремгеле
 Сюда кобыла. Ждет — зачнет она во мгле.
 Она, свершив свой путь в полуночную пору,
 В пещерный лезет вход, как змеи лезут в пору.
 И к камню черному в ней страстный жар горит,
 Трепещет, бурная, и трется о гранит.
 Ей волею творца от камня ждать приплода.
 Что дивного? Творцу подчинена природа.
 А конь, что здесь зачат, — всего быстрее он,
 Свой взмах у ветра взяв, а скорость — у времен».
 Так был зачат Шебдиз. Уж камня нету ныне.
 Исчез и монастырь, как легкий прах в пустыне
 Вершины Анхарака скатилась голова,
 У ног ее легла; тут не видна трава.
 В одеждах сумрачных по золотоцветным взгорьям
 Каменье черный рой сидит, сраженный горем.
 И небо в пьяный жар от стонов их пришло,
 Об их кремнистый стан разбив свое стекло.

Был реком черный рой отчаянно завешан.
 Не заросли окрест — одни провалы трещин.
 У бога множество есть назиданий; тут
 Он внятно говорит: «Узрите Страшный суд!».
 Столетний нескольких, быть может, приговоры
 Способны повергать взгордившиеся горы.
 Ты ж, глиняный ломоть, замешанный водой¹,
 Все алчешь вечности в кичливости пустой!
 О Низами, вернись к забытому рассказу,
 Чтоб в будущем о нем не забывать ни разу.

ШАПУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Когда ночных кудрей раскинулся поток,
 А жаркий светоч дня сгорел, как мотылек,
 И черною доской, промолвив: «Нарды бросьте!»,
 Закрыли желтые сверкающие кости¹,
 Всплыл яркий Муштари, держа в руках указ:
 «Шах — выбрался из пут, Шапуру — добрый час²».
 И вот в монастыре передохнул немного
 Шапур прославленный: трудна была дорога.
 И старцам, знающим небес круговорот,
 Шапур почтительный вопросы задаст.
 Не скажут ли они, куда пойдет походом
 С зарей красавиц рой, к каким лугам и водам?
 Велеречивые сказали старики:
 «Для неги дивных жен места недалеко.
 Под грузною горой, там, на дремучих скатах,
 Есть луг, укрывшийся меж зарослей богатых.
 И кипарисов рой сберется на лужок,
 Лишь их проснувшийся овеет ветерок».
 Шапур, опередить стремясь кумиры эти,
 Свой пояс затянул, проснувшись на рассвете.

И ринулся он в лес, что вокруг лужайки рос,
 Чтоб с россыпью сойтись багряных этих роз.
 Взяв листик худжесте, руки движеньем самым
 Скупым хосровов лик он набросал каламом.
 Рисунок довершил и в сладостную тень
 Его он поместил, вложив в шербатый пень.
 И будто бы перй, унесся он отсюда.
 И вот перй сошлись, они чудесней чуда.
 Со смехом на лужке они уселись в круг,
 То вязь плетя из роз, то заплетая бук,
 То выжимая сок из розы ручкой гибкой,
 Сияя сахарной и розовой улыбкой.
 И нежит их сердца сок виноградных лоз,
 И розы клонятся к оханкам нежных роз.
 И, зная, что лужок чужим запрещен взорам,
 В хмельной пустились пляс, живым сплетясь узором.
 Меж сладкоустых лиц Ширин прельщала взгляд,
 Сияя, как луна меж блестящих Плеяд³.
 Подруг любимых чтя, Ширин запировала,
 Сама пила вино и милым пить давала.
 Прекрасная, гордясь, что лик ее — луна,
 Глядит, — и худжесте увидела она⁴.
 Промолвила Ширин: «Рисунок мне подайте,
 Кто начертал его? Скажите, не скрывайте».
 Рисунок подали. Красавица над ним
 Склонилась; время шло... весь мир ей стал незрим.
 Она от милых черт отвлечь свой дух не в силах,
 Но и не должно ей тех черт касаться милых.
 И каждый взгляд пьянит, он — что глоток вина
 За чашей чашу пьет в беспамятстве она.
 Рисунок видела — и сердце в ней слабело.
 А прятали его — искала оробело.
 И стражи поняли, признав свою вину:
 Ширин прекрасная окажется в плену.
 И в клочья рвут они утонченный рисунок;
 Бледнит китайский он законченный рисунок⁵.
 И говорят они, поспешно клочья скрыв:

«Поверь, его унес какой-то здешний див.
Тут властвуют перй! С лужайки — быстрым бегом!
Вставайте! Новый дуг отыщем нашим негам». —
Сия кадилыница в них бросила огонь,
И окурились все, как бы от злых погонь.
И, дымом от огня затмив звезду несчастий,
Коней погнала в степь, спасаясь от напастей⁵.

ШАПУР ВО ВТОРОЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Лишь только красный конь копытом на гора
Взрыл огненную пыль, пророча о заре,
И в каждой щели он отрыл багрянец клада,
В тот час, когда гора парче пурпурной рада, —
Шапур свой начал день; он снова под горой
Был прежде, чем туда примчался райский рой.
Еще заранее, достав бумагу, снова
Он начертал на ней красивый лик Хосрова.
И, услаждая дух, в тени большой горы
Цепь роз опять сплелась для песен и игры.
Посрамлена луна, лишь спало покрывало —
Египетская ткань, что их полускрывала.
Как будто нехотя вошли в игру. Росло
Веселье медленно, — и в пляске расцвело.
Но только увлеклись они живой игрою, —
Над ними начал рок шутить своей игрою.
Едва Ширин свой взор приподняла опять, —
Дано ей было вновь Хосрова созерцать.
Глядит; ее души затрепетала птица,
Язык утратил речь. Иль этот лик ей снится?
Для опьяненного немного нужно сна.
Для глине горсть воды — насыщена она.
Зовет она подруг: «Что там? Что значит это?

Игра моей мечты? Игра теней и света?
Картину дайте мне». Рисунок скрыли вмиг.
Но солнца не укрыть! Кто сей забудет лик?
И девы молвили: «Здесь духи смяли травы.
Поверь, им не чужды подобные забавы». —
И утварь подняли, стремясь от мнимых гроз,
И дуг испуганно очистили от роз.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Вот Анка черная, исполненная гнева,
Зерно лучистое в свое внедрила чрево¹.
Вот гурии в степи, что Анджарак зовут²,
Вновь обрета покой, вино по чашам льют.
В хмелю, меж трав степных, заснули девы наши.
У ножек — базилик, в руках — пустые чаши.
День поднял голову из тканей мглы. Конеч
Луне пришел. Весь мир золотой надел венец.
И венценосные на троне бирюзовом
Вино преподнесли его испить готовым.
И мчатся в монастырь, — он звался Перисуз³, —
В день путь свой совершив, ни в чем не зная уз.
И там, где небеса как цвет глазури синий,
Бродили, протянув узор волнистых линий,
Как души мудрецов — зеленые ковры.
А воздух — ласковость младенческой поры.
Прохладный ветерок приятней ветров рая,
Лужайка в лютнях от края и до края.
Камень, словно храм; обвили их выюнки.
Причесывая луг, струятся ветерки.
И говор горлинок и рокот соловьиный
Меж пламенных цветов сплелись в напев единый.
Пернатых волеи лет, не страшно им людей,

Порхают радостно меж трепетных ветвей.
 Две птицы, здесь и там, прижавшись друг ко другу,
 Дают пример цветам, дают отраду лугу.
 На луг пришел Шапур, и для услады глаз
 Хосрова светлый лик он создал в третий раз.
 Узрев безбурный луг под куполом лазури,
 Здесь гурья вино решила пить меж гурий⁴.
 И вновь увидели красавицы глаза
 То, чем смирилась бы души ее грозя.
 Она поражена подобной ворожбою,
 Уж дев играющих не видит пред собою.
 Сосредоточен взор, встает она, идет,
 Изображение в объятия берет.
 Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
 И вот оно в руках! И счастье и страданье!
 Она в беспамятстве, он стоит едва,
 Шепча недолжные — забудем их! — слова.
 Да! Коль все меры взяты и слить все меры эти,
 И дивов, как людей, в свои поймает сети.
 Лишь те, чей лик из роз и что подобны дню,
 Столестковую увидели родню,
 Как стало ясно им, что облик сей красивый —
 Не зло, что не грешны тут сумрачные дивы.
 В работу мастера вгляделись, — не скрывать
 Хотят ее теперь, — смотреть и восхвалять.
 Кричат красавицы: «Пусть все придет в движенье, —
 Клянемся разузнать, чье здесь изображение!».
 Увидела Ширин, что их правдива речь
 И что хотят они печаль ее пресечь.
 «Ах, окажите мне, — она взывает, — помощи!».
 Ведь от друзей друзьям всегда бывает помощь.
 Чтoб дело подождать, порою нужен друг,
 Порою нужен он, чтоб дел сомкнулся круг.
 Лишь с другом не темна житейская дорога.
 Нет ни подобия, ни друга — лишь у бога.
 Промолвила Ширин с великою тоской:
 «Навек утрачены терпенье и покой.

Подруги! Этот лик мы от людей не скроем.
 Так выпьем за него! Веселие устроим».
 И снова на лугу — веселие одно.
 Пир начинается, вино принесено.
 И за газелями поются вновь газели,
 И голос кравчего приятней пьяных зелий.
 Напиток горький пьет сладчайшая Ширин.
 О горечь сладкая! Властнее нету вин.
 И с каждой чашею в томлении великом
 Ширин целует прах, склоняясь пред милым ликом.
 Когда же страсть и хмель ей крепче сжали грудь, —
 Терпенье тронулось нетерпеливо в путь.
 Ширин, одну Луну поставя при дороге, —
 «Кто ни прошел бы здесь, — приказ дает ей строгий, —
 Узнай, что делает он в этой стороне,
 Об этом облике что может молвить мне?».
 Одних спросили вслух, других спросили тайно.
 Что ж? Все таинственно и все необычайной!
 И тело Сладостной ослабло в злой тоске,
 И все от истины блуждали вдалеке.
 И, как змея, Ширин в тоске сгибалась грозной,
 Из раковины глаз теряя жемчуг слезный.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА В ОДЕЖДЕ МАГА-ЖРЕЦА

Все души Птица Чар измучила вконец¹.
 Но вот является. Ее обличье — жрец.
 И лишь прошел Шапур три иль четыре шага,
 Почудилось Ширин: встречала где-то мага.
 Шапур приятен ей: хоть кисть он позабыл, —
 Рисунок черт своих ей в сердце он вложил.
 «Позвать его сюда, — слова ее приказа, —
 Чтoб здесь он все узнал из нашего рассказа.

Быть может, знает он, кто нарисован тут,
И где его страна, и как его зовут».
И вот прислужницы путь истоптали: слово
Шапура вымолвил — к Ширин несется снова.
Шапур, потупя взор, неслышно прошептал:
«Я далеко зашел, но все ж далек привал».
Но уж в своих сетях он видит лапки дичи.
В их беге видит он, что ждать ему добычи.
Он молвил: «Этот перл не надлежит сверлить,
А если и сверлить, то надо спесь забыть».
И вот бегут к Ширин служительницы снова, —
То, что сказал им жрец, сказать ей слово в слово,
Лишь луноликая услышала их — вмиг
В ней закипела кровь: в душе огонь возник.
Сверкая серебром, жреца покорна власти,
До гор вздымая звон ножиных своих запястий,
Ширин летит к нему, волнуясь и спеша,
Как тополь, стройная, плавная и хороша.
Хрусталь прекрасных рук опишешь ли каламом!
И схожи локоны с буддийским черным храмом?
А косы, обрат в закрученный аркан,
Как бросила она? Обвила ими стан.
И, видя стан ее, и лик ее, и плечи, —
Художник рук своих лишается и речи.
Она — игрушка, да! Но странно... не понять:
Играет тем она, кто ею миал играть.
Индус! Ты сердце взял рукою ловкой, дерзкий!
Она, как тюрк, за ним! Не быть с обновкой, дерзкий!
О тюркская напасть! Покорствуя красе,
Индусами пред ней склонились тюрки все.
Откинула покров. Жемчугоносным ухом,
Блестя как ракушкой, премудрость ловит слухом.
В ее речах есть соль, в очах лукавство есть.
Так с магом говорит, как понуждает честь.
«Хоть на кратчайший срок ты будь к моим услугам,
Хоть на мгновение ты стань мне добрым другом».
Сей голос услышав, как опытный хитрец,

Замедлить свой ответ замыслил мнимый жрец.
Но, ведавший язык нарциссов томных — все же⁵
Свой разум он забыл и речь утратил тоже.
Вознес хвалу он той, что всех перй милей,
И, как велит перй, садится рядом с ней.
«Откуда ты, скажи, и где твоя обитель, —
Она промолвила, — и дешенный ли ты житель?»
Тут опытная речь Шапура расцветала:
Я много знал добра и много ведал зла.
Я — избран, для меня нет тайны ни единой.
Ни у подножий гор, ни у одной вершины.
Я запад ведаю и ведаю восток.
Все страны я познал, познать всю землю смог
Да что земля! О всем, что от Луны до Рыбы,
Мои уста, поверь, тебе сказать могли бы.
Увидела Ширин: самоуверен он, —
И задает вопрос: «Кто здесь изображен?»
И отвечает ей художник тонкий, мудрый:
«Да будет глаз дурной далек от пышнокудрой.
Сказ о начертанном завел бы в долгий лес.
Но тайна образа за тьмой моих завес.
Я все события, что в сердце мной хранимы,
Тебе поведаю, но здесь ведь не один мы».
И вот велит кумир кумирам быть вдали⁶.
Велит, чтоб звездный круг вдали они плели.
И звезды растеклись. Шапур не медлил боле, —
Пустил словесный мяч он на пустое поле:
«Пред этим ликом лик померкнет бы любой.
Здесь областей семи светило пред тобой.
Он мощью — Искендер, своим огнем он — Дарий.
Он — Искендер, и вновь скажу о нем: он — Дарий.
В сознании небес он с блеском солнца слит.
Он — семя, что земле оставил сам Джемшид.
Он — царь царей — Хосров, и вымолвлю я смело:
Того, где он царит, счастливей нет предела».
С душой он говорил, текли его слова,
На душу гурии он простирает права.

Текли его слова. Ширин ему внимала,
И речь отрадная ей сердце обнимала.
В реченье каждое внимала, и опять
Все о Хосрове должен был он повторять.
И слово каждое в душе ее пылало.
Преображенное, как рдяный пламень лала.
Уж тайны не было, с нее совлек покров
Шапур, явя Ширин ручей прозрачных слов:
«Напрасно от меня ты тайну укрывала,
Что держишь речь свою за тенью покрывала?
О роза, распустись, чтоб сделалась видны
Все лепестки. Слова открыто течь должны.
Когда ты обрести желалась исцеленье,
От лекаря скрывать недуг свой — преступленье».
В кудрях чуть видимый, потупился кумир.
Милей смущения еще не видел мир.
То за полу беря, то в грудь вонзая жало,
Любовь ее слова на привязи держала.
Но, на него взглянув, она решила вдруг
С сосуда крышку снять: пред ней надежный друг.
Шапура не страшась, к нему подседа ближе,
Со рта сняла печать и жемчуг речи нижет:
«Чтобы господь всегда доволен был тобой,
Ты сжалась над моей печальною судьбой.
Мою сжигают кровь черты изображенья.
Целую вновь и вновь, черты изображенья.
Рок спутал дни мои, спокойствие круша,
Как кудри, скручена, запутана душа.
Мне помоги в любви, о друг мой, хоть немного.
И от меня, дай срок, придет тебе помога.
Все скрытое в душе я в твой вложила слух.
И ты мне все открой, мой дух не будет глух».
И чародей Шапур уж не считает лживость
Оружьем, что верней и лучше, чем правдивость.
И, как запястья, он припал к ее рукам.
И, как запястья, он упал к ее ногам.
И восклицает он: «О светоча сиянье!

О всех увенчанных надежда и мечтанье!
Мрачнее сумрака тебе хотящий зла!
Как месяц молодой, твоя душа светла!
Покорно чтя того, кто служит мне защитой,
Тебе открою все, с твоим желаньем слитый.
Рисунок этот мой, и мною создан он.
На нем Хосров Парвиз был мной изображен.
Обличья уловил я каждую приметку,
Но лишь рисунок тут, души в нем все же нету.
Я знаю живопись, ей обучился я,
Но душу принести не смог в твои края.
В подобье влюблена! Оно — лишь тень! Взгляни-ка
На прелесть тонкую его живого лика!
Увидишь целый мир, что создан из лучей,
Свет, озаривший мир, но все еще — ничей.
Могуч и ловок он, искусен в каждом деле.
Во гневе — лютый лев, в любви — нежней газели.
Он роза, что зимы не ведала невзгод.
Он юность, в нем весна сияет круглый год.
Вкруг розовых ланит еще не видно тени,
И с лилей он схож, с нежнейшим из растений.
Дохнет — и сто дверей пред ним раскроет рай.
Луну повергнет ниц ланит расцветший май.
Он сядет на коня — и он Рустама краше.
Он Кей-Кобад, когда в его деснице — чаша.
Когда дары сберет для любящих сердец, —
Каруновых богатств разломится венец.
Реченьем извлечет жемчужины из лала,
Его рука сердца из барсов извлекала.
Когда же тронет он в порыве стремени, —
Ему погоня бурь уж будет не страшна.
Спроси — откуда он? Он от Джемшида родом.
Спроси про сан его — он царь земле и водам.
На небе стяг его, нет, не в земной пыли!
И для его коня узки пути земли.
Однажды он во сне твои увидел очи,
И потерял он сон с блаженной этой ночи.

Не поднимает чаш, ни с кем не пьет вина.
 Забыл дневной покой, и нет ночного сна.
 Друзей покинул он: лишь ты в померкшем взоре.
 Пусть никого не жжет такое злое горе!
 Я от него пришел, я лишь его гоню.
 Я все тебе открыл — моим словам конец.
 Так он жемчужину сверлил многообразно¹⁰.
 Немало ловких слов пред ней рассыпал разных.
 И, сладкоречием смущенная, Ширин
 Вкушала речь его, как сладость лучших вин.
 Изнемогла она, сто раз была готова
 Упасть, — и превозмочь себя умела слова.
 Помедлила, потом промолвила: «Мудрец,
 Как нашей горести положишь ты конец?».
 «Ты солнца яркого внимаешь укоризне:
 Ты ярче, — рек Шанур, — знай только счастье
 в жизни!

Ты помыслов своих Бану не дай постигнуть¹¹.
 А завтра ты скажи: «Стрелять желаю дичь».
 Ты на Шебдиза сядь и, будто без заботы,
 Ты на охоту мчись, а там беги с охоты.
 Твой не задержат бег ни войны, ни знать:
 Их резвым скакунам Шебдиза не догнать.
 Пространство пролетай, как быстрое светило,
 И мчаться за тобой дана мне будет сила».
 С Хосрова именем он перстень ей дает:
 «Возьми и совершай поспешный свой поход.
 Коль юного царя увидишь ты дорогой,
 Яви свою луну, не будь напрасно строгой¹².
 Златоподкованный под ним гарцует конь,
 В рубинах весь наряд, их радостен огонь.
 В рубинах плащ его, в венце его — рубины,
 И рот — рубин, и все — рубинный блеск единый.
 Не встретишь ты царя, — узнай где Медани,
 Спроси про верный путь меж возгор и долин.
 Когда отыщешь путь в пределы Меданна,
 Увидишь: Медани — сокровищниц долина.

Там замок у царя — пред ним ничто Фархар.
 Рабыни в нем полны необычайных чар.
 У выхода встанет конь, в прах поги врыв с размаха,
 Привратнику яви горящий перстень шаха.
 О кияарис! Тот сад принять тебя готов.
 Будь радостной, как ветвь под тяжестью плодов.
 К Пармиза красоте простри свободно длани
 И подведи итог томлений и желаний.
 Но я — лишь только тень, вещь я не под стать.
 И как же смею я тебя увещевать!».

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИР-БАЛУ В МЕДАНИ

Умолк Шанур, и вот Луну объяли чары,
 А хитрость в гурни раздула пламень жарый.
 И он ушел, решив: «Надежда мне дана».
 Луну покинул он: луна была одна.
 Бегут прекрасные к своей Ширин и рады
 С ней рядом заблестать, как светлые Плеяды.
 И месяц приказал блестящим звездам: «Прочь!
 Отсюда всем бежать, пока не минет ночь.
 Подковами коней гороподобных горы
 Разрыть, как рудники, побег начавши скорый!»².
 Целительницы душ, осправив паланкин.
 Пустились в путь, блести над ширями долин.
 Беседа, смеясь, речам не зная края,
 Путь провели, — и вот дуга родного края.
 Всем отдохнуть дает родной приветный кров,
 Но сердце Сладостной под тяжестью оков.
 Вот полночь. Целый мир наполнен дымом ночи,
 И сном наполнены ночного мира очи.
 Навесили покров над солнечной главой,
 Цветок пылающий укрыли под лентой³.

Ширин пришла к Бану. «Я к солнцу, я к величью
 Пришла. Позволь с зарей мне выехать за дичью.
 На завтра прикажи — о ты, чье имя чтут —
 Шебдиза бурного освободить от пут.
 Помчусь я на коне, стреляя дичь проворно,
 А вечером к тебе приду служить покорно».
 «О светлая луна! — в ответ Михни-Бану. —
 Что кони! Тебе отдать могла б я всю страну!
 Но вороной Шебдиз, запомнить это надо,
 Неудержим. Скакать — одна его отрада.
 Грохочет скок его, что громыханье бурь.
 Он бешеной ветров, всклокочивших лазурь.
 Шебдиз! Нет ничего быстрее у природы.
 В огонь он обратит своим кипеньем воды.
 Ну что ж! Коль на него ты все же хочешь сесть, —
 Он — полночь, ты — луна, твоих красот не счесть.
 Внуздай коня уздой в серебряной оправе
 И приучи к своей уверенной управе».
 Розоволикая, как роза, расцвела,
 Склонилась ниц, ушла, — и сладостно спала.
 Вот синему ларцу с узором из жемчужин —
 Так порешил Китай — замок червонный нужен⁴.
 Выходит из ларца мечта китайских нег⁵.
 В мечтаньях начертав поспешный свой побег.
 Явились ей служить китайские изделия
 Иль кипарисов ряд — очей благое зелье⁶.
 Увидела Ширин черты любимых лиц,
 И молвит ласково склоняющимся ниц:
 «В степь, ради лучшего, что есть на нашем свете,
 Помчимся: сотни птиц хочу поймать я в сети».
 Поязки сбросили красавицы с голов,
 Чтоб по-мужски внимать звучанью властных слов.
 Надев мужской кулах на головы, охотно
 Укрыли под плащом тончайшие полотна.
 Так должно: девушки, охотясь по степям,
 По виду каждая должна быть, как гулям.
 И вот пришли к Ширин, одетые пригоже,

Вот на седле Ширин, они на седлах тоже.
 Вот выехали в ширь с дворцового двора,
 И каждая, как Хызр, нашедший ключ, бодр.
 И мчатся по степи своей веселой цепью,
 В одной степи летят, летят другою степью.
 Рой гурий сладостных, быстрее быстрых бурь,
 На дуг проник, а дуг был яркая лазурь —
 Земля зеленая! Тут посятся газели,
 Порывы ветерков тут просятся в «газели».
 И вскачь пустились вновь прибывшие сюда,
 Для скачки отпустив свободно повода.
 Шебдизом правящий был смелою богатый
 И опытный ездок, а конь под ним — крылатый.
 Все горячит коня Ширин моя и вдруг
 Свернула, — и летит от скачущих подруг.
 Подруги говорят: «Шебдиз понес». Не знали,
 Что это в ней самой желанья бунтовали.
 Как тени, спутницы летят за нею вслед,
 Хоть тени, ее поймать, — но даже тени нет⁷.
 Подруги рыскали за ней до самой ночи.
 И вот надежды нет, и мчатся нету мочи.
 Водительница их во мраке, далеко.
 Устали их тела, их душам нелегко.
 К дворцу Михни-Бану стеклись порою ночью
 Созвездья. Их луна — за черной пеленою.
 Они, к престолу путь очами подмета,
 Сказали о Ширин, волнуясь и грустя.
 Сказали, не щадя ее судьбы каприза:
 «Она не в силах, видно, удержать Шебдиза».
 Встают Михни-Бану, внимает им, кланяет
 Несущий бедствия судьбы круговорот.
 Сошла со ступеней, полна тоски и страха, —
 И в прахе голова склоненная до праха.
 И, руки заломив над горестной главой,
 Поток слез лила, страх не скрывая свой.
 Все плачет о Ширин, все поминает брата, —
 Отца Ширин. Иль вновь к ней близится утрата?

«Не дурпоглазым ли, — в сердцах твердит она, —
 Я к одиночеству, к тоске присуждена?
 О роза милая, ты сорвана! В какие
 Ты брошена шипы и бедствия людские?
 Навь более твоей не стою я любви?
 За кем ты следуешь? Ты мне их назови!
 О лань! Тебе свои наскучили газели?
 Или ты в плену у льва? О милая! Ужели?
 Луна, зачем же ты ушла от звезд своих?
 Не солнце ты, — луна. Ты быть должна меж них!
 Моя душа — твой сад, о кипарис мой! Жаждой
 Я по тебе томлюсь, грущу о ветке каждой.
 Кому твой светит лик, о милая Луна?
 Я горем и бедой рассудка лишен!»
 Так до зари она стенала, и взрастали
 Ее тоска и боль и возгласы печали.
 Когда ж из кладезя, где замкнут был Бижен,
 Светило дня взошло, свой расторгая плен, —
 Войска к Михин-Бану явились и стояли
 И приказании безмолвно ожидали.
 Когда бы повелеть решила им Бану —
 На молниях-копьях обшарили б страну.
 Но молвила Бану, что покидать не надо —
 Подобно ей самой — оград родного града.
 Предвидела она сию беду во сне:
 Умчался сокол прочь, блестя в дневном огне.
 Но только сожалеть она об этом стала, —
 Уселся сокол вновь ей на руку устало.
 Бану сказала им: «Хоть птицами нам стать,
 Хоть знать все тайное нам было бы под стать, —
 Но ведь не отыскать нам даже водопоя.
 Где побыл мой Шебдиз, копытом землю роя.
 За птицей быстрою не следует лететь.
 Поймать не сможем дичь, увидевшую сеть.
 Не плачь, что голубь твой твои покинул руки.
 Он — твой, он прилетит, не вытерпит разлуки.
 Я молнии узрю, терпение храня,

Из-под копыт ее строптивого коня.
 Сокровище мое отыщется, и снова
 Я буду счастлива. Я к радости готова.
 В сокровищницу вновь сокровище верну,
 Даров на радости немало разверну».
 И вот войска Бану, услышав эти речи,
 Ей повинуются. А где Ширин? Далеке.
 Да, той порой Ширин винучий нес Шебдиз.
 А в мире для Ширин был только лишь Парвиз.
 С планетой схожая, неслась она; привала
 Не делала нигде, неслась, не уставала.
 Как будто бы гуляя, свой повязавши плащ,
 Селеньями неслась, и ветер был свистящ.
 Грозил ей враги, неслась она в тревоге
 По взгорьям, по стенам, дорогой, без дороги.
 Гороподобный конь был, словно ветер, скор.
 Был ветер позади, как ряд мелькнувших гор.
 Ведь, верно, знаешь ты старинное преданье,
 Как встарь ворожей свершала волхвованье.
 Не здесь ли зеркало она и гребешок
 На землю бросила, и небо долгий срок
 Их не могло найти; одно воздвигло горы,
 Другой лесами стал, а ведьма, что просторы
 Сумела преградить, вошла в стволы дерев
 И в камни этих гор, — в свой колдовской посев.
 Но путь все ж поддался наездницы усилью,
 И взгорий и лесов она покрылась пылью.
 Ее усталый лик стал призрачен и бел.
 А нежный нрав ее в скитаньях погрубел.
 Четырнадцатый день, сияя светлым ликом,
 Луна свершала путь в горении великом.
 Она спешит вперед — ей остановки нет —
 Расспрашивая всех, сама лица примет.
 И побеждал скакун ветров прыгучих племя,
 Сказав земле: «Забудь, что есть на свете время».

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассвет. Уже вдали мерцает бледный свет,
 А изнуренной мгле уже надежды нет.
 Нарциссов тысячи с крутящихся просторов
 Скотились. Всплыл рубин меж облачных уборов¹.
 Полна и горечи и страстного огня,
 Ширин торопит бег прекрасного коня.
 И расprostерся луг, мерцающий росой,
 И чистый ключ сверкнул эдемскою красою.
 Стыдась блестящих вод источника, поник,
 Померк живой воды прославленный родник.
 Скиталица Ширин! Ее разбито тело.
 Пыль с головы до ног прекрасную одела.
 Вокруг источника — улады этих мест —
 Все кружится она; безлюдие окрест.
 И спешилась Ширин, и скакуна — на привязь,
 И взор ее блеснул, безлюдьем осчастлививсь.
 Источник радости к источнику идет,
 Блестя; он взор небес своим блистаньем жжет.
 Вот сахарный Сухейль освобожден от шерсти,
 И вскрикнул Тиштрия, увидев прелесть перси².
 Лазурная вилась вокруг чресел ткань. Кумир
 Вошел в ручей, и вот — огнем охвачен мир.
 Лазурью скрытые, чуть виделись Плеяды.
 Шиповник с лотосом сплетаться были рады³.
 Вот всю ее стеной обводит синева
 Луны над синевой сияет голова⁴.
 Сеть, свитую из кос, влачит она в затоне,
 Не рыба, а Луна попалась ей в ладони⁵.
 О мускус черных кос над бледной камфарой!
 Мир гаснул пред ее победной камфарой⁶.
 Иль час грядущего ее душе был ведом?
 Иль знала, кто за ней сюда прибудет следом?
 Из вод ключа Ширин, что сладостней всего,
 Готовила джуляб для гостя своего.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассказчик, на фарси о капувшем читавший,
 Рассказывал; узнал рассказчику внимавший:
 Когда Хосров послал Шапура в дальний край,
 Сказав: «Ты о мечтах Прекрасной разузнай», —
 И день и ночь он был в покорном ожиданье,
 Что будет сладкое назначено свиданье.
 С зарей и в сумерках — как солнце и луна —
 Он службу нес отцу; душа была ясна.
 И юный был Хосров, согласно древним сказам,
 Отцовского венца излюбленным алмазом.
 Но хоть сиял отцу сей сладостный алмаз,
 Вмиг изменилось все: дурной вмешался глаз.
 Тот враг, что козьями весь край бы заарканл,
 Дирхемы с именем Парвиза отчеканил¹.
 Он их пустил гулять во многих областях.
 Тревогой был объят персидский старый шах.
 Он мыслит: сын игру затеял не без толка.
 Захватит юный лев престол седого волка.
 И царь задумался: какой же сделать ход?
 Вот первый: юношу в ловушку он запрет.
 О мерах думал он, но думал неглубоко:
 Не ведал он игры играющего рока.
 Не ведал, что всегда Хосров отыщет путь,
 Что месяц молодой в оковы не замкнута,
 Что каждый, истину избрав своим кумиром,
 Мир победит, ни в чем не побежденный миром.
 О шахских замыслах узнал Бузург-Умид.
 Он юношу сыскал, спасая от обид.
 «Взгляни, твоя звезда плывет по небу книзу,
 Царь в гневе на тебя, — промолвил он Парвизу. —
 Пока не схвачен ты, покинь родимый край,
 От кары удались и голову спасай.
 Быть может, пламень сей останется без дыма,
 Взойдет твоя звезда, вернешься в край родимый».
 Хосров глядит: беда, плетя за нитью нить,

Ему готовит сеть, желая половить.
 К мускуснокудрым он, в спокойствии великом
 Пошел. И вымолвил Хосров месяцеликим:²
 «Из замка скучного я на немного дней
 Уеду: пострелять мне хочется зверей.
 Желаю, чтобы дни вы весело встречали.
 Играйте. Никакой не ведайте печали.
 Когда ж прибудет та, чей дивен черный конь,
 Осанка — что павлин, улыбка — что огонь, —
 О Луны! Вы ее приветствуйте, в оконце
 Взгляните-ка! Она светлей, чем это солнце.
 Ее примите вы и станьте с ней близки,
 Чтоб знала радости, не ведала б тоски.
 Когда ж взгрустнет она в Дворце моем Зеленом³,
 Прельщенная иным: лугов зеленым доном, —
 Вы дуг пленительный найдите, и дворец
 Постройте на дугу владычице сердец».
 Уже душа ему пророчила о многом,
 И, говоря, Хосров был вдохновляем богом.
 Слова он вымолвил, как ветер, и — смотри! —
 Пошел, как Сулейман, со свитой перй.
 Он взвил коня, чтоб бил он менее дорогу.
 Он покорил себе к Армении дорогу.
 Чтоб только не узреть отеческих седни,
 Два перехода он, летя, сливал в один.
 Но обессилели его гулямов кони
 Там, где Луна свой лик увидела в затоне.
 Гулямам он сказал: «Тут сделаем привал,
 Чтоб каждый скакуну тут корма задавал».
 Хосров Парвиз один, без этой свиты верной,
 Направился к ручью; рысцой он ехал мерной.
 И дуг он пересек, и вот его глаза
 Увидели: блестит затона бирюза.
 Орел на привязи — и где восторгу мера? —
 Не дивный ли фазан у чистых вод Ковсера?⁴
 Конь тихо ел траву у золотых подков,
 И тихо, чуть дыша, в тиши сказал Хосров:

«Когда б сей образ лун был мой, — о, что бы стало!
 Когда бы сей скакун был мой, — о, что бы стало!
 Не знал он, что Луну вот этот вороной
 Примчит к нему, что с ней он слит судьбой одной.
 Влюбленных множество приходит к нашей двери,
 Но словно слепы мы: глядим, любви не веря.
 И счастье хочет к нам в ворота завернута,
 Но не покличь его — оно забудет путь.
 Провел царевич взор небрежно по просторам,
 И вот Луна в ручье его предстала взорам.
 И он увидел сеть, что рок ему постлал:
 Чем дольше он взирал, тем больше он пылал.
 Луну прекрасную его узрели взгляды.
 И место ей не здесь, а в небе, где Плеяды!
 Нет, не луна она, а зеркало и ртуть.
 Луны Нехшебской — стан! Взглянуть! Еще

взглянуть!»⁶

Не роза ль из воды возникла, полукроясь,
 Лазурной пеленой окутана по пояс.
 И миндаля цветком, отрадное суля,
 Была вода. Ширин — орешком миндаля.
 В воде сверкающей и роза станет краше.
 Еще нежней Ширин в прозрачной водной чаше.
 На розу — на себя — она фиалки кос,
 Их расплетая мглу, бросала в брызгах рос.
 Но кудри вихрились: «Ты тронуть нас посмей-ка!
 Ведь в каждом волоске есть мускусная змейка»¹⁶.
 Как будто их слова над ухом слышал шах:
 «Ты — раб, мы — господа, пред нами чувствуй страх!
 Она была, что клад, а змеи, тайны клада
 Храия, шептали всем: «Касаться их не надо»⁷.
 Нет, в руки их не брал, колдун, чародей.
 Сражали колдунов клубки опасных змей⁸.
 Наверно, выпал ключ из пальцев садовода, —
 Гранаты двух грудей открыли двери входа⁹.
 То сердце, что узрит их даже вдалеке, —
 Растрескается все — как бы гранат — в тоске.

И Солнце в этот день с дороги повернуло:
 Затем, что на Луну и на воду взглянуло¹⁰.
 Вот струи на чело льет девушки рука, —
 То жемчуг на луну бросают облака.
 Как чистый снег вершин, ее сверкает тело.
 Страсть шаха снежных вод изведать захотела.
 Парвиз, улицезрев сей блещущий хрусталь,
 Стал солнцем, стал огнем, пылая, несся вдаль.
 Из глаз его — из туч — шел дождь. Он плакал, млея:
 Ведь поднялась Луна из знака Водолея¹¹.
 Жасминогрудая не видела его
 Из змеекудрого покроя своего.
 Когда ж прошла Луна сквозь мускусные тучи,
 Глядит Ширин — пред ней сам царь царей могучий.
 Глядит: пред ней Хумой оседланный фазан¹²,
 И кипарис вознес над тополем свой стан.
 Она, стыдясь его — уж тут ли до отваги! —
 Дрожит, как лунный луч дрожит в струистой влаге.
 Не знала Сладкая, как стыд свой превозмочь, —
 И кудри на луну набросила, как ночь¹³.
 Скрыв амброю луну — светило синей ночи,
 Мглой солнце спрятала, дия затемнила очи.
 Свой обнаженный стан покрыла черным вмиг,
 Рисунок чернью выиг на серебре возник¹⁴.
 И сердце юноши, кипением объято,
 Бурлило; так бурлит расплавленное золото.
 Но, видя, что от льва взалкавшего олень
 Пришел в смятение, глазами ищет сень, —
 Не пожелал Хосров приманчивой добычи:
 Не поражает лев уже сраженной дичи.
 В пристойности своей найдя источник сил,
 Он пламень пламенных желаний погасил.
 Скрыть терпеливо страсть ему хватает мочи,
 И от стыдливой чести его отводит очи.
 Но бросил сердце он у берега ручья.
 Чья ж новая краса взор утолит? Ничья.
 Вглянись: две розы тут у двух истоков страсти.

Здесь двое жаждущих у двух глубин во власти.
 Хосрову в первый день путь преградил поток,
 Луну во глубь любви ручей любви повлек.
 Скитальцы у ручьев свои снимают клад,
 Размочат жесткий хлеб и нежатся в прохладе.
 Они же у ключей большую взяли клад,
 И ключ все мягкое стал в жесткость обращать.
 Но есть ли ключ, скажи, где путник хоть однажды
 Не увязал в песке, горя от страстной жажды?
 О солнце бытия! Ключ животворных вод!
 И ты, рождая страсть, обходишь небосвод.
 Когда он от пери отвел глаза, взирая,
 Где паланкин для той, что прибыла из рая, —
 Перей, схвативши плащ, из синих водных риз
 Вспорхнув, бежит к коною, — и мчит ее Шедиз.
 Себе твердит она: «Коль юноша, который
 Кружился вокруг меня, в меня вперяя взоры,
 Не должен вовсе стать возлюбленным моим, —
 Как сердце взял, как завладел он им?
 Сказали мне: Хосров весь облачен в рубины,
 На всадинке ж рубин не виден ни единый».
 Не знала, что порой одет не пышно шах:
 Ему грабители в пути внушают страх.
 Но сердце молвило, путь преградив с угрозой:
 «Стой! Этот сахар ты смешай с душистой розой.
 Рисунок зрела ты, а здесь — его душа.
 Здесь — явь, там — весть была. Вернись к нему,
 спеша».

Вновь шепчет ум: «Бежать! Мой дух не будет слабым.
 Не должно смертному молиться двум михрабам¹⁵.
 Вино в единый круг нельзя нам дважды пить¹⁶.
 Служа двум господам, нельзя достойным быть.
 А если самого я встретила Хосрова, —
 Здесь быть мне с ним нельзя. С ним встретимся
 мы снова.

Пусть под покрывами меня увидит шах:
 Кто тканью не покрыт, того покроет прах.

Ведь все еще пока укрыто за завесой,
 И мне одна пока защита — за завесой».
 И взвихрила орла, и вот уж — далека.
 И гром копыт смутил и Рыбу и Быка¹⁷.
 И ветр, гонясь за ней, узнал бы поражение.
 Она была быстрее, чем времени движение.
 Победа в быстроте. Прекрасная перь
 От дива унеслась. Смотри! Скорей смотри!
 Мгновенье, — и Хосров взглянул назад, — и что же!
 Не встретил никого. Нет, мой рассказ не ложен!
 И начал он, дивясь, коня гонять окрест,
 Но сердце взявшая ушла из этих мест.
 Вот у источника он спешился; пыльный,
 Склонясь, искал следов жемчужины красивой.
 Дивился дух его: как быстрая стрела,
 Куда направиться красавица могла?
 То зорко он взирал на древние деревья...
 Хосров! Иль птицами взята она в кочевья?
 То очи омывая он водами ручья, —
 В ручье ль его Луна? О, где она, о чья?
 Он пальцем мостики облил своей слезою,
 Он мост двух рук своих ломал над головою.
 Поток прелестного! Ширин! Ее одну
 Он видел. Он упал, как рыба, в глубину.
 Он горестно стенал. Поняв его стенанье,
 Заплакал небосвод, пославший испытанье.
 Шебдиза он искал и светлую Луну.
 «Где ворон с соколом?», — будил он тишину.
 Носясь он кругом, как на охоте сокол,
 Где ворон? Вместе с ним ушел в полете сокол¹⁸.
 Злой ворон быстротой какое создал зло!
 Весь мир так черен стал, как ворона крыло.
 День — ворон сумрачный, не сокол он красный.
 Он, что колючий лес, — не мускусные нвы.
 Царевич ивой стал. Душа его мрачна¹⁹.
 И слезы падают, как ивы семена.
 Где Солнце? Скорбен вид согнувшегося стана.

Стан — ива. Вот и стал он клюшкой для човгани²⁰.
 Из сердца пыльного пошел палаящий стон:
 «Да буду, как щепы, я пламенем спален!
 Лишь миг я зрел весну! Горька моя утрата!
 Не освежил я уст прохладою Евфрата!
 Жемчужину найдя, не смог ее схватить!
 Что ж! Камень я схвачу, чтоб камнем сердце бить!
 Я розу повстречал, да не сорвал с зарю, —
 И ветер взял ее и мгла сказала: «Скрою».
 Я снежный зрел нарцисс над гладью синих вод, —
 И воды замерли, и стали словно лед.
 Бывает золото в воде под льдиной мутью.
 Что ж сделалась она вмиг ускользнувшей ртутью!
 Хума счастливую мне даровала тень,
 И трон мой вознесла в заоблачную сень.
 Но, как луна, я тень покрыл своей полою,
 И света я лишен, и стал я только мглою.
 Мой нат уже в крови. Уж близок я к беде!
 Меч палача, он где еще свирепей? Где?
 Возникла из ключа сверкающая роза.
 Все видел я во сне. Мне этот сон угроза:
 Теперь, когда в ключе уж этой розы нет,
 Не броситься ль в огонь? К чему мне божий свет!
 Кто мне велел, красу и взором ты не трогай,
 Блаженство повстречал, ступай другой дорогой?
 Какой злокозненный меня попутал див?
 Я сам покинул рай, разлуку породив.
 Терпением обладать — полезен сей обычай.
 Лишь мне он вреден стал: расстался я с добычей.
 Я молнией души зажечь костер смогу.
 На нем напрасное терпенье я сожгу. —
 Когда б вкусил я вод источника, такое
 Из сердца своего не делал бы жаркое.
 Из моря скорбных глаз я слезный жемчуг лью.
 Готов наполнить им я всю полу свою.
 Излечится ли тот, кто болен злым недугом,
 Пока не пустит кровь? О рок, ты стань мне другом!»

Рыдал он у ручья меж зарослями роз,
 Ладонями со щек стирая капли слез.
 И падал наземь он, рассудку не внимая,
 Как розы цепкие, источник обнимая.
 Где стройный кипарис? Исчез! Его уж нет!
 Стан юноши поник, и роз не розов цвет²¹.
 О стройный кипарис! Вот он лежит во прахе.
 Трепещет, как от бурь трава трепещет в страхе.
 Он шепчет: «Коль она — лишь смертный человек,
 То бродит по земле, меж пажитей и рек.
 Когда ж она — перй, то к ней трудна дорога, —
 Ведь у ключей лесных видений бродит много.
 Остерегись, Хосров, уста свои запри.
 Не разглашай, что ты влюбляешься в перй.
 Что обрету я здесь? Мечтать ли мне о чуде?
 Перй бегут людей, всегда им чужды люди.
 Ведь сокол с уткою — не пара, и вовек
 С перй свою судьбу не свяжет человек.
 Да! Сделаться я должен Сулейманом, —
 Потом смирать перй, за их гоняться станом!»
 Он горестно роптал: «Забудь ее, забудь!»
 Он жалобы вздымал, терзающие грудь.
 Он сердце бедное от девы светлолицей
 Ответ. К армянской он отправился столице.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАИНЕ

Судьба, нам каждый шаг назначивши, порой
 Намерена своей потешиться игрой.
 Пускай для бедняка придет достатка время, —
 Обязан он сперва труда изведать бремя.
 «Когда им на пути от терний нет угроз,
 Они, — решает рок, — не ценят нежность роз».

Верь: за чредою дней, что шли с клеймом разлуки,
 Отрадней взор любви и дружеские руки.
 Ширин от ручейка была уж далека, —
 Но за царевичем неслась ее тоска.
 И вот она, узнав, где пышный сад Парвиза,
 Пылая, в Медани направила Шебдиза.
 За суженым спеша, обычай дев презрев,
 Уж не была Ширин в кругу обычных дев¹.
 И спешиться Ширин с кольцом Хосрова рада
 У меданского отысканного сада.
 Прислужницы, смотря на дивные черты,
 От зависти свои перекусали рты.
 Но знали чин двора — и под царевым кровом
 Различья не было меж гостей и Хосровом.
 Ей молвили они: «Знать, севши на коня,
 Для поклонения Хосров искал огня.
 И вот достал огонь, блистающий, как зори,
 И зависти огонь зажгет он в нашем взоре».
 И хочет знать рабынь шумливая гурьба,
 Как привела сюда красавицу судьба.
 «Как имя? Где выросла? Что в думах на примете?
 Откуда, птишка, ты? Из чьей вспорхнула сети?»
 Ширин уклончива. Не опустив ресниц,
 Она им бросила крупинцы небылиц.
 «Она, мол, о себе сказать могла бы много,
 Да скоро и Хосров уж будет у порога.
 Пред сном он вас в кружок сберет, и при огне
 Он сам потешит вас рассказом обо мне.
 А этого коня беречь и холить надо:
 Ведь ценный этот конь, ценней любогоклада».
 Так молвила Ширин веселя, — и вот
 Окружена она уж тысячею забот.
 Сосуд с водой из роз ей дан для омовенья.
 В конюшнях царских конь привязан во мгновенье.
 Ей принесли паряд. Он был ей по плечу.
 Узором жемчуга украсили парчу.
 В саду ее надежд раскрылась роза встречи.

Отрадно спит Ширин, тяжелый путь — далече.
Сахароустую хранившие чертог
Рабыею сочли, — кто б вразумить их мог?
Сахароустая не чванилась. Отныне,
Играя с ними в нард, была она — рабыней.

ПОСТРОЙКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

И сада нежного хранила колыбель.
Ширин, чьих сладких уст касался нежный хмель.
И месяц миновал в спокойствии, и снова
Покой пропал: твердят, что нет вблизи Хосрова,
Что он охотился, а будто бы потом
В Армению бежал, отцовский бросив дом.
Чем горе исцелить? Упало сердце, плач.
Воистину бежит за нею неудача!
Не долго охранял красавицу дворец, —
Уж сердце страстное измучилось вконец.
Все стало ясно ей: тот юноша, который
Попридержав коня, во взор ей бросил взоры,
Был сам Хосров; свой путь забыв, ее одну
Он видел, он взирал, как солнце на луну.
Она бранит себя, хоть мало в этом проку,
Но вот — отвергла скорбь, но вот — покорна року.
Но вот — терпением как будто бы полна,
Но вот — воскликнула: «Я тягостно больна!
Мне замок паддежит на высоте просторной
Построить, чтоб сидел мне кругозор нагорный!
Горянка я. Меж роз я рождена. Тут зной
Их всех желтит. На мне — нет алой ни одной!»¹²
Подруге молвила подруг лукавых стая:
«Напрасно, как свеча, ты изнываешь, тая.
Велел властитель наш создать тебе приют
В горах, где ветерки прохладу подают.

Когда прикажешь ты — приказов исполнитель
Построит на горе отрадную обитель».
Ширин сказала: «Да! Постройте мне скорей
Дворец, как приказал вам это царь царей».
Рабини — ревности их всех пронзало жало —
Там, где ничья душа словам их не мешала,
Стронтелю жужжат: «Из Вавилонских гор
Колдунья прибыла, ее вселил взор».
Велит она земле: «Взлетай, земля! — поспешно
Поднимутся вески, день станет мягкой крошечной.
Прикажет небесам застыть, — и вмиг тогда
Застынут небеса до страшного суда.
Она велела там построить ей жилище.
Где обращает зной и камни в пепелище,
Чтоб не было окрест из смертных никого:
В безлюдии творит колдунья колдовство.
Для вещей ты сверши свой путь необычайный.
Найди тлетворный лог и огненный и тайный.
Там замок сотвори, не покладая рук.
А плату с нас бери, какую знаешь, друг».
Потом несут шелка, парчу несут и злато:
Ослиный полный груз — стронтеля оплата.
Строитель принял клад. Обрадованный, в путь
Он тронулся, в пути не смея отдохнуть.
Ища безлюдных мест, он в горы шел, и горы
На горы вставшие, его встречали взоры.
Есть раскаленный край, на мир глядит он зло.
Дитя в неделю б там состариться могло.
В фарсантах десяти он от Кирманшахана.
Да что Кирманшахан! Он марево тумана.
Стронтель приступил к работе: «Не найду
Я края пламенней, — сказал он, — и в аду.
И тот, кого б сюда загнать сумели буря.
Поймет: чертог в аду построен не для гурий».
На вечер мускусом почная пала мгла.
Не жарко, — и Ширин свой путь начать смогла.
Отроковицы с ней. Но было их не много —

Не знавших, что любви злокозненна дорога.
И в замкнутой тюрьме, в которой жар пылал,
Ширин жила в плену, как сжатый камнем лал.
И, позабыв миры, полна своим недугом,
Своих томлений жар она считала другом.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИН-БАЛУ

Покнувши ручей, Хосров печален. Он
Струит из глаз ручьи; его покинул сон.
Плешительный ручей! Виденьем стал он дальним,
И делался Парвиз все более печальным.
Но все ж превозмогал себя он до поры:
«Ведь не всплыла еще заря из-за горы.
Ведь если поспешу я в сторону востока, —
Мне солнца встретится сверкающее око».
И роза — наш Хосров — достиг нагорных мест, —
И к стражам аромат разносится окрест.
Вельможи у границ спешат к нему с дарами:
С парчой и золотом. Он тешится пирами.
И не один глядит в глаза ему кумир, —
Из тех, что сердце жгут и услаждают пир.
Ему с кумирами понравилось общенье.
Тут на немного дней возникло промедленье.
Затем — в Мугани он; затем, свой стройный стан
Являя путникам, он прибыл в Бахарзан.
Гласят Михин-Бану: «Царевич недалече!», —
И вот уж к царственной она готова встрече.
Навстречу путнику в тугом строю войска,
Блестя доспехами, спешат издалика.
В казну царевичу, по чину древних правил,
Подарки казначей от Госпожи направил.
Жемчужин и рабов и шелка — без конца!

Изнемогла рука у каждого писца.
К Великой Госпоже вошел Парвиз в чертоги.
Обласкан ею был пришедший к ней с дороги.
Вот кресла для него, а рядом — царский трон.
Вокруг стоит народ. Садится только он.
Спросил он: «Как живешь в своем краю цветущем?
Пусть радости твои умножатся в грядущем!
Немало мой приезд принес тебе хлопот.
Пускай нежданный гость беды не принесет».
Михин-Бану, познав, что речь его — услада,
Решила: услужать ему достойно надо.
Ее румяных уст душистый ветерок
Хвалу тому вознес, пред кем упал у ног¹,
Кто озарил звездой весь мир ее удела,
Любой чертог дворца своим чертогом сделал.
Неделю целую под свой шатровый кров
Подарки приносил все новые Хосров.
Через неделю, в день, что жаркое светило
Считало лучшим днем из всех, что засветило,
Шах восседал, горя в одежде дорогой.
Он был властителем, счастливый рок — слугой.
Вокруг него цветов сплетаются побеги,
С кудрями схожие, зовя к блаженной неге.
На царственном ковре стоят рабы; ковер
Как стройноствольный сад Хосрову нежит взор.
Застольного в речах не забывают чина. —
И все вознесены до звания господина.
Веселье возросло, — и в чем тут был отказ?
Налить себе вина проси хоть сотню раз.
Михин-Бану встает. Поцеловавши землю,
Она сказала: «Шах!». Он отвечает: «Внемлю».
«Мою столицу, гость, собой укрась: Берда
Так весела зимой! Ты соберись туда.
Теплей, чем там зимой, не встретишь ты погоды.
Там травы сочные, там изобильны воды».
Согласье дал Хосров. Сказал он: «Поезжай.
Я следом за тобой направлюсь в дивный край».

Привал свой бросил он, слова запомнив эти, —
 И, званный, в «Белый сад» помчался на рассвете².
 Прекрасная страна! Сюда была привезен
 Венец сверкающий и государев трон.
 Зеленые холмы украсились шатрами,
 И все нашли приют меж синими горами.
 В палате царственной Хосрова ни одну
 Услугу не забыть велит Мухли-Бану.
 У шаха день и ночь веселый блеск во зоре:
 Пьет горькое вино он — Сладостной на горе.

ПИРШЕСТВО ХОСРОВА

Хоть есть Новруза ночь, есть ночь еще милей
 Она, сражая грусть, всех праздников светлей.
 В шатре Хосрова шум. Под сводом величавым
 Здесь собрались друзья с веселым, легким нравом.
 И мудрецов они припоминают речь,
 И от шутивых слов их также не отвлечь.
 Вкруг шахского шатра, что в средоточьи стана,
 Разостланы кошмы из дальнего Алана.
 Для вражеских голов угрозу затая,
 Ко входу два меча простерли лезвия¹.
 В шатре курения, все разгоняя злое,
 Вздыхают балдахины из амбры и алоэ.
 Напитки зыблются, пленительно пьяня,
 Жаровня царская полным-полна огня.
 Армянский уголь здесь, он поднимает пламя,
 Подобен негру он, вздымающему знамя.
 Чтоб черный цвет затмить — где созданы цвета?
 Лишь только от огня зардеет чернота.
 Иль выучен огонь чредой времен упорных,
 Что похищают цвет волос, как уголь, черных².
 Сад пламени, а в нем садовник — уголь; он
 В саду фиалки жжет, тюльпанами стеснен³.

Так люб зиме огонь, как лету вздох рейхана.
 Рейханом зимним став, огонь возрастает рыбно¹.
 Тут кубки пыльные подобны петухам,
 Что повремени зарю провозглашают нам².
 Их огненным нутрам завидуя и сладким,
 То утки на огне, то следом — куропатки³.
 Вот сiedi жареной воздвигнута грида.
 Вот перепелками наполнены блюда.
 Вот к яблокам уста прижались апельсины,
 А к чашам золотым — рубиновые вина.
 Нарядился ясных глаз! Фиалки! Словно сад,
 Всю эту ширь шагра воспринимает взгляд⁴.
 К граватам нежно льнут те вестерны, в которых
 Есть изворотливость, как в плянующих танцорах⁵.
 Все пьют и полнят мир душой своей живой.
 Весть утро проведя за чашей круговой.
 Звук чангов, проносясь во вздохах легковожных,
 Завесы все сорвал: всех выдал он влюбленных.
 О пехлевийский лад! О чага грустный зvon!
 И в камне бы огонь зажег столь нежный стон.
 Вдохнула кеманча, подобно Моисею⁶.
 И вымолвил певец: «Я с ней поспорить смею».
 И песню он занял и струнам дал ответ:
 «Веселью мой привет и радости привет!
 О, как бы сладкий сад, сад жизни, был прекрасен,
 Когда б осенний хлад был саду не опасен!
 О, как бы весел был чертог, чертог времен,
 Когда б на все века он мог быть сохранен!
 Но ты не доверяй холодному чертогу:
 Чуть место обогрел — тебя зовут в дорогу.
 О праха монастыри! О мир — непрочный храм!
 Так выпей же вина — предай его ветрам!
 Прошедший смутен день, грядущий день — неведом
 За днем умчавшимся другой умчится следом.
 Хоть день сегодняшний как будто бы нам дан, —
 Но вечер близится, и этот день — обман.
 Так смейтесь же, уста! Так отлетай, кручина!

Пусть в мир и нам в сердца вливают радость вина!
На эту ночь одну промолви спуг: «Долой!»
Ведь бесконечно спать придется под землей»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

Хосров уже хмелен. Не медлит кравчий. Звуки
Порхают: чанг поет о встречах, о разлуке.
Рабыня нежная вошла, потупя взгляд,
И вот услышал он (пропавший найден клад!):
«Шапур приема ждет. Впустить его иль надо
Сказать, что поздний час для встречи с ним —
преграда?»

Хосров обрадован. Вскочил, затем на трон
Себя принудил сесть, к рассудку возвращен.
Он входа распахнуть велит сейчас же полог¹.
Дух закипел: ведь был срок ожидания долог.
И жил с душою он, раздвоенной мечом,
И скорбной тьмой одет и радостным лучом.
Мы ждем — и сердце в нас разбито на две части.
Взор не сводить с дорог — великое несчастье.
Невзгода каждая терзает нашу грудь,
Невзгоды худшей нет — безлюдным видеть путь.
Коль в горести, о друг, ты смотришь на дорогу, —
Со счастьем дни твои идти не могут в ногу.
И вот Шапур вошел — Парвиз его позвал —
И поцелуями он прах разрисовал².
И, стан расправивши, стоял он недвижимо
С покорностью, что нам в рабах вседневно зрима.
И, на художника склонив приветный взор,
Хосров сказал: «Друзья, покиньте мой шатер».
Шапура он спросил про горы и про реки,
Про все, на что Шапур в скитаньях поднял веки.
С молитвы начал речь разумный человек:

«Пусть шаха без конца счастливый длится век!
Войскам его всегда лететь победной тучей.
С его чела не пасть вешу благополучий.
Его желаньям — удаче быть вождем.
Пусть дни его твердят: «Мы лишь удачи ждем».
Все бывшее с рабом в пути его упорном
Является ковром — большим, хитроузорным.
Но если говорить получен мной приказ, —
Приказ я выполняю; послушай мой рассказ».
С начала до конца рассказывал он мерно
О непомерном всем, о всем, что беспримерно,
О том, что скрылся он, как птица, от очей,
Что появился он, как между скал ручей,
Что он у всех ручьев был в предрассветной ране,
Что смастерил луну, уподобясь Мухамме.
Что к лику одному — другой припал с алчбой³,
Что бурю поднял он умелой ворожбой,
Что сердцу Сладостной, как враг, нанес он рану
И к шахскому ее направил Туркестану⁴.
Когда его рассказ цветка весны достиг⁵,
Невольный вырвался у властелина крик.
«Мне повтори, Шапур, — вскричал он в ярой
страсти, —
Как сделалась Луна твоей покорна власти?»
И геометр сказал: «Я был хитер, и рок
Счастливый твой пошел моим уловкам впрок.
Был в лавке лучника твой мастер стрел умелый,
И выбрал нужный лук, давно имея стрелы⁶.
Едва сыскав Ширин, не напрягая сил,
Серебряный кумир уже я уносил⁷.
Уста Ширин ни к чьим устам не принимали.
Лишь в зеркале — в хмелю — свои уста ласкали.
И рук не обвила вокруг человека. Ночь
Своих кудрей не вить лишь было ей невмочь⁸.
Так тонок стан ее, как самый тонкий волос,
Как имя Сладостной, сладки уста и голос.
Хоть весь смутила мир прекрасная Луна,

Пред образом твоим смутилась и она.
 Ей сердце нежное направивши в дорогу,
 Я на Шебазза речь направил понемногу.
 Летящую Душу конь поднял вороной.
 Так все исполнено задуманное мной.
 Здесь, утомившийся, остался я на время.
 Хоть должен был держать я путницу за стремя.
 Теперь, все трудности пути преодолев,
 Она в твоём саду, среди приветных дева.
 Художника обняв, подарками осыпал
 Его Хосров, — и день Шапуру светлый выпал.
 На рукаве своем «Сих не забыть заслуг» —
 Парвизом вышито. Был им возвышен друг.
 Душа в источнике, миг их нежданной встречи,
 Поток ее кудрей — все подтверждало речи.
 Смог также государь немало слов найти,
 Чтоб рассказать о том, что видел он в пути.
 Да, птичка милая — им вся ясна картина —
 Перепорхнула вмиг в пределы Медаяна.
 Решили всё. «Я вновь, — сказал Шапур, — лечу,
 Подобно бабочке, к прекрасному лучу.
 Вновь изумруд верну я руднику. Дурмана
 Жив сладкого опять от нежного рейхана»¹⁰.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

Прекрасен край, где смех свою находит сень,
 Прекрасен день, когда он молодости день.
 На свете ничего нет благодатней жизни.
 Что юности милей? Вино веселья, брызги!
 Вселенной властелин, венец державных прав,
 Был юн и радостен, имел веселый нрав.
 Глотка вина испить не мог бы он без песни,
 За песней чаша дней казалась полновесней.

Не плату он давал своим певцам за труд, —
 То жемчуг им дарил, то лал, то изумруд.
 И вот он впроевал, вино его кипело.
 Вошла Михин-Бану, с Хосровом рядом села.
 Ей оказал Хосров особенный почет.
 Приятно речь его любезная течет.
 Снедь подана; Хосров — им прервана беседа —
 «Барсема вача» ждет от чинного мобеда.
 За каждой трапезой, что совершал Хосров,
 Обычай сей блюсти он с радостью готов.
 «Барсема вача» в том обычное значение,
 Что приступить к еде дается разрешение.
 Мобед решает все. Он молвит, снедь одна
 Годна к приятию, другая — не годна.
 Вот Госпоже Хосров сказал: «Вина отведай», —
 И потчевал ее за тихую беседой.
 И с той, которой все для радости дано,
 Из чаши царственной царевич пил вино.
 Когда ж он захмелел, испив из горькой чаши,
 Он речь повел о той, что всех на свете краше.
 И, молвя о Ширин, он слов не оборвал,
 Ликующий в душе, он — соболезнавал.
 «Твоя племянница выросла такой пригожей,
 Такою стройною и с дивной розой схожей,
 Но необузданный ее похитил конь!
 И скрыт ее очей пленительный огонь!
 Сегодня был гонец; с ним все решая вместе,
 Мы поняли, что к нам о ней доходит вести.
 Коль я останусь тут недели две, — Луна
 Отыщется. Поверь, — узнаем, где она.
 За розою гонца отправлю я, продлитесь
 Недолгий срок, сюда влетит она, как птица».
 Услышала Бану, что молвил ей Хосров,
 И от волнения найти не может слов.
 Как прах, на землю пав, склоняется в поклоне.
 И вся ее душа в ее протяжном слове.
 «О, где жемчужина? Коль зрю ее во сне,

То не в объятьях зрю, а в моря глубине.
 Тем, кто, добыв ее, в мою укроет душу,
 Всю душу я отдам. Я клятвы не нарушу».
 Перед престолом вновь она подымлет стон:
 «О месяц и Зухре! Сей лобызайте трон!
 От Рыбы до Луны, везде собирая дань,
 Ты на обширный мир свои протянешь длани!
 Ведь говорила я, она придет. Не слаб
 Мой дух пророческий, а светлый рок — твой раб.
 Он помощь нам подаст, — и мы найдем дорогу,
 Добычу приведем к дворцовому порогу,
 Но если хочет шах послать за ней гонца,
 То надо привести сюда скорей гонца.
 Ему Гульгуна дам. Гульгун мой быstroногий
 Родной Шебдиза брат; с ним все легки дороги.
 Шебдиза бурный бег и яроsten и прям.
 Так мчится и Гульгун, когда он не упрям.
 Когда Шебдиз у той, с черногазельным взглядом,
 Сумеет лишь Гульгун с Шебдизом мчаться рядом.
 Когда Шебдиз не с той, что всех светлее лун,
 Достоин ей служить лишь огненный Гульгун».
 «Гульгун поможет нам. Пусть скакуна такого
 К Шапуру отведут!» — решение Хосрова.
 Сел на седло Шапур, Хосрову дорогой.
 Под ним гарцует конь, на поводу — другой.
 Он в Медани к Ширин свой бег направил скорый,
 Но с месяц все ж искал тот месяц ясновзорый!
 Стал сад Хосрова пуст, усладу не храня, —
 К нагорному дворцу Шапур погнал коня.
 Стучит. Открыли дверь. Не говоря ни слова,
 Страж пропустил его, узрев печать Хосрова.
 И радостно идет в покой безвестный он,
 В чертог, построенный для светоча времен.
 Но лишь взглянул вокруг — где радости избыток?
 Он хмурится: дворец? Иль место лютых пыток?
 Как! Драгоценный перл с камнями в ладу?
 В раю рожденная запрятана в аду?

Стал лик его — рубин. Земли коснулся ликом
 Он пред жемчужиной в смущении великом?
 Хвалы ее красе он все же смог найти,
 Затем спросил ее о трудностях пути.
 Сказал, что будет он, как прежде, ей пригоден,
 Что от её колод колодник не свободен³,
 Что и невзгоды все и трудности прошли,
 Что уж отрадный свет вздымается вдали.
 «Пусть беспокойство ты перенесла такое, —
 Невзгоды кончены, ты дождалась покоя,
 Но грустен этот край, он горестен, уныл,
 Кто разум твой смутил и в сумрак заманил?
 Как может светлая быть с этой мглою рядом?
 Как может гурня довольствоваться адом?
 Да, повод к этому, пожалуй, есть один:
 Ведь ты — рубин; в камнях всегда лежит рубин».
 В его речах узрев всю живопись Китая,
 К своим желаньям ключ внезапно обретая,
 Ширин прикрыла лик стыдливою рукой
 И, восхвалив гонца, дала ответ такой:
 «Когда б решилась я в напрасном упованьи
 Все беды передать в своем повествованьи,
 Все то, что на своем я видела пути,
 Я не смогла бы слов для этого найти.
 Был мне указан край; когда ж достигла сада,
 Нашла проклятых в нем; взяла меня досада. —
 Ведь без присмотра рой прислужниц посягнул
 На чин дворца; в саду раскинулся разгул.
 И руки, как Зухре, открыв, они в замену
 Стыдливости свою всем объявили цену!
 Невесте должно быть невинней голубиц.
 Я удаления искала от блудниц.
 Я от неистовых, едва их постигая,
 Уединенного потребовала края.
 Они же в ревности — ведь этот пламень яр! —
 Забросили меня в край беспричинных кар.
 О город горести! О, нет мрачнее мира!

От горечи черны здесь камни, словно мирра.
 Смоляча я, найдя удел мой полным дая.
 Я с ними ладила. Что сделать я могла?
 Шапур сказал: «Вставай! К пути готовься снова.
 Все указания имею от Хосрова».
 И на спину коня вознес он розу роз!
 В сад шахских помыслов Сладчайшую повез.
 И, на Гульгуна сев и кинувши ограды,
 Ширин была быстрее, чем быстрые Плеяды.
 Благой Хумю стал блистательный Гульгун.
 И мчался, как перь, сладчайшая из Луи.
 А вдалеке Хосров, меж горького досуга,
 Все друга помнил, все ожидал он друга.
 Да! Ожидание — тягчайшая беда.
 Но кончится оно — все радостно тогда.
 О ты, что вдаль взирал, не опуская вежды!
 Надеющийся! Глянь — исполнены надежды.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Чуть опьяненный, шах вздремнул; мечтает он:
 Его благой удел свой позабудет сон.
 И вот спешит гонец, и вот он в шахском стане, —
 И развернул Слопу рассказ об Индостане!
 Фарфор китайский — взор: он влагой полонен.
 Как волос негра — стан: весь изогнулся он.
 О кручя черных строк! О черная крушина!
 Бесчинна смерти, — и пуст и Зенга трон и Чина!
 Где шах? Лишь ты взирай на все его края.
 Ему лишь посох дан, уж нет ему копья!
 Владыка мира, верь, уж не увидит мира,
 А ты — владычествуй, тебе дана порфира.
 И приближенные, а было их не счесть,
 Друг другу не сказав, ему послали весть.

«Остерегайся. В путь собирайся во мгновение.
 Мир выскользнет из рук, опасно промедленье.
 Хоть в глине голова, — ты сам ее не мой.
 Хоть слово начал ты, — умолкни, как немой».
 Когда Хосров узрел, что дней круговоротом
 Он трону обречен и горестным заботам, —
 Постиг он: с индиго хранит поспешный рок
 Бакал, и укус дней от меда недалек!
 И воздух, что родят земли неверной долы, —
 То шершня кружит он, то в нем летают пчелы.
 Опала, почести, любовь, и злость, и яд
 С напитком сладостным — все это дни таят.
 Земля! Какой ручей ты не засыплешь прахом?
 Твой камень много чаш одним ломает взмахом.
 Кто скован бытием — идет путями бед.
 Покой — в небытии. Пути другого нет.
 Брось на ветер скорей свой груз напрасный — душу!
 Замкни темницу зла, моря забудь и сушу.
 Весь мир — индусский вор; чтоб он не отнял клась,
 Чтб не скрутил тебя, — с грабителем не ладь!
 Знай, в этой лавочке ты не отыщешь нитки
 Без колющей иглы, лишь иглы в ней в избытке.
 Вот тыквенный кувшин, вода в нем, что кристалл,
 Что ж от водянки ты, как тыква, желтым стал?
 Деревьям лишь тогда в весенней быть одежде,
 Когда все почки их разломятся, — не прежде.
 Пока не сломит рок согнувшийся хребет,
 Он снадобья не даст для исцеленья, нет!
 Наденешь саван ты, зачем же — молви толком —
 Как шелковичный червь, ты весь облекся шелком?
 Зачем роскошество — носил бы полотно.
 Тебя в предбаннике разденут все равно!
 В простой одежде будь, она пойдет с тобою,
 Пока ты бродишь здесь дорогою любою.
 Ты отряхни подол от множества потреб,
 Доволен будь, когда один имеешь хлеб.
 Творить неправду, мир, намерен ты доколе?

Тебе — веселым быть, мне — корчиться от боли?
 Я в горе — почему ж твой слышится мне смех?
 Я свержен — и тебе я не хочу утех.
 Ты продаешь ячмень, а нам кричишь: пшеница!
 Ячмень в твоём пшене спивающий таетя.
 Я — лишь зерно пшена, и желт я, как ячмень.
 Пшеницы мне не дав, молоть меня не лень?
 Довольно предлагать да прибирать пшеницу.
 А мне — быть жерновом, перетирать пшеницу!
 Уж лучше в омуте, где ночь, лишь ночь одна,
 Ловить ячменный хлеб я буду, как луна.
 О Низами! Из дней уйди ты безотрадных,
 Весь этот грустный мир оставь для травоядных.
 Питайся зернами да ездь на осле.
 Ты жди Исы, томясь в земном житейском зле.
 Ты — ослик. Вот и кладь! Одну ты знай заботу.
 Ведь ослики — не снесь. Их ценят за работу.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

Когда промчалась весть, что царствования груз
 Велением творца сложил с себя Ормуз,¹
 Шах, в юном счастье не ведавший урона,
 В столице поднялся на возвышенные трона.
 Хоть в мыслях лишь к Ширин влекла его стезя,
 Все ж царство упустить наследнику нельзя.
 То государства он залечивал недуги,
 То взоры обращал он в сторону подруги.
 И за строительство его уж люди тчут,
 Уж много областей он охранял от смут.
 В несчастья вверженных залечивалась рана:
 Шах справедливостью затмил Ануширвана.
 Но вот закончились насущные дела.

Опять к любви, к вину душа его влекла.
 Мгновенья не был он без чаши, без охоты.
 Когда ж он о Ширин вновь полон стал заботы —
 Спросил придворных он, что слышали о ней.
 Ему ответили: «Уже немало дней,
 Как из дворца, что там, где сумрачно и хмуро,
 Она умчалась прочь. С ней видели Шапура».
 Круговращеньем бед внезапно поражен,
 Шах небо укорял. Но что мог сделать он?
 Воспоминания он предавался негам,
 И черный конь прельщал его горячим бегом.
 Как ночь, его Шебдиз, ну, а Луны — все нет!
 Он камнем тешился, но помнил самоцвет².

ШАПУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

Ширин в ее края примчал художник снова, —
 Но встреча не сбылась: там не было Хосрова.
 С Гульгуна сняв Ширин, в цветник Михин-Бану
 Ее он снова ввел, как светлую весну.
 И снова гурия меж роз родного края
 Дарила свет очам, огнем очей играя.
 И приближенные, и слуги, и родня,
 Которые давно такого ждали дня,
 Увидевши Ширин, ей поклонились в ноги
 И, прахом ставши, прах лобзали на дороге.
 И благодарственным молениям и дарам
 Предела не было, и был украшен храм.
 А что с Михин-Бану? Да словно от дурмана,
 Ей тесно сделалось в пределах шадурвана,
 Как сердцу старому, что стало юным вновь,
 Что мнило умереть, а в нем разыграла кровь.
 Беглянки голову Бану к себе прижала, —
 И пробудился мир и начал жить сначала.
 Как ласкова Бану! Какой в ней пламень жил!
 Ну кто бы сотней строк все это изложил?³

Вводя Ширин в простор двориного предела,
 Ей предложила все: «Что хочешь, то и делай!».
 Покровами стыда ей не затмив чела,
 Ей омрачить чела печалью не могла.
 Ведь понимала все: ее побег — сноровка
 Неопытной любви, влюбленности уловка.
 И в шахе виделись ей признаки любви.
 Ей шепот Лун открыл огонь в его крови!
 Вино бродящее укрыть она старалась,
 Свет глиною укрыть — хоть солнце разгоралось?
 Бану твердит Луне: «Покорной надо стать,
 Домашний, тихий мир, как снадобье, принять».
 И с ней она нежна и создала — в надежде
 Все прошлое вернуть — все то, что было прежде.
 И снова куколок, прекрасных, как весна,
 Дано ей семьдесят, — чтоб тешилась она.
 Круговорот небес, что кукольник, баюкал
 И пробуждал к игре сереброгрудых кукол.
 Ширин, увидев их, — как прежнюю порой,
 Луною рассекла веселый звездный рой.
 Ширин опять в дому. Как праздник повоселся —
 Опять открыт базар досуга и веселья.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Победы ключ сверкнул. Он грозен стал: могуч
 Рассудок — золотой преодолений ключ!
 Рассудок победит могучих с их мечам.
 Венец, прельщая всех, царит над силачам.
 Лишь разуму дано тьму воинов снести, —
 Мечом ты их сметешь не больше десяти.
 На трон взошел Парвиз. Все помыслы Бехрама
 К парвизову венцу влекли его упрямо.
 И он схватил венец, когда к нему простер

Он руку ловкую. Был ум его остер.
 И клевету творить Бехраму — не в обузу.
 Он всем шептал: «Хосров пронзил глаза Ормузу».
 Хоть знал он, что когда Юсуф умчится вдале,
 Якубу — света нет: все затемнит печаль?
 Он тайно разослал посланья людям разным,
 Благое исказив рисунком безобразным.
 «Ребенку ли владеть вселенной суждено?
 Отцеубийце быть владыкой не дано.
 Ста братьев кровь пролетит он за глоток напитка,
 Напитка, что в домах имеем до избытка.
 Арфисту — царство даст: над арфами дрожит.
 Что царство! Песнею он больше дорожит.
 Горячий — он путей к делам не примечает.
 Незрелый — он добра от зла не отличает.
 Клеймо любовных игр горит на нем. И страсть
 К неведомой Ширин над ним простерла власть.
 Зол. обезглавливать за малое готовый.
 Утратив голову, не обретают новой.
 Оковы бы сковать, чтоб им греметь на нем!
 Исправить бы его железом и огнем!
 Пусть покорится нам! Не покорится — верьте,
 Отцеубийцу нам предать разумней смерти.
 Ему закройте путь, нежданный меч воздев,
 И знайте — я иду, могущественный лев».
 Вот так-то этот лев, взыскующий признанья,
 Свел шахских подданных с дороги послушанья.
 И видит шаханшах — счастливый рок смущен.
 И подданных своих в смятении видит он.
 И силу счастья он крепил казной златою,
 И слепоту врага он множил слепотою?
 И так тянулись дни. Но враг привел войска, —
 И тотчас поднялась восстания рука.
 Опоры не было — был сломен трон Парвиза, —
 И с трона пересел он на спину Шебдиза.
 От вихрей, взвившихся из-за камней венца,
 Он голову унес: она ценней венца.

Уж венчевна нет. Владычества порфира
И мира — брошена возжаждавшему мира.
Когда по воле звезд узрел смятенный шах
Меча бехрамова над головою взмах, —
В сей шахматной игре, что бедами богата,
Без «шаха» для него уж не было квадрата¹.
С уловом сотлею, свой потерявши сан,
По бездорожью проникнул он в Арран.
Оттуда он в Мугань направился: в Мугани
Жила Ширин; в сей храм свои понес он данн.

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

Сказитель говорил: мое познание пей.
Когда Хосров Парвиз, домчавшись до степей,
Стрелял и стрелы в дичь без счета попадали, —
Вдали взметнулась пыль: неслась Ширин из дали.
В кругу своих подруг с дворцового двора
Ширин охотиться отправилась с утра.
И два охотника одним замкнуты кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом.
И стройных два стрелка, дворцов покинув сень,
Друг в друга целились, как целятся в мишень.
Два друга — им любовь, как хмель, затмила око —
Пылая, всех друзей оставили далеко.
Хосров — ему венец рука судьбы дала;
Ширин — та сто венцов с Хосрова сорвала.
Здесь — глазины кос над нежной розой гнутся,
А там — по розам щек их лепесточки вьются.
Здесь — амброю кудрей прикрыты уши, там —
Арканы мускуса сползают по плечам¹.
Здесь — облачко пушка вокруг луны играет,
Там — подбородка грань луну оберегает².
Глазами так они друг другу жгут глаза,

Что на зрачках у них уж светится слеза.
Вблизи Ширин — Парвиз; их бег согласный страстен.
Гульгуна обогнать Шебдиз уже не властен.
Ну как заговорить? Она Ширин, — иль нет?
Парвиз ли перед ней? Достаточно ль примет?
И вот назвали их. И вот, узнав друг друга,
Без чувств, упав с коней, они лежат среди луга.
Беспамятство прошло, и, головы подняв,
Они свой жемчуг слез рассыпали меж трав.
И, встав, беседуют, по правилам дворцовым
Друг другу поклоняясь. Но много ль молвишь словом?
О благе и о зле сказали все. — и вот
Примолкли: «Ждать и ждать!» — лишь это разум
жжет

И, чтоб связать с землей ширь голубого крова,
Как птицы на древа, на седла сели снова³.
Тут каждый, кто скакал, поводья натянул,
Коней под лунами глухой умолкнул гул⁴.
И видят спутницы: Луна и Солнце рядом⁵.
И, встретясь в синеве, друг друга манят взглядом.
В их души обронею огонь любовных снов.
Как бы вдавились в топь копыта скакунов⁶.
И подъезжавших всех дивило это диво:
Они — равны красой, все в них равно красно.
Шептали муравьи, что в тесный круг сползлись:⁷
«Взгляни, сам Соломон и савская Билякис». —
Все новые войска спешили, подъезжали,
Хосрова и Ширин рядами окружали.
Когда сомкнулся строй на склонах ближних гор,
Стон сдавленной земли был для Быка — укор⁸.
И говорит Ширин: «Твой свет на всех высотах!
Как тысячи рабов, и я в твоих тенетах.
Твой царственный престол земле дарует честь.
О благе твой венец в лазурь направил весть.
Хотя семь областей, во всем их протяженьи⁹.
В твоём, о царь земли, находится владеньи. —
Недалеко от нас — подарок пышный твой —

В узорах высятся шатер наш кочевой.
 Коль снизойдет к нам шах и примет просьбу нашу, —
 Чтоб услужить ему, я стану свой препояшу¹⁰.
 Коль слон пожалует на муравья ковер, —
 В восторг придет мураш, его заблещет взор»¹¹.
 Промолвил государь: «Коль ты припять готова,
 Войду, возликовав, под сень благого крова».
 Склонилась ниц Ширин, чтоб юношу почтить,
 И славословий вновь ему сплетает нить.
 На сменных скакунах она к Бану послала
 Служителя, — и та не медлила нимало:
 Известье получив, хозяйственных хлопот
 Не уstraшает: Хосрова в гости ждет.
 Навстречу выехав, под синими горами
 И Солнце и Луну осыпала дарами.
 Юнца в какой дворец направила судьба!
 Что было схоже с ним? Лишь райская туба.
 Дворец приподнят был под купол небосвода,
 Как два майдана, ширь от входа и до входа.
 Прощения прося за скромный дар, послы
 Роскошеством даров заполнили столы.
 И здесь Парвиз такой осыпан был казною,
 Что повестью о ней не скажешь ни одною.
 И вот в душе царя звучит лишь крик: «Ширин!»
 Его душою стал прекрасный лик Ширин.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

Когда свое зерно крестьянин бросит чистым, —
 Родится чистым то, что было в прахе мгlistом¹.
 Коль чистый человек имеет чистый род, —
 Бредя в земной грязи, подол он подберет².
 И чистая Бану была в невольном страхе,
 Узнав и о Ширин и о влюбленном шахе.

Раздумия о них никак ей не избыть.
 Ну, как ей с хворостом огонь соединить?
 И говорит она: «Ширин моя, ты сладость
 Не только для меня, ты всем прекрасным радость.
 Твой черный томный взор — сто царских областей,
 От Рыбы до Луны длина косы твоей.
 Две тени у тебя, и тень вторая — счастье³.
 Благополучие, Ширин, твое запястье.
 Ты освещаешь мир сияньем красоты,
 А красота твоя — в чертоге чистоты.
 Ведь ты — сокровище; так будь запечатлена⁴.
 Ведь благо есть в мире, и есть в нем то, что тленно.
 Лукаво и хитро умеет мир играть:
 И красть жемчужины и яхонт растирать.
 Мне сердце весть дало, и мне, о роза, мнится,
 Что хочет царь царей с тобой соединиться.
 Коль сердце отдал он, то счастья ты не кличь.
 Иного: дивную ты заманила дичь.
 Но, увидав его от истерпенья пьяным,
 Не покоряйся ты, Ширин, его обманам.
 Он так остер; тебе — слова любви новы.
 Страшусь: бесплатно он отведаст халвы⁵.
 Он посрамленного тебя оставит: страстный,
 К другой он бросится, охвачен страстью властной.
 Я не хочу, Ширин, — мою запомни речь, —
 Чтоб ты скорей, чем хлеб, к нему попала в печь.
 Ведь десять тысяч роз есть у него красивых,
 Об этом говорят слова людей неживых.
 Коль мнится сердцем он к великопению роз,
 Привяжется ль к одной, обвитый цепью роз?
 Но коль не сможет он тайком схватить алмаза,
 Не отворотит лица, чтоб не купить алмаза.
 Узнав, как ты чиста, как ты ясна на взгляд, —
 Ко мне он явится. Так правила ведет,
 Озарена небес ты будешь чистым доном,
 И наградит земля тебя царевым троном.
 Коль чистоту души мечты твои таят, —

Противоядием преодолешь яд.
 Но, если б овладеть тобою смог влюбленный,
 Тебя он, верно б, счел беспечной, опьяненной.
 Смотри, чтоб над тобой позор твой не навис.
 Стыдом в умах людей была покрыта Вис.
 Он — месяц, ты — луна, и род наш так же славен.
 Да, мы — Афрасиаб, коль он Джемшиду равен.
 Поверь, не мужество — мужчинам вслед бежать.
 Такая смелость, верь, невестам не под стать.
 Сорвали много роз, чуть приодетых в росы,
 Вдохнули аромат, — и бросили в отбросы.
 Немало было вин, что привлекали взор,
 Но чуть вкусили их, — и вылили во двор.
 Ты ведаешь сама: под праведности знаком
 Нет лучше нежных игр, чем озаренных браком»
 И сладость пьет Ширин, к Бану склонив лицо,
 Чтоб вдет совет в ушко, как рабское кольцо⁶.
 Ведь сердцем отвечать на сладостное слово,
 Столь близкое душе, давно она готова.
 И клятву крепкую дает Ширин. Зарок
 Она дает Бану: «Твой выполню урок.
 Хоть пью любовь к нему я огненною чарой,
 Клянусь, что будем с ним мы лишь законной парой».
 Так молвила Ширин и клятвою такой
 Уверенность Бану вернула и покой.
 Та разрешила ей в дому и на майдане
 Быть с гостем, чтоб иных не жаждал он свиданий.
 Чтоб он в безлюдии не требовал утес
 И все, что говорит, чтоб говорил при всех.

ХОСРОВ И ШИРИН ИГРАЮТ В ЧОВГАН

Когда проснулся мир, зарей охвачен алой,
 И ясный жемчуг звезд преобразился в лалы¹,
 То солнце, чтоб часов мелькала череда,

Зухре и Муштари вручило повода².
 Он — захотел игры, она — нежна, как воздух, —
 Сказала, чтобы к ней собираться стали звезды³.
 К ней семьдесят пришло подружек, — юных лавин
 Взволнованности жар касался нежных лиц.
 Бесстрашных я сравню с самим Исфендиаром,
 Как лучниц, их сравню с самим Рустемом ярым.
 Играя же в човган, умело мчались вскачь,
 И у небес они могли похитить мяч.
 И опоясавшись и привязав колчаны,
 На седла вскинули они тугие станы.
 Прикрыв сиянье лун волною покрывал,
 К Хосрову прибыли: к нему их долг призвал.
 И приняты они хаджибом шахским были.
 Хосров был рад, что здесь об играх не забыли.
 Он восхвалял Ширин и подиялся; на трон,
 Правей себя, Ширин усаживает он.
 Что видит он? Да тех, что дух смущают смелый,
 Двор, полный сахара, гостинцев город целый!⁴
 Как будто не они и ловки и храбры.
 И на конях вершат все трудности игры!
 Прослушав их призыв приветный, величавый,
 Сел на коня Парвиз. Милы ему забавы.
 И поскакали все; примчались на майдан.
 И луноликих взор стал от веселья пьян.
 На лунах нежных лиц был солнца отпечаток.
 Одни орлы вокруг, не стало куропаток.
 Тут птаха каждая уже иной была:
 Для роши — голубки, для дичи — соколы.
 Хосров сказал Ширин: «Давай-ка, погоняем
 Коней! Давай-ка, в мяч немного поиграем».
 И вот бросают мяч и клюшку для царя.
 Порхает дивный рой, от радости горя.
 От клюшек ивовых вся площадь лесом стала.
 Луна от блеска лун явила цвет сандала⁵.
 И клюшки каждый взмах, что мяч у ветра брал,
 Над синим воротом мяч солнечный ломал⁶.

С той стороны — Луна в веселом звездном круге,
 А здесь — Хосров скакал, и с ним скакали слуги.
 И лев и лань в човган задумали играть,
 И сокол и фазан — набегу совершать.
 Шириш схватила мяч. Хосров — хватает следом.
 Приходят чередой они к своим победам.
 Но вот оставлен мяч: он более не нов.
 Они вокруг площади помчались скакунов.
 Летят Шебдиз, Гульгун — являясь как бы знаком
 Того, что светлый день стремится вслед за мраком⁷.
 И вот с майдана в степь направлен каждый конь.
 За дичью гонятся. Нет радостей погонь!
 И столько дичи тут их настреляли стрелы,
 Что числам не дано найти ее пределы.
 И конья роют прах, прозвонить его спеша, —
 Осагры примут их за стебли камыша.
 Хосров глядит вокруг, безмерно он дивится:
 Тут дивной ловкости полна любая львица.
 Все эти всадники, свой натянувши лук,
 Покрыли ланями трепещущими луг.
 И каждая была как бы Хумой в полете,
 Играя в мяч, а здесь — драконом на охоте.
 И на Шириш Хосров глядит исподтишка.
 Что выпадет ему? Охота нелегка.
 Внезапно, увидав газели быстрой спину,
 Подумал шах: «Стрелой газель я паземь кину».
 Но легкая газель, мелькнув пред ним едва,
 Уж больше не газель: она сильнее льва.
 Из-за охотника, что стал его кумиром,
 В дичь превратился тот, кто всем владеет миром.
 Когда павлин высот покинул синий сад
 И розы рвать в саду был черный ворон рад⁸, —
 Утратили свой блеск веселые павлины,
 И унесли домой их вороновы спины.
 И в гнезда головы запрятали: пора
 Им было отдохнуть; и спали до утра.

А утром ко дворцу их привела дорога,
 Вновь у парвизова построились порога.
 И на майдане вновь они играли в мяч.
 И на охоту вновь они помчались векач.
 Так месяц пролетел, и было игр немало.
 И в азбуке забав ни буквы не пропало.
 Но шаху не был миг, столь чаемый, вручен,
 Чтоб в «деле о Шириш» поставил точку он.
 Все случая он ждал, все поджидал мгновенья.
 Но оставался ключ в оковах промедленья.
 Он молвил раз, когда уж сумрак землю скрыл,
 А все ж Хума любви не распустила крыл:
 «Шириш! Царящая над всем прекрасным! Счастье
 К тебе стремится свой взор, ждет от тебя участь.
 Давай-ка, поутру веселием любым
 С тобой одержим верх над сводом голубым!
 Давай, возьмем вина, чтоб нашим сладким делом
 Стал нир, чтоб счастья свет нам сделался уделом.
 Грустим, смеемся ль мы в ограде, у ворот,
 Равно подхватит нас времен круговорот.
 Нас времена умчат, как всех они умчали.
 Но счастье лучше слез, а радости — печали».
 Тут пальчик свой к очам преподнесла Шириш⁹.
 «Спокойной ночи, шах!» — и вот Хосров — один.
 И, устремясь к луне, к светилу синей ночи,
 Мечтает шаханшах, чтоб ночь была короче.

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИШ

Уж старец-небосвод, одетый в бирюзу,
 Дал молодость цветам и оживил лозу, —
 И нежных роз цветник для юных и для старых
 Вновь блещет в розовых и золотых пожарах.

Пусть роза царствует! Фиалки, как павлин,
Свой расстилают хвост по зелени долин.
О, сколько птиц! О звон — к любви звать
готовый!

В былых влюбленностях жар пробудился новый.
Веселым стал Хосров; Ширин с ним хороша.
И вспомнил мир весну, веселием дыша, —
Влюбленный, радостный, отринув проволочку,
Играя, разорвал он розы оболочку¹.

А та — взнесла свой стяг, — ведь так отрадно ей:
Прогнали воронов отряды голубей².
Жасмин за кравчего. Призыв парцисса: «К чаше!»³.
Фиалка с розою в хмелю нежнее и краше.

Снял с женственных цветов покровы ветерок
И оживлял и звал всех тех, кто изнемог.
А ветер зашумел, затем — единым духом
Согнул «зрачок быка», взыграл «слоновым ухом»⁴.
Земля — ковер; взгляни — весь в анемонах он.
«Мышиных ушек» он узором озарен⁵.

Вон кипарисы ввысь свои вздымают станы,
Свои рубахи рвут от страстности тюльпаны⁶.
Фиалок завиток сцепился с завитком,
А слух шиповника зашептал ветерком⁷.
Рейханы прячут лик, страхась отдаться взорам,
Древа плодовые — под свадебным убором⁸.

А воздух, росами осыпав каждый луг,
Дал изумруду перл движеньем легких рук⁹.
Земля родящая свое забыла время:
Уж родился цветков ликующее племя.

Пьяны веселием газели: сосунки
Снуют близ матерей, игривы и легки.
Фазаны на рейхан роскошным опереньем
Склоняются; рейхан украшен их гореньем.
И ветка каждая — весны цветущей дар.
И роза каждая взяла в ладонь нисар.
Вот песни соловьев, вот песни куропаток —

В них нетерпение, в них страсти отпечаток.
В те дни, когда кругом любовью все полно,
Грех не любить. Весной — влюбляться суждено.
Хосров с прекрасною бродили днем и ночью,
Склоняя взор к цветам и к травкам узорочно.

То пили на дугу сок благодатных роз,
То на горах они собирали пламень роз.
Они с вином в руках, меж роз, по изумруду,
Хмельные в этот день подыхали к Шамруду.

И спешили они; и плещется Шамруд.
Сидят; поет певец, звенит и плачет руд.
С сахароустою легко достигнешь чуда:
Как сахарный тростник, простой тростник Шахруда.

Красу окрестностям ее дарует стан,
Как жемчуг ракушке порой дает Нейсан¹⁰.
Глянь, мускус этих кос дороже амбр; пропала
Вся спесь у сахара пред медом пляным лаза¹¹.
Ее улыбок мед весь сахар приманил, —

И в Хузистане плач варений слышен был.
Кусту прекрасных роз промолвил стан: «Достоин
Ты охранять меня, ты мой надежный воин».
Жасмин, что краше роз казаться мог легко,
Страдал: был по уши влюблен в ее ушко.
А роза, разглядев ее глаза, во власти
Свирипей ревности рвала себя на части.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

С Ширин гуляет шах меж радостных долин.
Прекрасно все окрест, прекрасно, как Ширин.
Когда желанная — вершина мирозданья,
То место каждое есть место любованья.
И отдыха ища, глядят: невдалеке

Лишь лилии цветут на сладостном лужке.
И, колышками прах в таком раю ударив,
С поспешностью шатер воздвигли государев.
Гулямы, девушки вокруг шатра видны —
Иль веренища звезд блещит вокруг луны?
Сидят Хосров с Ширин и несут внемлют звуку, —
Они ведь за погу повесили разлуку!
Вот кравчий накрепил рубиновый сосуд,
И струны говорят: дни радости несут.
Влюбленность и вино! В них — неги презнбыток.
Пьянит царя царей сей смешанный напиток.
И вот внезапный лев скакнул из-за куста,
И в воздух взвил он пыль ударами хвоста.
Как пьяный, бросился к стойке он с размаха,
И наземь воины попадали со страха.
И, подскочив к шатру и яростью горя,
Сын договиц лесных взметнулся на царя.
В рубахе, без меча, в свою удачу веря,
Нетрезвый шаханша опережает зверя.
До уха натянул он лука тетиву —
И грузно рухнул лев; пронзил он сердце льву.
Льва обезглавили. И вскоре светло-бурой,
Умело содранной все любовались шкурой.
И повелось в стране с хосрововых времен:
Хоть пиршествует царь — меч сохраняет он².
Хоть мощен был Парвиз, как лев пустыни дикой,
Но был владыкой он — медлительны владыки.
В хмелю он победил своим умением льва.
Не хмелем славеи стал, а одолением льва.
И эту крепкую, приученную к луку,
Спасенная Луна поцеловала руку.
Как розовой воды коснулся сладкий рот.
И рот в ладонь царя горсть сахара кладет³.
С прекрасных уст печать уста царя сломали,
Чтоб не ладони сласть, а губы принимали.
Поцеловав уста, он вымолвил: «Вот мед!

Вот поцелуев край, куда наш путь ведет».
Тот поцелуй гонимом был первым, чтоб второго,
Такого же, ей ждать от жадного Хосрова.
Но хоть и множество мы выпьем ночью чаш,
Все ж чаша первая милей всех прочих чаш.
О хмель, что нам испить дают впервые чаши!
Что нам привычных вин неогневые чаши!
При первой чаше мы восторг найдем в вине.
Испив последнюю, печаль найдем на дне.
И роза первая среди весенних станом
Благоуханнее десятка гюлистанов.
В жемчужнице зерну отрадно первым быть.
Что зерен перед ним последующих нить!
И мало ли плодов мы сладостных встречали,
И что же! Каждый плод нам сладостней вначале.
И вот напиток нег обжег влюбленным рот, —
И отвели они поводья всех забот.
Спеша к безлюдному чертогу или лугу,
Как молоко к вину, тянулись друг ко другу.
Так руку за добром протягивает вор,
Увидевши, что страж смежил беспечный взор.
И за врагом они одним следили глазом,
Другим они к цветам тянулись и к алмазам.
Лишь на мгновение враг позабывал свой страх, —
Они лобзание хватили второпях.
Когда в руках Ширин вина не примечалось, —
То птица райская к ее устам не мчалась⁴.
Когда ж она была беспечной от вина,
То и на ней была любовная вина⁵.
Так мощно он сжимал ее в объятьях рыном,
Что горностаей ее в шелку скрывался дряном⁶.
Так рот его впивал атлас ее щеки,
Что меж румяных роз возникли васильки⁷.
Тогда, из-за стыда пред синими следами,
И по небу луна шла синими садами⁸.
Держа в час трезвости и в ночи пьяных гроз
Белила в скляночке, подобно розе роз⁹.

РАССКАЗЫВАНИЕ ПРИТЧ ХОСРОВОМ, ШИРИН,
ШАПУРОМ И ДЕВУШКАМИ

Блестела ночь, и дня была она светлее.
И месяц плыл, и мир лежал, в сияньях млея.
Из синевы ночной плыл животворный дух, —
Не ветер, чтоб луны светильник не потух,
Простерлась темнота, от мыслей не скрывая,
Что, тьмой укрытая, бежит вода живая¹.
И черный паланкин был тьмой лишь для того,
За полог скромности чтоб приняли его².
С чела души сметен был прах рассудка грубый,
А звезды, веселясь, показывали зубы³.
В такой побудь ночи, и станет близкой цель.
К зачаткам приведет любви горячий хмель.
Вон там несет Зухре бесценный яркий камень.
Там — нижет лунный луч жемчужин нежный пламень.
Лишь грузами ослов измерить мускус трав⁴.
И воздух — снадобье из сладостных отрав.
Что амбра ветерок! Нежней он с каждым взмахом.
Стал ароматом прах, стал мускусом, не прахом.
Вся область воздуха, где ширится весна,
В алоэ лучшее весной превращена.
Мелодия Зухре течет во мраке. Вина
Готовится. Луны сияет половина.
Как бы придворных круг, созвездий рой возник,
А с ними Утарид — придворный танцовщик
Бубенчиками птиц звенит почная риза.
Что колокольчики пред ними Шебавиза!
И все живущие, всю приготова съедь,
Расселись вокруг нее, чтоб весело запеть.
Различно пели все — и юноши и девы,
Но с песней сумрака сливались их панычи.
Сидел на троне шах, его был светел вид,
Он был, как Феридун, и был он, как Джемшид.
И так в его душе Ширин сияли очи,
Что о светильниках забыл он и о ночи.

Рейханов аромат и луга ветерок,
Как весть о нем, пришли к Прекрасной на порог:
«Таким сияньем звезд бывала ль ночь богата?
Кто ведал веанье такого аромата?
Что миг свиданья за далью дымных туч?
Ведь мы с тобой лучи, так пусть мы видим луч.
Мы — кровь; что ж кровь твоя, о, молви, не в
кипеньи?»

А коль она кипит — зачем же в отдаленны?
Вдыхать ли? Столько нег и прелести в ночи!
Что ж хлеба нам не печь, коль печи горячи?
Весна не каждый день цветет на этом свете.
И дичь не каждый день к нам попадает в сети.
Ведь яства — для еды, а дело, коль оно
Затеяно, должно быть в срок завершено.
Хлеб на охоту взят. Не пропадать же хлебу,
Чтоб рыбам он пошел и птицам на потребу!
Про хитрую лису поведал притчу волк:
«Я — рыскал, ты — взяла. Какой же в этом толк!»
Луны пленительной достигли эти мысли,
Ее колебля путь, над ней они нависли.
Но все-таки в цепях был ею сдержан див,
И к клятве ангел влек, от дива оградив⁵.
Вот там — воздвигли трон царевый для Хосрова.
Вблизи — чреда рабов, служить ему готова.
Пред троном встал Шапур, друг золотых ночей,
Как пред сокровищем неожиданным казначей.
А там — язычников сверкающее чудо⁶.
И десять вокруг него сият гранатогрудых.
Вот — Эджебнуш, а вот — Сухейль и Фелекназ.
Здесь — Хамилля, Хотан и Ференгис — алмаз.
Там — Гохермульк видна, там — Сементурк; за нею
Лик Перизад; за ним — зрим Хамаюн — дилею⁷.
И все они, смеясь, рубин пустили в ход⁸.
Гранатовым цветком у каждой лик цветет.
Вот скатерти стыда уж нету; опьяненье
Ее свернуло. Ум, бежав, нашел спасенье.

И, к Лунам обратясь, шах отдает приказ:
 Всем — каждой в свой черед — рассказывать
 рассказ.

И вот сидят они; ярки у них рубины.
 Сидят, явя луну, а в уши вдев рубины⁹.
 У каждой брови — лук, у каждой взгляд — стрела.
 Все мыслят правильно и знают все дела.
 И каждая из них тут расточала сахар,
 А сладкая Ширин разогорчила сахар.
 Вот Ференгис слова, как скакуны, летят:
 «Был некогда судьбой в земле припрятан клад.
 Но подчиняться ли судьбе, ее обидам?
 Взрыл землю царь Джемшид, клад вынут был
 Джемшидом»¹⁰.

Сухейль сказала: «Там, где кипарисов стан
 Свое начало взял, разгуливал фазан.
 Но сокол полетел — таков его обычай —
 И нежный стал фазан мгновенною добычей».
 Сказала Эджебнуш, что с сахаром в ладу;
 Скажу о розе я, раскрывшейся в саду.
 И птица райская порой тант угрозу:
 Она схватила в клюв, она умчала розу».
 Еще находчивей сказала Фелекназ:
 «Чтоб видеть мир — один у нас был только глаз,
 Но глаз другой пришел; они сошлись — и сразу
 Стал мир видней. О глаз! Иди к другому глазу».
 Сказала Хамиля: «Блестящий, как луч,
 Меж свежей зелени струился чистый ключ.
 И мощный юный лев пришел к ручью однажды
 И, выпив светлых струй, уж не страдал от жажды»
 Сказала Хамаян: «Был в россыпи рубин.
 Еще купец о нем не ведал ни один.
 Но привиток властный царь, — и счастье поспешило.
 И в завиток венца рубин оно вложило».
 Сказала Сементурк: «Однажды рождена
 Была жемчужницей жемчужина; она
 Велением небес была бок о бок скоро

С прекрасным яхонтом царевого убора».
 Сказала Перизад: «Вся видела страна,
 Как весело в степях охотилась Луна.
 Но вот пришло с небес великое светило
 И в плен оно Луну внезапно захватило».
 Пришел черед Хотан, чей разум был глубок;
 «Рос тополь некогда; был тополь — одиноч,
 Свободный кипарис к нему приник, и взглядам
 Они усладу льют, друг с другом вставши рядом».
 Вот Гохермульк слова упали с алых уст:
 «И для Венеры мир был сумрачен и пуст.
 Но счастье родилось. Какой измерить мерой
 Восторг сближения Юпитера с Венерой!»¹¹
 Заговорил Шапур, настал его черед.
 Словам любви звучать приказ он отдает.
 «Был в чаше — мед Ширин; как масло — страсть
 Хосрова

Над медом пролегла. Я краски вспомнил снова,
 И ловкость у меня сливать их такова,
 Что я шафраном стал. Так создалась халва».
 По-пехлевийски он добавил им: «Вы оба
 Да славьтесь вовек! Быть рядом вам до гроба!
 Единородные! Вы для вселенной — свет!
 Не разрывайте уз, вам разлученья нет!».
 И потекли слова с уст ароматных Сладкой.
 Стал воздух мускусом от этой речи краткой.
 Застенчиво склонясь, промолвила Ширин:
 «Был дух мой без любви; он бедствовал один.
 Мне послан был Шапур; он ловок был и ярок.
 Мне сердце разорвал сверкающий подарок.
 Хоть все начертано и час любви настал, —
 Предначертание Шапур мне начертал.
 За то, что в сладких снах я вижу лик прекрасный,
 Сгораю от стыда, мой лик — за тканью красной.
 Из рук царя царей я этот кубок пью.
 Склоняю, как раба, я голову свою.
 Да буду я всегда под венценосным кровом!

Да счастливо всегда руководить Хосровом!»
 И вымолвил Хосров: «Леса преодолев,
 По лугу шествовал однажды черный лев.
 Но дням его предел, знать, был назначен ланью.
 Лань кинула петлю, — и лев был схвачен ланью.
 Я — лев, которого Ширин — стрелы быстрее —
 Заполонила в сеть из мускусных кудрей.
 Я — пламень; коль Ширин пылать мне не поможет,
 То погубить меня подувший ветер сможет¹².
 Коль драться выйдет лев среди равнины со мной, —
 Сражу, коль будешь ты, моя Ширин, со мной».
 Друзья согласные веселый круг смыкали,
 И слову каждому они рукоплескали.
 Как ветка пыльная, душа дружка: чиста
 Бмнг станет — постучи лишь кончиком перста.
 Едва замрет Ширин — и запыхает снова,
 И сердце в трепете все требует Хосрова.
 И чаша — вся полна, и губы — не скупей,
 И говорит она Хосрову: «На! Испей!
 Да усладишься ты сладчайшей этой чашей!
 Да буду для тебя всего на свете краше!»
 Как роза, все пышней владыка расцветал:
 Ведь лалы просверлял сверлящий сердце лал¹³.
 «О чаша! — он молил. — Ночь собрала пожитки¹⁴,
 Книи, чтоб смех Ширин мне слышался в избытке!»
 Он восклицал: «Заря! Нет, зубы ты не скалы!
 Пусть не смеется, нет, востока злая даль!»¹⁵
 Созвездья на руке у каждого кумира
 Играли в перстенок в часы ночного пира.
 Но лишь заря взошла — убрали перстень прочь:¹⁶
 Ведь прокричал петух, ведь миновала ночь.
 Кумиры, сменой чаш насытившись веселой,
 Помчались к городу, степные бросив доли.
 Был съеден целый мир, но горя — ни зерна.
 И радость на зерно — нет! — не уменьшена.
 И вновь закатный круг земной коснулся пыли,

И вновь им тесен мир, как тесен плен бутыли.
 И вот бутылки вновь им вручены вина,
 Вновь головы у них полным-полны вина.
 Во взорах радостных пошли играть алмазы,
 И небо начало перебирать алмазы.
 Вино обновлено веселье, и нова
 Над новым пиршеством почная синева.
 И притчи вновь твердят: забудь свои кручины.
 Вновь гурин сверлят вчерашние рубины.
 Душа Хосрова вновь кипит в любви, и вновь
 За лик Ширин он лоз пьет золотую кровь.
 Вино цветистое! Павлином будь — без змея!¹⁷
 Хурмой стань рот Ширин, лишь сладостью лелея.
 Он чашу винную в руке одной держал.
 Он связку алых роз в руке другой держал.
 Он к розам прикинул, склонился к чаше следом.
 Путь к взявшей сердце был, чтоб сердце взять,
 неведом.

Напитком горестным душа была полна.
 Он сладостно взирает: как сладостна Луна!
 Глазам заговорить дает он приказанье.
 Ведь было их речам помехою — лобзанье.
 Ему из-под ресниц блеснул мгновенный свет, —
 Так на слова зрачков он получил ответ.
 Они, припрятав речь в своем упорном взоре,
 Сказали обо всем в безмолвном разговоре.
 Всю ночь не ведать сна — таков был их удел.
 Немалый ряд ночей во взоры их глядел.
 И радостно Хосров захвачен был попойкой.
 Увидеть бы Ширин пылающей, нестойкой!
 Он пламенем пылал. Как опьянств Ширин?
 Весь этот сахар, весь захватит он один.
 Но не был выдан мнг ему судьбою злою,
 Чтoб в цель свою попасть он смог своей стрелою.
 Все ж радовала дух горящих глаз игра,
 И сердце радостно пило до утра.

Когда Шебдиза мглы внизудал Гульгун рассвета¹⁸,
 И в лепестки зари земля была одета, —
 И Солнце и Луну повлек ловитвы пыл¹⁹.
 Оседлан был Гульгун, Шебдиз оседлан был.
 Покинувши Мугань, домчались до Шахруда.
 Там было много вин, была там рудов гряда.
 Они то дни вели на этом берегу,
 Ловя и рыб и дичь, стреляя на бегу,
 То со степи Мандур они собирали данн:
 Опагров били там и повергали ланей.
 Так тешился с Ширин Хосров Парвиз: порой —
 Охотою, порой — веселою игрой.
 Когда невеста-ночь, вставая, надевала
 На кудри синее в алмазах покрывало, —
 Невеста шаха шла, покинув паланкин,
 В собрание. Украшал собрание лик Ширин.
 Подруги сходятся; вся эта цепь жемчужин —
 Чреда невест; но шах им будто бы не нужен.
 Как много сахара! Как мало миндаля!²⁰
 Голубки кружатся — что соколу суля?
 Вот чаши подняли за счастье Хосрова,
 И подняли опять и веселятся снова.
 И ночи не было без руда и певца!
 И чашам не было начала и конца.
 Вино, и милая, и молодость, и розы!
 Нет жизни сладостей, коль нету ей угрозы!
 Пленяться розами, цветущими вокруг!
 Пить яркое вино из вожделенных рук!
 Чтоб опояском рук была подруга сжата,
 Чтоб оплестись, как ильм вокруг деревца граната, —
 Полу возлюбленной схватить одной рукой,
 А за сердце ее схватить другой рукой!
 То взглядами искать от страсти утоленья,
 То в наряды нежности играть до утомленья,
 То прикорнуть к весне, чтоб нежила дружка,
 То вить фиалочки вокруг ее уха²¹,
 То прошептать в глауши: «Красавица, послушай!»

То раскрывать печаль, терзающую душу.
 Вот — мир! Но в мире, друг, такого мира нет.
 Коль явится — лови: его минутен свет.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДНИ

Весной, в такую ночь, каких у нас не много,
 Блеснула блаженства лик, судьбы пришла подмога,
 В день обратила ночь высокая луна:
 Ведь чашу подняла огромную она.
 И в дуином пламени — о света переливы! —
 Вновь полилось вино под зыбкой сенью ивы.
 И пересвиствы птиц и крики: «Нушануш!» —
 И где разлуки грусть? Она ушла из душ.
 Луна ручью в стихах передавала тайны.
 Их ветер толковал — толмач необычайный.
 Сад кипарисов — слуг сновал на берегах.
 Весенняя пора кипела в их сердцах.
 Один не кубок взял, а бубен. У другого
 Сосуд с водой из роз. И вина льются снова,
 И чаша не один свершила круг, — и сна
 Сердца возжаждали от сладкого вина.
 И, разрешение спросивши у Хосрова,
 Все с пиршества ушли, с веселого, с царева.
 И виночерпиям уж не хватало сил,
 И дремный дух певцов покоя запросил.
 Без соглядатаев укромный пир! Подобен
 Он розе без шипов: он сладок и незлобен.
 С пути терпения шах удалился; он
 Уж загоняет дичь в желания загон.
 Он кудри Сладостной своими сжал перстами,
 Забывши о перстах, простершихся над нами!
 Ее целует он: «Я — в рабстве, ты — мой рок.
 Я — птица. Дай зерна. Попал я в твой силос.

Ты прошлому скажи: быть не хочу с тобою.
Уймемся новым днем и новою судьбою.
Здесь только ты да я! Ну, оглянись, взгляни!
Чего страшиться нам? Ты видишь — мы одни.
Горит моя душа! Я жажду благодетели!
Ведь ты — моя судьба; будь ею ты и ныне!
Любовь — плодовый сад, родиться должен плод.
Во мне надежда есть, а в чем ее оплот?
Пускай воздвигнут мост из камня голубого, —
Коль мост непроходим, о нем не молвят слова.
Овечью печень ждет собака мясника, —
Да знает лишь свою: в ней горькая тоска.²
И тьма солончаков, казавшихся водою,
Рты жаждущих воды зарыла под землею.³
И в чашу для чего смертельный налит яд,
Который сладостью является на взгляд?
Сверлят жемчужину, когда она влажнее.
Сверлить ее потом ведь было бы сложнее.
Молочным следует барашка свежесвать —
Его, подросшего, ведь может волк задрать.
Лишь только голубок начнет взлетать высоко, —
Ласк не увидит он: в него воплется сокол.
Подобной льву не будь, смири ненужный гнев.
Есть руки у меня, чтоб стал смиренным лев.
Хоть горд нагорный путь прыгучего джейрана,
Есть руки длинные у хитрости аркана.
Пускай ветров быстрее газель несется вскачь, —
Собака шахская не знает неудач.
Что родинки беречь, таить под спудом кудри?
Ты, подать уплатив, поступишь всех премудрей.
Купец! Где сахар твой? Знать, сто харваров есть?
Что ж двери на замке, коль сахара не счесть?
Ведь индиги, торгош, находит спрос; уныло
Не хмурься. Вскрой тюки, будь ты хоть в глущах
Нила»⁴.

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

И сахар дать ответ ему был нежный рад.¹
И был ответ его — сладчайший табарзад.
«Я прах, — и пребывать со мной на царском троне
Для шаха значило б — в напрасном быть уроне.
Сочту ль за скакуна я своего осла?
Коня арабского догнать я б не смогла.
И хоть как всадница могу я подвизаться, —
С охотником на львов мне все ж не состязаться.
Моя уклончивость имеет цель, о да!
Кто сахар ест в жару? Не вышло бы вреда?²
Остынем, государь! Немного подождать бы,
Чтоб сахар был тебе и мне... во время свадьбы».
Тут на ее губе жемчужинка зажглась.
И змеями она от уст оберглась.³
Хоть мысль ее — строга, но, клятву дам, иное
Вещала ей душа, в томленьях тайных ное,
Пусть, рассердясь, она, как острин, остра, —
Не страшно: розы жар — роскошнее костра.⁴
Пусть гнев ее встает жестокой львиной гривой, —
В нем нежный горностай укрыл свои извивы.⁵
Пусть лук ее бровей натянут, — не грозна
Стрела ее очей, а томности полна.
Пусть взор ее — копье, — ведь круг войны все шире,
Но взор к боям готов и к сотням перемирий.
«Не наноси мне ран», — твердят уста; спроси
Ты их еще разок, услышишь: «Наноси».
Хотя ее уста прикрыло покрывало, —
Но все ж свое ушко она приоткрывала.
Колечко рта сомкнув и отклонив лицо,
Все ж понесла в ушке покорности кольцо.
То прихотливый взгляд свергал в один мученья,
То милосердного он полон был значенья.
Лик отвратит, и вот — прельстительна коса.
«Простите лик», — твердит ее спины краса.
Ширин, узрев царя в алчбе кипучей, страстной

И честность в сей игре увидевши напрасной, —
 Явила блеск спины, моленья отклоняя.⁶
 Ведь белой серою не загасить огня.
 Иль, может быть, явя в стыдливом бегстве спину,
 В нем думала зажечь раскаянья кручину?
 Не то! Ее спины словокопостный трон
 Наноминял парю, чтоб трон свой занял он.
 А может быть, она так поступила, дабы
 Он знал, что у любви есть разные михрабы.
 Что странного? Одна исчезла сторона,
 Сказав: прельстись другой, еще светлей она.
 Игра лукавых дев: прогонят с глаз, — и рады
 Метать в изгнанников приманчивые взгляды.
 Суровый скажет взгляд: «Уйди», — но, погляди, —
 Взгляд утешающий сказал: «Не уходи».
 «Нет», — молвила, но, глянь, — «да» молвила б
 охотнись.

За это я годов пожертвовал бы сотней!

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Глядит Хосров: Луна не хочет нипочем
 Для страждущего стать внимательным врачом.
 Дерзнул он вымолвить: «О нежащая души!
 Свои укоры брось. Утихни и послушай.
 И ты пила вино и мне давала пить.
 К чему ж мне пьяным быть, тебе же трезвой быть?
 Трезва ли ты? О нет, ты в сладостном дурмане.
 Ты ведь подобна мне: не думай об обмане.
 Где птишка сердца? Где? Признаться, ведь она
 Уж соколом любви в когтях унесена.
 Коль тайну утаить ты в сердце мнишь, — терпенье
 Зови: ведь с сердцем ты должна вступить в боренье.
 Иль свертывай шатры, — и, протрубив отбой,

Беги с равнин войны к Канелле голубой.
 От торга, что с мечом ведется заостренным,
 Спастись и бежать дозволено влюбленным.
 Ты знаешь: наземь тот повернется в бою,
 Кто не сумел сдержать заносчивость свою.
 Ты сердцу своему, что жестко и упорно,
 Дай приказание быть нежным, хоть притворно:
 Коль скажет мне: «Я друг», — за друга и приму.
 Мне — будет радостно, не горестно — ему.
 Шутя предсказанный, благой удел сбывался
 Нередко. В добрый час ряд нежных дел сбывался.
 Сказал один мудрец в далекие года:
 «Себе отрадное предсказывай всегда.
 Коль устрашишься бед — притти поможешь бедам,
 Предскажешь доброе — оно возникнет следом».
 Пусть твой рубин мне даст один лишь поцелуй.
 Коль он запрещен мне, его мне не даруй.
 Но и молить о нем, губительна и яра,
 Ты запрещаешь мне! Я в пламени пожара.
 Мне страшно: раздирать свой завтра будешь лик,
 Сразив влюбленного, что в горести поник,
 И кровь моя хватать тебя за полы станет:
 Кровь страстных не умрет и в просьбах не устанет.
 Скажи мне: если ты быть нежной не склонна,
 И в поцелуев счет игра тебе странна,
 И целовать твой рот я не дерзаю строгий, —
 Так что ж мне целовать, рукав твой иль пороги?
 Мне поцелуй на срок — ведь я не нищий — дай.
 О рте не говорю, для пробы пищи дай!
 Дав поцелуй один, взамен получишь десять.
 Торговля добрая! Всей прибыли не взвесить!
 Харвары сахара припрятала к чему?
 Открыла б лучше дверь стремленью моему!
 Не разрешишь — на все получишь разрешение.
 Всего лишешь — сама изведася лишенья.
 Пусть из ключа воды взял много водонос, —
 Ключ, вечно льющийся, ущерба не понес.
 Я — туча, влага — ты; не спит ли я с тобою?

И со своей душой готовиться ль мне к бою?
 Индеец дерзостный твой локоп: в свете дня
 Нагрянув, начисто ограбил он меня.
 Коль не управляюсь я с твоим индийцем черным,
 Сам, как индеец-вор, я стану непокорным.
 Хоть будет с топором к тебе ломиться вор, —
 Лишь крикнешь на него — уронит он топор.
 Но руку молодцу ведь не отрубят? Гладко
 Все у него идет: есть воровская хватка.
 Ты локона аркан на шею мне набрось,
 Хоть дичью тощею разжиться довелось.
 Будь покупателем — тебе продам я душу.
 Будь кравчим — и вовек я шпра не нарушу.
 Тебя узрев, сдержат пыланье не могу.
 Светильник дружбы я горящим берегу.
 Кольцо твоих кудрей пусть на ухо мне ляжет!
 Я — раб. Пускай твой рот купить меня прикажет.
 Вести лобзаньям счет — вот сладостный удел!
 Лобзанья дай! Считать их так бы я хотел!
 Приди, чтоб вместе мы вступили в двери счастья.
 Мы станем счастливы! Судьба полна участия.
 Так сладостно дышать в сегодняшнюю ночь!
 День завтрашний — в пути, его не превозмочь.
 Платить наличными нам эта полночь рада.
 Ждать одолжения грядущего не надо.
 Брось локоном играть! Со мною поиграй.
 Мне руку помощи сегодня ночью дай.
 Я сердцем изнемог, меня здоровым сделай.
 В свой райский сад принять меня достойным сделай.
 Ты сладостней души, ты — радости поток!
 Тебя в объятиях спать мне предназначил рок.
 Что сладостнее — уст или ног твоих касаться?
 Все может в сладости и в прелести равняться.
 Все тело сладостно, и все влечет уста!
 Да! Названа «Ширин» была ты неспроста!
 Так сладость расточай, ликуя, не с оглядкой!
 Не Сладостная ты, коль быть страшишься сладкой!»

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

Ответила Ширин: «Как беспощаден ты,
 Прося пощады, шах! Не падай с высоты.
 Молить вовеки шах не должен о пощаде.
 С деишем худым ты должен быть в разладе.
 Ты не ищи ручья, что честь мою умчит.
 Ты от алчбы своей не жди во мне зашит.
 Ведь к цели подойдешь один лишь ты, не двое.
 Ты станешь пламенем, сгорю я, как алоэ.
 Я сердцем ласкова была и без любви.
 Меня, влюбленную, холодной не зови.
 Когда б любви базар была моя дорога,
 То радости с тобой я б испытала много.
 Но в нард с самим собой, поверь, играть нельзя.
 И только радости в пути собирать нельзя.
 Полмира нам дано для радостного шпра,
 Для славы доблестной нам отдано полмира.
 Зачем же у судьбы в неподчинении быть
 И двух прославленных бесславием покрыть?
 Самих себя стыдясь, себя оглянем строго —
 Вот лучший путь. Наш стыд есть почитанье бога
 Муж! Женщину смирить желаньем не гори.
 Коль мужественен ты, ты сам себя смири.
 Тот, кто смирил себя, тот стал навеки славен.
 Себя унизивший! Никто ему не равен.
 Я деревцу сродни; во мне — я такова —
 Есть розовый шербет и сладкая халва.
 Сперва довольствуйся лишь розовой водою,
 Халву возьмишь потом; все делай чередою.
 Не думай о халве, ведь подали шербет.
 Халву внесут потом, пока на ней — запрет.
 Коль сахар есть во рту, то для чего же стану.
 Протягивать ладонь за сладостью к Хузистану?
 Настолько благостна прозрачная вода,
 Что бурю пламени поборет без труда.
 Но ежели вода покроет с головою, —
 Погибельна, хоть будь она «водой живою».

От мной любимого привета не хотеть —
 То значит жизни мне и света не хотеть.
 Но лихорадочный, страдающий от жажды
 Скорбит, что ел халву хотя бы лишь однажды¹.

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

И видит шах: Ширин, его слова поправ,
 Не кротко говорит, забыв свой кроткий нрав.
 Он молит: «О Луна, горящая высоко!
 Упрек друзей — не зло; страшусь ли я упрёка?
 Но как хвалить людей, в которых сердца нет,
 Которые молчат молениям в ответ?
 Я лишь к тебе стремлюсь, о Сладостной мечтая,
 Любого поборю, тебя приобретая.
 Я вижу: локон твой меня опутал. Ты —
 Победу празднуешь, я — рухнул с высоты.
 Ты клятвы не нарушь. Об этом ли толкуем?¹
 Ты отрезви меня одним лишь поцелуем.
 Хоть молви, что ко мне придет счастливый век:
 «Хоть мертвым да пойдет на волю Мубарек»².
 Свиданий розами наполни мне кошицу.
 Разлука стелет мне на ложе власиянцу.
 Пусть розы наших встреч мне свой шербет сулят!
 О ты, цветник! Даруй ты мне хоть аромат!
 В руке — твой локон; ты опьянена, — причина
 Того, что горькая умчалась прочь кручина.
 С тобою пью вино — как радости не быть?
 Ты здесь — ну как с тобой и сладости не быть?
 Ты здесь — и золотым становится мой пояс,
 И счастье светит мне, на радость не скупое,
 Со мной расстанешься, что камень со змеей, —
 Без розы буду я, ты — без колючки злой³.
 Коль сеть мою поправ, помчишься по раздолью, —

Расстанусь с головой, ты — с головою болью.
 Вот сердце! На, бери! Коль хочешь, можешь съесть!
 Я думал: друга нет, теперь я вижу — есть!
 Когда твой светлый лик мне сердце жечь не будет,
 Я сердце сохраню, но свет оно забудет.
 Коль требовать мой глаз взаимности начнет,
 Пускай мучительный почувствует он гнет.
 Но если от тебя моя душа в истоме
 Уйдет — невеста к ней придет лишь только в дреме.
 Коль ты теперь пошлешь мне хоть один укор, —
 Один твой волосок пресечь сумеет спор».
 Уснул он, прошептав любовных слов немало,
 И локон Сладостной рука его сжимала.
 ... Лишь кубок небеса пустили круговой,
 Напиток пурпурный расплескивая свой,
 Проснулся государь и кубок поднял снова.
 Еще вчерашний хмель бродил в уме Хосрова.
 И ухватила вновь его за полы страсть,
 И пламени опять его зажала пасть.
 Забушевал огонь вскипающей отравы,
 Как будто бы папал на высохшие травы.
 Ширин он сжал, сказав: «Я медлить не хочу».
 Он будто на тахту натягивал парчу.
 Спасен онагра бок от жадной львиной пасти:
 Находчивой не быть у сильного во власти.
 И, распалившимся увидевши царя,
 «Не надо, — молвила, — безумствовать, горя.
 Что распалить себя? Ведь жребий незавидный
 Мне сделаться, о шах, в твоих глазах бесстыдной.
 Нехорошо, что ты таким огнем объят:
 Вель с разогретых роз чуть веет аромат.
 Коль господин с рабом в своих речах не сдержан, —
 Соблазнам дерзостным его слуга подвержен.
 Зачем пытаешься с рабами рассуждать,
 Коль надо промолчать иль наказание дать?
 Царь, ежели под ним царевый конь хромает,
 Как нужного достичь, смутясь, не понимает.

Когда мнует срок твоей невзгоде, — верь,
 Тобой любимое к тебе ворвется в дверь.
 И пьяный для очей разумных не находка,
 Коль с чашей он сидит, а на ногах — колодка.
 Ты к царству устремись, а я недалеко,
 Ты в руку власть возьми, а я — в твоей руке.
 Вепчанный! Без твоей быть не хочу я чести.
 И честь твоя, и я — мы быть желаем вместе.
 Честолюбива я, и под ноги тебе
 Повергну душу. Я — верна твоей судьбе.
 Возрадуйся, ведь ты откроешь двери власти.
 Ликуй, твой светел рок, мнут все напасти.
 От царственных удач к любви пойдет стезя.
 В тревоге отыскать сокровища нельзя,
 С терпением ты найдешь все, что тебя чарует,
 В покое обретишь ту, что покой дарует.
 Язык, потом — слова; глаза, а после — свет.
 Поднимется лоза, вино приходит вслед.
 Не в яростном жару у мудрых дело зреет,
 «От жаркой беготни козел не разжиреет»!
 Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
 Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоём.
 Могу ли дружбою связаться я нестрогой,
 Быть другом, что ведет недоброю дорогой?
 Пусть ты и власть твоя — вы будете друзья,
 Тогда, о шаханшах, с тобой сдружусь и я.
 Боюсь, что коль во мне одна твоя улада, —
 Меж царством и тобой останется преграда.
 Коль будешь возвращен к могуществу судьбой, —
 То буду я, увы, утрачена тобой.
 Наследьем древним был весь мир в роду Хосрова.
 Ему ль наследьем стать наследника другого!
 Ты хочешь мир схватить — не медли же, не стой!
 Завоеватели владеют быстротой.
 Чреда верховных дел идет путем размерным,
 Но царство должно брать ударом быстрым, верным.
 В любого шаха ты попристальней взглядишь, —

Решеньем быстрым он в свою вознесся высь.
 Ты юн и мощен ты, ты создан для дсржавы.
 Ты родом царственен, прекрасный, величавый,
 Стрепожена страна: сбрось узы мятежа.
 Очнись, и робкий враг покается, дрожа.
 Индийца, что, нанав, твои поклажи вырвал,
 По-тюркски твой венец в мгновенной краже вырвал
 Ударь мечом, и прочь отпрянет голова!
 Да канут все следы былого колдовства!
 Рука царя, что все добудет в жизни нашей,
 То быть должна с мечом, то с пиришественной чашей.
 Ты должен меч поднять и кликнуть клич; ведь шесть
 Пределов мира есть, и войска в них не счесть.
 Удача, вымолвив: «С Хосровом рядом астану», —
 Направит камень твой ко вражескому стану.
 Иль руку приложу я к делу твоему,
 Иль руки за тебя в молитве подниму.

ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ. ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРИАМ

И царь был распален ее великим жаром,
 И на Шебдиза он вскочил во гневе яром.
 Он грозно выкрикнул: «Меня не скоро жди!
 Коль море иль огонь увижу впереди,
 Клянусь: я от огня не отвращу Шебдиза,
 И что его прыжку морей кипучих риза!
 Не думаешь ли ты, что буду спать и впредь?
 Ручаюсь: дремлющим Хосрова не узреть.
 На высоту слона теперь я земли взрою,
 И боевых слонов для смотра я построю.
 И стану я, как слон, — могучий, грозный слон
 Я на подушке спал. Я ныне пробужден.

Я, все забыв, осла завел на эту крышу!
 Свести сумею вниз! Я зов рассудка слышу.
 Кувшин, что сделал я, теперь не берегу.
 Сумел его слепить — разбить его смогу.
 Меня ли разжигать, в меня вперяя очи,
 Иль обучать гореть во мраке долгой ночи?
 Неполнением желанья устрашать,
 Иль мужеству меня надменно обучать?
 Моя любовь к тебе меня миров лишила!
 О страсть! Тьму-тьмь людей она голов лишила!
 Я знал бы, коль во мне ты не родила смут:
 Опять края венца мне волосы сожмут.
 Не голову ль мою поймала ты арканом?
 Сняла его, но все ж я пленным был и пьяным.
 Ты мне дала вина смертельное огня,
 И опьяненного связала ты меня.
 И опьяненному твердишь ты: «Поднимайся,
 На трезвого врага неистово бросайся».
 Да, мы сразимся с ним! Я вражий сброшу гнет.
 Но дай сперва уйти из тягостных тенет.
 Душа, опомнившись, движенья захотела.
 По следу двинусь я мне радостного дела.
 Да, наставленье мне хорошее дано.
 И совершится все, что ныне быть должно.
 Ты мне сказала все о том, каков я ныне.
 Ты мне поведала о зле, о благостыне.
 В былом подвластен мне был необъятный дол.
 Мой славен был венец, мой славен был престол.
 В скитальца ты меня мгновенно обратила.
 В того, кто в горестях бесценно, обратила.
 Я был пришит к седлу любовною тоской.
 Какой бы вихрь занес сюда меня? Какой?
 Пока твоя приязнь сверкала мне украдкой, —
 И речь твоя ко мне текла, как сахар, сладкой.
 Тобою от любви я ныне отрешен.
 На мой отъезд приказ тобою мне вручен.
 Я знал, что я уйду, лишь срок укажет небо,

Ведь злонамеренным я гостем вовсе не был.
 Был потчеван тобой, — и медлил потому.
 Уйду, коль хлеба ты мне сунула в суму»³.
 Гилянского коня направив из ограда,
 Путем гилянским он повел свои отряды.
 Сердитый на Ширин, он мрачен был, угрюм.
 Поход ускоривши, направился он в Рум.
 Он знал: стрела врага лететь в него готова.
 Вена не стало. Шлем — вот он венец Хосрова!
 Он, зная, что пути оберегал Бехрам,
 Скакал без усталости по долам и горам.
 Четырехкрылый был под ним орел; дракона!
 Хранил у пояса. Бехрам! Срашись урона!
 И вот к монастырю примчался он; монах
 Ютился там. То был «Всепостиженья шах».
 Ему грядущее немало дел открыло,
 И для Хосрова он истолковал светила⁵.
 Все стало явственней. Он мудрый дал совет.
 Он изречениями открыл Хосрову свет.
 И к морю поспешил Хосров, и переходы
 Он делал о-дву-конь. И вот сверкнули воды.
 Он гнать вдоль берега гнедого не устал.
 В Константинополе кейсару он предстал.
 И призадумался тогда владыка Рума,
 И важное чело избородила дума.
 Удачею он счел для дома своего
 Приезд Хосрова в Рум; и обнял он его.
 Узнав, что в чинах звезд приязнь, а не коварство.
 Прибывшему решил свое вручить он царство
 И дать — хоть воздвигал он христианства храм —
 Парвизу в жены дочь — царевну Мариам.
 И меж владыками в ночь свадьбы было много
 Условий скреплено; все обсудили строго.
 О Мариам, о нем, кто счастья встретил свет,
 О том, какой он смог румийцам дать ответ,
 Как с Ниатусом он хитро, хвостом павлина
 Построил рать, о всех походах властелина

Не стану говорить; о том сказал иной⁶ —
Бреду, а он уснул, пройдя свой путь земной.
Коль захочу я сбить былым рассказам цену
Сказитель будущий собыет мне разом цену.

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БЕХРАМОМ И БЕГСТВО БЕХРАМА

Дни пиршества прошли, и начал собирать
Хосров Парвиз в поход обещанную рать.
Войска созвал кейсар; все, что сулил, — утроил.
Он, с золотым умом, все золотом устроил.
И собранных полков таков был грозный рой,
Что будто бы гора катилась за горой.
Железная гора, пыля, передвигалась.
Как будто, вся дрожа, земля передвигалась.
Шах оглядел бойцов, и тысяч пятьдесят
Он отобрал; о них преданья гласят.
Он вышел в ночь, решив связать Бехрама туго.
И чашею стал шлем, одеждою — кольчуга.
Когда Бехрам узнал, что поднят бранный клич,
Как сильный лев, решил добычу он достичь.
Но с лисьей хитростью судьба замыслил гибель, —
И сила льва — ничто. Какая в силе прибыль?
Лицом к лицу войска, мечи обнажены,
Средине и крылам приказы вручены.
Свист стрел и лязг мечей в своей звенящей силе
С ума свели бы львов, слонов бы умертвили!
Услышал бы мертвец литавров страшный вой.
Он воя разум свой утрачивал живой.
Златоподкованных коней в рубинах брони.
То — кровь: она была на латах, на полоне,
И ржанье скакунов, чья полыхала грудь,
Вливалось яростно в земное ухо ртуть¹.

И всадников мечи, как молнии, плескали.
Все львы воспрянули, внезапно зубы скаля.
Смерть бытию в тот час творила западню.
Сей гнев и судному не мог бы сниться дню.
Смерть направляла в грудь и заостряла дротик
И закружила всех в своем водовороте.
Навис железный лес, мчит остря, грозя, —
И бегство поняло, что убежать нельзя.
В тех зарослях онагр от льва не знал спасенья,
А от клинков и лев не обретал спасенья.
Не ветер проникал под розы лепестки.
А под доспехи — стрел мгновенные броски.
Орлы кровавых стрел! У них, пробивших латы,
На крыльях коршунам написаны бераты².
Кольчугорезы, в медь вбирающие яд³,
Кольчугоносцев сном погибельным поят.
И кровью — брызги ввысь до самых звезд несутся! —
Вкруг медных мунджуков полны до края блюда⁴.
Ломались копыя. Ветр, что так по ним рыдал,
К парчамам подметев, им кулри распускал⁵.
И обезглавленных мужей увидав, в муке
Земля раскрыла грудь, заря раскрыла руки.
И перевязи все отброшены; рассея
Один готов врага, другой — роняет меч.
Несется тюркский крик, труба ревет, стена.
Что громче тюркского зывающего ная?⁶
Распущенных знамен багряные шелка —
Огонь струящийся по гушам тростника.
О, сколько здесь мечей! И кровь на них не стынет!
Не столько камешков раскинуто в пустыне!
О, сколько стрел в виски внедряет смертный яд!
Не столько листьев шлет на землю листопад!
И на спину слона воздвигли трон Хосрова,
И мощь его меча к сражению готова.
Пред яростным слоном стоял Бузург-Умид.
Он с астродябией; он срок определит⁷.
Базар врага шумел. Но вот пришло мгновенье —

Дал морю — жемчуга, земле — алмазный клад.
 Таких сокровищ блеск не видел мир воочью.
 Светлей, чем лунный луч, они сверкали ночью.
 Как лев, свой занял он благословенный трон.
 Благословения от храбрых слышал он.
 Его печать прияв, мир позабыл томленье, —
 И мира целого он видел мирволение.
 Его величие — сияния поток.
 Второго солнца свет весь озарил восток.
 И гул шумливого и радостного стана
 От Балха людного дошел до Шахиджана.
 И вот когда престол хосровов стал пригож,
 Ресницы Сладостной свой начали грабеж!
 И можно ль отворотить от сердца эту муку?
 И как призвать сюда ту, что сразит разлуку?
 Воздвигла Мариам Хосрову пышный трон,
 Тем трон был Иса к зениту вознесен.
 Но пусть владычества достиг он, словно клада, —
 Подруги не было, — и где была услада?
 Я знаю, радости он знал от Мариам,
 Но дух летел к другой, неистов и упрям.
 То с чашей горькою стонал он: «Где ж удача?»,
 То чашу сладкую пригубливал он, плача.
 То сердцу говорил: «Чем жар твой возбужден?
 Любовь тебе мила иль падишахский трон?
 Любовь и царство! Нет, им не ужиться рядом!
 Иль к царству устремись иль к сладостным отрадам.
 Встарь барсу неким львом совет был мудрый дан:
 «Ослицу на приплод пусти иль в Зенджан»³.
 О если, взявши трон, я не вздыхал бы сиром, —
 Моя душа сполна все получила б с мира.
 Но должен я купить, коль спит счастливый рок,
 За сто хотанских царств любимой волосок!
 Я с милой спал в саду, луна была на небе.
 Мне ложе сторожил недремный светлый жребий.
 Уснул счастливый рок, — и пробудился я,
 И сердца не нашел. Где милая моя?

Где радости пиров, звенящих вновь и снова,
 Цветущий рай, не мгла пристанища земного?
 Где созерцание луноподобных лиц?
 Где пребывание с царицею царя?
 Где сладкая Ширин и сладкие реченья,
 Как бы сладчайших вод сладчайшие теченья?
 Где та бездремная полночная пора?
 Где сказок череда, что длилась до утра?
 Где розы лепесток тугой, сахароносный,
 Харвары сахара, что собран с розы росной?
 Где руки, что плели среди дворцовых стен
 Серебряных тенет благожеланный плен,
 И розы сладостной к щеке прикосновение,
 И гиацинтов кос плетенье, расплетенье?
 О, где объятий жар, где ласковость Луны
 В безлюдьи, в сладкий час полночной тишины,
 И кубок, данный мне с приветом и любовью,
 И час, когда я ник к блаженства изголовью?
 Слова, что молвил я, слова, что слышал я, —
 Мне сон их нашептал или мечта моя?
 Твердят мне: «Весел будь. Ты — солнце; ни обида,
 Ни скорбь не омрачат древнейший трон Джемшида».
 Но как же наполнять мне сладким смехом рот?
 Ютятся стоны в нем; им наступил черед.
 Кого мне призывать? К каким звать усадам?
 Злой ветер пролетел моим весенним садом.
 «Ты малодушен был!» — смеется надо мной
 Рассудок мой, дразня, мой разжигая зной.
 Враги отсутствуют — расти удачи стали,
 Мой друг отсутствует — и множатся печали.
 Незоркий соловей! Твой неудачлив рок:
 Ты гнездный пух сменил на шелковый слюк.
 Без пользы я стремлюсь к садам великолепью:
 Дал ноги оковать я золотою цепью.
 Мне цепи не сорвать! Узка моя стезя!
 Мне с цепью улететь к возлюбленной нельзя!
 Коль дела об одной мы с сердцем не рассудим,

То как же, царствуя, страдать по стольким людям?
 Сто утешителей мне надобно иметь.
 Сто горьких горестей возможно ли терпеть?
 Я на себя с ослов перелагаю грузы,
 Посмешищем ослов от этой став обузы.
 И солнце и луна — они горят костром.
 Сдружившись над земным раскинутым ковром.
 Рассеяна душа, — и мраком все одето,
 Рассеян сердцем был, — и вот не стало света.
 Пусть полон синий сад цветущих звезд игрой, —
 Не мощен звездный свет: ведь звезд разрознен рой¹.
 Рассеян свет свечи, — и в нем не стало жара,
 Сосредоточенный — властнее он пожара.
 Не хочет сердце, нет, чтоб царством правил я.
 А с сердцем враждовать не хочет мысль моя.
 Вновь сердцу суждена с судьбою темной схватка,
 Ко мне, окрепшему, вернулась лихорадка.
 Мышь в норку ящериц пробраться не смогла, —
 И глупой ко хвосту подвязана метла².
 И так уж черный негр обличьем не прекрасным
 Страшит, а заболел, он делается красным³.
 Себя корит Хосров, к себе вызывает он:
 «Ты силу получил, ты властью осенен.
 А коль имеем власть, судьбу смиряем нашу,
 Ты властен, — женщина с тобой поднимет чашу.
 Не должен человек с собою в распре быть.
 Всевластный может ли о власти позабыть?
 Власть у тебя, — и страсть все обрести готова.
 «Власть» — лучшего судьба найти не сможет слова,
 Все достижения всевластному легки.
 Зерном ведь всяких птиц заманишь ты в силки.
 Для пропитания посеяна пшеница,
 Сей снова, а трава с ней рядом уродится.
 Есть власть, — и беды все мы можем превозмочь.
 Пускай безвластие от нас умчится прочь!»
 Так с сердцем пламенным не раз он вел беседу.

Когда придет любовь, — терпенья нет и следу,
 Но твердо претерпел он разлученья срок,
 И час пришел: зарю к нему направил рок.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВОМ

Так в книге начертал великий мастер слова,
 Тот словомер, чья речь готова для улова:
 Ширин, когда ее оставил шах одну,
 Была как бы в цепях, была как бы в плену.
 Из влажных миндалей шли розовые струи,
 К цветущим миндалям стремясь, как поцелуй¹.
 Овечкой бедною, зарезанной, она
 Упала в трепете, отчаянья полна.
 И в ней не стало сил: она лежит устало.
 И с муравьиный глаз ее сердечко стало.
 Смел ветер урожай, развеял полный ток!
 И наземь ниспадал кровавых слез поток.
 Запуталась в силках. Где милый? Стал далек он.
 Она в смятении, как беспокойный локон.
 Разлука стелет ей свой горестный рассказ.
 Колени в жемчугах из моря черных глаз.
 То падает она, — пьяна она от муки, —
 То в неступлении заламывает руки.
 Уста безмолвствуют, иссушен бедный рот.
 Сидит у ручейка, что из очей течет.
 Прекрасный кипарис дрожит, как листик ивы.
 Что мускус рядом с ней и нежный мех красивый!
 Вот на земле она. Лежит, как смятый злак,
 И мускусных кудрей разбрасывает мрак.
 Ногтями, что сродни лишь лепесткам нестрига²,
 Терзает розы щек. О горести пучина!
 На сахар уст ключи из миндалей поили,
 Уннаб! Он ноготков кусает миндали³.

То мечется, как мяч, свою смиряя рану,
 То изгибается, подобная човгану.
 Весна — огнем луны преобразенный путь —
 Уж распадается, как пролитая ртуть.
 В ночных набегах мук ее души дорога, —
 И лагерь сердца пал, — но мук в засаде много.
 И прянули они из мрака на конях.
 Терпенья первый полк они разбили в прах.
 От корня печени до сердца — разграбленную
 Все было предано, все предано томленью.
 Султан души разбит; насилу спасся он,
 Свой препоясав стан, приветствуя полон.
 То день она кляла, когда заныло сердце, —
 Как бессердечная, в сердцах бранила сердце,
 А то кричала: «Рок! Ты горшей с той поры,
 Как существует мир, с людьми не вел игры!
 Все, что желанно мне, о чем томлюсь в разлуке,
 Ты выхватил из рук, сперва давая в руки.
 Ширин! Твоя нога задела ценный клад,
 Но за находку ты не видела награды.
 Весне открывши дверь, сама ветров усердней,
 Убила ты весну, схватив колючки терний.
 Ты светоч избрала из светочей, и свет
 Его задудла ты, — и светоча уж нет.
 К живой воде пришла, и вмиг вода пропала
 За то, что с жадностью ты к влаге не припала.
 Что у печи нашла? Пылание огня.
 Он истомил тебя, все милое гоня.
 И ныне ты в огне и в тяжких клубах дыма.
 Без нужды ныне ты отчаяньем томима.
 То с неба возвещал ей благостный Суруш:
 «Ты чаемого жди. Есть утешитель душ».
 То див страстей ей мозг укором жег суровым:
 «Должна была, Ширин, ты мчаться за Хосровом».
 Пробыв немало дней в отчаянья краю,
 Ширин в другой предел направила ладью.
 С дорожной пылью рок ее сродняет строгий.

Она минует пыль мучительной дороги.
 И ко дворцу Бану приблизилась она.
 И стала для Бану ее тоска ясна.
 Душа Михин-Бану рыдающей внимала.
 Разумных слов Ширин услышала немало:
 «Немного потерпи, твоя пройдет беда.
 Ты цепью скована, поверь, не навсегда.
 Что быстросчастной быть, как роза? Будь мудрее.
 Тем раньше рухнет мост, чем водный ток быстрее.
 Взгляни, дано мячу и падать и взлетать.
 Знай, всякий, кто упал, — поднимется опять.
 Прозябнуть, а потом — взрасти всем должно
 зернам,

В срок все, что связано, развяжет рок проворно.
 Желанье сладостей, когда его я длю.
 Все быстროпьющие — мгновенно во хмелю.
 Кто понукать коня для бега не устанет, —
 Обгонит всех. Потом — от спутников отстанет.
 Осел, что шестьдесят легко взял менов, — он
 Приняв еще пяток, не будет утомлен,
 А тучи, что летят, как мчащиеся бури,
 Все выплачутся вмиг, — и нет уж их в лазури!
 Дух в нынешней беде смиреннее олень.
 Кто знает, что тебе пошлет грядущий день?
 Ты унижения была сносить готова,
 Немало горестей терпела от Хосрова.
 Он бесполезен был? Что ж! Скорбь угомони.
 Бояться нечего: не съедено яхин⁵.
 Настал терпенья час, и счастье светит скудно.
 Не торопись, ведь вверх воде взбираться трудно.
 Когда придет пора воде помчаться вниз, —
 С ней счастье потечет, к тебе придет Парвиз.
 Ты скажешь: «Я добро и зло постичь сумела»,
 Когда своим ключом раскроешь створки дела.
 Синне-зеленою нам кажется парча,
 А в складках скрылся цвет багряного луча.
 Немало мест, что нам простой землею мнятся,

А там и бирюза и яхонты таятся». —
И удалось Бану — кто был бы ей под стать? —
Кумир, что без четы, с терпением сочитать.
И опытный Шапур, властитель изречений,
Привел ей несколько тончайших заключений.
И сердце жаркое в покой заключено,
О милом памятью утешено оно.
Ширин сносила дни, что горестно летели,
Без счастья прочного, без сердца в нежном теле.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХИИ-БАНУ

Бану тоску Ширин стремилась превозмочь.
Опять ее Луна должна украсить почь.
Но к благу бытия пресытившись любовью,
Она, призвав Ширин однажды к изголовью,
Ей подает ключи: «Сокровища принять
Готова будь, Ширин, твоя уходит мать».
С недугом тяжкий спор стал глуше, бесполезней:
От благоденствия Бану пришла к болезни.
Недуга быстрого ее промучил зной;
Отвергло тело — дух, дух — мир отверг земной.
Рок разлучил ее с отрадой жизни краткой, —
И мир столь сладостный она вручила Сладкой.
Ушел ее закат за черный небосклон, —
И в землю снизошла, покинув царский трон.
То мирозданья власть; иного нет удела.
Всем веснам свой предел земля иметь велела.
Хоть склянка из камней, но склянка не снесет
Удар кремня, и все свой обретет черед.
Судьба творит стекло, иначе не бывает,
Но каждое стекло она же разбивает.
Пусть мудрая пчела скопить сумела мед, —
В чем польза, коль сама весь этот съела мед?
Вдруг зримого всего не вихри ли завывли?

Ты зримым не пленись: оно — пригоршня пыли.
И ветер, палетев, раскинет складки риз,
И травы разметет, и сломит кипарис.
В основу ветер взят, и вот — жилье готово.
Не радуйся жилью: плоха его основа.
Из-за чего в силках ты бьешься? Посмотри:
Нам дан гнилой орех, лишь пустота внутри.
Как заяц, как лиса, прельщаться ль в жизни

краткой

Сном рока заячьим да лисьею повадкой?
Охотники на львов! Их мощный ряд — не мал.
Но сей лисице барс их в должный срок подмял.
Я взором опыта на мир взглянул, — и что же?
С чесанием руки все наслажденья схожи.
Так хорошо руке! А тронь, а снова тронь, —
И скоро руку жжет мучительный огонь.
Хоть сладостно пьянит благая чаша мира,
Похмелье, — лишь оно останется от пира.
Забудь свою печаль: ее не стоит свет.
И радости твоей твой мир не стоит, нет!
Уставил яства мир направо и налево, —
Но вкусись только то, что умещает чрево.
Сто кладов у тебя иль только лишь динар, —
Лишь то, что сможешь съесть, от мира примешь

в дар

Пока во здравьи ты, пока не стал ты хилым,
Твой дух всем сумрачным противостоян силам.
Коль поколеблен дух, коль в нем не стало сил, —
Напрасно бы у звезд здоровья ты просил.
Твой улыбнется рот земному пепелищу,
Коль естество твое усавивает пищу.
Коль человек взомнит: «Уж мне надежды нет» —
Путей спасения он забывает след.
Мир и дела его — все кажется мне ядом.
Ешь осторожно съедь; мирским не верь уладам.
О жадный! Кто жадней могильных злых червей?
Ты пояс подтяни, как скромный муравей.

Недуг обходит тех, кто скромны, а сегодня,
 Как и вчера, умрет обжор дебелых сотня.
 Не надо истреблять чрезмерно много трав,
 Иль станешь ты искать лекарственный состав.
 Коль будешь хлеб вкушать, как долю гульшакара¹.
 Ты тело не отдашь в неволю гульшакара.
 Как роза, блещет все, что не пошло на снесь,
 Но съеденным плодам уж не блистать, а тлеть².
 Зачем стяжаешь ты, коль жизни ты не просишь?
 Спеша к мирским делам, зачем ты их поносишь?
 Тому дает покой житейский горький дол,
 Кто в нем, подобно мне, приюта не нашел.
 Кто поселился в нем, тот должен на потребу
 Иметь хоть горсть воды к ниспосланному хлебу.
 Ты, смятой глины ком, — в смятении не будь!
 Ты — прах, но пусть твоя не изнывает грудь.
 Стыдится мир того, кто может из-за мира
 В уныние прийти, чей дух блуждает сиром.
 О пропитании, друг, ты не имей забот:
 Кто жизнь тебе послал, тебе и снесь пошлет.
 Как небо ни хитро, как небо ни зловеще, —
 Две клячи — день и ночь — оно посменно хлещет.
 Знать, о-дву-конь езда ему на ум пришла —
 То оседлает свет, то сумрак у седла.
 Коль унесен отец в сей горестной стремнине,
 Как сыну, в свой черед, не близиться к кончине?
 Когда индеец — мир — убьет наследник, он
 Клинком отмщения не будет поражен³.
 В ладу с индийцем ты, отца убившим? Воин!
 Как ни бесстрашен ты, — быть сыном не достоин.
 Кинь горбуну стрелу в изогнутый хребет!⁴
 Он весь твой род убил, в нем снисхождения нет.
 Пока небесный свод свой лук тугой имеет, —
 Жир нагулять себе добыча не сумеет.
 Коль по траве олень идет к приюту льва, —
 Клинками острыми становится трава.
 Ты ль в безопасности? Подумай, друг любезный,

Ведь за тобою — смерч, а пред тобою — бездна.
 Страшись! На сей реке спокойствия печать,
 Но ей дано людей спокойно поглощать.
 Найти ль цветущий сад, что побежденный днями,
 Не стал бы пустырем с обглоданными пнями?
 Пред мудрецом наш мир не горестно ль возник?
 Кто сладостно живет, тем горек смертный миг.
 Тот, кто весь этот свет со скорбью озирает,
 Тот, светочу сродни, сияя, умирает.
 Взлюбивших мир сравню с кустом цветов лесных:
 Лобзают руки тех, что обезглавлят их⁵...
 Вот проповедник наш, кричит он: «Как солому,
 Брось мир, — я подниму, он пригодится дому!»⁶.
 А вот подвижник наш, в сто человеческих сил
 Он молвит: «Скни его, чтоб я его носил!»⁷.
 Но если хрупкий мир — расколота чара, —
 Все царства на земле не стоят ни динара.
 Гостинец пустоте, небытию припас, —
 Та сущность чистая, что обитает в нас⁸.
 Сказали мудрецы всезнающие: «Верьте,
 Кто плох, а кто хорош, — узнается в день смерти».
 Есть женщины, они — мужи в предсмертный миг.
 Иной дрожащий муж от смерти прячет лик.
 Творец! Когда наткнушь на камень и с разлета
 Нырнет моя ладья во мрак водоворота, —
 Ты одари меня, под кров благой возьми,
 Успокоением возрадуй Низами.

ВОЦАРЕНИЕ ШИРИН

И перешла к Ширин Михин-Бану держава.
 От Рыбы до Луны о ней сверкнула слава.
 И справедливости возрадовался люд.
 Былые узники свободы воздух пьют.

Все угнетенные забыли время гнета:
 Ширин с времен своих отбросила тенета.
 Уж не взмался сбор у городских ворот,
 Налогов не платил за пажити народ.
 Облагоденствовав и город и селения,
 Ширин, не ждя даров, сыскала восхищенья.
 И вот и перепел и сокол уж друзья,
 И даже волк с овцой встречались у ручья.
 Народ, и дальних мест и живший недалеко,
 Царицу полюбил бесхитростно, глубоко.
 Обилье все росло, все ширилось оно.
 Сам-сто смогло давать единое зерно.
 Добра исполнен шах, — и щедрых трав цветенье
 Рождает не цветы, а ценные камни.
 У злонамеренных сады иссушит рок.
 Добра исполнен шах, — и путь его широк.
 И ширь и тесный лог в его краю счастливым
 Гордятся временем и шахом справедливым.
 У шаха, коль он — шах, дух не снует во тьме.
 Нет злодеяния у шаха на уме.
 Но о царе царей к Ширин не мчатся вести.
 Хоть царство у нее, но сердце не на месте.
 Хоть кейхосрову она имеет власть,
 В пустыню смотрит взор, а в этом взоре — страсть.
 От караванов ждет и ждет, стора, снова
 Живительных вестей о странствии Хосрова.
 Узнав, что счастлив шах, что, как Юпитер, он
 От праха до Плеяд свой прежний поднял трон,
 Она рассыпала сокровища, — и люду,
 Законы дружбы чтя, их раздарила грудю.
 Но весть о Мариам ей муку принесла:
 Законы Мариам строжайшие блюла.
 И в Руме Мариам принудила Хосрова
 В великой верности дать клятвенное слово.
 Ширин, проведавши о горести такой,
 Вздыхая горестно, утратила покой.
 «Судьба, — твердит она, — мне все свершает на зло».

Ширин, как мул в грязи, в страданиях завязла.
 Она царила год, храня свои края
 Ни птахи не спугнув, щадя и муравья.
 Как мрак разбойных глаз, и сердце стало темным,
 Как буря локонов, и дух стал беспокойным.
 Ширин усташена: ее тоска вот-вот
 Честь справедливых дел в смятении сметет.
 Другого не нашел сей кипарис исхода,
 Чтоб чистым был диван, как в дни былого года! —
 Как только, чтоб снял пред ней один — Хосров,
 Причина всей тоски и всех кручин — Хосров.
 Решительности нет, ее душа устала.
 Ведь твердости всегда влюбленным не хватало.
 Наместник принял власть и все свершал один.
 Ношенем венца пресыщена Ширин.

ПРИБЫТИЕ ШИРИН В МЕДАНИ

Гульгун навьючен; в путь пуститься вышло
 время.
 Ширин в седле, Шапур ее хватает стремя.
 Ширин сбиралась в путь, окружена гурьбой
 Красавиц: только тех взяла она с собой.
 От коней в дни трудов и в час досузий смеха
 И помощь ей была и светлая утеха.
 Динары и парчу с собой она взяла.
 Четвероногих взять приказ она дала:
 «Верблюдов и коней, овец, коров!». И долам
 Дано наполниться потоком их веселым.
 К чертогу горному спешит она: стада
 За нею тянутся, как зыбкая гряда.
 И в раковине блеск вновь затанцал щедрый.
 И драгоценный лал вновь погрузился в недра.
 Индийской топи мгла клад убрала от глаз.
 В кремнистый лог тоски запрятался алмаз.
 Но от чемчужины блеснул окрестный камень.
 Так мрачный храм огня вмиг озаряет пламень.

От дика Сладостной, что розовой весны,
 Тюльпаны меж камней неожиданные видны.
 От пламени Ширин, что разгоралось яро,
 В горячем воздухе все больше было жара.
 И царь, проведавши, что друг недалеке,
 В надежде возмнил: срок миновал тоске.
 Но страх пред Марнаи сражал огонь порыва:
 Глядела Марнаи в глаза его пылко.
 Не знал он, как завлечь Ширин в свой паланкин,
 Не ведал, как бы мог он встретиться с Ширин.
 Лишь вестью о Луне, лишь ветром он доволен,
 Что плыл с ее путей. Он вновь любовью болен.
 Взявая каждый миг: «Где милая моя!»,
 Он извивается в томленье, как змея.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Заря взошла на трон. Отряд прекрасных, схожих
 С румийцами, блеснув, напал на чернокожих¹.
 Юсуф нес апельсин, — и расступилась мгла.
 Зулейха — лунный свет — от счастья умерла².
 Взглянул с приязнью рок. Забыв потоки крови,
 Расправил он свои нахупленные брови.
 Был бирюзовый свод раскрыт, оповещен
 Был о победе мир, — и радовался он.
 В те дни, отгородясь от возгласов и гула,
 Земля от злых бесчинств и распрей отдохнула.
 Предвестием благим вздымался звездный кров,
 Когда свой царский трон восстановил Хосров.
 Шатра хосровова сверкающие ткани
 Возвысились: небес их подтянули грани.
 Кейсар, хакап, фагфур, свой потупляя взгляд,
 Вкруг парского ковра почтительно стоят.

Вельможи областей, пройдя царевы сени,
 В чертоге тут и там склонялись на колени.
 А стражи, царственный боясь увидеть взор,
 Лишь на ноги свои усталились в упор.
 И каждый, кто знал, как меч разит с размаха,
 От страха не дерзал и поглядеть на шаха.
 Каменья поясов так озаряли ночь,
 Что дерзновенный день ушел понуро прочь.
 На пышных воинов глаз поглядел бы в страхе:
 Слоны! Их пояса тянулись на фарсах.
 Водой стал огонь: у смелых стыла грудь,
 И золото речей преобразилось в ртуть³.
 Был с юным фарром шах, сидевший на престоле,
 И, юный, думал он о светлой царской доле.
 Был охранен Хосров; гулямы с двух сторон
 Построили ряды, оберегая трон.
 И золотых рядов глубокое молчанье
 Преображало их в узоры изваянья.
 И трон был утвержден и распрям был коней.
 И для приема царь всем растворил дворец.
 И вот раскрылся вход, лишь утра глянула глянec, —
 И во дворец вошел ликующий посланец.

Пал наземь он, затем сказал, расправив грудь:
 «Ликуй! Над миром ты царем для мира будь!
 Знай золотой удел, златым престолом данный!
 Царь! Чубине удел достался деревянный.
 Дом Деревянного со счастьем незнаком.
 От твоего врага Бехрам очистил дом».
 О черством сердце дней, что всех разит упрямо,
 Царь притчу вымолвил, припомнивши Бехрама:
 «Рок палкой бил меня, а страж небесный злой
 Лишь в колотушку бил. И все мне было мглой.
 Но дерева судьбы ко мне пропала злоба, —
 И деревянного Чубин добился гроба⁴.
 Не только сей Бехрам, но и великий Гур⁵
 Ушел от мира в дол, что сумрачен и хмур.

Коль Гура мощного приют последний — яма,
 Что сотни черепов! Что этот прах Бехрама!
 Покуда жил Чубин, судьба его блюла,
 И силу властную она ему дала.
 Где лев, что, нам грозя над бранною равниной,
 На нас кидаться смог со всею силой львиной?
 Где меч, что был огнем, что был исполнен сил,
 Что знамени Каве удары наносил?
 Из рода львиного мужей больших немало
 Смушала злая кознь и по ветру пускала.
 И множество волчат по наущенью лис,
 Чтоб их добычей стать, в тенета забралось.
 Над волком властвовать лисицы не могли бы,
 Не видя злую сеть. А волк — пред ним лишь
 рыбы!⁶

И шахов множество совет говорунгов
 Не вовремя к вражде был обратить готов?⁷
 Порой сердец владык от мысли незрелой
 Не ткани пышные касаются, а стрелы⁸.
 Спадет венец с того, кто смотрит гордо ввысь.
 Своею мощностью ты, мощный, не гордись.
 Хоть загорается лампадный свет от масла,
 Но масла много влил, — лампада и погасла.
 От порчи нашу снедь предохраняет соль,
 Но сыпать в меру соль ты руку приневоли.
 Ешь столько, чтоб не внять болезней злым угрозам,
 А то и плод хурмы покажется навозом⁹.
 Как бедный, ты живи: запретное другим —
 Тебе дозволится, окажется твоим¹⁰.
 Душе живущего в черте земного града
 Спокойно принимать и грусть и радость надо.
 В край не назначенный не устремляй свой взор.
 Ног не вытягивай за собственный ковер.
 Морям не подражай, — там ширь ветрами взвита.
 И выше своего ты не взлетай зенита.
 Познаниями хвались, в неведении — молчи.
 Цеповки вяжущий не сможет ткать парчи.

Слышал: «Миробалан идет миробалану»¹¹.
 А сахар—сахару», — премудрым вторить стану.
 И люди заводить все снова не должны,
 Пуская на ветер весь опыт старины,
 Светильник прадедов камнями ломая,
 Пожитки у сирот бесчинно отнимая.
 Посеяно зерно — и уродится плод.
 Всем ведомо: зерно — грядущего оплот.
 Не каждое зерно родит прямое древо,
 Не в каждой арфе есть грезительность напева.
 Немало лун на мир свой поднимало меч,
 Но было велено их тучами облечь¹².
 Ты славой льва не льстись. С него все спросят
 грозно.

За кровь ответит он, ответит, хоть и поздно.
 От полунегра — прочь; глянь — черно-белый конь
 Под ним; двуличен он, он — барс, его не тронь¹³.
 Быть не должно ни в чем насилие применимо.
 Насильники и власть, — всегда их дружба мнима.
 Проведав, что осел попал на сеновал,
 Ведь я б не об осле, о сене горевал¹⁴.
 Как мухе не узреть в калве всю роскошь пира?
 Ворону ль убивать за ягодку нижира?
 Что золотом чужим свой золотить дворец?
 Ты, веры не внушив, истратившись вконец¹⁵.
 Храни в базарный день прилавок свой богатый
 Ты от белильщика, от брызг с его лопаты¹⁶.
 Ты не молчи, узнав исход плачевных дел.
 Молчаньем предаешь, — того ли ты хотел?
 Слышал я: на цепи сидел мудрец, по виду
 Безумный, и терпел порою он обиду.
 Задразнит мудреца шумливый круг ребят, —
 Бросает камни он, в мужей они летят.
 «Ты оскорблен детьми, — твердят ему, — за что же
 Мстишь старикам? Ответь, на что сие похоже?»
 Он отвечал: «Детей ваш подбодряет смех,
 И дети не хотят искать иных утех».

Что царская рука, взбешенная ногами,
 Снимает голову, вы ведаете сами!¹⁷
 С презреньем не взирай на бедняка, ведь он
 В своих глазах всегда почтеньем окружен.
 Ты в людях неплохих не замечай порока.
 Ценить их не учишь ты у дурного ока.
 Один ищайка-глаз в них видит лишь порок.
 Взор ворона заметь, не зри павлиньих ног!¹⁸
 У самого тебя слова полны ошибок,
 Так не пеняй другим, что их язык не гибок.
 На собственный порок ты взглянешь только раз,
 А на порок других зришь сотней глаз.
 Не хуже зеркала людей пороки ищешь,
 Бесстыдство зеркалу ты предоставь, дружище!
 Ведь все же зеркало и честь людей хранит:
 Заглазно никого оно ведь не хулит.
 Черно лицо того, кто, и не встретясь с вами,
 Все ж наизнанку вас вмиг вывернет словами.
 Ты не худи врага: ведь коль бессилен он!¹⁹
 Ты, победив его, не будешь вознесен.
 Пред зайцем золотым, что на клинке кинжала
 Художник вырезал, ты не кичись нимало.
 Ведь если б храбрый лев сей поднимал кинжал,
 Он зайцев множество кинжалом бы сражал.
 С презреньем не гляди на гладь реки безмерной,
 Река сумеет стать свирепой и неверной.
 Ты не ласкай огня, что свет тебе сулит, —
 Наступит час, и вмиг сто жилищ он спалит.
 Не веселись, коль лев раздвинул пасть в улыбку:
 Его клыки — мечи. Раскаешься в ошибке.
 Храбрец, о ком идет великая молва,
 Льву угодится, лишь выступив на льва.
 И коль пошел Бехрам на храбрый бой с Хосровом,
 Он славен, как Хосров, своей враждой с Хосровом.
 Не с меньшим, чем ты сам, ты друг, себя сравни,
 Иль, свергнутый, в позор свои повергнешь дни.
 С великим чти союз, с собой по духу близким:

В союзе с низкими сам сделаешься низким.
 Акула хороша: меж бурных волн спует.
 А рыбки мелкие — в затоне мелких вод».

И вымолвил Хосров немало слов, что схожи
 С прекрасным жемчугом, — и плакали вельможи.
 Печальным в этот день Хосров покинул трон.
 Ключ розовой воды лил из нариссов он.
 Три дня с бехрамовым он призраком прощался.
 Ни с троном в эти дни, ни с чашей не общался.

ХОСРОВ ПРИЗЫВАЕТ БАРБЕДА

Был на четвертый день возобновлен прием.
 Вновь песня громкая разносится кругом.
 Длань — море: нет конца дареньям и наградам,
 Земля в жемчужинах подобится Плеядам.
 Усердьем кравчих царь, пируя, опьянен.
 В томлени по Ширин все забывает он.
 Приказывает шах призвать на пир Барбеда:
 Тоску лишь музыка излечит, не беседа.
 Как пьяный соловей, является Барбед.
 Переливается в его руках барбет.
 Запас ладов явить решается не весь он.
 Лишь тридцать отобрал он сладкозвучных песен.
 Ладами тридцатую, что льются, как вино,
 Ему пьянить людей и радовать дано.
 Когда в барбет он бил, то высохшее древо
 Рождало влажный звук текучего напева.
 Когда запел он песни: «Даренный-ветром клад!¹, —
 Его уста дары рождали с песней в лад.
 Когда же «Клад Быка» запел он, — звуков сила!²
 Добилась, что земля все недра растворила.
 Когда «Спаленный клад» он спел, то вздохов жар!³
 Сто кладов мог спалить, родясь от звучных чар.

Когда певец запел свой «Занавес жемчужный»,
 То жемчуг просверлил Барбед, с барбетом дружный.
 Когда «Такдеевский трон» он заиграл, то рай!
 Раскрыл свои врата, в свой призывая край.
 Когда «Престольный» он запел и «Колокольный», —
 Колоколам внимал с престола шах довольный.
 Когда он сладость пел «Каусова ларца»,
 То сладость эту песнь лобзала без конца.
 Когда раскрыл уста, чтоб «Месяц над вершиной»
 Запеть, — уж месяц плыл небесною долиной.
 Когда он «Мускус» пел, то, ароматом пьян⁶.
 Был мускусным чертог, был весь чертог — Хотан⁶.
 Когда он развернул напев «Убор светила», —
 Убор на много дней светило сохранило.
 Когда он «Полдень» спел, всех озарив огнем,
 То мудрость, все забыв, очулась только днем.
 Когда «Все в зелени» он начал, — в юной неге
 Проишли в желтый сад зеленые побеги.
 Когда, сверкая, спел «Дворец румийский» он,
 То золотом дворца был каждый одарен.
 Когда звучал напев «О кипарисной роще»,
 То роща лучшая ветрам казалась тощей.
 Когда же «Кипарис» он начал петь, — любовь
 Явив, дал кипарис ему берет «на кровь»⁷.
 Когда всех похитил он «Сладостным напитком»,
 Весь хмель от сладких вин он возместил с избытком.
 Когда Барбед запел «О счастье душ», то рок,
 Перед певцом склонясь, от счастья изнемог.
 Когда Барбед сказал: «Напев «Новруза нега»⁸, —
 Новруза радости достигнул он с разбega.
 Когда «Дворцовый» пел, — он мускус выжимал,
 Он мускусом чертог дворцовый одевал.
 Когда он «Михргани» раскинул в людном стане⁹, —
 С людских сердец он взял, их заласкавши, дани.
 Когда он загадал на «Добрый знак», — весь год
 Все знали: будет благ небес круговорот.
 Когда «Цветы ночей» в полночь зазвучали, —

К ночной молитве вмиг земные дали встали.
 Когда он затянул «Благую ночь», — такой
 Еще никто не знал полуночи благой.
 Когда сдружился он с «Блаженным днем», —
 Настали

Блаженные часы, мгновенья заблестали.
 Когда «Охоту» спел, то стали, слыша клоч,
 Все, сходные с Зухре, как пойманная дичь¹⁰.
 Когда он заиграл «Взор горной куропатки», —
 Он всех, пленяя взгляд, сразил в певучей схватке.
 Когда он подхлестнул «За Сиавуша мечь»¹¹,
 То в уши кровь текла, взывали души: «Мечь!»
 Когда вознес Барбед «Мечь за Преджа», — снова¹²
 Мечь за Преджа мир зажечь была готова.
 Когда «Садов Ширин» рассыпал сахар он, —
 Плод горький сладостью его наполнил зvon.
 Так, светлой радости сказавшие: «Воскресни!»,
 Барбед на быстрый лад пел радостные песни.
 Все лучше пел Барбед, покуда не затих.
 И сотню раз Хосров Барбеду молвил: «Зих!»¹³
 Блестящего таков был месяца обычай:
 При каждом «зих» певец был с блещущей
 добычей¹⁴.

За песню каждую в тот вечер и за трель
 Все новый получал он с золотом кошель.
 За каждый лад, что был с пропетой песней дружен,
 Он получал кафтан в узорах из жемчужин.
 Да, коли ты в нужде слышал бы слово «зих»¹⁵,
 Золототканый ты надел бы снова зих.
 А днесь, и вознесен, оставь свои надежды.
 У горла шерстяной не затянуть одежды.
 Все ж в помыслах пари, а шею, гнуть — к чему?
 Всех дарственных одежд ты с шен сбрось тесьму
 Глаза алчбы закрой, сживайся с каждым горем,
 Я — капля, но тебя быть научу я морем.
 К себе сокровищем венчанных я влеку,
 Соломинки не взяв на царственном току.

Я не хранию мощны, лишь речь моя богата.
 Царь злата не давал, и не просил я злата.
 Лишь тем довольствуюсь, что в целый мир проник,
 Что мной одарены и море и рудник.
 О Низами, забудь про пышные одежды!
 Отшельничества плащ оберегай, как вежды.
 С обшивкой пищества вокруг шеп, — не согнешь
 Ты шеп. Пусть иных владыка свергнет в дрожь!

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРИАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

Лишь из кармана тьмы явился месяц, — горы
 Прикрыли им чело, явив свои просторы.
 Из трапезной пошел в опочивальню шах.
 Опять одну Ширин в своих он видел снах.
 Но лишь его слова о Сладкой зазвучали,
 Рот грустной Мариам стал горьким от печали.
 В своей тоске поник пред Мариам Хосров.
 Ису он поминал среди потока слов!
 «Я знаю хорошо то, что Ширин далеко.
 Мне в рану сыпать соль ее не может око.
 Все ж радостны враги, поступок мой браня,
 И обесславлена она из-за меня.
 Когда б сюда Ширин явилась без опаски,
 Все к справедливой бы приблизилось развязке.
 Из горного дворца позволь Ширин мне взять,
 Среди дворцовых дев приют ей оказать.
 Когда на лик Ширин взгляну хоть ненароком,
 Пускай расстанусь я с моим горячим эком».
 Сказала Мариам: «О миродержец! Ты,
 Как звезды, на людей взираешь с высоты,
 С тобою распрю мир оставил за вратами,
 Склоняешь небеса ты властными словами.

Коль имя Сладостной твоей душе — халва,
 Тебе не сладостна и неба синева.
 Ты с мягкой халвой свои уста сливаешь.
 К чему ж остывший рис ты все подогреваешь?
 К чему тебе шипы? Здесь каждый финик — твой.
 Верь, лишь бездымную все тешатся халвой.
 В один ларец меня упрятать с ней — затея
 Не вавилонского ли это чародея?
 Что знает множество присказок, и народ
 Сзываючи, пустить готов любую в ход?
 Нас разлучат с тобой Ширин лукавой руки,
 Тебе — довольным быть, мне ж — горевать
 в разлуке.

Ведь чары Сладостной я знаю хорошо.
 Такие сказки я читаю хорошо.
 Есть жены, до пяти не сосчитают с виду,
 А хитростью пути отрежут Утариду.
 На обливных горшках узоры рассмотри:
 То — жены: ясный блеск, да мерзостью внутри³.
 И верности искать в миру, что полон яда,
 У сабли, у коня, у женщины — не надо.
 Мужскую верность ты жене не вложишь в грудь.
 Промолвил «женщина» — о верности забудь.
 Мужчины ищут путь, что служит им защитой.
 Но в женах не найдут игры они открытой.
 Из левого бедра мы вышли. Должен знать,
 Что в левой стороне вам правой не сыскать.
 Что тянешься к Ширин? Она не знает бога.
 Тебе лишь бедами грозит ее дорога.
 Узнаешь ревность ты, она — пучина бед.
 Когда ж ты не ревнив, ты не мужчина, нет!
 Так шествуй же один — и, лилик подобно,
 Веселое чело ты вознеси свободно».
 И молвит Мариам с горячностью большой:
 «Клянусь я разумом и мудрою душой,
 И кесаря венцом, и шаханшаха саном, —

Коль двинется Ширин к прекрасным нашим странам,
Петлею мускусной тоску я утолю!
Тобой обижена, себя я удавлю.
Пусть ей меж голых гор чертог послужит кровом.
Ведь населенных мест не видеть лучше совам». —
Из речи Мариам Хосров постиг одно:
Даум женщинам вовек ужиться не дано.
Он после речь свою с конца другого строил,
Терпенье проявил и ласковость утронил.
И приезжал Шапур к Хосрову; из долин
Печальных привозил он вести о Ширин.
И возвращался он с уловкою привычной.
От кровопийцы вез ответ он горемычной.
Ширин такой игре дивится: столько дней
Томленье сносит шах, все думая о ней!
Все ж сердцем ведала: его любовь — не ржава,
Но в терпеливости нуждается держава.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

Шапuru вымолвил однажды властелин:
«Доколе тосковать я должен о Ширин?
Ты в башню Лунный Свет введи ночью порою,
И словно лал в ларце я там его укрою!
Свой возвратив престол, державу берегу
И быть с желанною открыто не могу.
Страшусь, что Мариам в пенстовой печали
Сама себя распнет, как их Ису распяли?
Для сладостной Луны не лучше ль — посмотри —
Мне тайным другом быть; так дружатся перй
Хоть на ее пути свои обжег я ноги,
Хочу ее беречь, как руку, что в ожоге.
Коль явно все свершу, жене не угодив, —

Вмиг, дива оседлав, она мелькнет, как див»³.
«Спокоен будь, — сказал художник островзорый, —
Я начерчу тебе китайские узоры»⁴.
И прибыл к замку он. Был замок — пенный шквал,
Шквал, что не пену вод, а пену вин взвивал⁵.
Склонясь перед Ширин, сказал Шанур с участием,
Что следует порою заигрывать со счастьем.
«Чтоб гнаться за тобой, есть Рахн, по остриям⁶
Царевых стрел сверкать мешает Мариам.
Он должен чтить ее. Он молвил мне угрюмо:
«В том клятву шахскую я дал владыке Рума». —
Так выйди же со мной, мы сядем на коней,
В укомной башне ждуть, — и мы помчимся к ней.
Будь с милым, час назначь утех, а не плача.
Сумеешь — улетит соперницы удача».

УПРЕКИ ШИРИН ШАПУРУ

Кумир в безлюдьи злом, в злой пустоте Луна,
Что вся изнемогла, что все была одна.
Вскричала гневная, блестя очами строго:
«Стыдись речей своих, не ведающий бога!
Сомкни уста! Мой мозг ты словно сжечь готов!
Молчи! Достаточно безумных этих слов.
Дано тебе сверло, да не для всех жемчужин!
Не каждый помысел с умелой речью дружен!
Не к каждому ручью отыщется стезя!
Пусть руки могут все, — всего свершить нельзя!
Ты справедливым был? Об этом я не знаю.
Что ты несправедлив, теперь я понимаю.
Пусть удалит господь тебя от низких дел!
Пускай рассудок твой укажет им предел!
Ты царства моего лишил меня, а ныне
Взломил души лишить — последней благостыни.

Как лют разбойник мой! Я — словно крепость, он
 Метнул в нее огонь, — и мой напрасен стон.
 Я — здесь, а там к другой спешит душа Хосрова,
 Базар любовный там он затекает снова.
 Честь утекла моя, но не замочен он.
 Как будто я — ничто, ничем он не смущен.
 О, как дозволено разбойнику такому
 Меня, достойную, предать бесчестьем злему!
 Нет! Он в бою со мной так разогнал коня,
 Что с ним уже ничто не примирит меня!
 Из замка мне бежать, когда б он был и раем,
 Не должно, хоть судьбы мы будущей не знаем,
 Хотя бы не Шапур, дочь кесаря пришла, —
 Ее с позором бы из замка прогнала.
 Что басни мне твердить! Ведь не хмельна я, право!
 Меня не уловить играющим лукаво!
 Да что царя хвалить иль слать ему хулу!
 Господы! Ты знаешь все. Ты не прощаешь злу.
 Молящему о том свои отдам я губы.
 Нет, не берут халвы рукой такую грубой.
 Веселен цветку милей на земле пасть,
 Чем в ветре осени метаться и пропасть.
 Уж лучше, если псы на ловле схватят, — дабы
 Не утратиться львов, вгрызающихся в слабых.
 Приди, все сам скажи, и сам ответ мне дай.
 Есть ноги у тебя, других не утруждай.
 Лев, чей умелый лов народ повсюду славит,
 Лишь на своих ногах весть о себе доставит.
 Ты ноги мне связал. Своих не мучишь ног.
 Ты шлешь ко мне других, хоть сам прийти бы мог.
 Не на чужих плечах свои таскают грузы.
 Не зубы посланных перегрызают узы.
 Долготерпенья жар горит в моей крови.
 Меня «Красавицей Терпенья» ты зови.
 Но и в чужом краю, вдали родного дома,
 Вольна в поступках я, с неволей незнакома»,
 Но хоть упрек Ширин о камни бьет стекло,

Смиряет сердолик ее упреков зло!
 Весь гнев ее слова излили на Шапура, —
 И сердцу легче вновь; взглянув не так уж хмуро,
 Шапура молвила: «О, ты красноречив,
 И речь твоя течет, как плавных вод прилив.
 Когда приветствовать ты шаха будешь снова,
 То передай ему... мое послушай слово:
 «Так говорит Ширин: Неверный! Не поймет
 Моя душа, где речь мне сладкая, как мед?
 Я мнила, что бродить не суждено мне сиром, —
 Ты ж покупателем другого стал кумира.
 Я прошлый облик твой в душе не берегу,
 Ведь сердце отворил ты моему врагу.
 Да от неправых дел твой дух влечется к правым!
 Да вспомнишь вздох Ширин ты сердцем нелукавым!
 Ты — счастье спящее. С тобой ли мне дружить?
 Ты — рок. Могу ли я с тобой в согласьи быть?
 Ведь я унижена. Зачем искать такую?
 Ведь если я — раба, пошли мне отпускную.
 Нет! Я тебе ровня! И мой возвышен трон.
 Припомни, что мой рок тебе не подчинен.
 Меня поставил вниз, но буду я другою.
 Знай: на твои врата я обопрусь ногою.
 Рассыплю зерна я кипящих слез, — и вмиг
 На мой порог взбежишь; я твой услышу крик.
 Ты на моей крови сад насаждал с усладой,
 Плоды собираешь ты. А я? Я — за оградой.
 От твоего огня не стало мне теплей,
 Но дымом взор мой жжешь все чаще ты и злей.
 Как вероломен ты! Ведь ты мой стан разграбил.
 И честь, принявши вновь свой царский сан,
 разграбил.
 Ты был скитальцем, — я дружить с тобой хотела.
 Ты дело совершил, — и нет до Сладкой дела.
 Меня ты вверг в позор; он тяжок и глубок.
 Ты свой забросил щит в надменности поток.
 Ты подписал приказ, ты мне назначил муки.

Уйдя, поверг меня в мучения разлуки.
 Картину ты сыскал в румийской мастерской.
 К армянской сладости что ж тянешься рукой?²²
 Цветы румийского ты обрываешь дола,
 Так не терзай венец армянского престола.
 Страшусь: не зажигай ты снова свой огонь.
 Огонь рождает дым; ты прошлого не тронь.
 Ты не бросай шипов в полу судьбы. Послушай,
 Не надо сыпать соль на разлученных души,
 Ты ввержен в сладкий сон меж царственных пиров.
 Что ж, отвернись от всех скитальческих шатров.
 Пускай терзаюсь я, забудь ко мне дорогу,
 Чтоб я могла себя отдать служению богу.
 Считай, что заманил ты птицу снова в сеть,
 Но птица снова в степь сумела улететь.
 Теперь безгорестных ночей я не имею.
 И благосклонности твоей я не имею.
 О, как терплю я гнет мучительных дорог!
 Ведь охромел мой конь, а мой привал далек.
 И сколько слез я лью, меня сжигает горе.
 Пред ними ад — свеча и с каплей схоже море.
 И в море, где в огне горит моя ладья,
 И в райских долах я, и в адских горнах я.
 И все ж близ адских бездн, о сладостной отчизне
 Припоминая, я тайком ищу истоков жизни.
 Могу ли не скорбеть в пустыне без тебя?
 Тот год — была с тобой, а ныне — без тебя.
 Твоей землянки дверь засыпана землею,
 Моей воды поток потек над головою.
 О, долго ль мне ладью потоком слез вести!
 О, долго ль дружеским свиданьям не цвести!
 Ведь без тебя мое не завершится дело,
 Чтоб зреть ему, должны быть вождельны зрелы.
 Покуда бытия не оборвется нить,
 Больной надежд на жизнь не может не хранить.
 Рассудок мой велит лишь к мудрости стремиться.
 Но выводы любви не на ее странице.

На пегом скакуне уверенный ездок,
 Ристалищем любви помчавшись, — изнемог,
 Творит ученый смесь, что умудряет разум.
 Но смесь дают тому, кто уж теряет разум.
 Ты терпеливого влюбленным не зови.
 В тревоге сладостной — рождение любви.
 Терпенье не идет путем любви счастливым.
 Любви блаженный жар не свойствен терпеливым.
 Но пусть в тоске Ширин и в горе. Никогда
 Пусть шаха не гнетет подобная беда!²³
 И вот, когда Ширин прочла всю повесть, землю
 Поцеловал Шапур и вымолвил он: «Внемлю.
 Решение царственной всех наших слов ценней.
 Твоя уместна речь», — и он поник пред ней.
 Пусть мысль его была сверлить его готова,
 Не говорил Шапур, сперва не взвесив слова,
 Да! Слово каждое, что твой рождает рот,
 Ты взвесь, как золото, пуская в оборот.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

Серебряный кумир был весь исполнен гнева,
 Подобная перй, в шелках шуршащих дева,
 Там, где меж хмурых гор раскинулась тоска,
 Не знала ничего приятней молока.
 Хотя бы сто сортов халвы пред нею было,
 И то бы молоко ей пищею служило.
 Но далеко паслись ей нужные стада,
 И путь к ним требовал немалого труда.
 Вкруг логова тоски, по скатам гор разлитый,
 Желчь источающий, рос лютик ядовитый.
 И гнал стада пастух, проведавши про яд,
 Туда, где пастбища угрозы не таят.
 Ночь локоны свои широко разметала,

В ушко продев кольцо из лунного металла.
 В кольце тоски Луна, что жжет, тоской поя,
 Кольцом до самых зорь свивалась, как змея.
 Пред ней сидел Шапур; готовясь вновь к дорогам,
 Он с грустною Луной беседу вел о многом.
 В заботы, что несла улада рая, он¹
 Вникал и обо всем он был осведомлен.
 Узнав, что пастбища в такой дали от стана,
 Внимающий расцвет, как лепестки тюльпана.
 Индусом пред Луной он свой склонит лик²,
 Как пред Юпитером Меркурий, он поник.
 «Есть мастер-юноша, — сказал он, — будешь рада
 Ты встретить мудрого строителя Ферхада.
 Все измерения он разрешает вмиг.
 Эвклида он познал и «Меджисте» постиг.
 С искусною киркой склоняясь к кремнистой глыбе,
 Начертит птицу он, сидящую на рыбе.
 Он розе пурпурной даст пурпур, и меж гор
 Скале железом даст китайский он узор.
 Пред ним поник весь Рум, и, сделав камень плоским,
 На нем рисует он, его считая воском.
 Помочь твоей беде, я знаю, он бы смог.
 Он — ключ, и каждый шип он обратит в цветок.
 Без мастера ни в чем достичь нельзя предела.
 Но мастера найдешь, и завершишь дело.
 Мы с ним — ровесники; в Китае рождены.
 И мастером одним нам знания даны.
 Тот мастер ведал все; как лучшую награду,
 Мне бросил он калам, кирку вручил Ферхаду».
 Когда умолк Шапур, с души Сладчайшей гнет
 Был снят, — докучный гнет хозяйственных забот.
 День зеркало свое подвесил, и закрыла
 Ночь многоокая все очи, — все светила.
 И стал Шапур искать, и вскоре разыскал
 Того, кто был сильнее неколебимых скал.
 Он ввел его к Ширин. Приветливо, с поклоном.
 Как гостя важного, его почтил он тронем.

Вошел, с горою схож и всех ввергая в страх,
 Ферхад, что груди скал раскидывал в горах.
 Был высотой силач, что мощный слон; почила
 В Ферхаде двух слонов чудовищная сила.
 И каждый страж из тех, кем был гарем храним,
 Его приветствуя, склонился перед ним.
 Он засучил рукав. Как должен был по званию,
 Он, препоясанный, встал пред широкой тканью³.
 В смущении был Ферхад: рок на своем пиру
 Вел за завесою какую-то игру.
 И вот — ночной набег! Внезапное злодейство!
 Рок развернул свое за тканью лицедейство.
 С улыбкой, что в себя весь сахар собрала,
 Вся сладость Сладостной свой голос вознесла.
 Два сахарных замка сняла Ширин с жемчужин⁴.
 Стал сахар с жемчугом в одном звучании дружен
 И Пальма Сладкая те финики дала,
 Чья сладость финики терзала, как игла⁵.
 И сахар сладость слов — о молоко с хурмою! —
 Почтя, сказал, что мед без них пойдет с сумою.
 И сахар услышал: мир сахарный возник, —
 И отряхнул полу от Хузистана вмиг.
 Ее ведь Сладкою назвали, — и на диво
 Беседу Сладкая вела сладкоречиво.
 Ну что сказать еще? Да, все, что хочешь, друг!
 Пленил и птиц и рыб ее речений звук.
 Когда уста Ширин свой сахар источали,
 С поклоном леденцы Сладчайшую встречали.
 Едва на сборище Ширин откроет рот, —
 Сердца внимающих в полон она берет.
 Сражала речью всех! От Сладкой оборона,
 Клянусь, не найдена была б и для Платона.
 В Ферхада слух вошла речь Сладостной, — и жар
 В нем запыхал, и дух в нем стал кипуч и яр.
 Смятенная душа вздох извергает жгучий, —
 И падает Ферхад, как падают в палучей.
 Удар по темени Ферхада жег, — и он

Крутился, как змея, ударом оглушен.
 Ширин, увидевши, что сердце у Ферхада,
 Как птица трепеща, свой плач покинуть радо,
 Взялась его лечить, но лишь сумела сеть,
 Рассыпав зерна слов, вновь на него надея.
 «О мастер опытный, — услышал он от Сладкой, —
 Ты разрешенною обрадуешь загадкой.
 Желанье мое, о мастер, таково,
 Чтоб услужили мне твой ум и мастерство.
 Ты, зная мудрый труд и замыслами смелый,
 Сей заверши дворец своей рукой умелой.
 Ведь стадо — далеко, а в молоке — нужда.
 Дай талисман, чтоб нам иметь его всегда.
 Меж стадом и дворцом в фарсанга два преграда:
 Уступы скал, и в них проток устроить надо,
 Чтоб пастухи в него вливали молоко,
 Чтоб мы сказать могли: достали молоко».
 И, сладкоречие журчание внимая,
 Впал в немошность Ферхад, речей не понимая.
 В свой жадный слух вбирать еще он мог слова,
 Но что в них значилось, не знала голова.
 Хотел заговорить — да нет! — умолк он сразу.
 Он перст беспомощно прикладывает к глазу⁶.
 Он вопрошает слуг: «Что приключилось тут?
 Я пьян, а пьяные как ошупью бредут.
 Что говорила мне, мне говорите снова,
 Что просит у меня, о том просите снова».
 И слуги речь Ширин пересказали вновь,
 По приказанию слова связали вновь.
 Когда постиг Ферхад красавицы веленье,
 Его запечатлел в душе он во мгновение.
 И в мыслях приступил он к сложному труду,
 Подумав: «Тонкое решение найду».
 Он вышел, сжав кирку; за ремесло он снова
 Взялся; служить любви рука его готова.
 Так яростно дробил он мускулы земли,
 Что скалы воском стать от рук его могли.

Был каждый взмах кирки, когда ломал он камень,
 Достоин тех камней, чей драгоценен пламень.
 Он ~~рассекал~~ гранит киркою, чтоб русло,
~~Что он~~ высекивал, меж кряжами прошло.
 Лишь месяц миновал, — и путь, киркой пробитый,
 Вместить бы смог поток в разъятые граниты.
 От пастбища овец до замковых ворот
 Он камни разместил, укладывая ход.
 И так он все свершил, что водоемы рай.
 Пред ним простерлись бы, ступни его любая.
 Так слитно плитами он выложил проток.
 Что между плитами не лег бы волосок.
 Ложбиной, созданной рукой творца умелой,
 Сумели струи течь, гошмы дланью смелой.
 Пусть кажется порой: безмерного труда
 Рука преодолеть не сможет никогда.
 Но сто булатных гор, воздвигнутых от века,
 Сумеют разметать ладони человека.
 Где то, чего б не смел всесильный род людской?
 Лишь смерти не сразить невенною рукой.

ПРИЕЗД ШИРИН К МЕСТУ РАБОТ ФЕРХАДА

И вот возникло то, что людям незнакомо:
 Стекает молоко в пределы водоема.
 И мастером Луне известно дано:
 Водохранилище им сооружено.
 И гурня, прибыв, всему дивясь глубоко,
 Вкруг водоема шла, прошла и вдоль протока.
 Ей миновало: водоем и новое русло
 Здесь только божество расположить могло.
 Не дело смертного водораздела рая,
 Где бродят гурни, у млечных рек играя!

Услышал от Ширин хваление Ферхад:
 «Да будешь промыслу божественному рад!»
 И счастлив он, призыв от луноликой слыша.
 И был посажен он всех приближенных выше.
 «Мне нечем наградить такое мастерство.
 Тут и помощникам не сыщешь ничего».
 Удивной, меж камней, в полумраке ясных,
 В ушах светились две жемчужины прекрасных.
 И каждая красой венцу была равна.
 Дать города была — жемчужинам цена.
 И серьги сняв, Ширин с пьянящею мольбой
 Сказала: «О, прими! Продай ценой любовью.
 Когда смогу добыть я лучшее — ценой
 Достойной оплачу все то, что предо мной».
 Жемчужины приняв, их восхвалив, — проворно
 Ферхад к ногам Ширин бросает эти зерна.
 И устремился он, смиряя горе, в степь.
 Слезами заливал он, словно море, степь.
 Нет! Страстью не затмит он созданного дела!
 Он ждал, чтоб даль его забвением одела.

ПЛАЧ ФЕРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

Лишь сердцем к образу он Сладостной приник, —
 Из сердца глубины любовь исторгла крик.
 И вмиг все дни его мучительными стали.
 И руки крепкие как бы навек устали.
 И от людей бежать пришла ему пора.
 Он падал, как больной, поднявшийся с одра.
 В смятении мчался он в ущелья и в степи,
 И с ним врывался стон в ущелья и в степи.
 Он, стройный кипарис, поникшей розой стал.
 Как роза, в ста местах рубаху он порвал.
 Рвя тернии с пути, он сгорбился. Несчастный

Шипы из ног своих вытаскивал всечасно.
 Что нужды, что полу рвут тернии, что от плеч,
 Быть может, голову ему отторгнет меч.
 Обуреваемый неустойчивой страстью,
 Он нетерпения охвачен был напастью.
 Вокруг него нисар пурпуровый возник:
 В тюльпанов заросли он обращал свой лик!
 Рыданьем в воздухе свои он ставил мрежи.
 Разбили небосвод и стон его и скрежет.
 Застигнутый огнем, рассудок изнемог,
 Из сердца взвившийся огонь его обжег.
 Сто смертоносных ран горят в груди Ферхада,
 И дерзкая душа идет на гибель рада.
 Для мук и бедствия он как бы стал метой.
 Где грань страдания? Не сыщешь грани той.
 Людей он избегал в краю сердечной смуты,
 Как бы железа — дивиль словно ведьма — руты².
 Он рад беде, хоть взят печалью за полу:
 Рад запустению клад, забившийся во мглу.
 Страдал он, снадобья от ярых мук не зная,
 Как разомкнуть навек страданий круг, не зная,
 И страстотерпец был безмерно одинок.
 Был мир его друзей и спутников далек.
 Страсть, сжав его в руках, в него впивалась
 взглядом

И забывал Ферхад, что связан он с Ферхадом³.
 Он чашу бед своих направил бы к Ширин.
 Да кто б отнес ее к Прекрасной? Он один.
 И прячась и смущен хмельной любви загадкой,
 Слова сладчайшие слагает он о Сладкой⁴.
 И сердцеогненный и опьяненный мнит,
 Что сердце каждого подобный жар таит.
 Тот, чей замучен дух пыланьем, полагает,
 Что вся подлунная в пыланьях полыхает.
 Лишь имя Сладостной всплывает в его мечтах, —
 Упав, стократно он земной целует прах.
 К ней обращая лик, не ведая надежды,

Он душу разрывал, как рвут свои одежды,
 Как неуемный конь, Ферхад снует вокруг,
 И каждый дикий зверь для страждущего — друг.
 Из шири, из силка для всех с прозенным сердцем,
 Шли звери, чтобы грусть делить со страдотерпцем.
 Зверь землю подметал, другой — страдальцу смог
 Для сна постлать траву, иной лежал у ног.
 Ферхад с газелями делил уединенье,
 А то с онаграми текли его мгновенья.
 Он лани видел плач, свои с ней слезы слив,
 Порой расчесывал он космы лавиных грив.
 Он жизни не берег, он был пресыщен миром,
 Несчастье вокруг него тутним крутилось вихром,
 И радость, что могла б томление спугнуть,
 Он гневно прогонял, храня свой скорбный путь.
 И к горю, дружному с его стремленьем страстным,
 Спешил он, как спешат, скача с конем запасным,
 Он лика своего слезами мыл сафьян.
 Он мнил: Сухейля свет глазам печальным дан.
 Не спал он, хоть и вся спала вокруг природа.
 Ведь если друга ждут, не преграждают входа.
 Душа отвергла кладь, что называлась «я».
 Он жил, чужую кладь в дому своем тая.
 Он сбросить навсегда свое хотел бы тело,
 И в теле друга быть — душа его хотела.
 Но в клетке сломанной уж места птице нет.
 Царь вышел воевать, огонь в столице нет.
 Так волю с волею иной связал он туго,
 Что отличить не мог двух слитых друг от друга.
 Он, встретив пламень злой иль благодатный свет,
 Лишь видел череду благих иль злых примет.
 Все образы вокруг он видел, как задачу.
 И в них искал примет, вещающих удачу.
 Но каждый любящий отвергнет знак дурной
 Иль предназначит зло он для души иной.
 И образ, будь он плох иль будь он сладок небу,
 Пригодным сделает себе он на потребу.

Он к замку подходил в неделю только раз,
 От замка Сладостной не отрывая глаз.
 И вновь стремился он в спасительные степи,
 Вновь слава давшую мучительные цепи.
 И к млечному пруду в ночах, издали
 Он брел, что лань, и пил немного молока.
 И нету для него иных желаний в мире...
 Лишь этот водоем пред ним в подаунной ширя.
 И, не смыкая глаз, во тьме бродил он тут,
 Где расположен был им выложенный пруд.
 Стал сопричастен труд его любовным ранам:
 Об одержимом весть раскинулась по странам.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

И передал царю один из царских слуг
 То, что сказал ему его ближайший друг.
 Он слышал, что Ферхад, рыдающий в пустыне,
 Лишь о себе весь мир твердить заставлял ныне,
 Что устремления любовного напасть
 В пустыню бедняка заставила понасть.
 От страсти к красоте, что всем сжигает очи,
 Стеная, бродит он во мраке долгой ночи.
 Он говорит: «Душа из-за Ширин больна!»
 И речь его громка, и всем она слышна.
 Ни стрелы, ни мечи, раззище с размаха,
 Ни старцы, ни юнцы в нем не рожают страха.
 Но знаю: лишь душой привязан он к Луне,
 Лишь слухом о красе довольствуясь вполне.
 Серебротелую всечасно поминая,
 Про самого себя не помнит он, стеная.
 В неделю раз он к ней приходит в замок; есть
 Ему улада в том: о ней услышит весть.
 Едва лишь вял Хосров нежданному рассказу,

К грабительнице душ страсть возрастает сразу¹.
 В соревнованиях бойцы отважней бьют,
 Два соловья нежней над розою поют.
 Коль двое второпях становятся у лавки,
 Ты должен от купца ждать на товар надбавки.
 Хосрова сердцу вновь ристалище дано:
 Тот, сердце бросивший, с Хосровом заодно².
 И по-прежнему шах зареживал подругу.
 Придал соратник жар ревнивому недугу.
 Все просит мысль его: «Ты делу помоги».
 Не в глине ль он увяз? Не вытащить ноги!
 Когда недуги нас охватят или скорби,
 То стройный кипарис свой стан высокий стгорбит.
 Очам болящего подмога не видна,
 Ведь мысль болящего как сам больной, больна.
 Во здравьи человек — и мысль его здорова,
 А хил — всех дел его колеблется основа.
 Врач, шупавший, леча, биенье многих жил,
 В жару свой шупать пульс другому предложил.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

И, отобрав людей из приближенной знати,
 Шах в совещательной задумался палате.
 «Как одержимого неистовство сдержать?
 Как этой костью нам игральною сыграть?
 Коль сохранить его — мое погибнет дело.
 Сразить невинного — мне честь не повелела.
 В могуществе царя я мыслил быть один.
 На праздник мой прийти решил простолодин¹.
 Прекрасною Луной мне празднество готово.
 Безумца позвала, чтоб радовать Хосрова!²»
 И дали мудрецы царю такой ответ:
 «Удача лишь тебе свой зажигает свет.

И венценосные перед тобой во прахе.
 И прахом ног твоих окрест кланутся шахи.
 Да будут, словно мир, твои бессмертны дни, —
 Да счастьем вечному сопутствуют они!
 Ему, чтоб для царя не стало вновь обузы,
 Из золота скуем, не из железа, узы.
 Ведь зелье от тоски — лишь золото, да, да.
 Да! С золотом та смесь целебная всегда³.
 Ты призови его, ты в нем роди надежды,
 Чтоб он на золото свои приподнял вежды.
 За золото Ферхад и веру отметет,
 За сладость звонкую от Сладкой отойдет.
 Ведь с золотом мощна немало глаз гасла.
 В железе от него оскудевала сила⁴.
 Коль золотой глупца не отместит метлой,
 Тогда займи его работой над скалой.
 Чтоб до поры, когда его иссякнет время,
 Напрасно бы он бил в скалы гранитной темя».

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

И, речи выслушав, уж не бродя впотьмах,
 Гор сокрушителя велел доставить шах.
 И вот ввели его, могучего, как горы.
 Вокруг стоял народ, в него вперяя взоры.
 В страданьи он склонил открытое чело.
 Забвение всего на мощного нашло¹.
 Он в тягостной тоске, в смятении глубоко
 Стоял, овеянный неблагоприятным роком.
 На шаха не взглянув и не взглянув на трон,
 Ногами в прах, как лев, уперся крепко он.
 Он, унесенный прочь томленьем по Прекрасной,
 Счел думу о себе и о царе — напрасной.
 Ферхаду мощному оказан был почет.

Предложенным дарам ты потерял бы счет.
 Слоноподобный слон, почтен многообразно.
 Ларь с золотом, как слон, вздымался для соблазна¹.
 Но в госте яхонтов огни сохранены,
 И золото и прах для чистого — равны².
 Поняв, что лучший дар могучему не нужен,
 Хосров разверз уста — ларец своих жемчужин.
 На острые слова, что складывал Хосров,
 Гость острые слова был складывать готов.

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

Хосров спросил: «Ты кто? Тут все я знаю лица».
 Ферхад: «Мой край далек, и Дружба — в нем
 столица».
 Хосров: «Чем торг ведут, зайдя в такую даль?»
 Ферхад: «Сдают сердца, взамен берут печаль».
 Хосров: «Славать сердца — невыгодный обычай».
 Ферхад: «В краю любви не каждые с добычей».
 Хосров: «Ты сердцем яр. Опомнись спешн».
 Ферхад: «Разгневан ты, я ж молвил — от души».
 Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?»
 Ферхад: «Сладчайшая душе влюбленной —
 сладость».
 Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?»
 Ферхад: «Когда усну. Но недоступен сон».
 Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?»
 Ферхад: «Когда усну, прикрыв себя землею».
 Хосров: «А если ты войдешь в ее чертог?»
 Ферхад: «Я голову склоню у светлых ног».
 Хосров: «А коль она твое поранит око?»
 Ферхад: «Скажу: рази, второе — недалеко».
 Хосров: «Когда б другой Прекрасную сыскал?»

Ферхад: «Узнал бы меч, хоть был бы тверже скал».
 Хосров: «Коль к ней дойти тебе не станет мочи?»
 Ферхад: «Что ж! Издали луна ласкает очи».
 Хосров: «Быть вдалеке не надо от луны».
 Ферхад: «Большим нужна ограда от луны».
 Хосров: «Коль «все отдай» она промолвит строго?»
 Ферхад: «Я с воплями прошу об этом бога».
 Хосров: «Коль вымолвит: «Где ж голова твоя?»»
 Ферхад: «... то сей заем вмиг с шеи сброшу я».
 Хосров: «Любовь к Ширин исторгни ты из тела».
 Ферхад: «О, чья б душа погаснуть захотела!»
 Хосров: «Найди покой, не жди благого дня».
 Ферхад: «Спокойствие запретно для меня».
 Хосров: «Твоя стезя — явить свое терпенье».
 Ферхад: «Горя, нельзя явить свое терпенье».
 Хосров: «Стань терпелив, и в сердце будет свет».
 Ферхад: «Хотел бы я ... да вот уж сердца нет».
 Хосров: «Полно скорбей любви опасной дело».
 Ферхад: «Чего милей любви всевластной дело?»
 Хосров: «Ей сердце дал, хоть душу сбереги».
 Ферхад: «Томлюсь. Душа и сердце — не враги».
 Хосров: «Чего-нибудь страшнись в этой муке?»
 Ферхад: «Лишь тягости мучительной разлуки».
 Хосров: «Хотел бы ты наложницу? Ответь».
 Ферхад: «Хотел бы я и жизни не иметь».
 Хосров: «Зачем горюшь в такой любви великой?»
 Ферхад: «Осведомись у сладостного лика».
 Хосров: «Ты принужден о Сладостной забыть».
 Ферхад: «Но без души, нам сладостной, не жить!»
 Хосров: «Она — моя, забудь, что в ней улада».
 Ферхад: «Забвения не стало для Ферхада».
 Хосров: «Коль встречу с ней, что скажешь мне —
 врагу?»

Ферхад: «Небесный свод я вздохом подожгу».
 Что вымолвить в ответ, не ведал ум Хосрова.
 И увидал Хосров: его бессильно слово.
 И вымолвил друзьям: «Меж земнородных нет

Умеющих бросать так огненно ответ.
 Я золотом речей его не оплетаю.
 Его, как золото, на камне испытаю». —
 И, как железный меч, он обнажил язык,
 Чтоб к глыбе каменной алмаз кирки приник:
 «Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.
 Нам трудно обходить окрестных гор отроги.
 Ты в каменной горе пророй просторный путь,
 Если он послужит мне, об этом не забудь.
 Никто бы не сумел за это взяться дело,
 Лишь знание твое его бы одолело.
 Ты честью Сладостной мне поклонись; другой
 Не знаю клятвы я такой же дорогой.
 Ты должен выполнить большую просьбу эту.
 Ты должен выполнить простую просьбу эту».
 И многомогущий муж дает ему ответ:
 «Я гору уберу, к тому преграды нет.
 Давай условимся! Трудом займусь я старым,
 Но обязательство я выполню не даром,
 И сердце шахское мне клятву дать должно:
 Пусть сахар Сладостной с себя стряхнет оно?»
 Разгневался Хосров; едва лишь не простерла
 Его рука булат, чтоб вражье ранить горло.
 Но мыслит: «Не страшусь, хоть все ему суля.
 Не взрывать ему горы, — там скалы, не земля.
 А хоть бы и земля, — и с ней не будет сладу!»
 А хоть бы взрыл ее, — куда снесет громаду?»
 И быстро говорит: «Согласен я; когда
 Забуду договор — да будет мне беда!
 Яви в своем труде, стан подтянув потуже,
 Всю силу, что живет в таком могучем муже».
 И вымолвил Ферхад, не ведающий лжи:
 «О справедливый шах, мне гору укажи!»
 И подведен к горе, что Бисутуном ныне
 Зовут, каменотес, терзавшийся в пустыне,
 И явно, что Ферхад свой блеск не сохранит,
 Что вся гора тверда, что вся гора — гранит.

Но с радостной душой, подбодренный Хосровом,
 Шел разрыватель гор, горя порывом новым.
 Взлетел он на гору, как бурный ветер яр,
 И подпоясаясь, и первый дал удар.
 И вот он с первым же руки своей движеньем
 Стал покрывать скалу одним изображеньем:
 Киркою стан Ширин он высекает; так Мани
 Свой украшал Эрженг, творя в былые дни.
 И, лишнего киркой не совершая взмаха,
 На царственном коне изобразил он шаха.
 Так юная творить ему велела кровь.
 Он был возвышенным, вела его — любовь.
 Но с юным — злая весть должна коснуться слуха —
 Что сделала судьба — горбатая старуха!

РАСРЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОБЫ ЕГО

Недолго высекал те образы Ферхад,
 Был изваянием покрыт гранитный скат.
 И рассекать скалу с утра до темной ночи
 Он начал. Сладостной пред ним сияли очи.
 Чтоб гору побороть, свою он поднял длань.
 За гранью грозная откалывалась грань.
 Ударит он киркой в расщелину гранита, —
 И башня тяжкая от стен его отбита.
 Ударит — гору с гор руки низвергнет взмах,
 Сверженьем громад людей ввергая в страх.
 И яхонты сверлили алмазами ресницы он!
 И гору умолял пред ним склониться ниц он:
 «Гора! Хоть встала ты гранитною стеной,
 Ты дружелюбней будь — рассыпсыя предо мной.
 Ну, в честь мою лицо ты раздери немного!
 Дай, чтоб кирке моей везде была дорога!

А нет — клянусь Ширин! — кроша тебя, круша,
 Покуда будет жить во мне моя душа,
 Тебя терзать начнет, клянусь, мое упорство,
 Поставлю душу я с тобой на ратоборство». —
 По вечерам, когда, сходя с равнины судьбы,
 Свет солнца горные окрашивал горбы,
 Когда по светлomu узор стелился мглистый,
 И поднимался стяг, и ник султан огнистый²,
 Близ образа Ширин Ферхад стоял в тиши,
 Ища в граните след ее живой души.
 Он прижимал уста к стопам изображенным,
 В горах шимбалами его звучали стоны:
 «Очам художников единственный михраб!
 Целительница душ! Твой пошкает раб.
 Ты, с сердцем каменным! Ты, с телом серебристым!
 Ты сердце путника влачишь путем тернистым.
 Ты в камне поймана, как драгоценный дал.
 Дал сердца моего твой камень разломал». —
 Пред изваянием смилив свои рыданья,
 За них прощенья он просил у изваянья.
 Он восходил затем до каменной гряды,
 Взваливши на спину все тяжести беды.
 И к замку направлял он взор свой неустанно,
 Стонал: «О кипарис! О ты, розовостанний!
 Вся печень выжата! Ты светом сердца будь!
 Ты сбитого с пути направь на верный путь!
 Желание мое ты пожелай исполнить!
 Дай безнадежный дух надеждою наполнить!
 Я знаю, что меня нет в памяти твоей.
 От милого тебе свет в памяти твоей.
 Я ж друг, что о тебе грустит под звездным лоном.
 Миросжигающим я мир сжигаю стоном.
 Пока в твоей душе царит Хосров один,
 Скитальца бедного припомнишь ли, Ширин?
 Нет, роза радостна. И в мыслях розы снова
 Слова, что сахар шлют для жадного Хосрова,
 А сладостную жизнь безрадостный Ферхад

Для розы сладостной отдать сегодня рад.
 «Хоть ты, о светлая, подобная алмазу,
 Меня покорного не вспомнила ни разу, —
 Ты все же — светоч мой. Но надо мною тень
 Простерлась черная. Мой сумеречен день.
 Мне сделалась земля скупой отчизной — камнем,
 И жизнь свою зову я с укоризной камнем.
 Не ведал я, душой спеша к такому злу,
 Что рок меня схватил с угрозой за полу.
 Нет, не из камня я, и ты все не близка мне!
 Что ж верности искать в железе мне и в камне?
 Ты душу, о Ширин, не унизай мою.
 Не бей меня в камнях, как бьют в камнях змею!
 Барашек я. Зачем ждут мясники приказа?
 Рази! Ведь мясники — твои два черных глаза.
 На пастбище твоём остался только я.
 Я хил! Отвержен я! Горька судьба моя!
 Я мотылек. Страшусь. Я и вдали сгораю.
 Сгорю, приблизившись к сверкающему раю.
 К тебе приблизиться? Но я ведь только прах.
 Быть приближенным? Нет! Меня объемлет страх!
 Тебе покорен я! Быть жертвою — отрада!
 Убей меня! Клянусь, мне лучшего не надо!
 Развей тоску мою. Как справиться мне с ней?
 Мне смерть отраднее всей смены этих дней.
 Пусть не рождает мать сынов с такой судьбою,
 Пусть им звезды моей не видеть над собою!
 Иль молвила мне мать: «Далек да будешь ты
 От цели сладостной, от сладостной мечты!»
 Поспешный меч судьбы не всем приносит муку:
 Тем — тронет ноготки, а мне — отрубит руку.
 От рока благодати добиться нелегко.
 Что ж мне он дарит кровь, тебе же молоко?
 Я молоком прошу тебя вскормившим, — дома.
 Когда ты молоко черпнешь из водоема,
 Припомни ты о том, кто весь горит в огне,

И негу сладкую оно пошлет и мне.
 Дай молока, пастух! Стою с пустою чашей.
 Как дети к молоку, стремлюсь ко встрече нашей.
 Вкушая молоко, меня не позабуди.
 Я буду молоком, а ты ребенком буди.
 Ты сладости танишь. Я таю, голодаю,
 Но именем твоим свой рот я улаждаю.
 Где утешители? Вззираю я вокруг.
 Будь утешителем! Ты вымолви: «Мой друг».
 Мне увлажни уста: они иссохли. К свету
 Ты черный мрак направь, дня укажи примету.
 Перед тобой бедняк. Но вымолвить спешу:
 Тебе я ценный дар — я душу подношу.
 Богатство бедняка, — оно такого рода,
 Что и, безденежный, желает он дохода.
 Мне душу не сжигай, ведь мой хранитель — ты!
 Что мне подлунный мир! Мой утешитель — ты!
 Ты блещешь красотой и радостной и томной.
 Не покидай меня с моей душой бездомной.
 Ведь ты, Прекрасная, бездомной не была.
 Бездомным не желай бездомности и зла!
 Я жизнью дорожил, ценил ее когда-то.
 Я верил в молодость, далекий от заката.
 Но жизнь и молодость во мне уж не поют,
 Беда! Моя душа — отчаянья приют.
 Тот, кто с тобою был, тебе приветно вторя,
 Уходит от тебя в минуту злого горя.
 Ты крикнешь: «Руку дай!», — а друг твой дорогой
 На скорбный твой порог не ступит и ногой.
 Ты кровь мою не пей — молю тебя со страхом,
 И в городе твоём я схож лишь только с прахом.
 За что же, говори, ты мне готовишь месть?
 В чем ты винишь меня? Подай об этом весть.
 Вина ль, что пред твоим я преклоняюсь ликом?
 Припомнишь о каком ты мне грехе великом?
 Ты друга не предай, о сладостный кумир!
 Таких безбожных дел еще не ведал мир!
 Ты — кипарис, я — ветер, исполненный порыва³, —

И ветру бурному кивни ты, словно ива.
 Я — прах, ты — дивный клад. Приди ко мне, и я
 Прославлюсь. Станет прах — «Священные края»⁴
 Коль мне ты не велишь, моя свеча Тараза⁵,
 В светильнике твоём растаять, — жду приказа:
 «Ты должен умереть!». Да лягу я вдали
 От лика светлого в объятия земли!
 Я — птица полночи. Блеснет ночная риза,
 И слышен горький плач и стоны шебавиза.
 Приди ко мне хоть раз, как призрак, и услышь,
 Как вопли и мольбы тревожат эту тишь.
 Будь сердце у тебя суровой камня, все же
 Взгрустнешь над бьющимся о каменное ложе.
 Мне столько от тебя обид нанесено!
 Ты ж считаешь их за малое зерно.
 Как вол измученный, свалился я на землю.
 Ты ж гонишь ослика: печали, мол, не внемлю.
 Я мертв, но я был твой. Помилосердней буди!
 Ведь сердце ты взяла, мою рассекши грудь!
 Но я соломинка в руках твоих! Твой взор
 Гнетет меня, хоть я колеблю склоны гор.
 Незыблемой горы сильнее мои ладони.
 Страшны ли мне войска и всадники и кони!
 Коль меч я обнажу пред диким зверем, то
 Шеддиз не нужен мне. Мне и Парвиз — ничто!
 Ширин, Парвиз, Ферхад, — в нас родственного
 много:
 У каждого из нас, ты знаешь, по два слога.
 Зачем же одному победы так легки
 И всех сильнее мощь парвизовой руки?
 Нет, пораженья тень не надо мной нависла!
 В таблице вещей звезд мои победы числа.
 Но счастья моего отхлынули года,
 А над соперником — счастливая звезда.
 Мой злобен темный рок, и хитрый он предатель.
 А счастье знает враг — мой вечный зложелатель.
 Но пусть ничто вовек не ведает врага,

Чья светлая судьба созвездьям дорога!
 Сгораю я в борьбе, я в схватке, — все же **вскоре**
 Мой враг добудет все, а я — добуду горе,
 Тот, кто послал меня на схватку со скалой,
 Мне гибели желал мучительной и злой.
 Я, смерти пожелав, за камнем камень рушу,
 Я горя захотел и в горе ввергнул душу.
 Кремнист мой путь любви. Вокруг сгустилась **тьнь**,
 И давит сердце мне безжалостный кремнь.
 Знай, это не игра. Взгляни: я камин рою.
 Я пригожусь тебе. Не тешусь я игрою.
 Я в горе жестким стал, созвездиям грозя,
 Железа устыдить мне все-таки нельзя.
 Я, словно желтый воск, сгораю в жаркой страсти.
 Я сердце убережь уж больше не во власти
 Где серебро мое и золото? Тюков
 Тебе не принесу. Я — нищий. Я — таков.
 Желт горестного лик. О золото печали!
 О горе! Серебром лишь слезы замерзали.
 О светоч! Вижу свет в твоём лишь я огне!
 Я стражду светлым днем и стражду я во сне,
 И хоть горячим днем мучительно я стражду,
 Но в дремах я любви еще страстнее жажду.
 И днем со мною ты, и ты — в виденьях сна.
 Прибежище мое лишь только ты. Одна.
 Приди! Любя весь мир, тебе я отдал душу!
 Не див я, — как с людьми я связь свою нарушу!
 Нет сердца пламенной среди людских сердец,
 Чем у того, кто сжал ваятеля резец.
 Злосчастнее меня кто ныне во вселенной?
 Я будто в горестной пустыне — во вселенной.
 Любвеобильного где друга я найду,
 Кто мне промолвит «встань!», коль назовь я паду?!
 Да! Косяки людей бесчисленны, — но кто же,
 Когда скончаюсь я, мое оправит ложе?
 Моя душа — в тоске, я в мире — одинок.
 Как жертву, голову кладу на твой порог.

Хоть просижу сто лет я в глубине колодца,
 Лишь свой услышу стон: никто не ответится.
 Хоть проброжу сто лет, в свои уйдя края,
 Пойдет за мною вслед одна лишь тень моя.
 Я пес? Иль бешенства низвержен я напастью?
 Мечусь, как тот, кто был укушен песьей пастью.
 Есть место и для псов, а для Ферхада — нет!
 Для трав простор готов, а для Ферхада — нет!
 И барса в логове лошнина приоттила,
 И есть меж вод речных приют для крокодила.
 А я лишен всего, моя душа во мгле,
 И камнем я не стал и не лежу в земле.
 Но если на земле я только горю внемлю,
 Чтоб обрести покой — уйти я должен в землю.
 Пусть буду на земле бездомным только я!
 Как жить, коль никнет жизнь, одной тоской поя?
 К тебе меня влечет погибели ветрило,
 К погибели меня земля приговорила!
 Коль существуешь ты, так что же значу я!
 Селение — твоё, а где в нем жизнь моя?
 Скажу ли: «ты» и «я». Подобною судьбою
 Я не кичусь. Ну как склоняться пред собою?
 Могу ль я отступать своим путем крутым?
 Горенья моего все застилает дым.
 Безмерно утомлен, пришел я на стоянку.
 Я запоздал прийти, — уйду я спозаранку!
 Коня пускаю в путь я верною рукой.
 Куда ж мне гнать коня? Где ждет меня покой?
 Я в горе каждый миг. Я плачу о кумире,
 И счастье не хочу ничье я видеть в мире.
 Душа моя, тебе ведь память дорога
 О том, как мудрецы низали жемчуга;
 «Недужный человек, что страждет и пылает,
 Здоровья никому вовек не пожелает».
 Как благотворное увидеть мне в любви,
 Когда я весь в шинах, когда я весь в крови?
 Хотя в моем мозгу уж больше нету масла,

Но горе душу жжет; душа все же погасла.
 Страданием своим я весь испепелен.
 Но в пепле есть огонь: под ним укрылся он.
 Я — прах, я ветром взвит. Не жду уж я участия,
 В ногах не стало сил, в руках не стало счастья.
 Коль ноги обрету, — их тотчас под полу
 Я подтяну. Свою покину ль я скалу?
 Как точку, спрячу лик под ширкулем. Я спрячу
 Себя в своей скале, лишь в ней найду удачу.
 Я огражу себя оградой многих стен,
 Чтоб образы ничьи мой не смущали плен.
 Твой образ будь со мной! Ему вручил я душу.
 Я верности ему вовеки не нарушу!»
 Так восклицал Ферхад, стоял и плакал вновь,
 И сердца своего так расточал он кровь.
 И ночь ушла из гор, и, полные отваги,
 Войска зари, блестя, свои раскрыли стяги.
 И вновь безумный — днем, и вновь бессонный —
 в ночь

Ударами кирки мнил гору превозмочь.
 Все ночи наполнял он только жемчугами?
 А камни он сверлил пылающими днями.
 Так много жемчуга он сыпал и камней,
 Что отличать не стал жемчужин от кремней.
 И по подлунному промчалась весть простору
 Об пострадавшемся, о разрывавшем гору.
 И не один к нему пришел каменотес,
 Чтоб видеть, как булат вонзается в утес.
 И каждый — недвижим; свой закусивши палец,
 Глядит, как рвет скалу неистовый скиталец.

ШИРИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ГОРЕ БИСУТУН,
 И КОНЬ ЕЕ ПАДАЕТ

В один счастливый день тех благостных годин
 Сидела меж подруг прекрасная Ширин.
 И в дружеских речах, рожденных для улады,

Невзгод и радостей раскидывалиськлады.
 Одна припомнила отраду прошлых дней,
 И сердцем радостным все радовались с ней.
 Другая, новых дней предсказывая сказку,
 Грядущей радости придумала завязку.
 Немало плавных слов, ласкающих сердца,
 Подруги заплели — не видно и конца!
 Но речь звенящая сцепляется не тупе,
 Услышала Ширин слова о Бисутуне.
 И молвит весело подательница благ:
 «Я водрузить хочу на Бисутуне стяг.
 Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,
 Как рушится скала под патиском Ферхада,
 Быть может, искорка, ничтожная на вид,
 От камня отлетев, мне сердце оживит».
 И оседлать коня велит она, — и гибкий
 Оседлан ветерок разубранною зыбкой.
 Гульгун был далеко, — и, полного огня,
 Другого взять Ширин позволила коня,
 И скачет, заблестев весною золотою,
 Красавицам Ягмы равняясь красотой,
 И скачет, заблестев парижскими очей.
 Как сто охапок роз под россыпью лучей.
 Пусть большей нежности, чем в ней, и не приснится,
 Но на коне Ширин стремительна, как птица.
 Она, что гурня, взлетела на седло,
 Ничто с ней быстротой равняться не могло.
 Вбивают гвозди в спину ее коня подковы,
 И над землей она — бог небосвода новый.
 Когда, разбрасывая мускус и персин,
 К горе, вся в серебре, подъехала Ширин, —
 От блеска щек кремни раскопанного стана
 Зажглись рубинами из копей Бадахшана.
 К горокопателью, подобному горе,
 Мчит гору гурня, сверкая в серебре!
 Ее рубины чтя, покорный приговору,
 Ферхад, как рудокоп, рубил упорно гору.

Как смерить мощь его, когда он рыл гранит?
 И мер таких наш мир безмерных не хранит!
 С гранитным сердцем друг бросал в него камень,
 Но, чтобы гору срыть, он все напруг уменье.
 Сам с гору, гору рыл и днесь, как и вчера,
 А горе перед ним, как Демавенд-гора.
 Но для того отбил края он от гранита,
 Что радости он ждал и милой от гранита.
 Он омывал гранит рубином жарких слез¹.
 Но час пришел: гранит к нему рубины взнес².
 Когда же уст Ширин увидел он два лапа, —
 Пред ним сокровище в граните запылало.
 Булат в его руке стал сердца горячий,
 И стала вся скала, что глинистый ручей.
 Одной рукой вздымал он, словно глину, камень,
 Другой бил камнем в грудь, скрывающую пламень.
 Воззвалась в грудь любовь: он видел светлый мир.
 Что долг каменный! Ведь перед ним — кумир.
 И с молоком в руке у Сладкоустой чаша.
 И молвила она: «Нечей во здравье наше».
 И чаша Сладостной к устам поднесена.
 И чаша сладкая осушена до дна.
 Коль кравчий — Сладкая, — о счастья избыток!
 Не только молоко, яд — сладостный напиток.
 Рассудка этот пир влюбленного лишил,
 И кравчий пиршество оставить порешил³.
 Стаи Сладкой отягчен: парчи не гибки струи,
 Конь Сладкой утомлен под гнетом пышной сбруи.
 Будь золотой скакун под ценой той порой,
 Все ж под серебряной склонился бы горой.
 Конь, равный ветерку, что мчится лугом росным,
 Упал под ездоком своим жемчугоносным.
 Но лишь увидел тот, в ком трепетала страсть,
 Что с вихря милая готова наземь пасть, —
 Коня усталого, отдавшийся порыву,
 Он поднял над землей, схватив его за гриву.
 Он в замок снес Ширин; ферхадова рука

Обидеть не могла на ней и волоска.
 И положил ее он на ковер, и снова
 Он к Бисутуну шел, к труду опять готовый.
 И вновь с киркою он, вернувшись из палат,
 И те же камни вновь дробит его булат.
 На горный кряж взошел, хоть сердце мучил пламень.
 На кряже головой вновь бился он о камень.
 Как лань, узревшая на высях призрак трав,
 Он бросил соломяк, на кладбище взбежав.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА

Вседневно хитростно искал владыка мира
 Каких-нибудь вестей о действиях кумира.
 Он больше тысячи лазутчиков имел.
 Был каждому из них дан круг особых дел.
 Лишь пальчиком Луна дотронется до носа,
 Они спешат к царю для нового доноса.
 Когда на Бисутун взошла Ширин и там
 Узрела кряж сродни булатным крепостям, —
 Все соглядатан промолвили владыке:
 «Ферхад увидел рай в ее прекрасном лике,
 И сила дивная в Ферхаде возросла:
 Силач взмахнет киркой, — и валится скала.
 Восторгом блещет он, в его душе разлитым.
 Он, меж гранитных глыб, сам сделался гранитом,
 Железом, что дробит угрюмых скал табун,
 Сутулой сделает он гору Бисутун.
 Воинственен, как лев, твой недоброезатель
 И рвет недаром кряж, ведь он — кладонскатель.
 Лисица победит, в уловках зная толк,
 Хоть в состязание с ней вступит сильный волк.
 Хоть груды ячменя увеснестей динара,

Весы шепнут: «Динар, ты ячменю не пара»¹.
 Коль с месяц он свою еще промучит грудь, —
 То из спины горы паружу выйдет путь». —
 И шах изнемогал от этой ярой схватки.
 Как сохранить рубин? Не разрешить загадки!
 И старцев он спросил, гоня кичливость прочь:
 «Какими мерами могли бы вы помочь?»
 И старцы молвили, не медля ни минуты:
 «Коль хочешь, шаханшах, распутать эти пути,
 Ты дай Ферхаду знать среди его вершин,
 Что смерть внезапная похитила Ширин.
 Немного, может быть, его ослабнут руки, —
 И он прервет свой труд от этих слов разлуки.
 И принялись искать глашатай беды,
 Чей хмурый лоб хранит злосчастия следы,
 Того, кто как мясник в крови вседневной сечи.
 Того, кто из усов огонь смертельный мечет.
 И вот научен он дурным словам; сулят
 Иль золото ему иль гибельный булат.
 Идти на Бисутун, свершить худое дело
 Он должен. Для него иного нет удела.
 И дерзостный пошел, вот перед ним — Ферхад.
 Кирку сжимала длань, не знавшая преград.
 Ферхад, что дикий лев, с себя сорвавший пути.
 Рыл гору он, как лев, напругившийся и лютой.
 О лике сладостном слагая песни, бил
 Он яростно гранит; он словно пламень был.
 Ферхаду вымолвил нежданно глашатай,
 Как будто горестью нежданною объятый:
 «Беспечный человек! Вокруг себя взгляни.
 Зачем в неведении свои проводишь дни?»
 Ферхад: «Я друга чту, и для него с охотой
 Я время провожу, как видишь, за работой.
 Того я друга чту, чьи сладостны слова,
 И кем на жизнь мою получены права». —
 И вот когда узнал горькоречивый вестник:
 Тут ворожит Ширин — пленительный кудесник,

Он, тягостно вздохнув, сказал, потупя взгляд:
 «О смерти Сладостной не извещен Ферхад!
 О, горе нам! Когда сей кипарис веселый
 Был сломлен бурею, подувшей в наши доли,
 Мы амброу земли осыпали Луну,
 Снесли дорогой слез на кладбище Весну.
 И, прах похоронив прекрасной черноокой,
 Направились домой мы в горести глубокой». —
 В Ферхада за клинком он направлял клинок,
 Вздыхал за стоном стон, чтоб сильный изнемог.
 Когда «О Сладкая! — сказать посмел. —
 О горе!» —

О, как такой вещун не онемел, о горе!
 Чье сердце этих тайн хотело б не хранить?
 Внимал им или нет — не смею говорить!
 Когда в Ферхадов слух метнули вестью злою, —
 С вершины пал Ферхад тяжелою скалою.
 Вздохнул Ферхад, и вздох был холоден: конье,
 Казалось, в грудь его вонзило острие.
 Рыдая, молвил он: «Не зная облегченья,
 Я ведал тяжкий труд, и смерть полна мученья.
 Пускай пастух овец бесчисленных пасет,
 Волк жертву нищего из стада унесет.
 Да, цветнику сказал шербетчик, рвущий розу:
 «Вернуть все взятое не забывая угрозу»².
 Проворный кипарис покрылся прахом! Ах,
 Зачем же мне чело не осыпает прах?
 Румяных лепестков развеяна страница!
 Зачем же мне сады, когда вокруг — темница?
 Уж пташка унеслась в край отдаленный свой!
 Зачем же не кричу я тучей громовой?
 Погас над миром свет, горевший звездным знаком!
 Зачем же в этот день мир не покрылся мраком?
 В небытии с Ширин свидание мое!
 Я, не промедливши, уйду в небытие!»
 Оповестил о ней он и моря и сушу.
 И, прах поцеловав, свою он отдал душу.

Всем ведомо: судьбе много дела нет,
Как души отнимать, гасить для смертных свет.
К злосчастному стремясь, рок позабыл о мере, —
И входят бедствия, все распахнувши двери.
Он видит: счастья нет, лишь горечь дни сулят:
Он вложит сахар в рот, — тот обратится в яд.
За розу ухватясь, он скажет: «Ты близка мне»
Не росы на него посыплются, а камни.
Увидит бурный мир, увидит: мир — не гладь.
Из мира этого свою забрать бы кладь!
Поводья свесились, не удержишь время,
А юности нога попасть не может в стремя,
Свой рок преодолеть придет тебе пора,
Лишь только ты уйдешь из этого шатра³.
В четвертых небесах прибудешь к серафимам,
Чтоб в сонме светочей все ж сделаться незримым⁴.
Мир — див; храни свой дух — да будет скован
див! —

Дух добронравнем от дива оградим⁵.
Не делай для себя свой прав суровый адом.
Пусть раем станет он, ведя других к усладам,
Коль человек ты, послушай речь мою:
Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.
О глаз! Беспечный глаз! Ты мир узри воочью.
Мир обними, как те, недремлющие ночью.
Как долго под землей ты будешь спать, о друг!
Крутящихся небес тебя забудет круг.
Лет пятьдесят игры злокозненной промчится, —
Сей костью глиняной доколь тебе кичиться⁶?
Пусть и пять тысяч лет — срок воровской игры, —
Брось кость, ведь все равно играешь до поры.
Что крепче, чем кремь? Под ветра частым взмахом
Он все же стал песком, он стал зыбучим прахом.
О коврике кожаный — земля! И вновь вновь⁷
На этот коврике льют одну лишь только кровь!
Кровавые дожди впитала эта суша.
Кто мог бы из-под них спасти и Снавуша?

В песчинках взвившихся, что закрутил бурун,
Несется Кей-Кобад иль мчится Феридун.
И людям не пайти на всем земном покрове
Горсть глины без людской, людьми пролитой, крови.
Кто знает, что тайл сей вековечный храм,
Счет вечерам его и счет его утрам?
Столетие пройдет, — и все течет сначала.
Лишь век умчится прочь, — уж век другой
примчал.

И с веком человек свой также кончит век,
Чтоб он на сущность дней своих не поднял век.
Но что в крупицах дней среди тысячелетий
Увидеть сможешь ты иль услышать на свете?
Все ж и добро и зло в столетиях каждом есть,
И в том для мудрого о некоей тайне весть.
Коль ты не хочешь быть в гонении бескрайном,
Ты век не поучай другого века тайнам.
Чреда ночей и дней, что пегий конь, летит.
От бега времени ничто не защитит.
Хоть ты на сто наук свершил свои набег.
Тобой не будет взят в поводья этот пегий⁸.
Себя боготворить не должен ты, о нет!
Забвение себя — спасения завет.
Котел земли кипел по воле звезд, но что же?
Необработанной земля подобна коже.
Небес игорный дом, незримый для очей,
Все деньги отобрал у многих богачей.
Иль кажется тебе, что ты с невестой⁹? Мудрый!
Мечту на ветер брось, не будь с сереброкудрой¹⁰.
Быть может, грянет смерч, и злой его полет
Невесту — жизнь твою — с землею разведет¹¹.
Придет ли смерч иль нет, забудь свою усладу.
Не зажигай в ночи напрасную лампаду.
На горсти праха ты. В твоей горсти лишь прах.
Хоть руку для земли зажечь бы ты впотьмах, —
Ей будет нипочем твою увидеть муку,
Ей не присыпать, нет, израненную руку!¹²

Нам тягостная плоть созвездьями дана,
Так часто мучима недугами она!
Ведь с кровли прыгнуть вниз нетрудно. Только в
злости

Твой неизбежный рок твои ломает кости.
Но люди, что во сне не ощущают тел,
Не смогут пострадать от многих сотен стрел.
Свое дыхание, что управляет нами,
Мы ветром осени прикармливаем сами¹³.
Но мертв твой каждый вздох, когда в нем нет
любви.

Твой каждый вздох сочтен; ты страстно проживи.
Ты, умирая, смерть встречай бесстрашным взглядом,
Но в страсти, человек, ты должен быть Ферхадом,
Любил, чтоб на кирку приладить рукоять,
Строитель дерево гранатовое брать.
Была ему кирка помощницею верной,
Всегда сподручною в борьбе его безмерной.
Когда его вешун тоскою захлестнул, —
Кирку он за гору в отчаянии метнул.
Кирка впилась в гранит, а рукоять отбило, —
Вошла во влажный прах, а после вот что было:
Гранатовый побег из рукоятки вырос,
И, ставши деревом, гранаты он принес.
И каждый этот плод всех снадобий полезней.
И немощных любых излечит от болезней.
Не зрел их Низами, но измышлять не стал.
А в древней книге он об этом прочитал.

ПИСЬМО ХОСРОВА К ШИРИН,
ВЫРАЖАЮЩЕЕ СОЧУВСТВИЕ, НО
НАПИСАННОЕ В НАСМЕШКУ

Певцу минувшего я словно снова внемлю:
В томленьи по Ширин Ферхад покинул землю.
Грустила Сладкая. Ее потуплен взгляд:

Без птицы пламенной ее остался сад.
Низвергся кипарис у струй речного вала,
Весенним облаком Ширин затосковала.
Покрыв его пароч, похоронил прах,
Стоит лишь с воздухом в беспомощных руках.
Затем надгробный холм — как ведомо по сказам —
Она молитвенным украсила гумбазом.
И поспешили весть Хосрову принести,
Что нету терния на царственном пути.
Раскаялся Хосров в содеянном; жестоко
Он поступил с собой: судьбы не дремлет око.
Был утрачен Хосров, был своевремен страх:
Возмездью, как и все, подвластен шахапшах.
Пускай к кому-нибудь зло от тебя неслет,
Верь: это зло к тебе со временем вернется.
Пусть от возмездья шах берегся день и ночь, —
Возмездья в должный срок не смог он превозмочь.
Хосров призвал писца, что мог, как жемчугами,
Бумагу разубрать, покрыв ее строками.
На сахаре велит он глину замесить,
Все написать Ширин, все у нее спросить.
И в первом росчерке пленительной картины,
Как то положено, был назван бог единый:
«Во имя давшего людскому зренью свет
И зренье давшего, чтоб каждый зреть предмет,
Создавшего людей и духов и природу,
Придавшего лазурь и сумрак небосводу,
Воздвигнувшего шар прельстительной земли,
Чтоб вечно небеса вокруг него текли».
И после господ и господу угодных
Крылатых — речь повел писец о земнородных:
«Венец прельстительниц! Прекрасная Ширин,
Чьим сладостным устам сродни лишь мед один!
Над телом, чья душа твой образ возлюбила,
Слышал я, ты шатер прискорбья разбила.
Ты мускусом кудрей прикрыла розы щек,
Льешь на жасмин груди алмазных слез поток.

Согнула кипарис, а щеки, в горе бурном,
 Ты садом сделала не розовым, — лазурным!
 Покров с лица сыла-и кос темнее мглы,
 Кос глянцевитых распутала узлы,
 Ты поминаньями скончавшегося друга
 Спалаила этот мир, как воплями недуга.
 Да, это дружбы долг. Я знаю, ты права.
 И дружба верная обычно такова.
 Ты сжалилась, Ширин, над низвергающим горы
 И, на колена став, к нему склонила взоры.
 Но горесть ббльшую убитый заслужил.
 Ты в мир свой плач пошла, чтоб мир о нем тужил.
 Кто от любви умрет? В любовь угасла вера.
 Пусть все Ферхада чтут, пусть ницут в нем примера.
 Но все ж делам его мы не подводим счет,
 И нас к одной тебе сочувствие влечет.
 Как вижу, грусть о нем в твоей засела думе.
 Разрыва нету с ним: ты с ним, хоть он и умер.
 Что ж мукою его убила ты? Ну, пусть —
 Убила. Но, убив, зачем вкушаешь грусть?
 Да что ж! Ферхада кровь ты ведь испила тоже.
 Унизил его — цепи теперь дороже.
 Хоть над останками останешься сто лет, —
 Таких униженных, как он, на свете нет.
 Пусть, как земля, в руке ты тьму сердец сжимаешь?
 Столь обожающих не часто обретаешь.
 Но в плаче пользы нет. Зачем рыдать над ним?
 Когда жаркого нет, кто поднимает дым?
 Ты выпоянила все в дни горестного плача,
 Но грабит рок всегда. Что горе! Что удача!
 Увы! Основано на смерти бытие.
 Ничье дыхание не длительно. Ничье.
 Ты — день. Он был звездой, что озаряла души.
 Когда восходит день — звезда свой пламень тушит.
 Он был светильником, ты — ясный свет зари.
 Светильник отгорел, ты — утро, ты гори.
 Ты — сад, а он — трава, — и вот её не стало.

Но в цветнике расти траве ведь не пристало.
 И ты — свеча, а он — целовкий мотылек.
 И мотыльку пронасть настал, конечно, срок.
 Ты пламень, ну а он — алоэ — и не может
 Алоэ не сгореть: огонь его изглохнет.
 Пусть в цветнике не зришь знакомого крыла.
 Склоняется к тебе созвездие Орла!
 Пусть горсточки воды в твоём ковше не стало, —
 Ведь Тигров множество к твоим стопам припало.
 Скажи: «О месяц, сгинь! Есть полная луна».
 Скажи: «Есть красота. Что родника одна?»
 Да льются дни Ширин, пусть нету с ней Ферхада!
 Пускай цветет несрину! Нам желтых роз не надо.
 И, кончивши писать, склонился ниц писец
 И положил письмо, — и позван был гонец.
 Посланье взял гонец из царских рук, и сразу
 Он в путь отправился, покоровшись приказу.
 Увидела Ширин: пред ней письмо царя.
 И лик ее зардел, как нежная заря.
 Взяла она письмо. Мгновения не выждав,
 Лишь разломив печать, поцеловала трижды.
 Но видит, все прочтя, что мускус в нем не чист,
 Что в белом полотне завернута ехидна.
 Что в спелых финиках сто острых терний видно.
 Что грубые ковры упали на шелка.
 Что в струях скрылся яд, хоть сладостна река.
 Как пить такой шербет, составленный нечестно?
 А гиевом закинешь все ж было б неуместно.
 Но с горечью, с трудом напиток, полный зла,
 По счастью, проглотить Сладчайшая смогла.

СМЕРТЬ МАРИАМ

Не радуйся, Хаким, так волили созвездья:
 За все свои дела дождешься ты возмездья!
 Знай, будет оценен поступок твой любой!

Рок препоясая — следит он за тобой.
 Когда Хосров послал, все зная про Ферхада,
 Ширин свое письмо, исполненное яда,
 Так было сумрачным угоднo небесам,
 Чтоб в Руме царствовать не стала Мариам.
 Твердят: «Отравы злой ее убила сила.
 Ведь это мечь Ширин, что также яд вкусила».
 Но, истину блюдя, не слушай, что твердят:
 Низвергнула Мариам лишь властной мысли яд.
 Индусы, видел я, являли силу мысли, —
 Вмиг листья свежие, как мертвые, повисли.
 И, одурманив люд, они порой луну,
 Как шар сияющий, бросали в вышину.
 Лишь только Мариам прекрасная навеки
 Замкнула сладкий рот и опустила веки, —
 Как, ощутив себя уж не в ее руках,
 Всю волюность прежнюю вкушает шаханшах.
 Когда сгорел престол — как дерево — Марин,
 Как пальма, шах расцвел, как «дерево Марин»².
 Но все же Мариам оказан был почет, —
 И в сумрачном дворце день горестно течет,
 И месяц шах провел в молитвенном обряде.
 Не трогал тронных дел и в черном был наряде.
 Лишь обо всем Ширин была извещена,
 Почуяла меж роз и тернии она³:
 Ей было радостно свою оставить гневность, —
 Ведь чистоту души уничтожает ревность.
 Но все ж росли печаль и сокрушение в ней:
 Прозрела судный день за сменой смертных дней.
 В течение месяца, чтоб быть душой с Хосровом,
 Веселья под своим она не знала кровом.
 А месяц миновал — и в душах нету ран,
 И мир уже забыл свой горестный изъяз.
 И предалась Ширин уверенной надежде:
 Пошлет ему письмо, и вспыхнет он, как прежде.
 Все, все слова души в него метнет она,
 Как в почву сеятель бросает семена.

СОЧУВСТВЕННОЕ ПИСЬМО ШИРИН ХОСРОВУ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МАРИАМ, НАПИСАННОЕ В ОТМЕСТКУ

Взяла она калам; за первую вторая
 Строка обдумана; реченья подбирая
 Столь сладковейные, как майская листва, —
 Так запела она начальные слова:
 «Во имя господа, что там, на звездном троне,
 Прощает смертного, воздвигшего ладони,
 Владыки светлого небесной стороны, —
 Кому служения людские не нужны!
 Питая существа, с них не берет он платы.
 И дал выправляет он в камней подземных таты².
 И птиц на высях гор и тварь в глубинах рек
 Он в горькую тоску повергает не на век.
 За добрые дела он все прощает людям,
 Мы в бедствиях всегда к нему тянуться будем.
 Все длань его взнесла — от Рыбы до Луны,
 Он знает все дела — от Рыбы до Луны.
 Два цвета знает он: в тьме — полночь, полдень —
 ирок.

То горький колоквинт, то сахар их подарок.
 В дворце и золотом и черном слышит он
 То свадебный напев, то стоны похорон.
 Твоей невесте, шах, не стало в мире места, —
 Не бойся: для тебя есть не одна невеста.
 Она ушла во тьму, — была ведь не впотьмах:
 Ведь ведала, что скор на пресыщение шах.
 Пусть лучшей у него подружки нет на ложе, —
 Ну что ж, насыщен он! Она ушла — ну что же!
 Он снова бросит взор на розовый цветник
 И молвит: «Предо мной цветок иной возник»³.
 Грущу: ушла во мрак нежнейшая из кукол.
 А свет ее, как всех, и нежил и баюкал⁴.
 О нежный сердцем шах, не плачь! Иль ты не рад,
 Что клад укрыт в земле? Она была ведь — клад.

Ты горе не вкушай, тебя разрушит горе.
 Ведь землю жесткую, и ту иссушит горе.
 Ах, сердце хрупкое от горя кто спасет?
 Всех с этой печалью во взоре кто спасет?
 О шах! От Мариама ты отведи поводыя.
 Не скажет и Иса, где все ее угодыя.
 Пусть печная жена сошла в подземный доз,
 Не надо покидать свой царственный престол.
 Ты в кубок лей вино, не лей в свой кубок слезы.
 Горюя, новых бед наклечешь ты угрозы.
 Живи, пока смерть не встала у ворот.
 Пусть умерла она. Родившийся — умрет.
 Смерть смертного узрев, не каждый будет в горе
 Дни долгие влачить, — он все забудет вскоре.
 Оставившим наш мир обиды не чини.
 Терпенья хотят — не слез хотят они.
 Коль тело смертного подвергнется недугам, —
 То власти царственной не быть к его услугам.
 Что вознесешь над ручьем ты вопли в вышину?
 Пусть Тигр уменьшится на капельку одну.
 Над тигром пей вино, оно — твоя усада.
 Одной корзины нет из всех корзины Багдада⁶.
 Души бессонницу дремотой потуши.
 Ушедшая из глаз пусть выйдет из души.
 Хоть стройный кипарис исчез из сада мира, —
 Останься, ты — душа, ты вся усада мира.
 В почете должном будь, и вечно будь один.
 Горит прекраснее единственный рубин.
 Для солнца кто ровня? Назвать была б обида.
 Два солнца чтить нельзя, — таков устав Джемшида.
 Двум птицам сладко спать под снегом зимних пург.
 Ты должен быть один: ты — сказочный Симури.
 Утратил ценный лал, по ты ведь царь, и щедро
 Бесценных лалов ряд тебе откроют недра⁶.
 Та голова ценней, с которой равной нет.
 Ценней алмаз, чей свет — неповторимый свет.
 Газель умчалась прочь; но, друг великодушный,

Газелей множество твои вмещают степи.
 Пусть зернышко одно утратил твой хирман, —
 Да будет целый ток тебе судьбою дан!
 Пусть розы нет, — забудь, что есть на свете терни.
 Мир воскресит цветы течением размерным.
 Останься, пусть ушла румийская краса, —
 Не плачь о Мариама: останется Иса⁷.

ПИСЬМО ШИРИН ПРИХОДИТ К ХОСРОВУ

Когда Хосров прочел сладчайшее посланье,
 От слова сладостной стал полон он пылания.
 Сказал он: «Где ж война? Ведь ведает весь свет,
 Что камень пращнику бросается в ответ.
 В ответ на то письмо, что разорвать бы в клочья, —
 Слова, мной заслуженных, я вижу узорочья».
 Вновь сахаром Ширин прельщен он, им одним.
 Уж мошки пудные не кружатся пред ним.
 Дни распрей с Мариама, как тень, проплыли
 мимо, —
 Стал финик без шинов, нет над лампадой дыма¹.
 Лишь только Мариама, чей был окончен мир,
 Покинула навек подлунный этот мир.
 Весь мир, сияющий и беспечальный снова,
 Марии празднеством стал тотчас для Хосрова².
 Когда исчезнет враг, идут легко дела.
 Одна лишь горсть воды твой жар смирить смогла³.
 Три горстки печных слов, со всей приправой
 правил
 Приагет он к Ширин с поспешностью направил.
 И приняла Ширин посланье, как фирман:
 Ведь было надобно ей снабдьбы от ран.
 Встарь думала Ширин, что царь — купец богатый,
 Что покупатель он, и очень тароватый,

Что паланкин пошлет, что за такой товар —
 Невесту царскую! — пошлет ей брачный дар.
 Но он с упреками ей слал за свитком свиток,
 Она ж вела игру, любви укрыв избыток.
 Увидела Ширин, что красота — товар,
 И цену подняла: заголосил товар.
 Есть покупатели — цена возрастает сразу,
 И ценен божий свет, когда он виден глазу.
 Совет мой выслушай, возьми вот это в толк:
 Ты шелк не предлагай, когда не нужен шелк.
 Прислушайся к словам купеческих поверий:
 В дни спроса на товар — сними засовы с двери.
 Обманивал Хосров. Ей виден был обман.
 Лукавила Ширин. Он пил ее дурман.
 Измучился Хосров. Лукавств пошли харвары.
 И вот решает он ослабить эти чары,
 Подружку завести. Он думал об одном:
 Хромого ослика подбодрить скакуном!
 С самим собой вступить он хочет в сделку. Смело
 Решил он повернуть совсем иначе дело.
 Пытливо речь его со встречными течет,
 Он — опытный купец, все примет он в расчет.

ОПИСАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ХОСРОВА

Он препоясал стан лазурным небосводом:
 Вовек с ним равный царь не реял над народом!
 В приемный день Хосров начать прием готов.
 Пред ним просителей предстало пять рядов.
 Ряд первый — богачи в шелках своих богатых.
 Второй — лишь бедняки; их рубища в заплатах,
 Из бледных, немощных составлен третий ряд:
 Чуть дышат слабые, сердца их чуть горят.

Заняв четвертый ряд, стояли те, чьи ноги
 Звенели узами, чей взор молил помощи.
 Назначен пятый ряд убийцам; в том ряду
 Не спросят: «Ждешь ... чего?», чтоб слышать:
 «Смерти жду».

Указ о милости висел пред этим рядом.
 Убийцы с верою в него вперялись взглядом.
 И всем рядам уста визиря говорят,
 Чтоб каждый ряд взглянул на свой соседний ряд.
 И вот богач глядит на нищих, — благодарен
 Он за избыток благ, что был ему подарен.
 И нищий поглядел на хворых, — он готов
 Пясть пред создателем: он дышит, он здоров.
 Вот поглядел больной на узника, — природу
 Он больше не корит: он ведает свободу.
 И узник увидал убийцу, — тяжкий стон
 Забыла грудь его: ведь не убийца он.
 Вперил убийца взор в указ и поднял вежды
 К высокому небесам: пред взором — свет надежды.
 Тюки хваленый стлал у царственных ворот,
 Как с сахаром тюки, неронущий народ.

ХОСРОВ, ПИРУЯ, ВОССЕДАЕТ НА ТРОНЕ ТАКДИС

Он с кубком сел на трон: и временам и срокам
 Он путь указывал; он был всевластным роком.
 Вкруг трона царского, что назван был Такдис,
 Встал венчеспосцев ряд, глаза направив вниз.
 Все образы светил, плывущих в звездном лоне,
 Сплели свой гороскоп на этом царском троне!
 До сфер сатурновых от высших сфер луны —
 Чертоги все на нем, — начертаны, ясны.
 И неподвижных звезд здесь вычерчена сфера.

И всех путей планет здесь отразилась мера.
 Оповещает всех узор его камней
 И о часах ночей и о теченьи дней².
 По трону этому, взор не подняв к высотам,
 Составить гороскоп доступно звездочетам.
 Кто видит яркий трон, что смертным взорам нир,
 Джемшида чашу пьет и весь в ней видит мир³.
 Он трон земной иль трон заоблачного стана?
 Не царский это трон, он трон «сахибкирана»⁴.
 Прекраснопланный царь, и боевой он слон,
 Леа с гривой, амброю пропитанною, — он.
 Весь мир он захватил одним походом скорым.
 Он скатерть разостлал по всем земным просторам.
 Его меджлиса сад Ирема не бедней.
 Круг золотой небес — кольцо его дверей⁵.
 Величия хочешь ты, — так щедрым стань скорее.
 Кошель свой завяжи лишь листиком порея⁶.
 Кошь бережет богач и маленький лоскут, —
 Его дела, поверь, на убыль потекут.
 Не сберегай того, что принял ты от мира,
 Взямай с него харадж для радостного пира⁷.
 Что край твой дал тебе, пусть вновь получит край.
 А не желаешь брать — ну что ж, лишь раздавай!⁸
 Нельзя, о царь, владеть всем миром одиноко,
 Нельзя нам восседать за пиром одиноко.
 Разумным ведомо: кто пьет без друга, тот
 В свой час назначенный без друга и умрет.
 Пить в одиночестве не надо: будет горе
 С собою пить, и мир — как злое станет море.
 Ты обрати себя в горящую свечу,
 Чтоб мог тянуться люд к блестящему лучу.
 Скажи, что ценного Карун унес из мира?
 Ларцов не унесешь — не стоят слез! — из мира.
 Все то, чего достиг, — ты с мукою достиг,
 Что ж мучиться? Ведь все достигнуто на миг.
 Срадать — теряя все, страдать — все обретая!
 Сокровищ мне милей ты, бедность золотая!

Джемшида превзошел величием царь Хосров,
 И солнце превзойти он щедростью готов.
 Весь раздавался клад веселым падишахом.
 Он — клад, иклады все ему казались прахом.
 В день дважды скатерть стлал; им так заведено:
 Снедь с чашами дарил и с кубками вино.
 Границы нет столам в тени царева крова.
 Дается мошке слон, а муравью — корова.
 На скатерти меж яств пустых не видно мест;
 Из-за горы сластей не видно, кто что ест.
 И сколько здесь быков и птиц и разной рыбы!
 Исчислить этого с тобой мы не могли бы.
 И ветер, пиришества вкушая аромат,
 Вернуть цветам свой долг, уже ненужный, рад.
 Чтобы алоэ класть и амбру класть в кадилья,
 С богатой Индии вся подать уходила.
 Когда песли царю назначенную снедь,
 До Хузистана мог дух сладкий долететь.
 Он поутру вкушал кебаб душистый, сочный,
 С жемчужиной большой, прекрасной, непорочной⁹.
 Кушам индийским там, где плещет океан,
 Груз тайный золота за этот жемчуг дан.
 Растертый жемчуг съев, такой достигнешь цели:
 Смесь влаги основной в твоём смиритесь теле.
 Ел жеребенка царь; и снегелаз и чист
 Был жеребеночек и, как рейхан, душист.
 Его на пастбище не с матерью держали,
 А молоком овцы старательно питали.
 Чтоб это лакомство для пиришества не печь,
 Белел Хосров сложить серебряную печь.
 И в этой жгли печи не дерево сухое,
 А многоценное душистое алоэ.
 Вот в печь такую-то и ставили кебаб,
 Чтоб гости за столом прославляли кебаб.
 На золотой поднос кебаб горячий клали.
 А вес подноса был почти семьсот мискалей.
 И яства этого (как будто утоля

Свой голод) царь съедал лишь с горстку мидаля.
Искал он взором тех, кто схвачен был нуждою,
И вот тому, на ком, всех оглядев чредою,
Взор останавливал, — и печь давал он в дар
И золотой поднос, сверкающий, как жар.
Да! Скатерти такой вовек не зрело небо!
Не выпекал огонь вовек такого хлеба!
На скатерть синюю, взяв из печи, зарю
Сложили. И она — подобна янтарю.
Ждал, как обычно, царь с днем новым новой
встречи.

И снова скатерть стлал и снова делал печи.
Царь каждый день творил такие волшебства,
Как будто навсегда он взял на них права.
Но что же, выйдет срок — не станет паднущах.
Всей этой пышностью не одолеешь праха.
Иди с удачливым, коль мил тебе почет, —
С удачливым почет поспешно притечет.
Татарская газель пройдет в рейханах луга,
И мускусом ее пропахнет вся округа.
Газель, что пробежит по кругу сорных трав,
Разносит только пыль с дыханием отрав.
Однажды от отца, исполненного света,
Я услышал слова премудрого совета.
«Близ незадачливых не шествуй по пути, —
Вблизи удачливых жилище обрети».
Коль хочешь числиться меж светлых, ясполиких, —
Свой светоч ты зажги от факела великих.
Ведь тем жемчужина для смертного ценна,
Что в глубине морей великих рождена.

ХОСРОВ ВЫСЛУШИВАЕТ ОПИСАНИЕ ШЕКЕР ИСФАХАНСКОЙ

Как в мире водится, превьисивший все выси,
Шах, озаривший мир, однажды был в меджлисе.
Чтоб длань его лобзать, свой препоясал стан

Подвластный ряд владык из всех окрестных стран.
Царь исфаханский тут и рейский и, блистая,
Здесь миродержцы все — от Рума до Китая.
Глава хотанцев тут и вождь хабешский тут.
Все с чашами в руке, все в честь Хосрова пьют.
Всех кравчий обошел, свой круг он сделал снова, —
И вот уж нет следа от скромности Хосрова.
Он, скромности покров со слов решив совлечь,
В мир непристойности свою направил речь.
Он вопрошает всех, свои вопросы множа:
«Где краше женщины, пригодные для ложа?»
«Я только нежности, — сказал румиец, — рад.
Клад — прелесть нежности, и в Руме этот клад».
Другой сказал: «Хотан, — вот где прекрасны девы!
О них, прославленных, слагаются напевы».
«Ты на Армению с отрадою смотри, —
Сказал другой, — лишь в ней есть женщины перй».
Кашмирец вымолвил: «В пленительном Кашмире
Такая сладость есть, какой не сыщешь в мире».
«Для царственных пиров, всем прочим не
в пример, —

Так исфаханец рек, — есть девушка Шекер!
Промыслив об ее усадном сладком стане,
За сладость не сочтут весь сахар в Хузистане.
Мрут зерна финника от сладких уст, — к чему
Их сахар? Он ведь раб у Сахарной в дому?
На край ее луны, чуть приоткрытой, бросив
Свой взгляд, в отчаянии заплакал бы Иосиф.
У смелой Сахарной порок есть лишь один:
Ей все равно, кто царь, а кто простолюдин.
Как ветру, всюду дом Шекер веселой нашей,
И всюду, как тюльпан, она с взнесенной чашей³.
И те, с которыми Шекер вступает в лад, —
Опорожнят кошель, растратят целый клад.
И тот, кто пробыл ночь с веселой хоть однажды,
Все помнит эту ночь, все полон страстной жажды».
Царь вспыхнул, вновь горит огонь горячих жил,

Вновь игр любовных царь основу заложил,
Он на Ширин помнит кося напропалую!
Одной красавицей ограбит он другую.
Смыть «Сладость» «Сахаром» и смело, без обуз
Распутать узами весь узел прежних уз!
Затмить жемчужину жемчужиной другою,
Одну парчу — другой парчою дорогою.
Он на базар Шекер спешил для сделки, весть
Услыша, — в сахаре вся сладость тоже есть.
Хоть сердце страсть к Шекер в себе не погребало,
Из Исфахана звать ее не подобало.
Он терпеливо ждал, все ждал, — и целый год
Не примечал никто весь гнет его невзгод.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА В ИСФАХАН ЗА ШЕКЕР

Год миновал, и вот шатры царева стана
Везут во след царю в пределы Исфахана.
Царь в дол спустился. Дух, от радости възграй!
Здесь шире был простор, чем византийский край.
Все к празднествам влечет, — и светлые просторы
И красота людей, пленяющая взоры.
И стал он пить вино, весельем упоен,
Но к вольной куклке душою влекся он.
Он про ее жилье выспрашивал украдкой,
И вот проведаль путь к жилищу этой Сладкой.
С рабом он выехал в полуночном пути
На торжище Шекер — желанное найти.
И вот Хосров стоит пред сахарным порогом,
И новой сладости стал Исфахан чертогом.
И подошла пора всех радостных усад.
Был у Ширин дворец, а у Шекер был сад.
Кольца дверного стук, чуть слышимый для слуха,
И вмиг невольничье кольцом сверкнуло ухо.

И видит раб красу хосровова лица, —
И тотчас узнает посетителя вена.
Царя с Шебдиза снять — почетная услуга,
И пусть пасется конь в росистых травах луга.
Ввести царя в дехлиз — возвышенный удел,
И раб свой гордый лоб в кольцо Сатурна вдеа!
Сев на ковер утех, услад предвидя чары,
Не поспешил царь на звонкие динары.
И он позвал Шекер. Он разрешение дал,
Чтоб сладких уст Шекер пред ним раскрылся дал.
Шекер, неся джуляб, для нег отрадной ночи
Вошла. Сладки уста, полны мечтаний очи.
«Шекер», — ведь рот ее на сахар тароват;
Он — сладкий леденец, прославленный «набат».
И струи мускуса струились к ней на плечи,
И сахар сыпали приветливые речи.
Как Вис, была Шекер примащива, нежна;
Как пестуница Вис, польстить была склонна.
Служанки у нее из Греции, Китая,
Найти прекраснее, — была б мечта пустая.
И ночь, их слыша смех, была, как ночь Новруз,
И навек был у них в плетеньи нежных уз.
И с чашею Шекер и взор ее умилен, —
«Такой кумир со мной, а дом мой — необилей»!
Но льет вино в хрусталь, что тотчас засверкал,
Как в воду твердую, огня струистый дал!
Но были сладостней уста ее и краше
Напитка сладкого, сверкающего в чаше.
Осанка царская величия полна.
Безмолвен царь. Поет прекрасная Луна.
Он к полной чаше льнет, и льнет он к новой чаше,
И мнится сон ему все сладостней, все краше.
Когда ж он смутен стал, — запысьями бречна,
Приподнялась она, в ее руке свеча.
И разрешения она спросила, стоя,
И, получив его, — выходит из покоя.
И вот она вдвоем с одной служанкой — с той,

Что схожа станом с ней и схожа красотой.
 Свой золотой наряд отдав ей и камня,
 Она идти к царю дает ей повеленье.
 Рабыня нежная к царю пришла, и вот
 За сахар Сахарной ее он принял мед.
 Он обнял тонкий стан, минуты были сладки,
 Но был обманут он в хмельном своем припадке.
 Была прислужница всех прелестней пример, —
 И вот решает шах, что рядом с ним Шекер.
 И сладок был Хосров, и в трепетной рабыне
 росло смятение, ей чуждое донико.
 Кто всех любезнее? Хосрова пазови.
 Царь чародеем был в реченьях любви.
 Встает рабыня. Свет. Не хочет ночь продолжиться.
 И царь красавице позволил удалиться.
 Она пришла к Шекер, и должно было ей
 Поведать госпоже все о царе царей,
 Все об его огне, о нежности бескрайной
 И также обо всем, что было сладкой тайной,
 Чтоб знала все Шекер и чтоб она могла
 Беседовать с царем про сладкие дела.
 И со свечей Шекер идет к царю, ведь падки
 На сахар мы, а свет и сахар вместе — сладки.
 И думает Хосров, что с ним была в ночи
 Вот эта, в чьей руке сияние свечи.
 «Гостей таких, как я, — звучат слова Хосрова, —
 Встречала ль ты, скажи, в тиши ночного крова?»
 «О царь единственный! — звучит ее ответ, —
 Везде я побыва — тебе подобных нет!
 В тебе вся красота, твое любое слово
 Все сладкоречие вместить в себя готово.
 Но есть в тебе порок, прости, склони свой слух, —
 В твоих устах есть соль, но есть и скверный дух.
 Соль свежесть бережет, — и это беспримерно,
 Что полон соли рот, и все ж он пахнет скверно».
 Царь лилию спросил: «Что делать?», «Целый год —
 Чеснок и лилия», — ответ она дает³.

На год уехал царь из капища, при этом
 Воспользоваться он решил ее советом.
 Когда же год прошел от ночи той хмельной,
 Природа царская вся сделалась иной.
 И вот из чеснока, — шах властвовал над роком, —
 Взрастает лилия как будто ненароком!⁴
 И вот, как в прошлый год, когда уснул весь мир,
 Он к сладостной Шекер отправился на пир.
 И сладость он обрел, как в ночи прошлогодней;
 Вновь сладость сахара ему всего угодней.
 Минуты протекли; от этих сладких вех
 Остался томный след лобзаний и утех.
 И снова слился царь с красоткой среброногой,
 И вновь был утомлен любовною дорогой.
 Рот зацелованный лобзал он, упоен:
 Он мнил, что сахар ест, но ел не сахар он.
 Лишь свет на войско тьмы набросился с размаха, —
 Шекер услышала вопрос от шаханшаха.
 «Видала ль ты гостей, подобных мне? Меж них
 Кто заключал тебя в объятиях таких?»
 Был сахарный ответ: «Да, в прошлый год был тоже
 Такой же, как и ты, с тобой красотою схожий.
 Но хоть пленяли взор лица его черты,
 Несладко вял рот, как роза дышишь ты!»
 Царь молвил: «Знаешь все, — ведь опыт твой
 богатый!

А хочешь ли узнать, порочна чем сама ты?»
 «Каков же мой порок, — промолвила она, —
 Тот, от которого прекрасная дурна?»
 Ответил он: «Порок, что очень схож с недугом:
 Ведь часа не пройдет, как ты уж с новым другом,
 Роднишься с каждым ты, как тяжкая судьба.
 Как мир, играешь тем, в ком страстная алчба.
 О птичка, с прелестью и для Китая редкой,
 Зачем прельщаешься ты каждой новой веткой?
 Где ножны нежности? Тебе все нипочем,
 И каждый миг, Шекер, играешь ты мечом».

Она ответила: «О юноша! Но кто же
Мой сахар пробовал? Он мне всего дороже!
Создателем клянусь, не стану я молчать!
Еще лежит на мне священная печать⁵.
Покуда брачный жар со мною не был дружен, —
И я жемчужина нетронутых жемчужин.
Прислужник огляди, поверь, с одной из них
Ты пребывал, о царь, в объятиях ночных.
Вначале это я сажусь с тобою рядом,
И чашей потчую, и обольщаю взглядом.
Но та, с которой ты весь забываешь мир, —
Не я, но блещущий, подобный мне, кумир». —
И слух свой преклонив к ее устам прекрасным,
Воскликнул шаханшах, горя в порыве страстном:
«Когда жемчужина нетронута, — она
Явить свою печать священную должна!»

РАССПРОСЫ ХОСРОВА О ШЕКЕР И ЕГО СВАТОВСТВО

Когда огонь зари стал ярче и обширней,
Шах, быстрый, как вода, растаял вновь с кумирней.
Всю исфаханскую он созывает знать, —
О сладкоустой все желает он узнать.
И призванные все твердят одно и то же.
О чистоте Шекер все молвили вельможи.
В мешочке сахар скрыт, — Шекер невинней роз¹,
Горящих белизной под капельками рос.
В дарце она всю сласть своих приманок держит,
Для сладостных услуг она служанок держит.
И пусть для каждого ее оседлан конь,
Но страж с секирою спешит за ней: не тронь!²
Услышал шаханшах и от старух: «Доньше
Шекер находится в закрытом паланкине».

Решенно небес винимает царский слух:
Был сахар утаен, — укрылся он от мух.
К ней сватов он послал, благим считая знаком
Все бывшее. С Шекер он сочетался браком.
Жемчужину обрел он первый, он один.
И выправил он в кольцо пылающий рубин.
И вскоре в Медани вернулся он, с ним рядом
Теперь была Шекер, его лаская взглядом.
Мил Сахар победить Сладчайшую, и вот,
Шекер свой сахарный к нему склоняла рот³,
Но Сахар в горести лежит в мешочке сжатом.
Он царством фиников подавлен был богатим⁴.
Пылал он, как свеча, так волила природа, —
Ведь воску весело лишь только возле меда.
Ведь сахара вкусил до преизбытка царь
И к царственной Ширин повлекся, как и встарь.
И, жаждая Ширин, в беспамятстве Хосров,
Как сахар в чашечке, растаять был готов.
Грустит он, разлучен со сладостной душою,
Хоть сладкий сахар ест он с жадностью большою.
Для высшей сладости ведь сахар не в пример.
В ущербе ли Ширин от сахарной Шекер?
Лужайку без цветов зовем мы лишь землею.
Что сахар, если сласть судьбой укрыта злою!
Что сахар! Сладость чти! Подумай, не спеши,
Ведь он из тростника, она же — из души.
Рок сладость унести грозит, мужей пугая.
Лишь детям сахар мил и мил для попугая.
И сладкая вода нам сладостна всегда,
А сахар растворяет ведь всякая вода.
Да! У Шекер с Ширин различие во многом, —
Знай: сахар для души лишь может быть чертогом⁵.
Скрыл паланкин Ширин — возьми ты это в толк.
Она — перид. Шекер — ее укрывший шелк.
Знай, размышляющий, хоть ты на сахар падок,
Что только сладостью нам этот сахар сладок.

И ведает Хосров: нет, не Шекер нужна
 Ему для радости, — Ширин! Ширин одна!
 Хрусталь и лед чисты, но смысл различья важен, —
 Хрусталь и чист и сух, а лед и чистый — влажен⁶.
 И дух рвался к Ширин. «Зачем в напрасный бой, —
 Кричал он, — мне вступать, вступать с самим собой?
 Пусть голову мою гнет жернов! Пусть вращаться
 Он продолжает! Пусть! С Ширин ли распрощаться?
 И пусть из-за Ширин склоню чело я в прах,
 Пусть гибну, — не забыть о сладостных дарах!»
 Но с сердцем не пресечь Хосрову разговора.
 «Терпи, — твердит оно, — достаточно позора!
 Стерпи! Бушует страсть, рассудок твой крутя.
 Прельстился сладостью, а ты ведь не дитя!
 Поверь, кладут сурьму ведь палочкой особой, —
 Спешить в любых делах не следует, не пробуй⁷.
 И Сахар у тебя и Сладость, но взгляни, —
 Ты с чашей сладкою, а все же горьки дни.
 Не двух ищи, — одну. Иль бурный дух застанет.
 Перегрузишь ладью, — ладья твоя утонет.
 Коль ты повергнуться не хочешь, словно тень,
 Неспешно восходи на каждую ступень.
 Безмерно не спеши, своим желаньям вторя:
 Недостижимое тебя повергнет в горе.
 Излишнего не жди, стремясь желаньям вслед.
 Найти неожиданное, — победа из побед.
 Нет! Действуй, о душа, ты мужественно, смело:
 Всегда бесстрашие всего достичь умело.
 Нет, лишь терпение вожак мой, лишь оно!
 Томиться женственно лишь женщина дано.
 Мужчина ты иль нет? О чем же ты хлопочешь?
 Быть женственным, скажи, иль быть с женою хочешь?
 Газель смелей тебя. Напрасная молва
 По миру ширится, что ты отважней льва».
 На стриженного пусть я и похож барана, —
 Все ж я в своей шерсти! Не усмехайтесь! Рано!⁸
 Я тайну скрыл, и я — настороженный слон.
 Я — шелковичный червь: мой кокон — мой полон⁹.

Тюрчанка смелая подумать уж готова,
 Что ей Хосров ничто, что сломит Кей-Хосрова.
 Взяв сердце, этот курд схватить намерен грудь.
 Взяв дом, — к сокровищам прокладывает путь.
 Вся окровавлена душа моя борьбою:
 Жадна, а ведь чума рождается алчностью¹⁰.
 Надежда, понял я, на верность жен — слаба.
 И врач не варит сам целебное «сикба»¹¹.
 Прости меня, творец, но, чтоб смирить всю муку,
 Мне должно на Ширин поднять немедленно руку.
 Чего стыдиться мне, зачем мученья длить!
 Я оскорбил ее. Так снова оскорблю!
 «Жены не обижай, — мне рек старик в Гиляне, —
 Обидишь, так побей, и станет все, как ране.
 А заупрямится — рази, чтоб ей не встать!
 Нет, женщины ты не бей; их бить — тебе не в стать».
 В тоске метался царь, в тоске необычайной.
 Где друг? К кому пойдет он со своею тайной?
 Верь сердцу своему — оно твой друг навек.
 Ты и сердцам друзей не верь, о человек!
 Храни свое зерно иль тотчас станешь нищим.
 Не позволяй чужим владеть твоим жилищем.
 Про тайну каждую, все оглядев кругом,
 Так с другом говори, как говоришь с врагом.
 Один ты между стен? Совета все ж послушай:
 Молчи, за стенами спуют порою уши.
 О тайном говорить не надо меж чужих.
 Молчи и меж друзей, укройся и от них.
 Коль с ближним скрытым быть, взволнованный,
 угрюмый,
 Не можешь — все забудь. О тайнах и не думай!
 Не размышляй о том, чего сказать нельзя,
 Молчи о том, к чему заказана стезя.
 Когда б скрывался ты, к тебе ведь не могли бы,
 Твоих не слыша слов, нагрянуть мухтасибы¹².
 То, что нельзя пропеть на пишестве царей,
 Ты и в степи не пой среди своих друзей.

Всегда доверие к приятелям некстати,
И лучшим не вручай сокровищ без печати.
Пусть будет от тебя подальше грубиян, —
Он повредит тебе, ведь твой почетен сан.
Ты почву не кори, хоть выбор почвы важен;
Лишь тот возрастает плод, который был посажен.
Уместно трать слова, — их следует беречь.
Пусть лишь в хвалу тебе твою повторяет речь.
Страшись! Хоть речь твоя полна находок сотней, —
Единый промах твой припомнят все охотней.
Чтоб взвесить речь свою, коль сердцу дорога,
На речь свою гляди лишь взорами врага.
Кроп кафтанов ряд на славу и с размаха
Рубаху разорви, коль негоднй рубаха¹³.

ОДИНОЧЕСТВО ШИРИН И ЕЕ СТЕНАНИЯ

Проведая все Хосров: у сладостной Ширин
Был утешителем Шапур, Шапур один.
Шапура он вернул, призвал к себе: быть может,
В безлюдьи гордая от скуки изнеможет.
И вот Ширин одна; судьба ее строга.
С нарциссов глаз ее струятся жемчуга.
К предельным в горести пришла она невзгодам.
Спустилась ночь, — и ночь ей показалась годом.
Иль пьяный страж ночной трешотку позабыл?
Иль захмелел звонарь? Беззвучен сумрак был.
Небесный свод угас в полуночном потоке,
И не мечтал рассвет о сладостном востоке.
И мир наш перестал вращаться и рождать.
На всем творении — недвижности печать.
Мгла — крылья дьявола. И ночь молчала строго,
И не кричал петух, и не хвалил он бога.
И в сердце у Ширин текла ночная мгла.

Как эта злая ночь, мрачна она была.
И страждет дух ее в таком томлении сиром,
Что распряго тяжкую она заводит с миром.
И молвила она: «Влачишь меня куда?
О время! Это — ночь пль вечная беда?
Иль эта ночь — змея? Мне мрак страшней
неведом.

Иль перед черным я предстала людоедом?
Нубийцы — радости, но сей нубец злой.
В рыдания вверг меня своей суровой мглой!
О черный небосвод! Зачем мне на мученье
Ты ныне позабыл свое коловращенье?
Связал тебя мой мрак? Иль под твои стопы
Мой черный дух метнул железные шипы?²
Спасения от мды я отыскать не в силах,
Я отблесков зари не вижу светлкрылых.
Ночь! Благородной стань, свою припомни честь,
Иль умертви меня иль молви дню: «Ты еси!»
Ты вернишь в господя, так знай в мученьях меру:
От мрака твоего утратила я веру.
Как туча, медлишь ты, часы свои не мча.
Огня ль боишься ты? Страшишься ли меча?
Не барабанщику ль зари сломали руки, —
О звезды! Вам ступни связали мне на муки³.
В недвижной поч, страшась ее угроз,
Я таю, как свеча, в потоке жарких слез.
Иль потому горю я в горести всечасной,
Что яркая свеча всем кажется прекрасной?
О птица ранняя, вновь песенку пропой!
Рассмейся, утро, вновь восторг являя свой!
Ведь ты же веруешь, предутренняя птаха! —
Так что ж не славил ты великого аллаха?
О утро, ты огонь, — зачем ты ждешь огня?
Ты высекашься не нами из кремня.
И сердце билось в ней, как бабочка, но вскоре
Свеча зари зажглась, ее сжигая горе.

ВОСХВАЛЕНИЕ УТРА

О утро свежее! Какой волшебный край!
 Все даст оно, коль ты ему промолвишь: «Дай!»
 О ты, обретший путь в чертог любого клада,
 Ключ утренний возьми, — раскроется ограда.
 Всем тайным помыслам дает оно ключи.
 Ты утра все открой, — не бойся, не молчи.
 В час утренний в душе, забывшей все угрозы,
 Молитвословные произрастают розы.
 И все, кому дана всевышней волей речь,
 В своей душе молитв не смогут уберечь,
 Но если птица слов из пут несется тесных,
 То как же прозвучит молитва бессловесных?
 В высй, куда восторг молитвенный проник,
 Тварь бессловесная, понятен твоей язык!

ШИРИН ВОЗНОСИТ ХВАЛУ БОГУ

Испив благой зари целительный напиток,
 Ширин тоски ночной забыла прензбыток.
 И дождалась она в терпенье взмаха крыл:
 Пропел петух, чтоб всетерпенье ключ открыл!
 И в келейке к земле она склонилась ликом,
 Припомнив в должный час о господе великом:
 «Творец! И ночь мою преображая в день,
 Меня, как целый мир, ты радостью одень.
 Освободи, господь! Я сжата тесным горном,
 Пусть я блесну, как лал, забыв о плене черном»².
 Всегда откликнуться молящим ты готов,
 Услышь, о господи, и мой молящий зов!
 Без меры стражду я! Нет сил моих! О боже!
 Ты помогаешь всем — так помоги мне тоже!»³
 Клянусь вотоком слез всех брошенных сирот

И горем стариков, что в скорби сжали рот,
 Клянусь покоем всех скитаться обреченных,
 Клянусь покорностью в колодцы заключенных⁴,
 Клянусь молениями под сводами суда,
 Клянусь я стоном злых, горящих от стыда,
 Клянусь я истиной и тем стихом Корана,
 Которым лечится души болящей рана,
 Клянусь я верою, что праведным дана,
 И тайной, что тобой пророкам вручена,
 Клянусь я бедными, что к нам не тянут руки,
 Клянусь увечными, что стойко терпят муки,
 Клянусь я путником, что скорбью обуян,
 И тем покинутым, чей скрылся караван,
 Клянусь я пламенем, укрывшимся за тканьью⁵,
 Клянусь я всем, что нам твоей дается дланью,
 Клянусь я верой жен, склоненных пред тобой,
 И каждую в твой слух проникшею мольбой,
 Клянусь я возгласом последнего зыванья⁶,
 Клянусь я именем, что вне истолкованья!
 О сжался, господи! Я жду твоей руки, —
 Из омота беды меня ты извлеки.
 На голове моей, создатель, каждый волос
 К тебе бы воззывал, когда б имел он голос.
 Нет, я не подняла до слуха твоего
 Из тьмы достойных слов еще ни одного.
 Хотеть постичь тебя! А немощность хотений!
 Ты существуешь, ты! А все иное — тени!
 За пологом небес ты светишь. Ты — един.
 Ты свода синего творец и господин.
 Где грани для тебя, творения начало?
 Познание никогда об этом не вещало.
 Ты продлеваешь дни, ты сделал смертной плоть,
 Что хочешь, соверши, ты знаешь все, господь.
 Хотя все, что ты пошлешь, пусть и несчастий стаю,
 На жизнь и на смерть я, создатель, принимаю, —
 Но все ж я немощна, больна душа моя,
 Дай муки только те, что вынесла бы я.

Я в странствии земном все не сыщу дороги,
Но, не сыскав, дождусь благой твоей помощи.
Мне ниспосли дары былых твоих щедрот:
Я обретаю их вблизи твоих ворот.
Что скрою от тебя? Печаль моя — бескрайна.
Как тайну утять? Все для тебя — не тайна.
Затем, что дух Ширин совсем не знал о зле,
И вся она, моля, лежала на земле, —
Ее утешил бог, к ней опуская вежды,
И дал железный ключ, ключ от ее надежды.
И радости Ширин расцвел румяный куст,
И вновь был сладок лал ее сладчайших уст.
Достиг Парвиза жар и слов ее и стона
И тронул душу в нем, как своды небосклона.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН ПОД ПРЕДОГОМ ОХОТЫ

Лишь только свет воздвиг свой позлащенный стяг
И мрак он разогнал, как скопище бродяг, —
Припомнил царь: на дичь так радостна охота!
И счастья попытать пришла ему охота.
В душе была Ширин, как свет былого дня,
И в степи весело направил он коня.
Вот най, вот барабан! Гремят его раскаты, —
И закружился мир, веселием объятый.
Знаменосцев ряд вздымает шелк знамен.
Кто смел, спешит к царю — ловитвою прельщен.
Царь блещет на коне. Как должно по обрядам,
Венчанный строй владык идет с Шебдизом рядом.
Шел слева Нинатус. Как он, забыв свой сан,
С рукою у седла шел сирава богдыхан!
Пыдает лик царя. Душа Хосрова рада,
И набекрень надел венец он Кей-Кобада.

И солнце молвило: «К ногам его прильну!»
А конь кольцо рабынь повесил на луну².
Как будто над луной зыбучей тучей вея,
Над головой царя струился стег Кався.
Все в золоте мечи вокруг царя горят, —
Как будто вокруг царя оград замкнулся ряд.
Сквозь них протиснуться — напружная отвага.
Никто сквозь этот строй не мог бы сделать шага.
И копыта зыблются, и острая трава
Изогнутых клинков спугнуть могла бы льва.
И, растянув свой рот сверкающий, секира
Кричала небу: «Прочь! Идет владыка мира!»³
Зонт золотой над ним и сокол на зонте,
И тень черна, и царь в отрадной темноте⁴.
Конь по камням бьет с мощностью такою,
Что исправляют путь, — бьют будто бы киркою.
И груз железных сил надменно землю гнет,
И воздух чувствует от их движенья гнет.
Конюших толпище обводит выезд кругом.
Им не найдешь числа, как и придворным слугам.
Ведя со спины слонов свой бурный разговор,
Гром барабанный рвет предел окрестных гор.
Звон колокольчиков — жемчужин звонких зерна...
Сквозных курильниц блеск, украшенных узором.
Вот водоносов строй: их всех сто пятьдесят,
Все розовой водой дорогу оросят.
Сто пятьдесят юнцов с кадилами проворно
В огонь душистые подбрасывают зерна,
И сотни с золотом надели кушаки.
Чтоб золото метать им было бы с руки.
Чтоб всюду на пути увенчанного Солнца
На землю падало сверканье червонца,
Чтоб каждый пешеход, взглянув невольно вниз,
Увидел: просежал сверкающий Парвиз.
Лишь выступил Хосров на радостную сечу, —
Непостижимый рок пошел ему навстречу.
В смятении счетчики⁵: войскам, взметнувшимся враз,

Нет счета. Так куда ж стремится шаханшах?
 И молвил сей огонь, сей царь, подобный чуду:
 «В стенах, стреляя дичь, дней несколько пробуду».
 Соколий барабан свой поднял зов, и вот
 Стремительный ловец взвывает свой полет.
 И сокол носится, на злую ловлю падкий,
 И гибнут голуби, и гибнут куропадки.
 Неделю целую все соколы несут
 Приказов тяготу; идет над ними суд.
 И царь охотится, стрелков с весельем клича, —
 Но лучшая царю мерещится добыча.
 «К стоянкам новым! В путь!» — приказ всем ловчим
 дан,

И неустанно царь передвигает стан.
 Он тайным усмыслом, безмолвно, понемногу
 Сворачивал коня, к Ширин сыскав дорогу.
 До замка был фарсанг, и слез Хосров с седла, —
 Ведь чаша благодати поблизости была.
 Ночь на вселенную склонилась черной челкой.
 Была зима, и ветер струился стужей колкой.
 И на огне, что скрыл в подземные края
 Свой жар, ковались рек стальные лезвия.
 Хоть в теплом поясе лежит твой край, но все же
 Со стужей не шути, — иль скорчишься ты в дрожи.
 И вот алоэ жгут, и холоду взамен
 Мгла дышит амброю. За меном тает мен.
 Алоэ всяло, но тою же порою
 Весь воздух поднялся серебристой камфарою⁶.
 И тело мощное усталого царя
 Покою жаждало: уснул он, и заря
 Приподняла рубин⁷ из мглы подземной пасти,
 И ночь, увидев день, изнемогла от страсти.
 И с ложа царь вскочил и снова, как вчера,
 Веселью предался он с самого утра.
 Вновь виночерпию протянута им чаша.
 Им все исчерпано, чем жизнь отраднана наша.
 Когда же в мозг его вошла хмельная муть,

Вошло желание в пылающую грудь.
 И вспрыгнул он в седло в своем порыве яром.
 Помчался он к Ширин, пылая пьяным жаром.
 В нем пламя вспыхнуло и пляшет, по полям
 Летит. За ним гулям, а вслед — еще гулям.
 Кричат Ширин: «Хосров! Он без вельмож и даже
 С ним мало слуг!» Ширин в испуге внемлет страже.
 И непорочная, страшась позора, шлет
 Упрек любимому за дерзостный налет.
 Ворота запереть она велит; пред ними
 Поставить сторожей с подносами большими,
 И с них червонцев груз, сверкающий огнем,
 Велит она метнуть пред царственным конем⁸.
 Она велит — и вот для отдыха Парвиза
 На площади ковры растянута, как риза.
 Велит — и вдоль пути сокровищ бахрому,
 И, как алоэ жар, горит она сама.
 На кровлю поднялась — о, путь луны к высотам!
 Склонен к дорогам взор, а чуткий слух — к воротам.
 И вот, не утро ль там прожгло летучий прах?
 Иль среди ограды сад в сверкающих цветах?
 И светоч, видя свет горячий в отдалении,
 Свой палец маленький кусает в удивлении.
 Был белый тополь взят, чтоб выдолбить седло, —
 И Тополь царственный горел на нем светло.
 Вся деревязь на нем алмазами пылала,
 И набекрень венец был пламеннее лала.
 Лик — роза юная. Вокруг румяных щек
 Смесь амбры с мускусом — чернеющий пушок.
 Нарциссы он держал, нет их томнее⁹, кроме
 Нарциссов глаз его, полусмеженных в дреме.
 О розы шахских щек! Их зной рососою пьян.
 Под розами плясал оседланный фазан.
 Гулямы вокруг царя — их кони также в пляске, —
 В их пальцах поднятых цветов душистых связки.
 Глядит Ширин: Хосров неистов от вина.
 Шатается и чувств лишается она.

Оянувшись, поднялась движением усталым,
И в затруднении стоит она немалом.
«Смирить свой гнев? Но нет! Уж чувствую: навис
На мне позор и срам, — я стану словно Вис.
Прогнать его? Но нет! Ворвется в сердце мука.
И эта новая убьет меня разлука.
Так что же делать мне? Так вот что! Ото всех
Попытку сделаю укрыть свой тяжкий грех».
Подъехал царь, — и рать, готовая зарне,
Метнула золото и распахнула ткань¹⁰.
О мир! Везут плоды не сеявшим зерно!
О колесо времен! Как вертится оно!¹¹
И царь пустил копы по шелковым настилам
И к замку прискакал — к пределам, сердцу милым.
И вспыхнул в гневе он у замкнутых ворот, —
И сердце в горестный летит поворот.
Царю вернуться всясть, — к сему пайти ли повод?
Разбить ворота? Нет! Он сжал ременный повод.
И стража подозвал: «Скажи-ка, почему
Не впустил в замок я? Никак я не пойму!
Иль горек я, скажи, для Сладостной? Иль что-то
Подобное? За что я брошен за ворота?
Ступай к ней и скажи, что от ее раба
Привет ты ей несешь. Вот вся моя мольба.
Скажи ей, что Хосров прельстительной покорен.
Уйти? Иль будет путь открыт и благогажен?
Спроси: козь вечно соль имеет на устах,
Зачем передо мной запоры на вратах?¹²
Пусти меня, я царь, и к твоему порогу.
Моля простить меня, пустился я в дорогу.
Ты ведаешь сама, что никакой вины
Не знаю за собой. Мы встретиться должны.
Ко мне ты снизойди, молю тебя стократно.
Не повидав тебя, не тронусь я обратно.
Когда б желала ты, чтоб я не медлил, — ты,
Не медля, о Ширин, сошла бы с высоты».
Так шахаишах молил. Смущен он был немало,

А Сладкоустая вздыхала и внимала:
И вот напернице промолвила Луна:
«Вот поручение. Все выполни сполна.
Снеси вот этот шелк наружу. Шестисводный
Шатер там возведи, узорный и свободный¹³.
Сор вымети внутри. Для царственной души.
Шатер ты мускусом, шафраном падуши.
И ладно, расстелив ковер золототканый,
В передний угол трон поставь шестиградный.
Затем полу шатра ты вздери до основ
Тугого купола и молви: «Царь Хосров,
Здесь тюрка нет, и речь ты выслушать готов ли
Индийского раба с дворцовой этой кровли?»¹⁴
Ширин — индийский раб. Она тебе верна,
И вот, что молвила, любовью сожжена:
«Шах, если ты мой гость, — там оставайся, где бы
Я ни назначила, и большего не требуй.
Сегодня здесь, в шатре, свою отбросив спесь,
Из осторожности пробудешь. Только здесь.
Я ж подымусь, о шах, к дворца высоким кровам
И там склошусь во прах пред царственным Хосровом.
Одно лишь должное промолвлю. Лишь одно.
Сказав, — я сделаю, что сделать суждено».
И вот, пройдя врата и с утварью и с шелком,
Служанка умная все выполнила с толком.
И в полиный золота разубранный шатер
Введя царя, ушла, свой потупляя взор.
Лишь Ширин горит. Полна она смущенья:
Как приготовить ей получение угощенья?
Рассыпав золото, такому дару вслед,
Составить следует живительный шербет.
И вот пленительный напиток составитель
Несет шербет к царю в невольную обитель.
Ширин, чету серег подвесивши к Луне,
В тень Солнца¹⁵ одлекла, но все ж она в огне.
Укрылась в рдяный шелк, горящий, как гранаты,
Легли арканы кос на плеч прекрасных скаты.

За каждое кольцо кудрей твоих, кумир,
Носить кольцо раба хотел бы целый мир.
Сверкнула перевязь, ее золотые грани
Легли на рдяные струящиеся ткани.
Указ китайских жен свершила: надо в сеть
Жемчужин блестящих чело свое одеть.
И словно молвила: «Я черною чадрую,
Что дышит амброю, Луну свою прикрою»¹⁶.
И феникс этот стал не феникс, а павлин.
И, как фазан, взвилась нарядная Ширин¹⁷.
В веселой гордости, блестя своим нарядом,
Увидевши мольбу, маня призывным взглядом,
Игривая Ширин, паря как в облаках,
И будто бы раба, обლობывавши прах, —
Рубины из серег, взор устремляя книзу,
Кидает для подков заржавшему Шибдизу.
И мечет жемчуга, что выше всех даров.
Их градом радужным осыпал был Хосров.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

Узрев Луну, что свет простерла по округам,
Для тополя сего он сердце сделал лугом.
Увидев гурию, что здесь, в земном краю,
Ворота заперла, как гурия в раю,
Увидев светлый ум, готовый к обороне,
Чуть не повергся в прах сверкающий на троне,
И с трона он вскочил, чтоб вмиг обლობызать
Пред ней свои персты, — и сел на трон опять.
С мольбой о милости он к ней приподнял длани.
Он осыпал ее сладкими пожеланиями:
«Как тополь, ты стройна, юна и хороша.
Да будет радостна всегда твоя душа!
Твое лицо — заря; с ним блещет вся природа.

Ты — стройный кипарис, опора небосвода.
От свежести твоей во мне весенний свет.
Поработил меня учтивый твой привет.
Ты ткани и ковры постлала по дорогам,
И мчался я к тебе как будто бы чертогом.
Ушных подковок лал, исполненный огня,
Дала ты для подков мне верного коня¹.
За ценным даром вновь я одарен был даром:
От жарких яхонтов мой лик пылает жаром².
Ты — россыпь радостей! Как лучший дар возник
Передо мной твой лик! Да светится твой лик!
Я — молоко, ты — мед. Твои сладкие речи.
И выполнила ты обряд почетной встречи.
Но для чего врата замкнула на замок?
Ошиблась ты или здесь мне что-то невдомек?
Меня назначила ты в плен земле и водам —
Сама же в высоте явилась небосводом.
Но я не говорил, что, мол, вознесена
Хосрова мощь над той, что светит, как луна,
Нет, я ведь только гость. Гостей приезжих взоры
Не упрутся в железные затворы.
Опасным пришлецом могу ли быть и я?
Ведь для меня лишь ты — источник бытия!
Приветливых гостей, приблизившихся к дому,
Высокородные встречают по-иному.
Ведь если смертен я, — ты также не перй,
И с райских жительниц примера не бери».

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Тюльпаноликая не медлила с ответом:
«Да будешь ты вовек благим овеян светом!
На пояс для меча взяв неба синеву, —
Будь мощен, словно слон, будь силой равен льву.
Пусть трон мой наверху, я ведаю о чине, —

Ведь у тебя в дворце на кровле спят рабыни.
 Я для тебя лишь стяг — тебе врученный, твой;
 Где ж нашим стягам быть? Над нашей головой.
 Я — пыль твоих путей. Что гневно так сжиматься
 Бровям твоим? Скажи, как пыли не вздыматься?
 Ты венценосный царь, тебе дарован трон, —
 Я ж от любви своей, свой чувствуя урон,
 На кровле стала... Кем? Давай-ка, правду скажем:
 Я стала для тебя простым индийским стражем¹.
 Хоть молвил бы мне рок: ты над луною реи, —
 Я все ж осталась бы рабой царя царей..
 Ты мне сказал: гостей, приблизившихся к дому,
 Выходородные встречают по-иному.
 Но мной тебе дана прислужников гурьба.
 И я перед тобой покорная раба.
 Ведь ты не гость! Зачем твой конь у врат зацокал?
 За куропаткою ты мчишься, ловчий сокол.
 Нусть, приходя в наш дом, гость, как хозяин там, —
 Быть своевременным не следует гостям.
 И я права, что ты не принят был в хоромах, —
 Ты опьяненным был, и это был твой промах.
 В затворничестве я, в хмельном разгуле ты, —
 Ну, как же тут себя сберечь от клеветы?
 Когда б ты не забыл обычных наших правил
 То старцев опытных ко мне бы ты направил.
 Мне паланкин подай, что пламеннее дня,
 И спальню царскую воздвигни для меня.
 Такая всадница, как я, седела ведь стоит?!
 Дать выкуп за Ширин ведь дело не простое.
 Иль хочешь ты меня, мою забывши честь,
 Как яство, что тебе с вином подносят, съесть?
 Ты ль пьяницам сродни! Им каждый кубок лаком.
 Иль розу хочешь смять, как свойственно гулякам?
 Здесь колыбель царей — беспутство позабудь,
 Ведь ты уж в Исфахан прокладывал свой путь.
 Но я сильнее Шекер, нусть к ней пылал ты в
 страсти,

Ведь Сахар, шаханшах, у Сладости во власти.
 Стремиться сразу к двум одной душе — нельзя.
 И нерешительность для честных не стезя.
 Два знака в небесах обрел себе Меркурий².
 У Солнца — знак один в сверкающей лазури.
 На пользу ль эта смесь? Нет! Нет! Наоборот!
 И сладость лишняя тебе изранит рот.
 Да! Обрести меня совсем тебе не надо.
 Я для тебя — игра, минутная отрада.
 Не бей Ширин мечом, не умерщвляй ее.
 Достаточно, что Рум вонзил свое копьё³.
 Султан играет в мяч. Лишь в Индии мячами
 Играют многими пред жадными очами⁴.
 При десяти мячах труднее ждать удач.
 В единственную цель пусть ударяет мяч.
 Единая кибла передо мною, — строго
 К ней обращаю лик. А у тебя их много⁵.
 Пусть у тебя перь и выскользнет из глаз,
 Их десять тысяч ты имеешь про запас.
 Твой мускусный дворец — весь полон он газелей.
 Псом не трави газель, что дышит еле-еле.
 Затем, что твой дворец и пышен и широк.
 На монастырский двор меня закинул рок.
 Свой свет былые дни вдаль от меня умчали,
 И я — жемчужина в обители печали.
 Ведь глину чистую, хотя она лишь прах,
 Кладут на головы, их мбоя, шаханшах⁶.
 Не мучь меня; в ночи и рыба спит и птица,
 Лишь я не сплю, во мне — печалей веренища.
 Я крепкие врата замкнула на замок.
 Я схожа с птахою, а замок — мой силко.
 Я попугай, давно уже привыкший к ранке
 На лапке от цепи; одна — подобна Анке.
 Ты в радостном шатре — в глухой твердыне я:
 Мне камень дан, тебе — все райские края.
 Я в ранах от шинов, что ж молвлю в горьком сказе?
 Не нужно сада мне да и целебной мази.

Дурной, хороший ли — какой бы ни был он,
Срок жизни мчащейся скользнет за небосклон.
Но лучше, бросив мир, идя дорогой новой,
Расстаться с пленом скал, а не с парчой шатровой.
Созвездий перевязь обвила этот свет.
Хоть полководец ты, его не схватишь, нет!
И сласть и львица я — не никину я понуро!
Лев, ты не вырвешься, призвав на помощь гура!⁸
Я не дитя, ну нет! Вся речь твоя — к чему?
Я пряник не отдам за сладкую хурму.⁹
Здесь, на току борьбы, упреки, словно зерна.
За каждое зерно спор поведу уперно!
Я родственна Зухре: настроив органон,
Им улаждаю слух; сперва ж незвучен он!¹⁰
Я чистый пламень: он пред тем, как станет зримым,
В миг разгорания окутается дымом.
Лишь непослав огонь, нам небо воду шлет.
Ты к жаждающим направь души своей полет.
Для финиковых пальм в шинах защита. Слушай:
Лишь ощутив мой шип, ты мной насытишь душу.
Что плод без косточки? Он не созреет, нет!
И что звезда без тьмы — она не мреет, нет!
Ты выпьешь много чаш среди земного лога.
Все — горькие, сладка — лишь я; таких немного
Ты спутников найдешь в орешке бытия.
Они — скорлупка, друг, а ядрышко — лишь я.
Ответь, где видел ты среди людского стана
Подобную Ширин — хранительницу сана?
Когда ты жил, в мечтах меня одну храня?
Каким деянием возрадовал меня?
Когда в отчаянии ты рвал свои одежды?
Пред кем, стремясь ко мне, склонял покорно вежды?
С кем отправлял мне весть? Когда, забыв весь свет,
Лишь помня обо мне, послал ты мне привет?
Ты только пировал, свой кубок сжав рукою, —
Когда Шапур творил, Ферхад гремел киркою!»

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

С любовной нежностью владыка мира бьюсь.
Сказал красавице: «О роза! О любви!
Твоих упреков ряд исполнен смертным ядом,
Но ключ живой воды таится с ними рядом.
Я не корю тебя, что ты стоишь в высь.
Но со своей высь мне ран не наноси.
Высокий кипарис! О глаз моих улада!
Все выше восходить совсем тебе не надо.
Мои восторгов жар и мой горящий взгляд
Какой к тебе взметнет метательный снаряд?
Моя тоска, как слон, но ты скажи, готов ли
Твой взор меня узреть с такой высокой кровли?
Ты щедростью Карун — ты бросила мне клад,
Но что ж не впущен я в предел твоих палат!
Чем утолю я грусть, отвергнутый тобою?
К чему приникну я поникшей головою?
Не мучай! Почему мне мука суждена?
Ведь преданность тебе — одна моя вина.
Пусть заблуждался я. В тебе добра ведь много,
И заблужденья путь — обычная дорога.
Да, сам виновен я! Преподан мне урок!
Я не тебя виню, — свой обвиняю рок!
Напрасный услышал я грохот барабана!
Петух проспал свой час иль прокричал он рано?
И в буре снеговой я чувствовал свой жар.
Меня унижил рок. Его несладок дар!
Ну что же, ведь в любви я позабыл о власти,
Молю о помощи, измучившийся в страсти,
Лукавь со мной иль мучь, мечи свои огни,
Лишь от своих дверей с презреньем не гони.
Пусть голову мою поднимут на книжале,
Останусь здесь, хотя б мне смертью угрожали.
Пусть ведают не все, но ты ведь знать должна,
Что ты мне, как душа, как жизнь моя, дана.
И трезвый и хмельной, днем и во мраке ночи

Все видел я твои мучительные очи.
 Когда бы кто другой испил такой шербет,
 Клянусь, его позор весь разгадал бы свет.
 Я ризы рвал свои, от мук смыкая вежды,
 С трудом я царские терпел свои одежды, —
 Чтоб строй подвластных войск мой облик узнавал,
 Чтоб царство не пришло в смятение и в развал,
 Чтоб подступить, как царь, к воротам этим хмурым,
 А не бродягою с цимбалом иль с тамбуром.
 Я — правосудие. Для мира — я судья.
 Я должен царствовать, свой пламень затая.
 Но все ж, чтоб осязать твой ароматный локоп,
 Я царство бросил бы: в свой мрак меня повлек он.
 Пусть телом я вкушал другого тела зной,
 Душою улетал я лишь к тебе одной!
 Но мной был не дан ход неправому указу,
 Несправедливости не сделал я ни разу.
 Хоть заблуждался я, — в укорах ты права, —
 Но я ведь юным был, а юность — такова».

ВТОРОЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

С павлином схожая, блестя, как розан росный,
 Вновь растворила уст ларец жемчугоносный.
 И сладкий сердолик зазбылила, меча!
 Слова узорные, как лучшая парча:
 «Покуда кружится в своем вращении время,
 И держится земля, и звезд конует племя,
 Да будет царствовать венчанный судия,
 Распространяя власть на звездные края!
 Пусть ощущает мир во всем его участие!
 И пусть его коня ведет за повод счастье!
 Гнев от речей царя в крови моей течет!
 Забудь свой царский сан, у нас особый счет.

Еще играешь ты венцом своим царевым,
 Подходишь ты ко мне увенчанным Хосровом.
 Еще кичишься ты. Кичливость позабудь!
 Тщеславье и любовь — у них не общий путь.
 Ты не нуждаешься в моей ответной страсти.
 Любви желаешь ты иль ты желаешь власти?
 Когда на сердце страсть кладет свою печать,
 Легко отважным быть, но надо и страдать.
 В сердцах у любящих томительные нужды.
 Алканья чуждые — любви горячей чужды.
 Любви и дела нет до наших властных прав,
 Любви пылающей, поверь, не до забав.
 Я птица, в дни любви порхавшая над розой.
 Мне зной горячих дней не стал еще угрозой.
 Была я розою, славянскою княжной,
 Водю розовой я стала, — что со мной?²
 Себя, расцветшую, замкнула сюзаранку
 Я в замок. Влагу роз так заключают в склянку.
 Была я травкою, омытою росой,
 С ключами ясными делилась я красой.
 И сколько лютых мук я в этом замке, в камне
 Терпела! Лишь тоска одна была близка мне.
 Меня — я золото — жары очистил гнет.
 От стужи сделалась я твердой, словно лед.
 Не знала, как избыть мне этот жар и стужу.
 Стонала: «Перед кем я душу обнаружу?»
 Зачем поник в тоске прекрасный кипарис,
 И сумрак тягостный зачем над ним навис?
 Еще мои глаза цветам красивым рады.
 Еще мне сладок смех, забавы и улады.
 Еще мне молятся индусские жрецы,
 Еще мои глаза — как тюркские ловцы³.
 Еще как роза я начальной весною,
 Еще мой жемчуг скрыт под строгою волною⁴.
 Еще свежи мои душистые уста,
 Еще как свежий ключ, как юность — я чиста.
 Мой лик на зависть всем красавицам Тараза.

Я — шах: все только ждут очей моих указа.
 Подобно яблочку мне подбородок дан, —
 И исфаханский плод уносят в Исфахан⁵.
 Румийцы ждут меня, в сердцах румийцев рана,
 Вдыхать мой аромат приходят из Хотана⁶.
 Узки мои глаза с их сладкой чернотой,
 Кто с узкоглазыми сравнится красотой!⁷
 Хоть подросли мои два маленьких граната,
 Я для безумцев — смерть, для мудрецов —
 расплата⁸.
 Я прихотей полна, мой взор убийству рад.
 Он многих пламенных убил у этих врат.
 Прочь! Или кровь твою прольют вот эти руки.
 Они в крови. Смешны и стоны мне и муки!
 Иди прямым путем, ведь на кривом пути
 Тебе от рук лишь гибель обрести.
 Ты — сердцем каменный, я — став железной
 ныне,
 Тебе в ответ стою на каменной твердыне.

ВТОРОЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Царь молвил: «О краса! Ты, что у всех в очах!
 Проходит этот день лишь в спорах и речах.
 Что прелести свои перечисляешь! Право
 Их не вместит речей блестящая оправа!
 Светлее света ты, так лей мне в душу свет.
 Для света твоего завес на свете нет!
 Ты — море: нас даришь ты жемчугом блестящим,
 Но больше схожа ты с ключом животворящим.
 Удванвал твой лик зеркальный водоем,
 Но сладостнее ты блестяешь в зрачке моем.
 Коль назову тебя — о нег! о прохлада! —
 То сладости иной моим устам не надо.

Как солнцем не назвать тебя, тебя одну? —
 Ведь светом сладостным затмила ты луну.
 Скорбя, душа Шекер погасла, отпылала,
 Когда ты меж камней блеснула блеском лаала.
 Продай хоть волосок, хоть часть одну, —
 И эту часть куплю за целую страну.
 Луна, лишь на себя глядишь ты нежным оком!
 Знай: себялюбие считается пороком.
 Ты к красоте своей не устремляла б глаз!
 Ты сглазишь красоту, — так было ведь не раз.
 Хоть ты стоишь с клинком и ты мой повелитель,
 Не меть в того, кто сам пришел в твою обитель.
 Ты — шах, где ж милости, что славятся молвой?
 Ты — Сладкая, но где ж, скажи мне, сахар твой?
 Дай мир, забудь войну, — у войн плохая слава,
 Со мною примирись, хоть на день, хоть лукаво.
 Ужели был я груб? О нет, я не таков, —
 В запасе у меня сто тысяч нежных слов.
 Красавицы хотят быть с милыми построже,
 Но снисхождение ведь свойственно им тоже.
 Пусть властелин, вспыллив, свой гнев проявит, —
 Он снова благостен, свой гнев преодолев.
 Не говори со мной, кумир, несправедливо,
 Быть милосердною для Сладостной не диво.
 Я слушал мудреца, а мне промолвил он:
 «Быть обездоленным достойный приговорен».
 Ты обласкай меня, измучен я, я стражду,
 И я пришел, чтоб ты мою смирила жажду.
 Недвижный, как свеча, стоять я буду тут.
 Влюбленных множество тебя, я знаю, ждут!
 Но плачет воск свечки, светит не может счеты
 С огнем, и не забыл он сладостные соты².
 Ты почему в узлах, о сердце тростника?
 Тебя связала страсть, по сладости тоска³.
 В душе у пальмы шип: ствол пальмы, видно, падок
 До фиников; их сок его влечет — он сладок⁴.

Когда бы не было так сладко молоко,
Не привыкало бы дитя к нему легко.
Все то, что сладко нам, само стремится к сласти,
А ты, о Сладкая, не знаешь сладкой страсти! »⁵.

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Луна блестящая, склонив свое лицо,
Продела в слух царя сладчайшее кольцо.
И, разомкнув замок, что создан был из лала,
Она всем тростинкам свой сахар даровала.
Она луны лица велела скрыться: «В тень, —
Сказала тьме кудрей, лицо мое одень!»
И киньрис прямой шагнул вперед с угрозой.
Ширин склонила взор, став огненною розой.
И кровли каменной она целует край,
Как вьш шепиу: «Кирпич, от уст благоухай», —
И, вознеся шатер услужливости, следом
Прибегла к музыке, столь сладостной беседам.
И молвила: «О царь, тебя ведь знает мир:
Ты поднимаешь стяг, что осеняет мир.
Весь Рум и весь Китай — лишь царская обитель,
И Кадар-хан — твой раб, и Кесарь — твой
служитель.
К желаниям других закрывши плотно дверь,
Стремится лишь к своим, — словам моим поверь, —
Не жар любви, а страсть. Ответь мне, о беснечный,
Где ты и где огонь любви нескоротечный?
Я пешка и могу сбить только лишь слова,
Но власть над королем мне вовсе не дана!³
Какой попросит лев приюта у газели?
Орел воробышком насытится ужели?⁴
Я — ключ, мне ния — «жизнь». Вгляжусь в твои
черты,
Ты — пламя: «молодость» быть можешь назван ты

Огня с водою быть не должно ни минуты,
Соединись они — в мире возникнут смуты,
Зачем кружиться мне вокруг буйного огня?
Ему уж более не надобно меня.

Иди, лови Шекер! Искать не надо хода
К Ширин, — ведь от нее тебе не будет меда.
Влечетесь ль к сахару желанье наших уст?
Лишь только для зубов его приятен хруст.

У Сладостной, узнай, базар лобзаний весел:
Вся власть — в ее устах, и это каждый извесил.
Когда ты заболел, ты тотчас был готов,
Взяв розу, сделать смесъ из нежных лепестков⁵.

Шекер или Ширин? Решай! Мы не могли бы,
Взлетев к Луне, сойти в глухое царство Рыбы⁶.
Но строгий замок мой всем замкам не в пример.
Спокойно уходи на улицу Шекер.

Пусть раны в печени кровавы и глубоки, —
Ногтями не хочу свои парализовать щеки.
Мной шах уже не чтим, нет пламени в груди:
Пусть почитателя примечнее найди.

И если я так зла, — ищи свою дорожку.
За милостиво смогу я обратиться к богу.
Я не останусь тут; не стану без конца
Гонца гнать за гонцом, гнать за гонцом гонца⁷.

Чтоб мир оповещать, что царь Парвиз от страсти⁸
К невесте позабыл про свадебные сласти.
Достаточно того, что я попала в сеть,
И ценности своей мне больше не иметь.

Но чтобы от людей не слышать мне укора,
Закрала я врата бесчестия и позора.
Моя соперница утешится; свой клад
Я спрячу. Спрятать клад всегда владеец рад.

На мне твое клеймо, но я уже погасла.
Для твоего огня во мне не стало масла.
Все. И тебе, о царь, я не желаю зла.
Будь счастлив и прощай! Будь счастлив! Я ушла⁹.

И поднялась она и, чуть склонивши вежды.

Оправдала шелка сверкающей одежды,
 Отряхивая шелк, как будто целый мир
 Наполнил амброю пленительный кумир.
 Откинувши чело, она рукою ловкой
 Связала доконы с привычною уловкой.
 Хорьковые меха и плавные шелка
 Лукаво выблила прелестницы рука.
 Чуть медлила Ширин... иль иссякала сила?
 По острою меча Сладчайшая скользила.
 И, поправляя цепь запястий, вновь и вновь
 Твердила всем про цепь по имени «любовь».
 То пояс, то венец — ее косы агаты.
 Да! В них нуждаются хосрововы палаты.
 Когда семь прелестей, врученных красоте,
 Красавица царю явила в высоте, —
 Тот тотчас, отвернув свое лицо, сгустила
 На небе мглу: на нем вновь не было светила.
 И кровлю медленно Ширин пересекла
 И скрылась. А царя вновь охватила мгла.
 И царь молил ее, молил ее, чтоб снова
 Явилась перед ним — всех спов его основа.
 И вышла вновь она, в ресницах не храня
 Жемчужных слез, и мир вновь полон стал огня.
 Все сделала она, что только делать в силах
 Прелестницы, чтоб вновь к себе приблизить милых.
 Не избежать сердцам внезапного сикла.

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Царь выронил свой щит пред этой властной
 Сладкой:
 Не одолеть ее словесной этой схваткой.
 И он укрыл свой гнев под сладостной мольбой —
 Пред этой Сладостной смирился бы любой.

Он молвил: «Ты мой свет, и сладость ты, и слава,
 Хума моих садов, моих полянок пава,
 Ты гордый мой венец, но ты и острый нож.
 Меня ты валишь с ног и руку подаешь!
 И умерщвляешь ты и оживляешь разом,
 Ты то пьянишь мой дух, то отрезвляешь разум.
 Поклажу дней своих внесу я в чье жилье?
 Тобой лишь увенчать смогу я бытие.
 Вновь оскорбилась ты, я вижу, и не вновь
 Мне видеть, что моей ты вожделеешь крови.
 На шею не кидай мне смертную петлю
 Так быстро, как мое отронила «люблю».
 Промолвил землероб Немроду: «Надо зерна
 Бросать быстрее, людей слать на смерть —
 неспорно!»

Ты жизни хочешь ли, моленый? Вот они!
 Закланий, радостей, томлений — вот они!
 О, не обманывай, обманов мастерица!
 Готов я изнемочь и смерти покориться.
 Все заверши — пора! Не будь вдали — пора!
 Мне сердце пьяное опохмели — пора!
 Глянь, блещет за дверьми наряд мой царский,
 яркий!

Не хмурь своих бровей прельстительные арки.
 Фагфура ты впусти в его буддийский храм!
 Нет, Мулианский мост разрушить я не дам!²
 Что возложила скорбь на сладостное темя?
 Скинь с течения печаль, пришло веселья время!
 Плачь, если всю лозу грозы покрыла тень!
 Засмейся, погляди: так лучезарен день!
 Не мучай, как врага, меня резней nocturnoю!
 Как с дерзким пленником, не говори со мною!
 Ты, стройная газель, скользи меж нежных трав.
 Оставь для хищников их леопардов нрав.
 Смирись и не гордись! Зачем так долго внемлю
 Словам, что павшего втоптать желают в землю?
 Ты, куропаточка, свою покинешь высь!

Ведь все-таки я царь, я — сокол. Берегись!
 Зачем упорствовать и вновь желать разлуки, —
 Ведь все равно в мои ты попадешься руки!
 И докон твой в ночи встревожу я рукой,
 Как страсть моя к тебе тревожит мой покой.
 Но если к своему непустишь ты порогу, —
 Ну что ж! Да будет так! Отправлюсь я в дорогу,
 Найдя дорогу вспять — и, как уже не раз,
 Под этой вот рукой вновь зарокочет саз.
 Скажу себе: «Хосров, ты чашу всю исчерпай,
 Все позабуди, взгляни — с тобою виночерпий».
 Над чашею другой склонюсь я головой,
 И услажу свой рот я сладкою халвой.
 Забуду Сладкую я в сладостной надежде,
 Что кубок Сахарной пригублю я, как прежде.
 О терпкое вино! Оно для нас — для двух.
 От терпкостей Ширин я свой избавляю слух.
 В дорогу, сердце! В путь! Мне речи многократной
 Не надо! На коня! Мне весел путь обратный!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Халлухских девственников блестящее «шамсе»
 Склонилась, как цветок, сверкающий в росе!
 «О царь! — промолвила, — Живи в своих мечтаньях
 Ты под созвездьями, в их лучших сочетаньях.
 Тех обними, о царь, кто чашу пьет с тобой.
 Пусть буду даже я навек твоей рабой!
 Но сахарного мне совсем не надо яда.
 Царь! Обольщенную вновь обольщать не надо,
 Несбыточных надежд зачем струить ручей!
 Не надо ласковых, прельстительных речей!
 Под золотым зонтом отправься для охоты, —
 Зачем ты здесь? Ширин не ценит позолоты!

Я знаю: от судьбы царь не увидит зла
 За то, что речь его насмешлива и зла,
 За то, что он газель затравит на охоте
 И что науськивать собаку он в охоте.
 Но все ж я клад в ларце, а на ларце — печать,
 И пискоро тебе сокровищ не почать.
 Есть навик у тебя и множество уловок,
 Приманчивую речь протягивать ты ловок.
 Но мой рассудок, царь, им верить не готов.
 Хоть ива и цветет, но не дает плодов?
 Река! Но ведь твоей я глубины не знаю.
 Я тайн морских, о царь, — они темны, — не знаю.
 Коль хочешь с теми быть, в ком не угасла честь, —
 То для тебя, поверь, таких сто тысяч есть.
 Меня, невесту, скрыл под каменный навес ты.
 Порыскай по земле, ищи себе невесты!
 На жемчуг слез моих любуйся — ты таков!
 Но ты ушных моих не трогай жемчугов.
 Молчи! Твои слова язвительнее жала.
 Беги от глаз моих! Они страшной княжала!
 Про локоны мои знать хочешь ли? Изволь!
 Мой каждый локон — змей, змей черный,
 словно смоль.
 На сердце без пути, — кто в бездорожье весел? —
 Царь, колокольчик ты бы стонущий повесил.
 Чтоб странникам в песках дорогу обрести,
 Звон колокольчиков вещает о пути.
 И птица никогда в пути не запевала,
 Покуда путники не сделают привала.
 Ты правнись вкривь и вкось, твоя бессильная
 плать, —
 Смог, метя в черного, лишь негого задеть.
 Ты метил в Индостан, по воле небосклона.
 Ты, сбившийся с пути, достигнул Вавилона.
 Ты думал в море плыть, а вышел на скалу.
 Ждал роз, а лишь тюльпан кладешь в свою полу.
 Сладчайшей сладостью мнил усладиться, — все же

Лишь сахара поел. Иль он тебе дороже?
Нет, нет, не перейду я каменной межи.
Вновь камень вокруг меня на камень положи.
В могиле каменной я от людского взора
Укрою навсегда всю тягостность позора.
Ну что ж? Вообрази, о победитель зла,
Что в некий день Шебдиз стряхнул меня с седла.
Ты подойди ко мне беспешными стопами
И не мечи цветы с их колкими шипами.
Доколе рассыпать цветы тебе? Доколь
Солонку отстранять, вкусив и хлеб и соль?
Иль мало для тебя, что мне лишь мгла знакома,
Что бросила свой край и сень родного дома?
С тех пор погас мой день, исполненный огня,
Когда в Шахруде, царь, покинул ты меня.
Но как мне, жалостной, быть в граде Меданне!
«Назначено в веках все то, что видим ныне».
На примирение не подымая вежд,
Я вижу: этот день не создан для надежд.
Вся еда еще в котле. Похлебка не готова.
Не сварена халва для пиришества Хосрова.
От власти воздержись. Я стражу повелю:
«Ты гостя не пускай, ведь гость мой во хмелю».
Когда созреет злак, являсь нам в полном росте,
Тебя, о шаханшах, вновь позову я в гости.
Всему назначен срок. Поток времен могуч.
К дверям сокровищниц лишь только время — ключ.
Коль птица запоет в час ловли, — без усилья
Ее захватят в сеть: она не вскинет крылья».

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Шах, видя, что Ширин, как прежде, как всегда,
Готова на ответ, насмешлива, горда, —
Уловкой возомнил достичь ее полона.

Но все уловки — тлен пред силой Вавилона!
Он молвил: «Пламень мой, ты, что меня влача
Всечасно за собой, — мне светишь, как свеча!
Для разума ты рай, для мыслей — в юность дверца
Душа для сердца — жизнь, а ты — душа для
сердца!»

Мне сердце не рази, как рок, несущий зло!
Из склянки — хоть пустой — мне умасти чело!
Хоть лживо обласкай, ты, строгая от века!
Хоть мертвым опусти на волю Мубарека!»²
Иль невинна ты, свой долгий гнев храня?
Зачем же, гневаясь, винишь ты лишь меня,
Подобно тем слепцам, что, свой ущерб не видя,
Порочат всех других, их горько ненавдя?
В меня из лалов уст ты камни мечешь вновь!
Я пал. К чему ж мою пролить ты хочешь кровь?
Сразить меня тоской пришла тебе охота, —
Вот обо мне твоя — прости, господь! — забота.
На мир ниспала ночь, снег падает, как ртуть.
Брось лед, явись огнем, не тщишь его задуть!
Беда, коль в эту ночь весь вспыхну я от снега!
Беда, коль пламень мой ворвется в снег с разбега!
Яви же мне твоё жилище, твой порог,
Чтоб я облобызал, как нищий, твой порог,
Чтоб я узрел тебя, склонясь к его ступени,
Глаза закрыв и став смиренно на колени!
К обители твоей пройдет, хоть и с трудом,
Премудрый пешеход, не видящий твой дом.
Не друг тебе, а враг, кто, приговорясь к ловле,
Глядел бы на тебя через оконце в кровле!
И дружески прими ты душу лишь одну, —
Ту, что твой ценит сан, как царскую казну.
Завистник, о Ширин, легко сравнится с прахом.
Он, кинутый во прах, всегда сроднится с прахом.
Не добивай меня! В крови мое лицо.
За дверь не держи, как медное кольцо.
Меня терзаешь ты, меня ты мучишь рада, —

Но рай не знает мук. Они — в пределах ада.
Я знаю, у тебя есть райские плоды;
Не видел их никто, лишь райские сады.
Так раствори врата живительного рая,
Чтоб мне бродить в раю, плоды твои собирая.⁴
Стол — в финиках. Где ж гость? И жажду я, да вот
Все ищет Искендер животворящих вод.⁵
Ты дверь вражды закрой,пусти меня
в преддверье,

Позволь тебе служить, яви ко мне доверье.
Но если трепета тебе не превозмочь
И страннику пельзя тут провести хоть ночь,
Ты не таи фатой сокровища Джемшида,
Фата для светоча — напрасная обида.
Похитила мой ум властительница душ!
Похити же мой огонь, похитив мой саражуш!⁶
Бальзам! О локои твой! О рот сладчайший, азый!
Вот амбра снадобья, целительные лалы!
Что ж мед сладчайших уст ты прячешь, о краса!
И жалит речь твоя, как злобная оса!
Ведь ты нежна. А что в словах твоих —
не злоба ль?

Знай: колкого ежа не порождает соболь.
Свиданием с тобой ты раны мне омой,
Чтоб возродившимся я тронулся домой.
И пусть мои стопы покрыты будут прахом, —
Вновь сердце запоем, уподобляясь птахам.
Не синзойдешь, — так знай, я говорю не ложь! —
Прощенья никогда себе ты не найдешь!
Я вижу, что в меня бросать ты рада камни,
Лежат вокруг меня, как вокруг Ферхада, камни.
Коль камень брошен ввысь и взлет его высок, —
То как бы не пробить свой собственный висок.
Своей рукой к себе ты острый нож простерла.
Разя великого, свое ты режешь горло.
Ты ласковой вступи в любви блаженный край.
Ты не игрок, со мной ты в кости не играй.

Но насмерть опьянишь ты все же не любого.
И не любой, упав, уже не встанет снова.
То в мире ты со мной, то мне грозись войной.
Прошу, ты не ведай такой игры двойной.
Не оскорбляй меня, ведь я тебе не вторю, —
Но закипаю я, подобно злому морю.
Зову тебя вперед, а ты, Ширин, опять,
Как бы крутя канат, все двигаешься вспять.
Мне сердце не разн! За что твоя расплата?
И сердце у меня ведь все ж не из булата!
Не совершай того, что совершает враг.
Быть схожим со врагом — к вражде направить шаг.
Я у тебя прошу правдивого ответа.
Правдива будь, как я: не верь словам навета.
Была лампадой ты, весь озарившей свет.
А ныне предо мной в тебе и света нет.
Вдали была цветком, явив атласный пламень,
Да вот ладонь мне жжешь. Нет, ты опасный
пламень!

Чрезмерность ярости становится войной.
Подобится камням безводный прах земной.
Но под мечом не все падут в смертельной дрожи, —
Есть множество людей, да руки их несхожи.
Быть может, возираться, прекраснее черты
Увижу я. Найду я лучшую, чем ты.
Нет, я служу тебе! Былые помню речи.
И верность я храню за канувшие встречи».

ПЯТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

Вновь Сладкая велит скитаться по местам,
Где зреют финики, благим своим устам.
С жемчужин приподняв два рдеющие дала,
Она жемчужины и лалы рассыпала!

И молвила она: «О юный царь, чей трон
Так блещет! Твой венец — всех озаряет он!
Твой стоек царский стяг! Твои так стойки ноги!
Как дань твоя — твой меч, необоримый, строгий.
Одев твой мощный стан, горда твоя каба.
Пред властью рук твоих стрела судьбы слаба
В дружках будь счастлива ты, от горести далече, —
Горбатый свод небес твой поддержит плечи».
И следом, распался, вся пламени полна,
«Гордец воинственный! — промолвила она. —
Ты шах, так уходи, тебе присуща слава.
А вся игра в любовь для шаха лишь забава.
Влюблен лишь тот, пред кем в обители земной
И небо и земля — в единственной, в одной.
Не упрекай меня влюбленностью Ферхада, —
Скитальца мертвого с печалью помнить надо.
Ферхад, чей жаркий дух и скорбен был и сир,
Лишь брат мой названный, наш посетивший мир.
Для глаз его была я лишь подобьем духа,
Лишь только голос мой его коснулся слуха.
От Сладкой горечь знал. Но запах горьких трав
Он пил, как аромат, а не как дым отрав.
Я сладкому огню речей его внимала.
Подобных ты не знал: ведь слов подобных мало.
Приятней мне шипы из розовых садов,
Чем пышный кипарис, не знающий плодов.
На ложе каменном я лучше бы лежала,
Чем видеть недруга, хоть с золотым кинжалом.
Дай медный мне браслет. Не нужен мне огонь,
Что, плавя серебро, сжигает мне ладонь.
Нам дорог тот огонь, что осветит жилище, —
Не тот, что обратит жилище в пепелище.
Но коль упреками осыплешь ты меня, —
То обвинителю я стану неровня.
Порою поутру мы видим, — о досада! —
Порыв нежданных бурь унес листок из сада.

Вот так унес меня порыв моей тоски.
А ты собирайся в путь! Увязывай туки!
Я вся в кольце огня; он вьется, вьется снова...
Ты видишь? Так беги! Страшись огня такого.
Что дивного: с небес несется камфара.
Вот и в моей душе холодная пора².
Глянь: облако весь мир осыпает хочет солью³.
Ступай! Не сладостью являюсь я, а болью.
Летучей мыши, царь, отраден мрак ночной.
Будь сокомом. Взлетай лишь только в час дневной.
Они давно ушли — те сказки, что ты ведал.
Они давно ушли — те ласки, что ты ведал.
Уж ни «шаир» лаж в душе царницы нет!
А вот с арабского: уж ни крупицы нет.
Не турок я, о царь! Я знаю речь араба⁴.
А злозящия речь да козней — знаю слабо.
Напал здолесья мрак на дом, на кокон мой,
А ведь коварен, верь, лишь черный докон мой.
О дар! Твоей души бескрыла птица, ведай.
Твоей души заря — не разгорится, ведай.
Со стражами веду пль с шаханшахом спор,
Твой дротик будто бы дейлемский их топор⁵.
Так собирайся в путь! Под эту сень не вступишь.
Хоть молвил, что любя ты стал как тень, —
 не вступишь.

О мощный! В жадности не следует коснеть.
Для пищи ты нищ питательную съедь.
Стяни потуже грудь, нет пользы в лживом стоне.
На рот свой наложи печать своей ладони.
Что соколы едят? Им лучшее дают,
А пададь мерзкую — стервятники клюют.
Немало я себе уже стяжала славы
За то, что мне милы сладчайшие забавы:
Одним печальных слез я в чашу лью струю,
Мне сомнению, другим я сладость лью.
Да, я вода из роз, и я горька. Ну что же,

Ведь в розовой воде всегда есть горечь тоже.
 Я крепче, чем «набиз» пригубишь — и беда! —
 Я с ног тебя свалю на долгие года.
 Коль создана Ширин для сладкого улова,
 Пусть горстку горечи ее содержит слово.
 Две сладости зараз? Не жди столь сладких дрем.
 Ведь финик — с косточкой, орешек же — с ядром.
 Я не сродни ежам, не панюцу увечья,
 И нежность спрятала в язвительную речь я.
 Хурма в шипах. Горит в простой оправе дая.
 Клад золотой не раз в развалинах пылал.
 Пускай выносливость пойдет твоим вожатым.
 Вращенный низостью, не станет сад богатым.
 Что сокол без крыла? Не вьется, хоть убей.
 И победит его ничтожный воробей.
 Отбившийся верблюд! Он и за мышь ловкой
 Пойдет безропотно, потянутый веревкой.
 Сражаешься со львом и не желаешь насть? —
 Так обнажай клики, раскрой пошире насть.
 Собаки сцепятся, да вмиг оставят схватку,
 Увидев блеск зубов и зная их повадку.
 И поклялась она, взор поднимая свой,
 Всезрящим разумом, душою огневой,
 Предвечным куполом, высоким, бирюзовым,
 Истоком пламени и солнцем вечно новым,
 Всей райской красотой, всей прелестью небес,
 И каждой буквою всех, всех земных словес,
 Тем поклялась живым, кто будет жить вовеки,
 И тем взирающим, кто не опустит веки,
 Тем щедрым богачом, кто всю насытит тварь,
 Все души возрастил и всем живущим — царь:
 «Всевластный шах! Сдержу я слово обещанья:
 Я для тебя ничто — до нашего венчанья!»
 И отвратила лик, исполненный огня,
 Уже добытый клад рукою отстраня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

Уж солнце, как газель хотанскую, уводит
 Вербка мрака в ночь, и вот на небосводе
 Газелей маленьких за рядом вьется ряд, —
 То звезды на дугу полуночным горят.
 Царь, что газель, в чью грудь стрела вошла глубоко
 Виял яростным словам Ширин газелеюкой.
 И хлопья снежные помчались в мрак ночной,
 И капельки дождя мелькали, как весной.
 От горести гора слезливой стала глиной.
 И сердце ежилось, бредя ночной долиной.
 Снег, словно серебро, пронзал окрестный мрак,
 И на Шебдиза пал серебряный чепрак.
 Звучал упреками Хосрова громкий голос!
 Черноволосую не тронул ни на волос!
 Как долго он молил, как жарко! Для чего?
 Сто слов, — да не годны! Все! Все до одного!
 Молил он и вздыхал — был словно пьян —
 все глубже
 Вонзались стрелы в грудь — о сколько ран! —
 все глубже
 И вот еще текла в своем несчастье ночь;
 А царь, нахмурившись, от врат поехал прочь.
 То он к Шебдизу ник, то будто от недуга
 Очнувшись, все хлестал и торопил он друга.
 Он оборачивал лицо свое к Ширин,
 Но ехал, ехал прочь. Он был один! Один!
 И ночи больше нет, — ее распалась риза,
 Но нет и сильных рук, чтоб направлять Шебдиза.
 Царь воздыханья вез, как путевой припас.
 Он гроздь жемчуга на розы дил из глаз
 «Когда бы встретил я, — так восклицал он
 в горе, —
 Колодезь путевой, плъ встретил бы я взгорье,
 Я спешил бы здесь, и я б не горевал,

Навеки близ Ширин раскинувши привал»,
 То вскинет руки царь, то у него нет мочи
 Не плакать, — и платком он прикрывает очи.
 И вот военный стан. Царем придержан конь,
 А сердце у царя, как выющийся огонь.
 Серебряный цветок освободили тучи,
 И месяц заблестал над этой мглой летучей.
 И царь вознес шатер до блещущих небес,
 Для входа подвязав края его завес.
 Но не прельщался царь всей прелестью вселенной,
 Он сердце рвал свое, как рвет одежды пленный,
 Он, позабыв покой, сжав пальцами виски,
 Не поднимал чела с колен своей тоски.
 Придворным, и ловцам, и стражам, и дестурам
 Царь повелел уйти; остался он с Шапуром.
 Как живопись творя, стал пред царем Шапур
 Узоры, говоря: «Не будь, владыка, хмуру».
 На пламень горести он лил благу влагу.
 Смеяться в горький час имел Шапур отвагу.
 «Тебя от горести хочу я уберечь:
 Поверь, нежна Ширин. Ее притворна речь.
 Столь омрачившимся останешься доколе?
 Ты рвешься к финникам, ты знай — и пальма
 колет».

Хосров — он не сводил с Шапура жадных глаз —
 Обильным жалобам открыл потайный лаз:
 «Ведь видел ты, с какой пришла ко мне отравой
 Та, что весь мир смутит улыбкою лукавой?
 И бог не страшен ей! Смела, дерзка она!
 Ну что же, женщина, — так значит нескромна.
 Я шапку снял пред ней и бросил пред собою.
 Как стройный кипарис, я встал пред ней с мольбою.
 Но оттолкнула трон с порфириою она,
 Ствол царственный снесла секирою она.
 В мороз ее душа не сделалась горячей.
 Ее безжалостность увидел каждый зрячий.
 И речь ее была — секира и стрела.

В словах почтительных так много было зла.
 Есть тернии в любви, но в этот час вечерний
 Без меры я познал уколы этих терний.
 Но и в моей груди ведь тоже сердце есть.
 И злоба тоже ведь у страстотерпца есть.
 Пусть, как Харут она, слетевший с небосклона,
 Пусть в роднике ее все чары Вавилона,
 Но так был холоден ее зимы налет,
 Что для меня Ширин уж не Ширин, — а лед.
 Но от моей любви, терпевшей поношенья,
 Мне ведом — о Шапур! — источник утешенья.
 Ребенка скверный нрав известен мамке. Нет
 Соседа, чтоб не знал, каков его сосед.
 Ширин — мой тайный враг! Мрак под личиной
 света

Таится ненависть под нежностью привета.
 Как жаден был мой пыл, как был напрасен он!
 И вот, отверженный, рассудка я лишен
 Не слушала она; крутилась пеногода.
 И речь моя текла как будто больше года.
 Мне в тьме полуночной свечи не принесла.
 Бальзама мне от ран в ночи не принесла.
 Хоть встретить Сладкую для каждого отрада,
 Хоть сладостна Ширин, — мне новых встреч
 не надо!
 Ведь встреча всех обид мне не искупит, нет!
 Ведь с горьким вкусом хлеб никто не купит, нет!
 Быть под ногой слона, быть мертвым на кладбище
 Отрадней, чем просить у злого скряги нищ.
 Быть лучше под водой, быть рыбой, чем свои
 Моления нести в пристанище змеи.
 Отрадней землю рыть, Да! Лишь не довелось бы
 В дом недостойного свои направить просьбы!
 Жемчужин чистых блеск не в чистых ли морях?
 Кто роет черный прах, — найдет лишь черный прах.
 Покинь пустую копь! Иль, чтоб душа утасла,

Мне быть светильником, в котором нету масла? ¹
Жизнь стоит ли вручать той прихотливой, той
Лукавой, для кого она лишь звук пустой? ²
Каянусь, еще таит подлунная долина
С павлином равнью — подругу для павлина! ³

ОТВЕТ ШАПУРА ХОСРОВУ

Облوبيзавши прах, Шанур своей чредой
Раскрыл уста; к огню с камфарной шел водой!
«На резкость не гневись. По моему почину
И благородство чтя, всему найди причину.
Спор страстных — молния: не сыщешь и следа,
Не схожи бой врагов и нежная вражда.
В запястьях жемчуга не рядом ли с агатом?
Железный виден ключ порой в ларце богатом.
Жестокость красоты назначена в высн,
Лукавство женщины, смирясь, перенеси.
Ведь женщина всегда коварна и строптивна.
Невеста без причуд — невиданное диво.
Чтоб на листе была округло стезя,
Лист колют циркулем, — не уколоть нельзя.
Но пусть всевластны все, сей светлый лик
прекрасен,
Ведь змейки водяной укус нам безопасен.
Потоков горести надвинулась пора,
Так стойким ты пребудь, как мощная гора.
Страшны холодных бурь плохие дни былинкам.
Коль, мощный криж, дрожь, так ты сродни
былинкам.
Отрадно метит в цель, покада цель трудна.
Льет амбра аромат, пока не сожжена³.
Хоть света лунного тебя прельщает нега, —
Небесную луну не схватить ты с разбега.

Двери притворы и ждн. Ширин, свой кинув стан,
К тебе, как лунный свет, пройдет сквозь розуан.
Красавицы в ночи, как света волоконца, —
Коль двери заперты, проходят сквозь оконна!
Царь! Страждет и Ширин, и в ней повержен дух.
Но терпеливая о том не скажет вслух.
Ведь камень со скалы к ней упадет на плечи,
Лишь тронув тень свою. Ты от беды далече.
Тебя не оскорбят: шах недоступен злу.
Шип, сердце ей прозив, — тебе прозвонит полу.
Ночь зачала, так ждн, притихни этой ночью.
Что породит она — увидим мы воочию.
У счастья нашего так переменчив нрав!
Кто ждет все те ж струй в источнике, — неправ.
Всех дней круговорот не протечет без плача.
Стыд сменит наш почет, удачу — неудача.
Пусть Счастье, шаханшах, и ринулось на Власть⁶,
Зачем на Счастье, Власть, решила ты напасть?
На циркуль погляди: конец с началом круга,
Когда свершится путь, всегда найдут друг друга.
Коль не обезжен конь, уверенный ездок
С опаской сторожит его упрямый скок,
Но, обуздав коня рукою терпеливой,
Позволит ездокам дремать над конской гривой.
Терпением разомкнешь все узы всех невагод,
С ним перетерпишь гром всех грозных непогод.
Оно распутает все спутанные пути,
Тьму обратит в зарн блаженных минуты.
Сомненья темные умчались от меня,
Ты скоро будешь царь, в веселом блеске днях.
Он золотые стлал перед царем посулы,
Он в глушь развалил слав весенних выхрей гулы.
На лик царя навел он мушку счастья: знак
Благой ему открыл в созвездьях Зоднак.

ШИРИН СОЖАЛЕЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ
ХОСРОВА

Тот, ветхий днями муж, что положил начало
Рассказа, — продолжал. И вот что зазвучало
«Жестокосердая, прогнавшая царя,
Себя бьет камнем в грудь, раскаянием горя.
Она корит себя, и что ни слово — слезы.
И снова все текут, текут все снова слезы.
Как птица сбитая, металась и не раз
На землю падала, закрыв нарциссы глаз.
Клеймя свой гордый дух, рыдала, — в то же время
Бия ладонями и грудь свою и темя.
И вздохами ее был воздух обожжен.
Земля столь горьких слез не видела у жен,
Нет силы, чтоб сдержать порывы горькой страсти.
Чтоб сердце усмирить, нет во вселенной власти.
Когда ж душа ее вконец изнемогла, —
Стыда тяжелого ее объяла мгла.
И вот подпруги конь — Гульгун ее прекрасный.
Душа ее в крови и конь кроваво-красный.
На рыжеогненном и взвихренном коне
Она — как блеск воды на трепетном огне.
Тропа узка, как бровь; как у прекрасной косы,
И небеса черны и горные откосы.
И на крутой тропе, стегая жеребца,
На помощь в этой тьме звала она творца.
Но глушь и трудный путь Гульгуну — не препона;
И он помчал Ширин быстрее небосклона.
Одежду слуги свою стянувши грудь,
Она Шебдизу вслед направила свой путь.
И вот сквозь гулкий гром, сквозь громозвучный
топот,
Порой был слышен плач, порой был слышен ропот,
И взор вперяла в тьму Луна прекрасных Лун..
К шатрам охотничьим примчал ее Гульгун.
Воспальщики уснули. Тишь, и даже
У царского шатра нет переклички стражи.

Все, словно опиум вливая лунный свет,
В курильне ночи спят. Нигде движенья нет.
И смущена Ширин: к царевому порогу
Она приблизилась, да в ком найдет помощь?
Но из-за полога хосровова шатра
Шапур глядит, — что там? Не света ли игра?
Лишь миг тому назад, охваченный истомой
Сиянья лунного, царь был окован дремой.
И, слугам не сказав, туда, где встал Гульгун,
Шапур идет взглянуть, кого примчал скакун.
Он молвил всаднику: «Как призрак ты прекрасен,
Но если ты не тень, то твой приезд опасен:
Тут и с напавших львов кичливость мы собьем.
Заползшая змея тут станет муравьем».
Но отступил Шапур пред этим нежным дивом,
Смущен его лицом и действием учтивым:
Ширин художника узнала; отняла
Сапожки от стремян и спрыгнула с седла.
Лик разглядел Шапур; длань поднял он к кулаку.
И вскинул ввысь кулак, а лбом склонился к праху.
И молвил он: «Луна! Всем страждущим глазам
Прах из-под ног твоих — целительный бальзам».
Ответила Ширин словам его достойным
Со взглядом ласковым, для женщины пристойным.
И за руку она взяла его, и он
Услышал все, и был не очень удивлен.
Услышал он о том, что слезные потоки
Стыда, раскаянья ей обжигают щеки,
Что речь ее с царем была дерзка и зла,
Что недостойные слова произнесла,
Что лишь умчался царь, — укоры зазвучали
В ее душе, и дух попал в силоч печали.
И говорит она: «Меня объяла тьма,
И не внимала я велениям ума.
Решилась я на все: рок становился хмурым.
Ведь свойственен в беде прыжок тигринный гурам.
И провидением небесным ты сочти,

Что я разбойников не встретила в пути.
 Но так как был огонь стремления безмерен,
 То путь мой — путь прямой, он правилен, он верен.
 Мое доверие ты принял, и оно
 Твердит: «Грядущее тебе же вручено».
 Две просьбы у меня. Тебе исполнить надо
 Их обе, чтоб ко мне опять пришла отрада.
 Вот первая, Шапур: когда придет Хосров
 На пиришество, под крик: «Да будешь ты здоров!»
 Ты усади меня в укромный угол. Тайна
 Да сохраняется! Не выдай и случайно!
 Веселый прав его, подобною лучу
 Всю красоту его увидеть я хочу.
 Вторая: если царь глазами уж не злыми
 Мой встретит взор, то пусть он скажет о калыме!
 Коль хочешь, о Шапур, исполнить все точь-в-точь, —
 Все подготовь, Шапур, покуда длится ночь.
 Не хочешь, — на коня я снова сяду; снова
 В свой замок возвращусь, не повидав Хосрова».
 Две просьбы услышав, Шапур отверз уста
 И клятвы ей дает; их было больше ста.
 Гульгуна в стойло ввел он, будто бы Шебдиза.
 В шатер он ввел Ширин, как будто бы Парвиша.
 Два царственных шатра имел Хосров; они
 Мерцали в жемчугах, как звездные огни.
 Ближайший — для пиров, а полускрытый, дальний
 Служил для отдыха. Он был опочивальней.
 Повел Шапур перй воздушную. Вдвоем
 Они вошли в шатер, назначенный для дрем.
 И прочь пошел Шапур, ей указав на ложе,
 И подог опустил, с небесной ризой схожий.
 Царя как бы меж роз уснувшим обрета,
 Шапур был радостен, как утро, как дитя.
 Вкруг «сада роз» кружась и не стремясь к покою?²
 Он оправлял свечу заботливой рукою.

СНОВИДЕНИЕ ХОСРОВА И ТОЛКОВАНИЕ СНА ШАПУРОМ

И вот внезапно царь очнулся ото сна, —
 И лик его — луна, когда она ясна.
 Шапура восхвалял он за его участие:
 «Я спал, а ты не спишь, мне посланный на счастье»¹.
 Тобою охранен, я, в сумраке завес
 Увидев сладкий сон, вознесся до небес.
 Какой прозрел я свет! Я был в саду, в котором
 Светильник пред моим блеснул счастливым взором!²
 Что означает сон? В сиянии свечи
 Слова прозрения, о друг мой, расточи³
 Заговорил Шапур: «О царь, все стало ясным.
 Твой день оденется сиянием прекрасным.
 Прогонят небеса твою былую ночь.
 Строптивость милых уст ты сможешь превозмочь.
 Так выпьем, чтоб вина расплеснутого пламень
 Сверкнул, как рдяный лал, — сей философский
 камень.

Пусть утром на пиру все будет нам дано:
 И молодой наряд и старое вино.
 Когда взойдет заря, являя на просторе
 В сиянии камфары заоблачное море.
 Камфарный над вином вдыхая аромат,
 В дадье забвения поплывть ты будешь рад».
 От счастья, как тюльпан, чело царя, — и снова
 Он, как наряд, уснул: сон одолел Хосрова.

ХОСРОВ УСТРАИВАЕТ ПИР

В Джемшида яхонтах еще весь небосвод¹,
 Но паланкин зарп уж по небу плывет,
 Внезапный вышел вор и звезды, украшенья²

Невесты солнечной, унес. И все в движенье
 Пришло. И певчих птиц он потревожил сон
 И женщин испугал... вот их запястий звон³,
 Ресницы вскинул царь, но, мрея, как зарница,
 Ему сладчайший сон еще как будто снится.
 И, встав, он приказал, чтоб для него шатер
 Такой раскинули, чтоб стал он выше гор.
 И до небес шатер дошел своей вершиной.
 Взор оглядеть его не мог бы ни единый.
 И, руки на груди почтительно сложив,
 Пред входом встал народ. Как этот вход красн!
 Вельможи в золоте. Оно горит. Доверья
 Не обретешь, сказав, что ярче есть преддверья.
 Знамена вокруг шатра, как великанов строй,
 Как кудри — кисти их, с их бисерной игрой.
 И негры пронесли меж царственного стана
 Мрак Эфиопии к подолу Нефахана⁴.
 Мрак негров, тюрков блеск друг друга превозмочь
 Не в силах; так с луной свой мрак сливает ночь.
 И к трону ветерки не находили лаза
 В ограде из мечей китайцев узкоглазых.
 Шатра веревки все невиданной длины.
 У входа пред шатром бесчисленные слоны.
 Концами двух шатров была лазурь задета, —
 И в солнечных очах уже не стало света.
 В одном шатре Хосров, прекрасный, как Китай,
 В другом — Ширин. О взор, луной ее считай!
 Так много золота в ковре, что без усилья
 Прах золотой с него ветров сдували крылья.
 И воздух уносил сей позлащенный клад.
 Иль сам ковер и был им принесенный клад?
 Но удалились все. На пир за стол богатый
 Лишь избранных друзей в шатер созвал глашатай.
 Из юношей двора в сей царственный затвор
 Гулямы лишь вошли, шелками теша взор.
 Нанерсеники царя, блюда обрядность пира,
 Садятся с двух сторон вблизи владыки мира.

У трона царского все в яхонтах края,
 И изумрудная обводит их струя.
 Рабы с кадильями, — с плодами золотыми,
 Что блещут жемчугом и лапами густыми.
 В руке царя зажат, как знак закона, шар,
 Он мягким золотом падает, словно жар⁵.
 Мелькают кравчие, вино алет в чаше.
 И музыка звучит все сладостней, все краше.
 И с лютнею в руке, всех умиритель бед,
 Мир музыкой обаяв, сидел и пел Барбед.
 И в звуках золото дружным бросал он в руки.
 Он в души их вливал целительные звуки.
 И звук со звуком был так сладко перевит,
 Как будто с лютнею явился царь Давид.
 Давно уже никто не знал такого дара.
 Так вызывал Исá звучанье мускара.
 И тут был Некисá среди придворных: он
 Из чанга извлекал наисладчайший знон.
 И трели он взносил, и трепетней их звона
 Не ведал небосвод, — создатель органа.
 Он первый наделил размерным строем руд.
 Все, что поют стихи, в пример его берут.
 Его созвучия в таком текли узоры,
 Что птах завистливых они ввертали в горе.
 И так он плавно пел, что звезд полночный ход
 Зухре под рокот струн сипетала в хорзвод.
 Подобному Зухре, ему лишь, был он ведом, —
 Нанев согласный с тем, что начат был Барбедом.
 И смолкнул на пиру веселый шум бесед:
 Взял Некисá свой чанг, бербет свой взял Барбед.
 И звуки понеслись в согласии крылатом.
 Так в розе цвет ее согласен с ароматом.
 Бербет и чанг пьянят... И нет сильнее сил...
 Тот — сердце жег, другой — рассудок уносил.
 Вселяя рыдания в грудь их каждый звук уиругий,
 Пьянели все рабы, все забывали слуги.

Царь приказал — и вот, склонив покорно лбы,
 Шатер медленно покинули рабы,
 Все удалились прочь. С царем лишь были трое:
 Шапур и два певца сидели с ним в покое.
 Трехструнный пел бербет, у трезвого певца
 Была хмельная власть — все опьянять сердца
 Чанг Некисй звучал, и в глубях небосклона
 Зухре оборвала напевы органа⁶.
 И царь открыл певцам, чьи так пьянят уста,
 И дверь сокровищниц и всей души врата.
 Когда же там, в шатре крутящегося свода,
 Луны — на смену дня — мир дождался прихода, —
 Вокруг шатра Ширин, разумно выждав срок,
 Наш замелькал Шапур, как некий мотылек.
 За краем полога речь прозвучала Сладкой:
 «Ты одного певца направь ко мне украдкой,
 Чтob он у входа сел; я рядом посижу.
 И все, что должно петь, я все ему скажу.
 Пусть лад он подберет, чтob струны зазвучали,
 Явив в созвучиях всю боль моей печали».
 И тотчас с Некисой Шапур пришел к шатру,
 Чтob начал Некиса и пенье и игру.
 «За ткани не гляди. Услышишь голос друга,
 И пой, что скажет он. Вот в чем твоя услуга.
 С душой неведомой свой след душевный строй.
 Чужой постигнув лад, нас ублажай игрой».
 Как пьяный соловей, там пел Барбед с бербетом.
 Тут с чангом — Некисй. Ночь мрела дивным
 светом...
 Блеск от светильников был, как прекрасный рай.
 Дым от светильников — заросший лесом край.
 Чанг плакал, а бербет бросал алмазов росы.
 В твою полó, газель склонила косы.
 Шелк этих щедрых струн! О чанг, твое лицо
 Горит: твоя серьга — напевности кольцо.

К словам и к музыке царь устремился разом.
 Чтo занграет чанг? Каким утешит сказом?
 «Мутриб! — промолвила зоря любой зарн,⁷ —
 Всю грусть мою открой... Не бойся... Говори!»

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

И начал Некиса; внемля Луне, не часто
 Он струны ударял; он пел размером «раста»:
 «О счастье сонное! Очнись и погляди —
 Быть может, радости мелькают впереди.
 В скалу терпения ударь, зоря надежды!
 Снянем озари души понурой вежды!
 О счастье! Хоть на миг мне кинь свой светлый
 луч.

Хочу оковы снять, — от них вручи мне ключ,
 Расстанься, о судьба, с печальями и мраком,
 Над обездоленной блесни отрадным знаком.
 О дружелюбный рок! Копье во мрак мечи.
 У войска горечи все вышиби мечи.
 В душе моей огонь, душа вкусила яда.
 Друг, милосердным стать без промедленья надо!
 Кто так же неможен в своей тоске, как я?
 Скажи: кто так же весь в твоей руке, как я?
 Пусть на руки твои лить воду не смогла бы, —
 Я б на огне тебе готовила кебабы.
 И если не смогу я подносить джуляб, —
 Фуку раскупорю, как твой последний раб!
 Коль не смогла бы ткать, то в должную минуту
 В чертогах у тебя я б разжигала руту⁸.
 Пусть мне для вышивки ты не дал бы иглы,
 Сметала бы я пыль с шелков твоей полы.
 Ты не бросай меня, как тень свою, на землю.

И так поникла я, и так лишь скорби внемлю.
 Ведь радуется, знай, сиянию звезд луна.
 И веселящая Зухре тебе нужна.
 К себе меня возьми, я отплачу сторицей.
 Служанкой стану я, не стану я царицей.
 Спросил ты обо мне, что молвить я могу?
 Не ведаю, когда вконец изнемогу.
 Как чужеземец я: он ждет желанной встречи.
 Ведь так трудны дела! И так друзья далеки!
 Как роза смятая, забывшая любовь,
 От мира я ушла, чтоб мир не видеть вновь.
 Как бранная земля, я стрел познала ярость.
 Весною, как тюльпан, свою нашла я старость.
 Я все желала взять, и все мне было — тлен.
 Моя заносчивость меня повергла в плен.
 Мне нет заступника, не ведаю участия.
 Нет счастья, что, придя, стыдилось бы несчастья.
 Нагой, идя ко дну, промолвил: «В час конца
 При счастье я б имел хоть саван мертвеца».
 От гордости своей осталась я в накладе.
 Коль пожелаешь ты, то мы с тобой поладим.
 Мои желания не выполнены. Пусть
 Исполнятся твои, — свою утешу грусть.
 Печаль! Твои уста мне словно зелье злое.
 Ты жжешь меня, ведь я — лишь горькое алоэ.
 Но быть сжигаемой! Вот пиршество мое!
 Горение в любви — для страстных бытие!
 Не мне повелевать у царского предела.
 Захочешь снизойти, — твое, о милый, дело!»

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА,
 ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Чанг Некисый умолк. И, пламенен и юн,
 Занес Барбед под звон трех полновластных струн.
 Лад «Иракй» — напев прославленный Ирака —

Вознесся и достиг пределов Зодиака:
 «Душой, не слухом пью мне дружелюбный лад.
 И в памяти моей белой мерцает клад!
 Где сладкоструйных вод есть ручеек подобный?
 Где благовеющий есть ветерок подобный?
 Иль гаснущей зари сверкающий павлин
 Провеял перьями над розами долины?
 Иль дивный кипарис, поднявшись над оградой,
 Сказал мне, что венец мне явится наградой?
 Иль это лунный луч в мой проскользнул шатер?
 И ночь уже не ночь, и свет в мой льется взор.
 Иль это веяние есть дуновение рая?
 Мой пробудился дух, от радости играя.
 Иль белый сокол здесь? К руке спустился он.
 От черных воронов цветник ночной спасен.
 Иль благодатный ключ, укрытый под листвою,
 Мне душу воскресил живительной водою?
 Иль подняла свечу благой судьбы рука,
 Сжигая грусть мою, как крылья мотылька?
 Иль сладкая Ширин нам льет вино из лала?
 Вся мгла окрестная восторгом запыхала.
 О счастье вымолви сопернице пери:
 «Дверь счастья милому с улыбкой отвори».
 Не только красотой славна ты. Чтоб сумела
 Ты боль мою постичь, — о всем скажу я смело:
 Пшеницу я пожал, — посеял лишь ячмень,
 И не пшеницу дал тебе я — лишь ячмень.
 Забудь, что речи вел я гневно и упрямо,
 Взгляни: покорен я. Взгляни мне в душу прямо.
 Индийцу, хоть он вор, не рубят руку: есть
 И благородство в нем, в нем и в преступном — честь.

Нет в сердце у меня и уголка для счастья.
 Для горя — целый край, и нет к нему участия.
 Тобой растоптанный, я на дороге лег,
 И душу божью лягул надменный рок.
 Бег сердца моего путь обозначит кровью.

Какой мучитель злой порой не плачет кровью?
 Страх в сердце у меня: страшна разлуки тьма.
 Ужасен мыслящим тот, кто лишен ума.
 Мне руки закрутил, лишая сил, твой локон.
 Мне сердце в тьму свою вмиг погрузил твой локон.
 Все не забуду слов, слетевших с алых уст,
 И, хоть горьки они, без них шатер мой пуст.
 Коль хочешь близости, забудь свои угрозы.
 Зачем даешь мне шип взамен душистой розы?
 Дай из ларца навек тот сладостный бальзам,
 Что исцеленье шлет и сердцу и глазам.
 О если б ты, Ширин, таким владея златом,
 Решила нищего обрадовать зекатом!»

ВТОРАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

Пропел Барбед, и вот, чаруя небеса,
 Напев пленительный вздымает Некиса.
 Нести охапки роз — отрадней нету груза!
 И розы разбросал отрадней «Лад Новруза»!
 «Мой проснявший взор в нежданный сад проник, —
 Ведь закоулоч твой для глаз моих — цветник.
 Указана тобой моей судьбы дорога.
 Для глаз моих бальзам — прах твоего порога.
 В дыхании мускуса твоё дыханье юю.
 В сиянии утреннем тень вижу я твою.
 Ты очи для меня, ты свет, что летит в очи.
 Ты свет очей, ты сад в сиянии звездной ночи.
 Что солнцу блеск дает? Твой лик, лишь он один,
 И если соль дает твой сладостный рубин.
 Твоей красой горит вся звездная порфира,
 О красоте твоей поют в просторах мира.
 Какое пьешь вино, что стал ты, как весна?

Душа твоя к добру вином оживлена.
 Ты юность, что душе — улада и отрада.
 За юность чья душа отдать себя не рада?
 И если зеркало поднимешь ты рукой, —
 Свой лик увидевши, утратишь ты покой.
 С китайским зеркальцем божок китайский! Наде
 И на других взглянуть, к чему самоуслада?²
 Зачем же к зеркалу твой жадный взор приник?
 За новым ликом в нем всплывает новый лик³.
 Взгляни в мои глаза. Вот зеркало, в котором
 Ты встретишь лишь себя, к нему склоняясь взором⁴.
 Клянусь тем судней, что небеса таят,
 Что без тебя, о друг, дни бытия — лишь яд.
 С противоядьем ты, мне ж упиваться ядом.
 Твой ясен рок, а мой глядит язвющим взглядом.
 Душа моя в огне, но к жертве не спеша,
 Ты так безжалостен, глуха твоя душа.
 Я мнила, что когда склонюсь, изнемогая,
 Ты поспешешь ко мне, мне помощь предлагая.
 Но вот изнемогла и пада я, а ты,
 Стопы опутав мне, взираешь с высоты.
 Но нам грозит позор, коль убиваем друга.
 От честных нам укор, коль убиваем друга.
 Ты каждый миг мне в грудь вонзаешь острее,
 Яви же хоть на миг сочувствие свое!
 Речь поведи о той, что ждет, за тканью кроясь.
 Введи меня на пир: на мне служенья поясь!
 Я, все утративши, пришла на твой порог:
 Ведь дерзки нищие. Не будь со мною строг.
 О нет, безумна я! Ведь свой светильник ныне
 На ветер вынесла из кованной твердыни.
 О друг! Хоть участь мне высокая дана,
 Царь подчиняет всех, — и я подчинена.
 Не убивай раба, хоть взор его и выдал,
 Что для его очей твой лик — единый идол.
 От милых черт своих меня ты не гони.
 Пусть хоть бы издали мне виделись они.

Забята юность мной, лишь ты передо мною.
В надежде встретиться тропой иду земною.
Минута сладкая мне будто бы видна:
Тобой под говор струн мне чаша обдана.
Ночь... Глажу локоны твой... Лишь думая про это,
Я таю, как свеча в сиянии рассвета.
Рубином губ твоих упикившись навсегда,
Усну я и просплю до Страшного суда.
Вот я целую прах в шатре твоём... Вся сила
Несякла. Сколько мук в разлуке я спосила!
Поводья держишь ты. Чего ж алкаешь ты?
Скажи, убьёшь меня или облаккаешь ты?
Мне лучше прахом стать, мне лучше быть убитой.
Чем жить мне без тебя, чем быть тобой забытой».

ВТОРАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Так с чангом Некиса пропел на быстрый лад.
С трех струн поднялся стон барбедовых услад.
Моля о милости, исполнены печали,
На нефаханский лад слова певца звучали:
«Когда в рассветный час, от чаши полупьян,
Я мимо сада шел и нил его дурман.
И прелестью весны так привлекал мой взор он,
Умчел я в саду над розой вьется ворон.
Ты роза, но на ней ни нам и счета нет.
Ты в замке скрыла клад, лежит на нем запрет.
Как быстро на замок ты свой закрыла замок!
Враг не сломил замка, ты сохранила замок.
Ты гурня, чей лик бесплотен, чьи сады
Таят бесчисленные эдемские плоды.
Но пусть мои глаза таким плодам и рады,
От них я горечь знал, не знал от них услады».

Сводящая с ума в душе моей перей, —
И на безумие мое ты посмотри.
Не сплю я, злые сны над разумом нависли:
Томительная перей в мой проникла мысли.
Когда бы я уснул, — заглохла бы ты мой сон,
И в жар безумия он был бы погружен.
Безумный от перей, желаниями ужален.
Слует за призраком меж брошенных развалин.
Зачем же, о перей, услада всех услад,
В свой замок спряталась, как скрытый в недрах
клад?

Явись, жемчужина! В венеи моем отливные
Сияй! Зачем в морской ты пряталась пучине?
Нарцисс твоих очей! Черна их глубина!
Улыбкою своей смутить ты колдуня.
Клянусь, упрямый твой, как дым, крутимый докол,
Как страшный дым войны, — меня так обволол он!
Клянусь запястьями твоих прелестных ног,¹ —
Их звон всех мертвецов вновь оживить бы смог, —
Клянусь я жемчугом, с твоей парчой содружным,
Клянусь я медом уст и ртом твоим жемчужным,
Клянусь я амброю закрученных волос,
Клянусь тугим узлом твоих текучих кос,
Клянусь призывом глаз, ценнее ценной дани,
Клянусь всей ценностью чуть слышимых признаний,
Клянусь я дугами изогнутых бровей,
Что схожа с подлинью всевластной царей,
Клянусь ресницами, что каждую минуту
Грозили б стрелами и самому Харуту,
Клянусь упреками твоих суровых глаз,
Клянусь огнем очей, чей сладостен приказ,
Клянусь ланитой, что нежит наши очи,
Что в свежей нежности — сиянье лунной ночи,
Клянусь твоей косой, которая в мой стан
Из крепости Луны закинула аркан,
Клянусь нарциссами, милей нарциссов сада,
И гиацинтами, что всем цветам — услада².

Клянусь кудрявою, что закликает змей,
 Что ниже на ушко кольцо своих кудрей³,
 Клянусь замочком рта и прелестью жемчужин⁴,
 Их — тридцать две, их ряд тобой был обнаружен,
 Клянусь я миндалем, тьмой окаймленных глаз,
 Их мраком сладостным, сулящим сладкий час,
 Клянусь твоим лицом живительным, ведь воду
 Такой родник дает всему людскому роду.
 Клянусь гранатами серебряных грудей,
 Что округлил Новруз — сладчайший чародей,
 Клянусь я прелестью прекрасного овала,
 Что к подбородочку так взор мой приковала.
 Клянусь я белизной тех пальцев десяти,
 Что будто молвили: мне, горностаю, не мсти⁵,
 Клянусь плечами я, что светом серебрстым
 Блистают, я клянусь блистаньем этим чистым,
 Клянусь я слитком тем, которым сотворен
 Твой стан серебряный, — так драгоценен он,
 Клянусь я той землей, что Сладкую посила,
 И клятвы, данной мной, нестоишима сила, —
 Коль ты придешь ко мне — приди, о поспеши! —
 Я заключу тебя в предел своей души!
 Твой стан прижму навек я к царственному стану,
 Для всех я стал царем — тебе рабом я стану.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

Лишь только замолчал Барбеда звучный руд,
 Как пальцы Некисы звенящий чанг берут.
 Напевом «хисари» из паланкина песни
 Он вызвал образы всех девушек прелестней.
 «О кипарис, взгляни: я пред тобою — прах, —
 И тенью осеней ты голубую прах.

Пусть на петлю из кос твой взглянет взор
 проворный.

Где встретишь пленницу с такой веревкой черной?
 Хоть своевольно была я, как эмир,
 Теперь на мне петля, а между нами — мир.
 Хоть видела я мир, встав на своем пороге,
 Два мира не смогла вместить в своем чертоге¹.
 В жилище муравья ноги не ставит слон.
 И немоцен комар! Сродни ль Симургу он?²
 В колодезь небосвод вместить ли величавыя?
 Не расцветает рай там, где простые травы.
 Ту жизнь, которая и слугам не нужна,
 Отдать султану? Нет! Нужна ль ему она!
 Забудем, что вчера я спорила с тобою,
 Сегодня пред тобой предстала я рабою.
 Как мне молить того, кто величав и прав?
 Но помощь мне подаст твой милосердный нрав.
 Скажу тебе о том, как страсть играла мною,
 С тобою поделюсь виною не одною.
 И так, целуя прах, склонять я буду стан,
 Что милость возвестит гремящий барабан.
 Я взрою землю лбом, в слезах мольбы и страха,
 И честь свою, о царь, я вырою из праха.
 Я влажною щекой прижмусь к коври не раз, —
 И небо — «устыдисы!» — пошлет тебе указ.
 Прочтя твой гороскоп, Луною — я узнала —
 Дан Вестнику указ; Луна всего начало.
 Тот Вестник — это я, а ты — его Луна,
 И потому-то я к тебе привлечена.
 О сердце раненом, пройдя свою дорогу,
 Известье принесла я к твоему порогу.
 И Вестник, что принес тебе вот эту весть, —
 Приятен: у него тебе подарок есть.
 Мой напроказил рот — он маленький, и снова
 Пришел он попросить прощения у Хосрова.
 Пускай мой язычок злым пламенем пылал,
 Но все ж он заключен, припрятан он за дал.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА,
ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Мой локон был кичлив, тебе он сдался ныне,
Тобой отринутый, забыл он о гордыне.
Пусть мой по-тюркски глаз разбойничал — поверь,
Прощенья, как индус, попросит он теперь.
Хоть образуют лук бровей моих изгибы, —
Он — твой, твои персты схватить его могли бы.
Улыбкой нанесла я вред твоим глазам?
Прах из-под ног твоих собираю: он — бальзам.
Пусть встряхивала я тьмой локонов бывало, —
Смотри, цепями кос чело свое я сжала.
Я — факел твой. Бери! Ведь вся я горяча,
Душа моя горит и тает, как свеча.
Назначить можешь смерть ты царственным

указом, —
Я вся перед тобой. Рази мгновенно, разом.
Коль наша встреча, царь, пошлет не свет, а мглу,
То со слезами я схвачу ее полу.
Пусть ладу твоему пить кровь мою не внове, —
Знай, укушу его я жемчугом до крови.
Я — сад, но на плоды положен мной запрет.
Ведут в мой сад врата, но доступна к ним нет.
Коль в сад не ты, другой заглянет ненароком,
Вмиг с ног его свалю я виноградным соком.
Лишь сахарный твой рот, желание утоля,
Найдет в саду тропу к орешку миндаля.
Пусть камнем бьют меня, орешки сбить желая,
Лишь ты поймаешь их, желанием пылая.
С насмешкой улыбнусь я, как фисташка, друг,³ —
Когда узрю персты мне чуждых алчных рук.
Нет, не достать другим перстами померанца:
Они уколются шипами померанца.
И, фишиков ища, желание свое
Не утолит никто: уколет острие.
Пусть яблочка мила кому-нибудь хоть долька,
Из воска яблочко получит он — и только.
Когда потонет свет, когда всплывет луна,
Плодами только ты насытишься сполна...»

Законил Некиса свою газель, и следом
Заплакала сета, подъятая Барбедом.
В лад «раст» порой вводя прекрасный лад «ушшак»,
Барбед пропел газель; она звучала так:
«О светоч красоты! Рок на твою дорожку
Мне бросил козлика приманчивую пожку!
И пусть барашек я, а страсть моя — мясник,
На клич к твоим дверям, как пес, примчусь я вмиг.
Вот сердце. Похищай! Ведь мне его не надо.
Жить, сердце потеряв, его отдав, — отрада.
Как телу тягостен больного сердца груз!
Воровки сердца гнет — всех тягостней обуз.
Нам страждущий слуга не нужен для услуги,
К чему и сердце нам, когда оно в пелуге?
Мнил сердце я отвлечь от всех его забот, —
Ведь дела нашего был неудачен ход.
Но в сердце силы нет иным заняться делом,
Нет силы не лететь к единственному пределам.
Я не своей душой, а той, чей свет над ней,
Клянусь: моя душа кипит среди огней!
Клянусь твоим зрачком, стреляющим в газелей,
Твоей газелью пьян, как от пьянящих зелий!
Я жду в отчаянии огня твоих очей.
Я мрачен, словно прах без солнечных лучей.
С тобою разлучен, я весь охвачен горем.
Я — рыба бедная, расставшаяся с морем.
Не хочешь ты луну из облака извлечь!
Ждет голову мою венец острый меч?
В краю твоей красы твою царит весть.
Дай нежности приказ оставить промелькенье.
Вобрав тебя в свой взор в дыму давнишних дней,
Лобзаю по ночам следы твоих ступней.
Развесели **меня** огнем любовной песни.
Уже **умершему** промовляй ты: «Воскреси!»

Лобзаньем оживи того, кто тьмой объят,
 Влей дух в бездушного, явив свой аромат.
 Как благодатно мне твоим упиться ликом!
 И голос твой впитать в волнении великом!
 Зачем от глаз моих ты скрытан, о алмаз,
 Как ток живой воды от недостойных глаз?
 Творец, что ниспослал и воду нам и сушу,
 И телом нас облек, и нашу создал душу,
 И я — клянусь тобой — все в силах превозмочь, —
 Мне день благой пошлет, мою прогонит ночь».
 И, услышав слова искусного Барбеда,
 Шири подумала: «Трудна моя победа»
 И, извлекая песнь из горестной груди,
 Чапигисту молвила: «Все чангом победи.
 Спой так, чтоб нам вконец обворожить Хосрова,
 Чтоб сбился он с пути, чтоб он не спорил снова».

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

И чангу Некиса, — «Вновь колдовство яви», —
 Промолвил, и запел он в ладе «рахави»:
 «Не медля, развяжи препятствий нужный узел.
 Наш не просторен путь. Зачем его ты сузил?
 Ты с другом помирись — в душе у друга гнет.
 Вчерашний умер день — сегодняшний умрет.
 На дружба, ни престол, — верь истине не новой, —
 Не обладают, царь, неизблемой основой.
 За этот хрупкий мир, за три крупинки дней
 Зачем ты держишься? Что жизнь! Забудь о ней.
 Лет жизни пятьдесят или шестьдесят — минуты.
 Зачем за сотней пут ты вновь сплетаешь пути?
 В день нынешний, о друг, раскупори вино.
 Под спудом все, что нам назавтра суждено.

В день завтрашний, о друг, не устремляя очи,
 Давай поладим-ка с тобой сегодня к ночи.
 Нет, не чуждается вселенная забав!
 Коль веришь в этот мир, ты, милый мой, неправ.
 Весной вкушай весну, ее предайся узам, —
 Не круглый год, о друг, мы темимся Новрузом.
 И розы ты вдыхай весенний аромат, —
 Порывы осени ее сомнут, умчат.
 Для розовой воды дать лепестки ей сладко,
 А то смешаются с землею без остатка.
 Там, где и золото не ценится, как сметь
 Мне думать о себе, — ведь я лишь только медь!
 Ты свет — я светлячок, и нет во мне отваги
 С прибоем сравнить одну пригоршню влаги.
 Твой рынок оживлен обильной красотой.
 На мой базар приходи — в моих делах застой.
 Товар мой не бракуй. Угодно будет небу —
 И тароватому он будет на потребу.
 Глазурной чаши чти нетреснувшую синь,
 Но вновь скрепленную ты также не отринь.
 Хоть золото мы чтим в его обилии весом, —
 Не дай рассыпаться и золотым обрезкам.
 Мне в ухо вдел кольцо, меня забрал в свой край, —
 Коль ты купил меня — не перепродавай.
 Стремится жизнь моя к единственной отчизне —
 К твоей любви. Уйдешь, — и мне не надо жизни!
 Жду, напрягая слух, я зова твоего;
 Ждать стану большего — не станет и его.
 В томленье по тебе мое изныло тело,
 Одна пила вино, одна я опьянела.
 Я словно тень твою, — легла она у ног;
 Книжалом разделить никто бы нас не смог.
 Останусь я с тобой, пока не обезглавят.
 Пусть окровавят! Пусть! Уста тебя лишь славят.
 Коль одиночества избегу я угроз,
 Я сделаю шипы пучками алых роз.
 Создатель! Песнею направь мой путь к победам,

Дай сладкий мне удел, дай отрешенье — бедам!
 И душу сладкая разодрала тоска,
 И разодрал Хосров одежду своих шелка.
 И восклицает он, и встал он пред Барбедом:
 «Пусть твой сладчайший стих — Сладчайшей станет
 ведам!»

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ ХОСРОВОМ

Пыланье Некисй застало взор царя.
 И вновь запел Барбед, сей пламенный смиря!
 Чрезмерность пламени он погашает ладом.
 Лад «зирефкен» он взял, — усладу взем усладам.
 Под звон сеты он спел газель такой красы,
 Что знал в отчаянье чанг звучный Некисй.
 «Прости меня, кумир! Смотри, с какой польбою
 О снисхождении — склонен я пред тобою.
 За чашу каждую меня объежит стыд,
 За каждый час измен я горьким горем сыт!
 Каламом зачеркни вину мою! Объятый
 Тоской, — не спал ночей, и ночи — мой ходатай.
 Виредь у твоих дверей не подниму чела.
 Верь, голова моя у ног твоих легла.
 Когда согласна ты владеть душою пленной,
 То я готов служить тебе душой нетленной.
 Играй со мной, играй, — я всю твою игру
 Готов переносить, куда не умру.
 Я полюбил тебя, и мой удел — печали.
 А у любимых нет, нет вовсе дел печали.
 В ладу ль нам быть с тобой иль нам не быть
 в ладу, —
 В томлении по тебе отраду я найду.
 И если стану я блуждать уныло, сиром, —

Ты пребывай одна для всей услады мира.
 И колы погаснет жизнь в болейшей моей крови, —
 То ты, Прекрасная, блаженствуя, живи.
 И хоть отрада мне и не дана Прекрасной,
 Пусть будет жизнь твоя, как бы весна, —
 прекрасной.
 Ты вечно пребывай. А что мне суждено:
 Исчезнуть или нет — не все ли мне равно!
 «Несчастный!» — скажут мне, склоняя взор участия.
 Отвечу: «Счастлив я — она в сиянии счастья».
 Пусть ветры кружатся, мои развеяв дни, —
 Пусть дни твои цветут, пусть все цветут они!
 Так жарко пел Барбед... Нежней и полновесней
 Еще не пел напев... Все смолкло с этой песней.
 И жар спалил Ширин... В сознании — полутьма...
 Осилит страстный жар пыланье ума.
 Так вскрикнула Ширин в своем шатре укроном.
 Что царь ответил ей таким же вскриком томным.
 Он услышал Ширин. В грудь получив стрелу,
 Стрелу ответную бросает он во мглу!
 И, воспринявши лад играющей Прекрасной,
 Царь громко вторит ей своею песней страстной,
 Как тот, кто говорит вершинам гулких гор
 И ждет ответных слов, к ним поднимая взор.
 Там песнь поет Луна, — тут, то склоняясь к праху,
 То вскинув голову, влюбленный рвет рубаху.
 Когда поднялся стон от пламени любви,
 То струны молвили: «Нас больше не зови».
 «Шапур! — сказал Хосров, — Ширин чудесней
 чуда.

Немедля повели, чтоб все ушли отсюда».
 Вняв голосу Ширин, весь мир забыть готов,
 К ее шатру, горя, бросается Хосров.
 Но подоспел Шапур, сказал спокойноликий,
 Взяв за руку царя: «Останься, о великий!»
 И хоть в пылу забыл Хосров земной предел, —

Подмогу увидав, остановился, сел.
И молвил: «Разъясни, какую властной тайной
Чарует этот зов, — такой необычайный?»

ВЫХОД ШИРИН ИЗ ШАТРА

Едва решил Шапур царю сказать ответ, —
Глядит: на божий свет иной пролился свет.
То вышла из шатра, завес качнувши складки,
Пери; так из-за туч выходит месяц сладкий.
Как путник, чья душа вином любви пьяна,
Легла к ногам царя прекрасная Луна.
Когда любимую увидел он рабою, —
Свой лоб у ног своих увидел пред собою!
И он склонился к ней: «О сладостный венок!
Венок на голове быть должен, — не у ног!»
За знаки нежности, участия и почета
Прекрасный одарял Прекрасную без счета.
Облобызавши прах у ног ее, — мечтам
Дает он вознестись к возлюбленным устам.
От пламени, каким был царь Хосров охвачен,
Внезапно лик Ширин потуплен стал и мрачен.
И подвинулся царь: «Почто прекрасный лик,
Как роза просиял, и вот опять поник?»
«Луна заволоклась, — Хосров слышал шепот
Шапура, — и в Луне ты можешь вызвать ропот:
Ведь та, что все сердца ввергает в страсть, сама
Честь имени блюдет, хоть сводит всех с ума.
Она отводит лик, страшась, что, властный, скоро
Украسيшь этот лик ты мушкою позора!»
Царь понял: не взрастить такого деревца,
Коль не привить к себе. И славою венца
Поклялся он Ширин: без свадебного вѣна
Он не приступит к ней, он весь в оковах плена.

И он сберѣт вельмож со всех концов земли,
Чтоб выкуп царственный увидеть все могли.
«Но это впереди. Теперь же лейтесь, вина!
Уж этой ночи, друг, промчалась половина.
С тобою радостно пребудем в тьме ночной,
Друг в друге видя мир небесный и земной».
Обеты услышав, Луна полна улады.
И между уст блещут жемчужные Плеяды.
Подвижные уста — как жемчуга ловцы,
И пляшут локонов душистые концы,
Ее запястий звон, серег ее бренчанье...
Баюкало певцов их сладкое звучанье.
В ее уста проник один глоток вина —
И виночерпия душа опьянена.
Чего бы тут, скажи, для счастья не хватило?
Был Месяц — музыкант, лило вино — Светило.
Так сердце царское отрадою пьяно,
Что больших радостей не требует оно.
Рассудок, в радости достигнувший предела,
Стремясь к плодам иным, земное бросил тело?
И нежный аромат и ненаглядный лик, —
Тут радости предел пред т м бы не возник!
Так было радостно, что, путая природу,
Вода вошла в огонь, огонь проникнул в воду.
Когда влечение свой обретет зенит,
В железе нету сил: влечение — магнит.
Но, помня договор и все слова обета,
Они сдержали страсть. Крепки права обета!
Сжал сердце Сладостной в ладони царь Хосров.
Его душа — цветок, порвавший свой покров.
То к мускусным кудрям протягивал он руку
И, в тьму одев Луну, с ней познавал разлуку!
То, сняв с ее кудрей серебряный покров,
Как раб, сеть жемчугов ей поправлял Хосров.
То мрак ее косы он обращал в свой пояс,
То ртом склонялся к рту, в сластях рубиновых роясь,
То трогал он перстом любимых уст огонь.

То подбородок брал, как яблочко в ладонь,
 То похищал Хосров с руки ее запястья,
 Сам в руки взяв ее, как бы в тиски, запястья,
 То брал с ее ноги запястья, их кристалл⁵
 На шее у него, довольного, блистал,
 То прижимался к ней, шептал: «Моя лампада!
 Свой сумрак осветить душа душою рада».
 То говорил Ширин: «Я — тело, ты — душа.
 Ты канула во мне, дышу — тобой дыша».
 Душа его, что вся лежала в путах милой,
 Ублажена была в благих минутах милой.
 Лобзаний звук... Иль слух пьет сладких влаг струю?
 Забыли небеса про кеманчу свою⁶.
 ... Страх вновь раскинул гром ночного барабана,
 Ширин — чиста, а царь молил все так же рьяно.
 И в негах провели они недельный срок.
 Ширин была нежна, царь — помнил свой зарок,
 Развертывались дни, как сладостная кннга,
 И не было у них безрадостного мига.
 Лобзаний череда... Еще... еще... точь-в-точь,
 Как в нард два игрока. Так проходила ночь.
 И на седьмую ночь, когда не стало слада
 Со страстным пламенем, Хосров промолвил: «Надо,
 Чтоб осветила путь прекрасная Луна,
 Чтоб в лунный свой предел направилась она?
 Бессчетности светил ее подобна свита.
 Число всех войск ее лишь богом не забыто.
 Пусть в замке ждет вельмож, пусть остается там,
 Пока ей паланкин не подадут к вратам».
 И как луна вершит на небе путь свой, — снова
 К своим вратам Ширин вернулась от Хосрова.
 Вновь в камне замерла серебристых звезд игра.
 Вновь в мире лунного не стало серебра.
 Ветрилом золотым полнеба заблестало,
 И в небе кораблей серебряных не стало.
 И царские шатры сверкнули. Поскорей
 В своей столице быть желает царь царей.

Веселый лик царя увидела столица.
 И вновь он пьет вино и снова веселится.
 С лицом ликующим великий царь царей
 Венцы раздирал движением бровей.
 Имевший прибыль — щедр. Как и людское племя,
 Земля полна щедрот, лишь восприявши семя.
 Ведь туча влагою без моря не полна.
 Без туч была б не так насыщена волна.
 Ведь подать с бедняков взимается нестрога,
 И за развалины не требуют налога.
 Под вечер царь велел, чтоб каждый звездочет,
 Взглянув на путь светил, прочел, как он течет.
 Чтоб светлым разумом на темных сводах ночи
 Нашел бы добрый день меж звездных узорок⁷.
 Чтоб в этот добрый день мог паланкин Луны
 Достигнуть солнечной предельной вышины⁸.
 И звездочетам высь пути свои раскрыла,
 И свадебного дня нашли они светила.

ПРИЕЗД ШИРИН ДЛЯ ВЕНЧАНИЯ В МЕДАИН

Когда невеста дня на бирюзовый трон
 Взошла и нежный лик был светом озарен¹.
 День молвил: «В радости тебе навстречу выйду».
 И мрака разорвал дрявяую хламиду.
 Такие вынул царь камня из ларца,
 Что солнце в зависти не подняло лица.
 И было: тысяча верблюдов, и браслеты
 Им были на ноги брэнчашие надеты,
 И тысяча коней, от гривы до хвоста
 Горела в яхонтах их шерсти чернота,
 И мулов тысяча со звездным, с черным взглядом;
 Хромым казался день, бежавший с ними рядом,

Красавиц тысячи, — кумирни их принот;
 Одним лишь идолам сей облик придают,
 И тысячи других жемчугоносных; уши
 Их были в кольцах, все ж их радовались души.
 Затем несли ларцы. В них не один харвар.
 Все с крупным жемчугом. Все луноликой в дар.
 Тюки ковровые... Но, право, я б охотней
 Их не считал: текли за сотней — новой сотней.
 В них было золото, китайская парча, —
 Кто в мире шествовал, подобную влача?
 И паланкинов ряд; их десять, все — павлины,
 В чьих перьях сто цветов, чьи многоцветны спины.
 Но паланкин один назначен только той —
 Благой Луне. Он весь — блестящий, золотой.
 Взвив пыль, вели колей; мерцали в мутном прахе
 И коймы черпаков и золотые бляхи.
 Был копыями простор окрестный загражден,
 А воздух полонен был волнами знамен.
 Вслед за носилками тянулись паланкины.
 В них жены, чьи уста — манящие рубины.
 Горстями сладости бросая по пути,
 Шли схожие с перй — здесь Сладкую нести.
 О пышность щедрая! Все было по обрядам.
 Да будет царь Хосров дурным не тронут взглядом!
 И шли красавицы меж взгорий и долин.
 И встретили они прекрасную Ширин.
 И на невесту здесь лететь должны орешки,
 Но были жемчугом заменены орешки²
 И мускус вместо роз вокруг осыпал прах,
 Он был в мешочках скрыт; мешочки — в жемчугах.
 Сокровищ блещущих разбрасываяклады,
 Так довели Ширин до городской ограды, —
 И этой россыпью, что разметал Хосров,
 Тугой подол земли был полон до краев.
 Шла, как весна, Ширин, всех предавая чарам,
 И каждый шаг ее встречался новым даром.
 Дирхемы сыпал царь, повсюду их стеля, —

Была под серебром, как в чешуе, земля.
 И вот вошла Ширин, к венчанию готова,
 Как Солнце в знак Тельца, — в пристанище
 Хосрова.

Мобедов царь позвал. Все ведают они
 Обряды царские в торжественные дни.
 Им царь поведал все; его услышав слово,
 Душа внимающих служить Ширин готова.
 «Ширин супругою и другом стала мне, —
 Нет вѣна для нее достойного в стране.
 Она чиста, хоть я пылал в безмерной страсти.
 Она сыскала путь все отстранить напасти.
 Я должное свершу, пред ней покорно пав,
 И, ею возгордясь, я тоже буду прав.
 Чтоб слаще пить вино, ты будь при этом с розой
 Двум птахам и гроза не кажется угрозой,
 И если у вола нет пары под ярмом,
 К чему послужит плуг? Подумай-ка о том».
 И все внимавшие челом коснулись праха,
 И все одобрили решение шаханшаха.
 Взяв за руку Ширин, сказал мобеду царь:
 «Садись». И все слова, что полагалось встарь
 Сказать, сказал мобед по правилам устава, —
 И вѣно за Ширин назначил величаво.
 И в жены взяв Ширин с обрядностью такой,
 Царь в занавешенный послал ее покой.

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИН

Всем розам небеса, сперва сказав: «Пробудим
 Вас в день весны», — потом их предлагают людям.
 Великий рок, венцу жемчужины даря,
 Венец в жемчужинах наденет на царя.
 Пловцы ныряют вглубь на поиски жемчужин, —

Чтоб стал жемчужин блеск с венцом царевым
 Став слаще, чем джуляб, прекрасней, чем перй,
 Ширин, позвав царя, промолвила: «Бери,
 Пей сладкий кубок мой, пребудь в истоме сладкой.
 Ты сладостно забудь все в мире, кроме Сладкой». В словах, являющих величие и честь,
 Ширин потайную царю послала весть:
 «Не прикасайся ты сегодня ночью к чаше:
 Два опьянения не входят в сердце наше.
 Что яство для людей, чей ум затмит вино?
 Поймет ли — солоно ль, не солоно ль оно?
 Хмельной, найдя все то, к чему стремился страстно,
 Промолвит: «Я был пьян, все бывшее — неясно». И те, что во хмелю откроют свой замок,
 Потом бранят воров, и все им невдомек». По праву эта весть пришлась владыке мира.
 «Исполню, — молвил он, — веление кумира». Но пьют в веселый день!.. Будь сломлена печать!
 Себя на празднике не надо огорчать!
 Пел снова Некиса, бренчал бербет Барбеда, —
 Звенела над Зухре их нежная победа.
 То, полный сладости, пел мелодичный руд:
 «Пусть длятся радости, пусть чаши все берут!»,
 То кубок прозвенит, сверкая пред Барбелом:
 «Всегда удачи свет тебе да будет ведом!»
 И в сладостных мечтах о сладостной Ширин
 Хосров испробовал немало терпких вин.
 И промежутки царь все делает короче
 Меж кубками. И вот проходит четверть ночи.
 Когда же должен был, почтителен и тих,
 К невесте царственной проследовать жених, —
 Его, лежащего без памяти и речи,
 К ней понесли рабы, подняв к себе на плечи.
 И вот глядит Ширин: безвольный, допьяна
 Царь упоен вином. Себя укрыв, она
 Тому, кто, все забыв, лежит, как бы сраженный,

Другую милую отдаст сегодня в жены.
 Она схитрила, что ж, — ты так же поступай
 С тем, кто придет к тебе, упившись через край.
 Из рода матери всегда жила при Сладкой
 Старуха. Словно волк была она повадкой.
 И с чем ее сравнить? О диво! О краса!
 Скажу: как старая была она лиса.
 Два груди старая, как бурдюки, носила.
 И плеч ушла краса, колен исчезла сила.
 Как лук изогнутый, была искривлена
 С шагренью схожая, шершавая спиня.
 Ханзол, несущий смерть! Кто глянул бы не косо
 На щеки, — в волосах два колющих кокоса.
 Ширин, надев наряд на это существо,
 Послала дряхлую к Парвизу для того,
 Чтоб знать, насколько царь повержен в хмель
 могучий,

И сможет ли луну он отличить от тучи.
 Старуха полога раздвинула края, —
 Как будто из норы к царю вползла змея.
 Как сумрак хмурая, — таких не встретишь часто, —
 Была беззубая, но все ж была зубаста.
 Царю, когда к нему вошла сия лиса,
 Уже овчинкою казались небеса.
 Но все ж он мог понять, — он на услуду падкий:
 Не так весенние ступают куropатки.
 Не фенникс близится, — ворону видит он.
 Влез в паланкин Луны чудовищный дракон.
 «В безумстве я иль сплю? — он прошептал
 со стоном, —
 Где ж поклоняются вот таким драконам?
 Вот кислотиная! Горбунья! Что за статы!
 Да как же горькая сумела Сладкой статы?»
 Хосрова голова пошла как будто кругом.
 Решил он: сей каре он сделался супругом.
 ...Старуший слышен крик... Промолвила Луна:
 «Спаси его! И вот к царю идет она.

К лицу прибавив семь искусных украшений¹,
Откинув семь завес, вошла; плавней движений
Не видел мир. Пред ней — ничто и табарзад.
Вся сладость перед ней свой потупляет взгляд.
Она, что кипарис, сладчайший из созданий.
Она — сама луна, закутанная в ткань.
Что солнце перед ней, хотя она луна!
Ста драгоценней стран подобная весна!
Подобной красоты мир не смущали чары.
Все розы в ней одной, в ней сладости — харвары.
Она — цветы весны. О них промолвишь ты:
Одним счастливым, знать, подобные цветы!
Блестящий Муштари пред ней померкнет. Пава
Пред павною Ширин совсем не величава.
Ее уста — любовь. О, как их пурпур густ!
Но все же ее уста еще не знали уст.
Весь Туркестан попал в силок ее дурмана.
Лобзания Ширин ценнее Хузистана.
О розы свежих щек! Состав из роз, взгляни,
Заплакал от стыда; его печальны дни.
Ты, томный взор, нанес сердцам несчетным раны!
О поволока глаз! Ты грабишь караваны!
Ширин! Ведь ты — вино: уносишь ты печаль.
Нет горя там, где ты. Оно уходит вдале.
О сахар сахара, о роза роз! О боже!
Она явилась в мир сама с собою схожей.
И царь протер глаза: они ослеплены.
Так бесноватых жжет сияние луны.
И как безумцы все, смущен он был Лупою,
И хмеля сонного затянут глубиною.
... И пробудился царь. Ночи свершился ход.
Царь видит пред собой нелепый плод.
Невесту светлую ему послало небо, —
Пылающий очаг, назначенный для хлеба.
Ушел небиза хмель за тридцать земель.
Сладчайший поцелуй согнал с Парвиза хмель.
Он словно вин испил необычайных, новых.

И сад расцветших роз был сжат в руках царевых.
Лишь покрывало с уст, как эта ночь, ушло, —
Терпение царя мгновенно прочь ушло.
Краса весь разум наш вмиг обратит в останки.
Манй своим вином отравят китайки.
Ворвался в Хузистан в неистовстве ходжа,
Лобзаний табарзад похитил он, дрожь².
Таких рассветных вин, как эти, — не бывало.
Таких блаженных зорь на свете — не бывало!
И начал он собирать охапки сладких роз,
И сам он розой стал в часы веселых гроз.
И молвил он любви, что миг пришел, что надо
Уже вкушать плоды раскрывшегося сада.
То яблок, то гранат он брал себе к вину³.
То говорил, смеясь: «К жасмину я прильну».
И вот уже слились два розовые стана.
И две души слились, как розы Гиулистана.
Сок розы в чашу пал, о радости моля,
И сахар таять мог в плену у миндаля.
Так сутки протекли, и вот вторые сутки.
Нарцисс с фиалкой спят, и сладок сон их чуткий.
Так два павлина снят в тиши ночных долин...
Понстине красив склонившийся павлин!
Они, покинув сон, прогнав ночные тени,
Послали небесам немало восхвалений.
И, тело жаркое очистивши водой,
Молитвы должные свершили чередой.
Все близкие к тому, кто был на царском троне,
Окраской свадебной окрасили ладони:⁴
В хне руки Сементурк, в хне руки Хумаюн,
В хне руки Хумейлы, и лик их счастья — юн.
Однажды царь сидел в своем покое, взглядом
Окидывая дев, с ним восседавших рядом.
Им драгоценности он роздал. Запылал
В их ожерельях за лалом рдяный лал.
Он отдал Хумаюн Шапуру, — сладким садом
Его он наградил, сладчайшим табарзадом.

Затем дал Хумейлу царь Некисё, а вслед
Красотку Сементурк в дар получил Барбед.
Ну, а Хотан-Хатун премудрую и видом
Прелестную Хосров связал с Бузург-Умидом.
С почестом отдал царь Шапуру всю страну,
В которой некогда жила Михин-Бану.
Когда вступил Шапур в предел своих владений,
В них множество воздвиг прославленных строений,
Та крепость в Дизакне⁵, чья слава немала,
Шапуром, говорят, построена была.
И одаряет вновь всей радостью Хосрова
Благожелательство небесного покровя.
Свершенья, молодость и царство — лучших уз
Вовек не видел мир, чем их тройной союз.
И дня без лютни нет, и ночи нет без кубка...
Все в мирных днях забыть, — нет правльней
поступка.

Лишь радости вкушай, их так приятен вкус, —
И огорчений злых забудешь ты укус.
Он пил, дарил мира, он радовал народы.
И в наслаждения текли за годом годы.
Когда ж прошли года, и духом он прозрел,
То устыдился он всех дерзновенных дел.
И белый волос встал у щек нежданным стражем.
«О молодость, прощай!», — его увидев, скажем.
Быть в мире иль не быть? Граница — волосок.
И волосок — седой. И час твой — недалек.
Для взора смертного все чернотой одето, —
Лишь только до зари, до вспыхнувшего света.
Мы греемся в саду, пока снежинок рой
Не джжет на листву серебристой камфарой.
Постигни молодость! Она — пыланье страсти.
Весь мир, вкушая страсть, в ее весельной власти.
Но севовласый рок возьмет права, и он
Твою изгонит страсть. Таков его закон.
«Как быть? — у старика спросил красавчик
с жаром, —

Ведь милая сбежит, когда я буду старым».
И отвечал старик, уже вкушавший тишь:
«Друг, в старости ты сам от милой убежишь».
Коль ртуть на голове, — она бежит от мира,
Бежит от серебра напрасного кумира.
От мрака доконов печаль умчится вадаль.
Черноволосых взор, — пугает он печалью.
Войска тоски бегут перед тобой, нубиец.
Ведь только радуясь, живет любой нубиец.
Окраска черная глазам на пользу: рьян
И радостен, юнец стремится в Индостан.
Все понял царь и внял он белому жасмину.
Он в юных днях — как я — постиг свою кончину⁶.
Хотя Хосров сдержал любой бы свой обет, —
Но мир обманывал, и царь страшился бед.
То на золотой доске он в нард играл, то бегом
Шебдиза тешился, бывшим отдавшись негам.
То он Барбеда звал, то слушал водомет,
То обнимал Ширин, как бы вкушая мед.
Ширин и царский трон, Барбед и бег Шебдиза, —
Излюбленный предел всех радостей Парвиза.
И вспомнил он, смутясь, все предвешавший сон,
И сад его души был мраком полонен.
Все то, что создали, он знал, земля и воды,
Хоть так прекрасно все, — сотрут, разрушат годы.
До полнолуния растут лучи луны.
Потом — уменьшатся, потом — уж не видны.
Я дереву в саду, в саду плодовом внемлю:
«Созревшие плоды повергну я на землю».

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗНАНИИ

Был светлый день; Ширин про мудрость, про дела
Правления с царем беседу повела:
«О царь! Есть мудрецы, по их направься следу!

О справедливости давай вести беседу.
Стремился долго ты мечты осуществлять,
Ты чаянья свои осуществил опять,
Ты милостиво дал цвести твоим пределам, —
Но их не погуби несправедливым делом.
Страшись! Отшельники молитвословный жар
Вздывают с просьбою о ниспослании кар.
И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за зло твоё в тугие схватит сети.
Без пользы закричишь, горё глаза воздвиг,
Когда тебя сметет их справедливый гнев.
Был древле ряд зеркал в руках владык

взнесенных, —
Зеркал, затмившихся от вздохов угнетенных.
Когда счастливым дням с тобой не по пути,
Удачу не во всем сумеешь ты найти.

Когда листок дерева уже свисает хилый,
В нем с ветром осени бороться нету силы.
Насилий не чини, не угнетай свой край
И подданных своих приветливо ласкай.
Я в страхе: может быть, то повторится снова,
Что некий царь сказал. Его я помню слово:
«Я счастьем был храним, — оно ушло, и вот
Оковы разомкнул озлобленный народ».
Он думал, что народ был обделен вселенной.
Он думал, что владел один лишь он вселенной.
Чванливо думая, что в жизни все течет
Лишь только для него, — утратил он почет.
Другой счастливцев встал, — и царь, всем несший
муку,

С напрасною мольбой протягивает руку.
А если б не извил он сотней жал народ,
Его бы одного всегда желал народ.
Ты знанием овладел и царством целым тоже,
Ты с черным волосом, но ведь и с белым тоже.
Будь к вечности готов, дни хрупки и легки...
Недолог твой привал, — увязывай туюки.

Ты злато с серебром сольешь в единый слиток,
Но судный день сотрет сокровищ преизбыток!
Храни тебя господь, но все же, посмотри,
Что унесли с собой ушедшие цари?
Когда хранишь свой скарб, то он твой враг
и мститель.

Раздашь его, и он — твоих путей хранитель.
Ты летопись прочти: где Дарий, где Джемшид?
Всех солнечный огонь посменно сокрушит!
Напевов девяти внимая всем уладам,
Ты умудрый свой дух их сокровенным ладом».

ВОПРОСЫ ХОСРОВА К БУЗУРГ-УМИДУ И ЕГО ОТВЕТЫ

Когда узнал Хосров, что драгоценный друг
Желал бы, чтоб вошел он в постижений круг, —
Бузург-Умида он к себе призвал, — и снова
Его душа внимать учителю готова.
«Надежда всех людей, Бузург-Умид! Меня
Ты обнадежь, явив свет мудрого огня.
Мне тайну разъясни первичного движения.
Для нас его закон — начало постиженья».

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

«Первоначальный свет, — тот вымолвил, — таим.
Во тьме пред первую завесой мы стоим.
От позже созданных свет скрыт первоначальный.
Первоначальное таит Первоначальный».

КАКОВО НЕБО

Миродержавный царь спросил его опять:
 «Две разновидности желал бы я познать.
 Свод неба разъясни; внутри его — природа,
 Всю тварь создавшая, а что ж — вне небосвода?»¹
 И тонкомыслящий проговорил в ответ:
 «Так высоко взлетать, о царь, не надо, нет!
 То, что вне купола, доступно только богу.
 Ты ж, смертный, позабудь к безвестному дорогу.
 Все то, что в сем шатре, — для смертных рождено.
 Земное! Лишь его нам постигать дано»².
 Об образах всего, что недоступно глазу,
 И мыслить дерзостно не следует ни разу.
 Пусть шепчут мудрецы, свои толкуя сны,
 О всем таинственном, — их доводы темны.
 Свод неба, словно маг: своим волшебным словом
 Для нас все тайное задержал он покровом».

ТЕЛА ЗВЕЗД

Царь молвил: «Оседлав животных неземных,
 Несется звездный строй — поведай мне о них.
 Я каждую звезду считаю миром цельным
 С землею собственной и с воздухом отдельным»³.
 Ответ: «Так мыслили мыслители земли, —
 Но достоверным все ж мы это не сочли.
 Проверены тела и звезды в их просторе, —
 Мудрей тебя итог писем обсерваторий».

НАЧАЛО ЖИЗНИ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

Спросил он: «Для чего возникли мы из тьмы,
 Откуда мы пришли, куда умчимся мы?»
 «От века тайна, царь, все это покрывала, —

И ты предвечного не трогай покрывала.
 От стана первого наш путь уже далек,
 Как мы укажем стан, не ведая дорог?
 Когда покинешь всех, столь обреченных бедам,
 Тебе и твой состав и путь твой будет ведом».

УХОД ИЗ МИРА

«Ты жемчуг, — молвил царь, — ты царств моих
 краса,
 Ты море — и стремишь ты мыслей паруса.
 Скорблю: уснувшие, покинув область бдений,
 Нам не поведали о тайне сновидений».
 И молвил мудрости запечатленной страж:
 «Тот полноценный мир действителен, как наш»⁴.
 Тех звуков не вместить земным твоим бербетам.
 Их несозвучен строй с твоим подлунным светом.
 Чтоб оживить огонь, — его дыханьем тронь,
 Но, в воду погрузив, погасишь ты огонь».

О ВЕЧНОСТИ ДУШИ

Умело заданный вопрос и сложный снова
 Услышал мудрый муж от светлого Хосрова:
 «Коль мир, как нашу плоть, и души взять готов,
 Что ж с нами борется он в тьме тревожных снов?
 И коль от наших тел отъял все души кто-то,
 То где ж они, скажи, ведь им не стало счета?»
 «О царь, — ответил тот, — для глаза есть предел, —
 Нам души не видны вне полновесных тел.
 О душах вне телес оставим размышленья»⁵ —
 Нельзя без циркуля определить движенья.
 Вне циркуля телес душа людей вольна:
 Движенья циркуля небесного она».

О СОЗЕРЦАНИИ ТЕЛ ВО СНЕ

Царь молвил: «Коль душа действительна, и тело
Ее обличьем изменчивым одело, —
То что за облики нам видятся во сне?
Кто сберегает их, кто движет в тишине?»
Сказал Бузург-Умид: «Свидетельств есть немало,
Что помним смертных мы, которых уж не стало.
И так как памятью ты покупаешь сон,
То души канувших к тебе приводит он?».

ВОСПОМИНАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ
О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Царь вымолвил: «Скажи, я, не причастный к жизни,
За гробом вспомню ли о канувшей отчизне?»
Премудро прозвучал наставника ответ:
«О ты, что льешь на мир свой величавый свет,
Ты тот, кто перед тем, как снизойти к народам,
Как светоч проходил высоким небосводом».
Но если спросим мы про лик небесный, ты
Не вспомнишь ни одной благой его черты.
Страшусь, что в некий день, уйдя в иные дали,
Забудешь ты черты сей области печали.
Забывший, как текла над ним бывшая ночь,
Не вспомнит, какова земная злая ночь».

КАКОВЫ ЗЕМЛЯ И ВОЗДУХ

Царь молвил: «Для земли небес коловращенье,
Как и для воздуха, имеет ли значение?»
«Спроси у мудрости, чей вековечен свет.
Что воздух? Что земля? — услышал он ответ, —
Ведь воздух зыблется от вздоха и от взмаха.
Земля, о царь, — земля: она не стоит праха.
Вселенной первый плод была земля. Вземли:
Род человеческий — последний плод земли».

О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ПРИ ПОМОЩИ
РАВНОВЕСИЯ

Царь молвил: «О мудрец, науку врачеванья
Мне разъясни, яви се истолкованья».
«Проникновенный царь, — был отклик мудреца, —
В себя вместивший мир без края и конца!
Наукой этой, царь, одна хранима тайна.
Велением небес нам эта зрима тайна.
На пользу должно нам вкушать любую пищу,
Но меру должную нам следует иметь.
Посту и пиршеству назначена преграда.
Знай равномерность ты, и большего не надо.
Читал я некогда рассказ, не помню чей:
Дошли два спутника до сладостных ключей.
Одни почти не пил: ведь влага глохнет жизни.
Всчасию пил другой: ведь влага множит жизни.
Без соразмерности, всем людям дорогой, —
От жажды умер, тот, от жадности — другой».

КАК ДУША ВЫХОДИТ ИЗ ТЕЛА

Сказал он: «Разъясни, каким путем безвестным
Взлетают души ввысь к пределам бестелесным?»
Ответил тот: «О том, чего не зрел, молчу,
И лишь о слышанном поведать я хочу.
Четыре, слышал я, премудрые мобеда
Сошлись, и потекла их жаркая беседа.
Все спорили о том, как в скорбный час конца
Уносится душа из тела мудреца».

УПОДОБЛЕНИЕ ПЕРВОГО МОБЕДА

Один сказал: «Сей миг не омут ли бездонный,
В котором спящий дух во мрак затянут сонный?»
Все хочет вынырнуть уснувший человек

Из мглы мучительной, но все не вскинет век.
Когда же тяжкий мрак он разомкнет, натужась,
Он вспоминает сон, как вспоминают ужас».

УПОДОБЛЕНИЕ ВТОРОГО МОБЕДА

Второй мобед сказал: «Час смертный — как дворец,
Который до небес наш выстроил творец.
Но падает с него рожденный в темном прахе,
И за зубец стены хватается он в страхе.
Превозмогая боль изнеможенных рук,
Он ждет падения, он ждет безмерных мук.
Хотя вся мощь его пропасть уже готова,
Все ж руки вкруг зубца он напрягает снова.
Но силы больше нет, все близится конец.
И с ним летит во мглу расшатанный зубец».

УПОДОБЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО МОБЕДА

И третий говорит: «Так смерть представить надо:
Пастух в предел волков свое направил стадо.
И волк схватил овцу, и, напрягая дух,
Со зверем борется из-за овцы пастух,
И тянет он овцу, и тянет все без толка,
И тянет волк овцу, и крепки зубы волка.
Волк ловче пастуха, его хитрей, — и вот
Пастух в отчаянии свои одежды рвет».

УПОДОБЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОГО МОБЕДА

Четвертый говорит: «Скажу о часе мрачном,
Я вижу: человек простерт на ложе брачном.
Он к милой льнет жене, но с ней не сладкий сон,
А жар безумия — и с ней в боренье он.
Как позабыть ее? — она его услада».

Как укротить ее? — с безумством нету следа.
Но вот в неистовстве она уж такова,
Что он бежит, как лань от яростного льва».
Вот так плели они снов темных веренища,
Прочтя обрывки слов, не ведая страницы.
И каждый в смертный час был ужасом облит:
Казался им иным окровавленный пат.
Вы сказов множеству про смертный час не верьте,
О люди! Смертный час узнаете при смерти.
И лишь пророков ряд, тот посетивших свет,
На скорбный наш вопрос сумел бы дать ответ.

О НАЗНАЧЕНИИ ПРОРОКА

И царь спросил о том, кто — послан светлым
роком —
Возвышеннейшим стал и славным пророком:
«Кто он, сей человек, что меж арабов чтим?
И, веруя, как встарь, чем связаны мы с ним?
И прозвучал ответ: «Вне облачного крова,
Вне дней и вне ночей его благое слово.
Под куполом небес мир порождает нас.
Вне купола звучит его призывный глас.
Про звезды он молчит, про небо не вещает:
Он ученик того, чья длань их созидает.
Свод девяти небес он перешел, — и я
Молчу о нем: ведь мне безвестны те края.
Восторг арабов, царь, измерь ты верной мерой:
Ведь в вере — истина; шутить не надо с верой».
И вот от пламени правдивых этих слов,
Как мясо над костром, закорчился Хосров.
Но так как верный путь Хосрову был неведом,
Не для него был глас, подъятый Мохаммедом.
Услышала Ширин, что дружески мудрец

Открыл царю царей познания ларец
И, восхвалив его и вознеся высоко,
Сказал: «Наших дней всевидящее око!
Отдав царю весь клад роскошных недр земли,
Мне драгоценности хоть горстку удели.
Ключ, чтоб расторгнуть плен тяжелых уз,
найди мне.
Нам о Калиле ты напомни и о Димне»¹.

СОРОК ПРИТЧ ИЗ «КАЛИЛЫ И ДИМНЫ»
С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ СОРОКА
ТОНКИХ МЫСЛЕЙ

Как роза пышная, расцвел Бузург-Умид,
Что много знания и мудрости хранит.
И начал сорок притч¹ рассказывать, и снова
Он мысли тонкие в свое влагает слово.
Сказал он: «Лишь себя ты бойся — не других.
Шатраба бык в когтях не вражеских затих².
Кинь страсть. Будь без нее — и будешь без изъяна.
Зажатая в тиски, погибла обезьяна³.
Остерегайся, — мир введет тебя в обман.
Лисица, снедь ница, прогрызла барабан⁴.
Ты не горюй, не будь ты скупостью объятим
Звитошей, — он весь век скитался за халатом⁵.
Ты договоры чти, чти дружеский приют,
Иль воздадут тебе, как змеям воздают⁶.
Коварный встретит смерть, всю выпив скорбь
до капли.
Клепнею острой рак сжал горло лживой цапли⁷.
Не лихоимствуй, нет! Ведь лиходея-льва
В колодезь кролик вверг, хоть видим был едва⁸.
Как будто мертвым став, ты избежишь невзгоды.
Ведь рыба, сделав так, в свои вернулась воды⁹.

Волк, ворон и шакал, одну составя власть,
Верблюда бедного послали тигру в пасть¹⁰.
Преодолей врага, с ним в хитрости поспоря, —
Ведь птица Титави перехитрила море¹¹.
Про черепаху сказ, про уток и про жердь:
Раскрыв болтливый рот, порой встречают смерть¹².
Доверчивость отбрось, хоть дух твой к ней
стремится, —

Меж обезьянних лап доверчивая птица¹³.
Чужого не стяжай, ведь даже простеца
Не обмануть: прочти про алчного купца¹⁴.
Путь хитрый хитрецу не открывай ты в ласке, —
Лягушка, мстя змее, сама попалась ласке¹⁵.
Ты хитрости оставь, не слушай хитреца, —
Не съела медушь, гриф не унес юнца¹⁶.
Условным знаком плащ лишь дурни отмечали.
Свой злополучный плащ художник сжег в печали¹⁷.
Составит знающий настой целебных трав.
Невежду отстрани, страшись его отрав¹⁸.
Разумный разорвет суровых дней обузы.
Как умный вяхирь смог сетей расторгнуть узы¹⁹.
Чти верность. Посмотри: мышь перегрызла сеть.
Ей ворон помогал²⁰. Так можно все суметь!
За все, что взял, плати с лихвою и проворно.
Мышь золота дала отшельнику за зерна²¹.
Самоуверенным не будь. Прочти главу,
Где волк убит стрелой: схватил он тетиву²².
Ты жадность подави, она тебя изложет,
С разумным вороном сова дружить не может²³.
И малого врага выслеживай следы:
И заяц смог слонов оставить без воды²⁴.
И жадность и обман — опасная дорожка.
Две твари сожрала, став их судьбою, кошка²⁵.
Страшись! Обманщикам дар живописцев дан
От этих кошек псом покажется баран²⁶.
Приязнь ценнее ссор. Склонилась от испуга,
Забыв свой гнев, жена в объятия супруга²⁷.

Ты цел: твои враги враждуют меж собой.
 Отшельник был спасен: джиги с вором вышли в бой²⁸.
 Не застилаи свой взор мечтаний пеленою.
 Доверчивый столляр обманут был женою²⁹.
 К злодею не стремись, коль сам ты не злодей.
 Мышь стала девушкой, но мышь ей всех мидей³⁰.
 Стремись в обратный путь, мирские броси страхи.
 Ведь обезьяна так спаслась от черепахи³¹.
 Бесвечным ты не будь в земном своем пути.
 Ослу от злой лисы спасенья не найти³².
 Неведомый доход считать нельзя доходом.
 Мечтающий бедняк разбил кувшинчик с медом³³.
 Тому неверному не следуй, чья рука
 Убила кроткого и верного зверька³⁴.
 Казнить не торопись, внимай мольбам с уступкой.
 Убийца-голубок заплакал над голубкой³⁵.
 Ты с осторожностью беги земной страды.
 Мышь с осмотрительностью вышла из беды³⁶.
 Ты в выси возлети из темного удела,
 Как птица Кубарре за облако взлетела³⁷.
 Являя истину, избежешь ты меча,
 Лев зверя честного не тронул сгоряча³⁸.
 Не устрашась врага, свершай добро, читая:
 Того, кто спас змею, змея спасает злая³⁹.
 Судьба берет в расчет людей различный сан.
 Сын царский, сын кушца, — удел им разный дан⁴⁰.
 Не заострай когтей: смерть воздаст сторицей.
 Убили львят, смеясь над их вскормившей львицей⁴¹.
 И мастер слов явить сей дивный клад был рад.
 Стал дух царя ларцом, хранящим этот клад.
 И вот под веяньем возвышенного слова
 От дел неправедных прочь повлекло Хосрова.
 И справедливости, что некогда спала,
 Основа крепкая заложена была.

МУДРОСТЬ И НАСТАВЛЕНИЯ НИЗАМИ

О сердце мудрости, зажги свечу познания
 И поклонись огню — началу мироздания.
 Ты просвети свой дух моей души огнем:
 Мой дух — в душе огня, я — пребываю в нем.
 Хотя я и немощен, в михрабе мира кроюсь,
 Но сотню мудрецов я все ж заткну за пояс.
 Есть у меня слова всей мудрости земной, —
 Я открываю их склоненным предо мной.
 Постигнут мной весь круг крутящейся вселенной,
 Вся сущность бытия, все тайны жизни тленной.
 Все начертанье звезд, всю мысль небесных книг
 Я астралабней премудрости достиг.
 Меня о тайнах звезд кто спрашивал напрасно?
 Всем разъяснял я все, все становилось ясно.
 Взгляни на небосвод, он предо мной возник —
 Сей полный звездами, сей вековой цветник.
 Познанием цветника я наполняю души,
 Я разъясняю всем, — всем, кто имеет уши,
 Первоначальное движение точки той,
 Что стала не одной впоследствии чертой.
 Когда с чертой черта соединилась — ведом
 Мне их предвечный путь, — возникла плоскость
 следом.

Прошли три линии вокруг центра — я ли неправ?
 И плоскость расцвела, объемным телом став.
 Черта — и плоскость вслед; затем тела вставляли:
 Три измерения тела образовали.
 Весь мир я разъяснил в его устройстве: он
 С начала до конца размерно сотворен.
 Так мысль моя умам сей путь предназначала,
 Чтоб был постигнут мир и все его начала.
 Предела в мире нет лишь только для творца,
 Нет бытию творца начала и конца.
 Познай творца. Поверь: в огне такого знания
 Прозрачней кажется завеса мироздания.

Самопознания путь: создателя любя,
В стремлении к нему познаешь сам себя.
Так близко зеркало, а небосвод далеко.
Забудь о нем, впредь лишь в отраженьи око.
Подсвечник — небосвод, а ты свеча, ты свет.
Но мира два в тебе. Послушай мой совет:
Скрой тайны, Низами. Сейчас твое призвание —
Вести по-прежнему свое повествованье.

ОПИСАНИЕ ШИРУЙЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

Хосров премудрости достигнул высоты,
И наглухо забил он лавку суеты!
Был у Хосрова сын от Мариама. С пеленок,
Дыша, он дурно пах. Казалось — это львенок?
Он звался Шируйе. Знал я и ведал свет,
Что он, когда ему лишь девять было лет,
Промолвил про Ширин во дни отцовской свадьбы.
«Ширин под пару мне! Вот мне кого поймать бы!»
О вере ли его поведать, о любви,
Про знанье иль про злость, горящую в крови?
Весь наполнял дворец он мрачным дымным смрадом.
И на него Хосров взирал суровым взглядом.
И так сказал Хосров: «Мудрец Бузург-Умид!
От сына этого душа моя скорбит.
Он отвратителен, а в некие минуты
И страшен. От него в грядущем жду я смуты.
Злокознен он, как волк, что рыщет, что не сыт:
Он и для матери опасности таит.
Хорошего не ждать от тех, кто полон скверны.
Все в пепел обратит огонь такой неверный.
Кого бы речью он сумел к себе привлечь?
Ему лишь самому его приятна речь.

Нет фарра, сана в нем. В нем только смрад пожара.
Он на фарсанг бежит от сана и от фарра.
Он дым, всклумившийся из моего огня.
И, мною порожден, бежит он от меня.
Я голову в венец вознес над целым светом,
Но, коль наследник он, — какая польза в этом?
Не любит он Ширин, сестер не любит он.
И, глядя на меня, он злобой омрачен.
Что красота ему! Он, что осел: закрыто
Ослу прекрасное. Ему милей корыто³.
Змееныш мной рожден, так, стало быть, и я —
Наверно, думает мой «славный» сын — змея.
Чтоб сделаться плодом, цветок возник не каждый.
И сладость сахара сокрыл тростник не каждый.
В былом отцеубийц немало я найду.
Железо — из руды и все же бьет руду.
И множество чужих с врожденным чувством чести
Нам ближе, чем родня, исполненная лести». —
«О прозорливый шах! — сказал Бузург-Умид. —
Твой ум — познать и свет и тьму тебя стремится.
Пускай твоя душа в нем злое примечала,
Но сущности твоей в нем кроются начала,
Ты с сыном не враждуй, на нем твоя печать.
От кровной связи кровь не надо отлучать.
Никто не станет, шах, бить дерево граната, —
В венец своих плодов горит оно богато.
А тута деревцо и треплют и трясут, —
Ведь головою вниз детей повесил тут.
Ты благ — и сын твой благ. Ведь слепок самый
точный
Сажаемый чеснок — и взросший плод чесночный.
Когда кроют парчу, владыка, то к чему
Обрезки отвергать? Берут их на кайму.
Пускай строптив твой сын, забудь свои невзгоды.
Строптивость не страшна — ее смиряют годы.
Он юн. Но буйных дней промчится череда, —
От буйства в старости не станет и следа».

ХОСРОВ УЕДИНЯЕТСЯ В ХРАМ ОГНЯ.
ШИРУИЕ ЗАКЛЮЧАЕТ ЕГО В ТЕМНИЦУ

Решает царь Хосров, уже усталый телом,
Что должен храм огня быть царственным
 пределом,
Что суеты мирской забыть он должен след
И лишь огню служить, как праведный мобед.
И в храм ушел Хосров, земному чуждый долу.
И прыгнул Шируйе, как лев, к его престолу.
Ликует львенок, пьет, — сильна его рука,
Но все ж за шахом он следит исподтишка.
И вот, отвергнушему житейские обузы
Он мрак темничный дал, дал не свободу — узы.
Он злобствовал; блестел зубов его оскал.
И лишь одну Ширин к царю он допускал.
Но говорил Хосров: «Я пью живую воду:
С Ширин и в сотнях уз я чувствую свободу!»
И молвил царь Луне, ему подавшей пить:
«Ты не грусти, Ширин, так может с каждым быть,
Но грянувших ветров нежданные оравы
Терзают кипарис, им незаметны травы.
Стрела, возжаждавши желанного достичь,
Всегда охотится на избранную дичь.
Землетрясение раскалывает горы, —
Возвышенным страшны созвездий приговоры.
Пусть счастья больше нет, твое участие — есть.
Но если ты со мной, то значит счастье — есть»,
И сладкоустая чело к нему склоняла,
И от чела его печали отгоняла:
«Текут дни радости, дни плача — чередой,
За неудачей удача — чередой.
Коль рок смешает все в неистовстве упорном,
Погибнет тот, кто все увидит в свете черном.
Ты цепи мыслей злых из разума гони, —
С цепями на ногах свои проводишь дни.

Чтоб рок свой победить, в тебе не хватит силы, —
Но многие спаслись и на краю могилы.
Не всех здоровых, верь, минует страшный жар.
Не каждый жар больных — погребельный пожар.
Порою думаешь: замок ты видишь сложный, —
Глядь, это не замок, ты видишь ключ надежный.
Очисти премудрый дух, забудь свою тоску.
Ведь к горю горе льнет, как влага льнет к песку.
Кто трон твой захватил? Ведь это лишь

Муканна, —

Он сотворит луну для вящего обмана!
Но с этакой луной мир все же будет мглист:
Его не озарит железа круглый лист.²
В стране, где черный дух во все проникнул тьмою,
Снежинки черными покажутся зимою.
Бесчинствам не дивись, будь стойким до конца, —
Встречай насмешкою деяния глупца.
Бесстыдны наши дни, им в совести — нет нужды.
Чуждайся этих дней, они величю чужды.
К кому по совести относится наш свет?
К тому, кто не рожден и в ком уж жизни нет.
Кто на века войдет в непрочную обитель?
Так не грусти, что в ней и ты не вечный житель.
Когда бы мир забыл про смену дней, про тлен, —
То не было бы, верь, и в царствах перемен.
Хосрову небеса, крутясь все снова, снова,
Трон царский отдали, забыв про Кей-Хосрова,
И розовый цветок, украсивший цветник,
Блеснул слезой росы, но тотчас же поник.
Утративши блага, что ценит наше племя,
Вздохни и вымолви: «С меня свалилось бремя».
Пусть ценится людьми все, что имеешь ты, —
Пускай твой скерб возмут, но уцелеешь ты!
Влекомый к радости, ты с лютней схож. Невольно
Вскричишь: когда колки подкручивают — больно.
Как сладко не иметь заботы никакой!
Из всех мирских усад всех сладостней покой.

Дремли, коль у тебя вода с краюхой хлеба.
Беспечность — вот страна под ясным светом неба.
Ты голову держи поднятою всегда.
О ней заботиться — тяжелая беда!
Пусть в крепких узах ты, пусть ты в кругу ограды,
Ведь крепко берегут сокровища иклады.
Ты не считай, что ты низвергнут с высоты.
Два мира — два твоих везира. Ты есть ты.
Ты — сердце мира, царь! Для плеч твоих —
порфира.

И снова ты в игре свой вырвешь мяч у мира³.
Ты избран меж людьми! Творец, тебя любя,
Весь мир сверкающий раскинул для тебя.
Будь радостен! Забудь тоску земного дола!
Что этот плен венца! Что этот тлен престола!
Для царства сделай ты, печали отстраня,
Престолом — целый мир, венцом — светило дня.
И царь внимал Ширин. И каждое реченье
Одушевляло дней поспешное течение.
И, чтобы скорбь царя утешить, превозмочь, —
Не раз Ширин с царем всю коротала ночь.

ШИРИНЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

Полуночь, скрыв луну, как будто гуль двурогий¹,
Сбивает небеса с назначенной дороги.
Бессильны времена, хоть мощь у них и есть.
И слепы небеса, хоть звездных глаз не счесть.
Ширин столы царя в цепях червонных, пени
Сдержав, взяла к себе на белые колени.
И сладостный кумир с цепями черных кос
На золотую цепь ронял алмазы слез.
Прекрасная стопы, натертые до крови,
Ласкала и, склоняясь, к ним прижимала брови.

Журчала речь ее, как струй чуть слышных звон:
Под звуки нежных слов нисходит сладкий сон.
И в слух царя лила, лила она усладу.
Слова царя в ответ к ее склонялись ладу.
Когда уснул Хосров, когда умолкнул он,
Передался Ширин его спокойный сон.
Спит нежная чета, а звездные узоры²
Свои бесстыдные на них бросают взоры.
Хотела крикнуть ночь: «Злодейство у ворот!»,
Но мгла гвоздями звезд ее забила рот.
И бес сквозь роузан, взор устремивши кинзу,
Уже спускается к Сладчайшей и к Парвизу.
Он беспощадностью похож на мясника.
Рот — пламень, а усы — два черные клинка.
Как вор, укрытый клад, глядя сурово, ищет, —
Так ложе царское, так он Хосрова ищет.
Нашел... и пересек он тяжестью меча
Хосрова печень... Так! Погашена свеча!
И крови под мечом взметнулся ток летучий.
Как пурпур молнии бросается из тучи.
И, разлучив чету, сей бес, удачей пьян,
Как сумрачный орел, взметнулся в роузан.
И царь, в блаженном сне погубленный навеки,
Все ж приоткрыл уста и чуть приподнял веки.
Весь кровью он залит... Глядит он, чуть дыша,
Смертельной жаждою горит его душа.
Подумал царь: «Ширин — жемчужину
жемчужин —

Я пробужу, скажу: глоток воды мне нужен».
Но тут же вспомнил тот, чей взор покрыла мгла,
Что множество ночей царица не спала.
«Когда она поймет к какой пришел я грань, —
Ей будет не до сна среди ее степеней.
Нет, пусть молчат уста, пусть дышит тишина,
Пусть тихо я умру, пусть тихо спит она».
Так умер царь Хосров, ничем не потревожа
Ширин, уснувшую у горестного ложа.

ПРИТЧА

Вот видишь ты цветник в благом сиянии дня,
Под солнцем дышит он, прохожего мая.
И вдруг угрюмый гром обрушен бурной тучей,
И кровь струит рейхан под молнией летучей.
Опустошился сад, проснулся садовод.
Все розы поломал поток бурлящих вод!
Заплачет садовод и литься станут слезы:
Течь розовой воде, когда не стало розы.

ПРОБУЖДЕНИЕ ШИРИН

Кровавый ток лился, все расширялся он...
Нарциссы глаз Ширин свой позабыли сон.
Порой, в былых ночах, о горестях не зная,
Она бросала сон при сладких звуках ная.
А ныне — не гляди, иль сердце заболит!
Кровь жаркая царя проснуться ей велит.
Как птица, вскинулась от хлынувшего света.
Ее ужасный сон ей предвещал все это.
И сорвана Ширин с Хосрова пелена, —
И видит кровь она, и вскрикнула она.
Увидела не сал, не светлое созданье:
Встречает взор ее разрушенное зданье.
Престол, что без венца, ее увидел взор,
Светильник брошенный: все масло выкрал вор.
Разграблена казна, ларец лежит разъятый,
Войска ушли. Где вождь? Сокрылся их вожатый!
И мраком слов своих Ширин чернила ночь
И плакала; затем пошла неспешно прочь.
И с розовой водой вернулась к изголовью,
Чтобы омыть царя, обрызганного кровью.
Льет амбру с мускусом, — и крови больше нет.
И тело царское сверкает, словно свет.

И тот последний шир, что делают для властных,
Устроила Ширин движеньем рук прекрасных.
И, ароматами овеявши царя,
На нем простерла ткань алее, чем заря.
Усопшего царя как будто теша взоры,
Надела и сама роскошные уборы.

ШИРУЙЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ШИРИН

Для сердца Шируйе Ширин была нужна,
И тайну важную да ведаст она.
И молвил ей гонец, его наказу вторя:
«С неделю ты влачи гнет выпавшего горя.
Недельный срок пройдет — покинув мрак и тишь,
Ты двухнедельною луной мне заблестишь.
Луна! В твоей руке над миром будет сила.
Все дам, о чем бы ты меня ни попросила.
Тебя, сокровище, одену я в лучи,
От всех сокровищниц вручу тебе ключи».
Ширин, услышав речь, звучащую так смело,
Вся стала, словно нож, вся, как вино, вскипела.
И молвила гонцу, потупясь: «Выждем срок!»
Так лжи удачливой раскинулся силос.
И скоро Шируйе такой внимает вести:
«Когда желаешь ты царить со мною вместе,
Ты соверши все то, что я тебе скажу.
Я благосклонностью твоею дорожу.
Уже немало дней я чувствую всей кровью,
Что я полна к тебе растушею любовью.
И если в дружбе я, как ведаешь, крепка, —
Все для меня свершить должна твоя рука.
В своих желаниях я так необычайна, —
Но есть в них, Шируйе, мне сладостная тайна.

В тот час, когда с тобой соединимся мы,
 Я все тебе скажу среди полночной тьмы.
 Прошу: ты пышный свод дворцового айвана
 Снеси, хотя достиг он яркого Кейвана.
 И дальше: повели, чтоб выкинули вон
 Из царского дворца Хосрова древний трон,
 Чтоб след могущества разрушили, чтоб рьяно
 Взыграл огонь и сжег весь пурпур шадурвана.
 Джемшида чашу, царь, вели сломать, чтоб к ней
 Не мог нас привлекать узор ее камней.
 И коль Парвиза власть уже не ширит крылья,
 Пускай Шебдизу, царь, подрежут сухожилья.
 Когда исполнят все, исполнят все подряд, —
 Пусть погребения свершается обряд.
 Дай шахматы царя из яхонтов на зелье
 Целебное — сердцам подаришь ты веселье!
 Пусть голубой поднос разломают, — бирюза
 Пусть в перстнях и серьгах всем радует глаза.
 Не слушай, как Хосров, ты без конца Барбеда,
 Навеки изгони ты из дворца Барбеда.
 Когда моих забот исчезнет череда,
 Служением тебе так буду я горда!
 И я склонюсь к тебе той сладкою порою
 И тайну замыслов, как молвила, открою». —
 И сердце Шируйе отрадою полно,
 По слову Шируйе все было свершено.
 Все замыслы Ширин свершились друг за другом;
 Все сделал Шируйе, чтоб стать ее супругом.
 «Твой выполнен приказ», — услышала она.
 И пылом радостным прекрасная полна.
 Все из вещей царя, все из одежд царевых, —
 От обветшалых риз и до нарядов новых, —
 Все нищим раздавать велит она скорей.
 Все на помин души — души царя царей.

СМЕРТЬ ШИРИН В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

Заря меж облаков встает не в зыби ль сладкой?
 Но сладкий день, взойдя, принес погибель

Сладкой.

Хабешский негр, во тьме несущий камфару, —
 Рассыпал тюк — и луч прошел по серебру!
 Из крепости смотрел на месяц чернокожий, —
 И вдруг оскалил рот, смеясь, как день пригожий?
 Вот кеянидские носилки, лишь заря
 Блеснула, — сделала царица для царя.
 Носилки в золоте; в кемарское алоз!
 Рубины вправлены, напомнивши былое.
 И царь, как повелел времен древнейших чин,
 На ложе смертное положен был Ширин.
 В назначенный покой, Ширин услышав слово,
 На царственных плечах цари внесли Хосрова.
 И там пред мраморным бесчувственным лицом
 Носилки обвили торжественным кольцом.
 И каждый палец стал у бедного Барбеда
 Калам расщепленный. Весь мир был полон бредя!
 На этот хмурым мир взирал Бузург-Умид.
 Он, миру верящий, от мира ждал обид.
 Стенал он: «Небеса да внемлют укоризне:
 Лишился жизни шах, — и нас лишил он жизни.
 Где всех народов щит? Где слава всех царей?
 Где стяг и острый меч, что всех мечей острей?
 Где тот, чья на миры легла победно риза?
 Где скрылся наш Кисра? Где нам сыскать Парвиза?
 Коль к переезду ты далекому готов,
 Правно: Джемшид ли ты, Кисра, или ты — Хосров!»
 Прислужниц и рабов понура веренища,
 Среди них, как кипарис, идет Ширин-царица.
 В кольце ее серег сокровища морей,
 На плечи за кольцом легло кольцо кудрей.
 Насурьмленных бровей растянутые луки,
 Хной, как пред свадьбою, окрашенные руки.

И золотой покров течет с ее чела,
 И ткань Зухре огнем вдоль стана потекла.
 Кто мог бы смертные так провожать посылки?
 Прохожих онянял и страстный взор и пылкий
 Как оьяненная, сопровождала прах,
 Идя с припляскою, как будто на пирах.
 Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:
 «Не в горести она от гибели Хосрова».
 И думал Шируйе, в себе таящий тьму,
 Что сердце Сладостной склоняется к нему.
 И всю дорогу шла с припляскою царица.
 Вот купол перед ней... Вот шахская гробница
 Рабыни скорбные столпились за Ширин,
 Роняя жемчуг слез на щек своих жасмин.
 Внесли царя под свод. Вкруг сумрачного ложа
 Встал за вельможею, безмолвствуя, вельможа.
 И у Ширин жрецом был препоясан стан.
 И в склеп вошла Ширин — и ею знак был дан
 Гробничный вход прикрыть. И вот в наряде алом
 К носилкам царственным идет она с кинжалом.
 И, рану обнажив носителя венца,
 Прижала алый рот ко рту ее рубца.
 И так же в печень, в бок царица захотела
 Свой погрузить кинжал, свое пронзая тело.
 И ложе царское ее покрыла кровь,
 Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.
 И вот она с парем без возгласа, без речи,
 Уста прижав к устам, к плечам прижавши плечи.
 Но вскрикнула она, от рта отъявши рот...
 И слышит за дверьми сгрудившийся народ,
 Что две души слились, что в теле нету муки.
 Что нет в душе тоски, что нет сердцам — разлуки.
 Тебе, чьим пламенем для смертных озарен
 Был этот брачный пир, — да будет сладок сон!
 Пусть тот да ощутит всевышнего десницу,
 Кто тихо вымолвит, прочтя сию страницу:
 «Аллах, оберегай могильный этот прах!

Двух пламенных прости, о благостный аллах!»
 Осанна Сладостной, осанна сладкой смерти!
 О смертные, любви, все победившей, верьте!
 Так умирают те, что страстно влюблены,
 Так души отдавать влюбленные должны.
 И женщина ли та, в которой столько воли?
 Муж с женщиною схож, когда бонется боли,
 Порою сладостно бегущая с плеча
 Скрывает тканых львов изгибами парча.
 Взмыл на дорогах зла самум слепой и дикий,
 Жасмин он оборвал, снес кипарис великий⁵.
 И тучи поднялись из-за морей беды,
 И грозы грянули из черной их гряды.
 И ветер из равнин как бы единым взмахом
 Весь воздух слил в одно с взнесенным черным
 прахом.

Лишь о случившемся сумели все узнать, —
 Восславили Ширин. И возгласила знать:
 «Прославим это час! Земля в просторах зланных
 Невест, подобных ей, рождай для пиршеств брачных!
 Мутриба в Африке, мутриба на Руси⁶
 Создать подобный пир — напрасно не проси».
 ... Все, положив с царем прекрасный прах царицы
 Ушли и наглухо замкнули дверь гробницы.
 И размышляли все над сладостным концом.
 И на гробнице так начертано резцом:
 «Узнай Ширин, чей прах взяла сия могила,
 Себя своей рукой в знак верности убила».

В ОСУЖДЕНИЕ МИРА

Пусть этот холодный мир сердца людей не чтут:
 Изменит каждому сей беспощадный плут.
 Хоть вам свои дары и даст он многократно,
 Но все обманщик злой возьмет у вас обратно.

Он сотней прелестей тебе прикажет жить, —
 И нигом сам порвет поспешной жизни нить.
 Покуда ты стоишь, ты — талисман. С размаха
 Падешь, расколешься — и ты ничтожной праха.
 Здесь, в паутине злой, в пристанище тюрьмы
 Нет шен без петли, ее узнали мы.
 Как нам взлететь в петле? Кто наш предел так
 сузил?

Затянутой петли мы не развяжем узел.
 Аркана не сорвать отчаянья сынам.
 Не вырвался никто, не вырваться и нам!
 В суровой области стремиться ль к переменам?
 Вам лучше прахом стать, измученные пленом!
 Оплачем же себя, оплачем же, а то
 Над нашей участью не загрустит никто.
 Все слезы лил Платон, все плакал днем и ночью,
 А всю ведь истину увидел он воочью.
 Спросили у него: «О чем твой плач и стон?»
 «Не плачу без причин!» — отвечивал Платон,
 В сем мире, хоть он весь — дворец великолепей,
 Свои железные нам разомкнуть бы цепи!
 Соблазны дней — враги; им не вверяйся, друг.
 Они собьют с пути. — все огляди вокруг,
 Чтоб с этого гумна не взять ни горсти проса.
 Опасно ли оно? Не задавай вопроса!
 Как на осле Иса, и ты толпу покинь.
 Ты под ноги быка земное просо кинь.
 Быкоподобное нам угрожает небо, —
 Что ж, на спину быка сложи припасы хлеба!
 Хоть светишь ты звездой в заоблачной реке,
 Но все же, друг, сидишь ты на земном быке.
 О, сколько, в призраки уверовать готовым,
 Пустынный солончак смертельным стал покровом!
 О, сколько, кто упал с верблюда на песок,
 Стал равен колоквиит и трав целебных сок!
 Небесный свод — тюрьма; в суровых латах мрея,
 Там вьется Млечный Путь — сне подобье змея⁴.

Как тяжек рок людской: ты вырваться не смей
 Из этих ярких уз, — а над тобою змей!
 Сад сбросит свой покров, от холода немея,
 И ты поклажу сбрось. Любить не надо змея.
 Пусть нету радости в пределах пустоты,
 Но благо есть и в том, что змея бросишь ты.
 Зачем ты любишь то, что в горький час разлуки
 Ты должен передать во вражеские руки?
 Как умирает тот, кто с миром был знаком?
 Иса — с достоинством, его осел — с пинком.
 Не делай зла другим, ведь есть у зла шноровка
 В обмене зла на зло; оно торгует ловко.
 Побегов новых рост, нам видимый едва,
 Дает и птицам жизнь, возносит и древа.
 Движение всего, сражая дровосека,
 Бьет и охотника. Так суждено от века.
 Брось знамя⁵, тесен мир под сумрачным шатром.
 Поводья натяни: конь этой жизни — хром.
 Не дуй в пустую глубь пленяющего ная,
 Скинь пути; уходи, соблазны отвергая.
 Зачем тебе страна, где душу давит страх,
 Колодка шею жмет, а цепи — на ногах?
 Пусть бытие течет — небытие с ним рядом,
 И «есть» и «нет» прими с невозмутимым взглядом.
 Где жены? Дети? Друг! Назначено судьбой.
 Чтоб лишь до кладбища дошли они с тобой.
 Пусть грустных спутников стенает вереница,
 Лишь одного тебя твоя возьмет гробница.
 И вымолвив «прости», уйдут твои друзья
 По множеству путей в различные края.
 Живя и в смертный час, и если все забудешь,
 Во сне иль во хмелю, — ты лишь с собою будешь.
 От этих призраков, маяющих караван,
 Поводья отведи: нам свет небесный дан.
 Ужель твоя душа в путях житейских рада,
 Что всюду пред тобой вздымается преграда?
 Дыханье потому стремится к небесам.

Что грудь ему тесна, — ты это ведал сам.
 Коль мощен разум твой, — взлетай в просторы неба
 Мир убивает всех, ведь смерть — его потреба.
 И землю, что людей всегда ввергала в страх,
 Ты по ветру пусти, — она ничтожный прах!

В НАЗИДАНИЕ

Увязывай тюки! О сердце, встань на стражу!
 Уж на конях друзья, собравшие поклажу.
 Пробойна в корме. Прочна ль морская гладь?
 Разбушевалась ширь, — выбрасывайте клады!
 Ты с бурей не борись: неодолимо горе.
 Ныряй! Ведь все равно тебя поглотит море.
 Людская красота, хотя бы к звездной мгле
 Она возвысилась, — принадлежит земле.
 Земля взвилась, как пыль, и камень скал расколот.
 Уйдешь отсюда ты, хоть был когда-то молод.
 Срежь гулей ты пройди земной тропой. Пора! —
 Стань ангелом, сойди ты с этого ковра.
 Мужик, чей дух в бою не убоился смерти,
 Не умерли, сказав: «В наш вечный дух поверьте!»
 Пред тем, не мучая, час гибельный встает,
 Кто душу радостно до смерти отдает!
 Ты не останешься в земной своей отчизне,
 Ты жизнь свою прерви, коль устремился к жизни.
 О, сколько доблестных, железных, мощных тел
 Невольно под землей своей обрели предел!
 Исследуй темные подземные глубины:
 Земля и сонмы тел слились в состав единый.
 Джамшид и Феридун, упавшие ничком, —
 В земле. О как, земля, хорош твой каждый ком!
 Взгляни, земля в крови на всем своем просторе.
 В ней гнила тьма сердец. О гибельное море!

Хоть с боевых слонов ты слышал барабан.
 Гремящий в честь твою, — ты свой покинешь стан!
 Земному — быть в земле, о доля человека!
 И бытие течет в небытие от века.
 Глянь, кружится весь мир в хмелю своих отрав
 И рукоплещет высь, в восторге засияв.
 О Низами! Молчи! Зачем смущаешь души?
 Что мир увещевать: он зажимает уши.
 К чему все жалобы? Зачем напрасный плач?
 Гляди с улыбкою, а эти слезы спрячь!
 Разрушатся дворцы, дарованные роком.
 Взошедший в высь — падет внезапно, непароком.
 Вот дерево в цвету, но рок приходит злой
 К нему, увядшему, с поспешною пилой.
 Весну, горящую отрадою лазури,
 Размечут по ветру судьбы суровой бури.
 Все нам дарует рок — все отбирает рок.
 Бессовестный, даря, дарам назначил срок.
 О девять синих сфер! В стекле их — злобный
 пламень.

В преступный этот свод скорей метнуть бы камень!
 Быть может, круг времен, в себе таящий зло,
 Расколет злобное лазурное стекло.
 Имущество раздай, не в нем твоя свобода!
 Знай, будешь скручен ты круженьем небосвода!
 Скинь плоть свою, отбрось четыре вещества,
 Чтоб семь небес порвать: как цепь, их синева?
 Что камень с глиною в сей горестной долине?
 В приюте бренности мы все увязли в глинне.
 Не строит мыслящий в пределах хрупких дней
 Дом из непрочных глины и зыблемых камней.

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

О ты, что мудростью сродни былому сказу.
 Не думай, что сейчас ты вянул пустому сказу.
 Вянул сказу этому, пролей потоки слез,

Омой мою Ширин водой из горьких роз.
Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилой.
Кыпчакский мой кумир! Мой нежный хрупкий злат!
Погибла, как Ширин, и ты, моя Афак!
Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.
Ее фата была, как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех.
Всем недоступная и всех прекрасных строже —
Она стелила мне супружеское ложе.
По-тюркски тронулась в кочевье, словно нож
В меня вонзив, свершив не тюркский ли грабеж?
Но коль тюрчанки нет и тщетны все погони, —
Над тюркорожденным, господь, простри ладони³.

В НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ СВОЕМУ МУХАММЕДУ

Мой семилетний свет! Да будет славный сан,
В два лука вышиной¹, тебе в грядущем дан.
Тебе я знание дал, но был ты вскормлен богом.
Иди в его лучах по жизненным дорогам!
Ты — месяц молодой. Ты смейся веселей —
Смеялись в прошлом, сын, и мы немного дней.
Когда ж не месяцем блеснешь, луною людям, —
То меж сиянья звезд твой лик мы видеть будем².
Все страстные слова — нужны ли нам они? —
Рукою властною, о сын мой, зачеркни.
И на науке ты свое воздвигни знамя.
В науке — о мой сын! — божественное пламя.
И, прославляемый премудрыми людьми,
Будь в благоденствии, сын милый Низами!

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ ПРОРОКА¹

И молвил мастер слов, уста разверзши снова,
О том, что привело к злосчастью Хосрова:
Однажды под луной в полночной тишине
Красоты Мустафы Хосров узрел во сне.
Пророк примчал коня на синие откосы
Небес. И хвост коня змеялся, словно косы.
Он ласково сказал: «Совет тебе я дам, —
Неверье ты оставь, приветствуя ислам».
И отвечал Хосров: «Никто не сыщет меры,
Чтоб отвратить меня от нашей древней веры».
И всадник прянул прочь; коня в просторы мча,
Парвиза плеткою ударил он плеча.
И пробудился царь. Его взмятенный разум
Был в вихри пламени и в сумрак ввергнут разом.
Его три месяца на ложе мучил страх,
И сна в смятении злом не ведал шаханшах.
«Встань! — молвил он Ширин в ночи, когда был

мучим

Тоской и ужасом потайным и могучим. —
Пойдем к сокровищам, на них мы поглядим,
Дано им разгонять тоски суровой дым.
Переберем шелка, стоцветные каменья
И благовоный ряд и всех запястий звенья,
И бедным раздадим сокровища казны,
Чтоб стали горести от нас отстранены».
Под свод сокровищниц вошли они, — и рады
Их взоры созерцать разложенныеклады.
Гляди: к мешку мешок привязан цепью. Взвесь!
С древнейших дней мешки числом возрастали здесь.
Знай, сорок у царя хранилищ: должно десять
Прибавить к каждому, их тайный клад не взвесить.
И вдоль сокровищниц Ширин с Хосровом шли,
И свой ласкали взор всей прелестью земли.
И спрашивали ключ от каждой двери тайной,
Желая обозреть весь клад необычайный.

И записи принес хранитель и ключи.
 Блестели под землей сокровищниц лучи.
 И к каждому замку был найден ключ, и каждый
 Тайник раскрывшийся все утолил бы жажды.
 И вот глядит Хосров: необычайный ключ
 Сверкает золотом, как выкованный луч.
 И удивлен был царь ключом, а в равной мере
 И тем, что для ключа он не увидел двери.
 Но молвили ему: «Здесь под землею вскрыть
 Ключ сможет некий клад». И царь промолвил:
 «Рыть!»

И землю соскребли с укрытого гранита.
 Открылся свод, а в нем — все то, что было скрыто
 Ларец из мрамора Хосров увидеть смог.
 Был тяжкий на ларце, весь в золоте, замок.
 Был вскрыт ларец, — и вот предстало царским

взором
 То, что скрывал гранит под спудом и затвором.
 Был найден талисман в сей мраморной поре:
 Квадрат из золота лежал на серебре.
 И вязь из серебра на золоте... Во мраке
 Кто скрыл неясные таинственные знаки?
 И старца привели. Он понял каждый знак.
 И вновь обвил царя его смятенья мрак.
 И вот как изъяснил мудрец седобородый
 Непостижимых черт таинственные ходы:
 «Шах древний Ардашир, великий Бабакаан,
 Пред кем все мощные свой преклоняли стан,
 Распознавал всех звезд пути и сочетанья,
 Читая в небесах судьбы предначертанья.
 И выводил в ночи он у семи планет,
 Что в должный срок, когда к нему придет весь свет,
 В Аравии, меж вод и меж песков просторных,
 Возникнет некий друг созвездий благотворных,
 Красноречивый муж и верный и с душой,
 Исполненный огня и храбрости большой.
 И станет он властней всевластных звездных токов.

Гэтим явит всем, что он — печать пророков.
 И свое владение народы примет он,
 И над народами свой утвердит закон.
 И вот с его поры тот овладеет троном,
 Кто трон свой осенит им созданным законом.
 Разумный, поспеши в его поверить свет.
 С ним дружба — благодетна, с ним ратоборство —
 вред».

Когда всмотрелся царь в узоры талисмана,
 Открылась у него в душе былая рана.
 «Сей образ, — молвил он, — сверкающий в огне,
 Есть образ всадника, мне явленный во сне».
 И шаханшах горел. В крови его кипучей
 Был пламень, и в мозгу огонь струился жгучий.
 Спросил он у гонцов, объехавших весь свет,
 Подобный человек встречался им или нет?
 Гонцы ответили, что пламенный, который
 Всем души осветил и всем очистил взоры,
 Есть покоряющий и пламенный пророк,
 Что днесь в Каабе спит, как предназначил рок.
 То — Мухаммед. Людей призвал он к новой вере,
 И ключ его словес открыл мирские двери.
 Казнохранилища оставил шах. Туман
 Стоял в его очах, узревших талисман.
 Ширин, увидевши, как был смущен владыка
 От указания начертанного лика,
 Сказала: «Ты, что свет на кейкобадский трон
 Излил с вершин души, что славой озарен. —
 Узнай: тот талисман и то изображенье
 Недаром разум твой вновь привели в броженье.
 Недаром с древних дней начертан был указ.
 Недаром талисман сверкнул для наших глаз.
 Пророк, нам явленный, — возвышенный чудесник,
 И древний сказ о нем приходит к нам, как вестник.
 Сияет знаменье всевышнего на нем,
 И вера правая пылает в нем огнем.
 Поверь! Не суета подобные явленья,

От них в небрежности не ведай отдаленья.
 Когда прельстится шах той верою, — в пути
 Ему ни терний, ни пыли не пайти.
 Карающих небес он отведет возмездья,
 И счастья вечного увидит он созвездья,
 И прославлять навек начнет его народ,
 И царство на века его воспримет род».

И отвечал Хосров: «Твое правдиво слово,
 Оно как знаменье меня смущает спова.
 Ведь с той поры, как бог взвил звездные рои,
 В иное верили все праотцы мои.
 Как брошу древний путь и свод былого храма?
 Пред памятью царей я полон буду срама!
 Пусть мой возжаждал дух, судьба песет запрет.
 Блаженствует лишь тот, пред кем запрета нет».

Когда земные дни текли пред Мухаммедом,
 Он был и западу, как и востоку, ведом.
 Нам знаменья являл восторженный пророк,
 Твердили знаменья: неверью вышел срок.
 То месяц расщеплял он перед смертным оком,
 То прятал он луну в плаще своем широком³.
 То камня он шептал потайные слова,
 То с камнем речи вел всех праведных глава⁴.
 Он полнил ужасом вскобленные горы.
 Как ветер, он взметал окрестные просторы.
 Он превращал в ничто сокровища земли,
 Слова из уст его сокровища несли.
 Народы он поил одной своею чашей,
 Он страны пробуждал под всей лазурью нашей.
 Для всех составил он благой свой аромат,
 Вручить охранный лист народам был он рад.
 Хабешцев черный край он обратил в красивый,
 И роднику навел он Персии счастливой.
 Послание негусу⁵ от правил, и вослед
 Хосрову начертал посланье Мухаммед.

ПОСЛАНИЕ ПРОРОКА ХОСРОВУ

«Все создано творцом — и твердь земли и влага,
 И бытие творца есть порождение блага.
 Он старше всех начал, ему начала нет,
 И не найдет конца его всезнания свет.
 Его обличье не изъясняют речью:
 Слова о нем спалят всю душу человеческую.
 Хотя праведников сонм в ад будет ввержен им,
 Приказ всевышнего вовек неоспорим.
 Когда б он грешников направил к райским кушам, —
 Кто б не склонил чела пред мудрым и всеусущим?
 Его господству нет нам явственных причин —
 Все даст и все возьмет. Он — вечен, он — один.
 Велит — и над царем комар смертельной роке,
 Велит — и муравей всевластнее пророка!
 Симурга свергнет он в смертельную тоску,
 Командованье войск поручит мотыльку.
 Чтоб возносить ему свое благодаренье,
 Достаточно познать, что все — его творенье.
 Молчи о том, что нас в его не возносит высь.
 От дел, где нет его, ты тотчас отвратись!
 Пусть только лишь к нему возносятся молитвы.
 Ты с ним и в мирных днях и в бурях грозной битвы.
 О силе позабудь. Всесильна лишь судьба.
 Прими приказ творца с покорностью раба.
 Господства не узнай ему подвластным слугам.
 Лишь он господствует. Весь мир — к его услугам.
 Всесильный с именем Хосрова! Хотя бы ты
 К ста Кей-Хосрова чаш склонял свои черты.
 Все ж, созданный творцом, познаешь ты кончину.
 И ты, как все, падеши в смертельную пучину.
 Кто знает, сколько зла и козней и сует
 В себе таит сей прах, явившийся на свет?!

Когда бы взявший власть не ведал вовсе тленья,
 Как страстны были бы к владычеству стремленья.
 Слеп позабывший всех, лишь облик свой любя.

В том нет величия, кто видит лишь себя.
 Себя со счета скинь; в пространствах мироздания
 Счесть все живущее — напрасное задание.
 Земля — пылинка, царь. Узрел бы и слепой,
 Что четверть всей земли — убогий водопой.
 В частицу четверти Ирак сумел вместиться.
 В Ираке Медани — ничтожная частица.
 Но люден Медани. О сиящий царь царей,
 Ты там в толпе людской — один лишь из людей.
 Свое значение, свое число, о тленный,
 Сравни, подумавши, с безмерностью вселенной!
 Но мироздания танищеная сень,
 Но вся вселенная пред господом — лишь тень.
 Частице вещества, частице малой части
 Безумно вождельте могущества и власти.
 Есть над тобой господь. Свидетельствуй о нем,
 Не спрашивай, где он. Он всюду, он во всем.
 Творец, весь род людской возвысивший высоко,
 Дал мне среди людей величие пророка.
 Не прославляй огня с язычниками и лад.
 В рай шарият зовет. Оставь крошечный ад.
 Павлином проходи в садах прохладных рая.
 Брось пламечь, мотылек, — в нем гибнешь ты,
 сгорая².

Дым в капищах сгня. В дыму весь твой народ.
 Ты, возжигающий свой пламенный, — Нимрод.
 Ты в горне. Вкруг тебя в смертельном горне пламень.
 Стань мусульманином! Отбрось проворней пламень!»
 Пророк позвал писца. Тот подошел к нему.
 Взял Мухаммед печать и приложил к письму.
 И опытный гонец, явив свое пыланье,
 К Парвизу поскакал, помчал ему посланье.
 Лишь только внял Хосров проворному гонцу, —
 Его вскипела кровь и кинулась к лицу.
 Посланье он читал, — и в бешенства потопе
 Пьянел всевластный царь, как бы вдыхая опий.
 Поднялись волосы, стал каждый злей копыя.

По жилам потекла кипящая струя.
 Вмиг заголовок он письма увидел. Благо
 Не внял. Так бешеный не может видеть влагу³.
 Прочел он в ярости безмерной: «Мухаммед —
 Парвизу» — у царя исчез рассудка след.
 Он в царской гордости, ни в чем не зная страха,
 Вскричал: «Кто оскорбить решился шаханшаха?⁴
 Кто имя смел свое поставить вверх; внизу
 Кто имя начертал, несущее грозу?»
 Зардел хосровов лик, как будто пламя злое.
 В пылу задумал он и сделал он худое:
 Посланье разорвал он грозное, — свою
 Он славу разорвал во всем своем краю.
 Огонь вспугнул гонца, — и вот путем обратным
 Он мчится в ужасе пред гневом необъятным.
 И об огне, что в дым одел весь небосклон,
 Оповестил Зарю всех озаренных он.
 И Светоч, разгораясь, как жар, объявивший битву,
 Вознес взлетевшую, как бабочка, молитву.
 И от молитвы той у персов пал Кеср⁵,
 Упал с Кеср⁵ венец. Прошла его пора.
 По мановению святого шарията
 Страна Кеср⁵ была смятением объята.
 Решили небеса престол его подсесть.
 Царевич на царя внезапно поднял меч.
 Весь небосвод гремел, гремел он вновь и снова, —
 И рухнул наземь свод дворца царя Хосрова.
 И паводок взыграл, Тигр вспенился, — и вот
 Упал железный мост в пучину пенных вод.
 Самума рдяного забушевала риза.
 И уж Гульгуна нет и в стойле нет Шибдиза.
 И при Зикаре спесь с иранца сбил араб⁶.
 То голубь сбил орла: орел уже ослаб.
 И некто пред царем в полночь стал с клюкою
 И разломил клюку могучею рукою.
 И молвил он: «Всю мощь в руках своих таю,
 И веру разломлю я ложную твою⁶».

И множество чудес, с грозой небесной схожий,
В стране неправедных явил Избранник божий⁶.
Но нет, не слышали призыва! Погляди,
Не каменные ли сердца у них в груди?
Хоть благодати свеча не подымает дыма, —
Свеча незрячему ведь все равно незрима.
И хоть познания свет светил им в эти дни,
Не удостоились прозрения они.
Хвала тебе, о Тюрк! Ты семь племен возглавил!
От Рыбы до Луны тебя весь мир прославил.
Хвала Луне, что спит, как люди на земле,
Но озаряет всех, томившихся во мгле!⁶
И утром постучал пять раз он в землю. К ночи
Поставил свой престол меж звездных узоров⁹.

ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОРОКА

Забыв полночью все то, чем исходи
Живет весь бренный люд, к чертогу Умм-Хани
Спустился Гавриил, оставив край счастливый:
Привел он Бурака, — коня с огнистой гривой.
Был конь, что райский сад, не ведал он удил.
Он ни с каким тавром по рощам не бродил.
Не облаком был конь, все ж был светлей жемчужин,
Не ветром был, но все ж был с вешним ветром дружен.
Как море, в жемчугах сверкал его чепрак,
Но, верь, морей таких не видывал моряк.
Тяжкоподкованный, могучеспинный, скорый,
Он взором проникал в безмерные просторы.
Слуга семи шатров, миндальноглазый вмиг!¹
Слетел с таким конем к владыке всех владык.
И возлетел пророк, что птица из Медины,
Предела всех высот достиг он в миг единый.
Пророков он хотел считать своей кыблой,

Но, саном выше всех, возглавил он их строй.
И утвердился он в своем верховном праве.
И к всемогущему полет он свой направил
Оставил ангелов зеленоризных он
И голубой шатер: он выше вознесен.
Ладью стремления он из пучины синей
Направил к берегу, — к зенита сердцевины.
И сердце он прорвал у Скорпиона. Льва
Погладил по лбу он, задев его едва².
Солому Млечный Путь постлал пред ним. Проворно
Пал Колос пред конем, ему рассыпав зерна³.
Венец величия дал Меркурию пророк
И перстень Солнца взял, как будто бы оброк.
Чтоб отражать в выси набег нечистой силы,
Он стрелы Близнецам и лук дал крепкожилий.
Познал он, как Юсуф, струй Водолея вкус,
И в Рыбе побыл он, как некогда Юнус⁴.
У стремени его летящие Плеяды
Нести в его пути охрану были рады.
Под ним, раскрыв крыла, плыл Алтаир — Орел.
Отстал другой — он был, как Лира лир — Орел.
Он, чтоб не жгла очей эдемская дорога,
Взор бросил на печать: «Не отворачивай от бога»⁵.
И, проскакав простор лазоревый, нашел
Для взлета Бурака за долем новый дол.
И сонмы ангелов — павлины золотые! —
Теряли, взвихрившись, крыла свои густые.
От стремени его отстал и Гавриил.
Мелькнул и Михаил. И вновь коня он взвил.
И Исафил возник и взял его на крылья.
К Рафрафу путника вознес он без усилий.
К Тубе взошел пророк и встал, как на горѣ.
На высшей высоте — на лотосе Сидре.
В пространствах он читал за свитком новый свиток.
И мчал его Бурак, и пламенен и прыток.
И он свернул ковры заоблачных морей,

И в высоте над ним открылся Эмпирей.
 И прынул конь его из двух миров. Как знамя,
 «Два лука» утвердил всех правоверных Пламя⁶.
 Предвечность отвела все ткани покрывал,
 Мрак мирозданье уже не покрывал.
 Исчезли стороны и признаки и грани,
 И вся пространственность укрыла лик свой в ткани.
 От всех пространств пророк стоял уже вдали,
 И мигом он признал, что признаки ушли.
 Он слово услышал вне голоса, вне грома,
 И зримым стал господь, хоть был он вне объема.
 От созерцания нездешнего в тот час
 Стал сердцем взор его, зажегся в сердце глаз.
 И каждым волосом он прозревал, и в пляске
 Пылала плоть его, — все мускулы, все связки
 И вымолвил господь: «О гость в моей выси!
 Ты во дворце моем, что хочешь, попроси».
 И попросил пророк не клады, не алмазы,
 Но чтоб на милости он дал ему указы.
 Все дал ему господь. Помиловал и тех,
 Кто правоверным был, но все же впал во грех.
 И, чудотворности халат приняв от бога,
 Вернулся на землю он с могучим даром слога.
 Стал кипарисом тот, кто розой был весной.
 Взлетел он месяцем, вернулся он — луной.
 Он грамоту принес, что душам всем — отрада
 Он нам принес указ, чтоб нам избежать ада.
 К возлюбленной душе, что души нам прожгла,
 Да мнится за хвалой немолчная хвала!

НАСТАВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

Смотри, о Низами! Одно мое стремление,
 Чтоб, дни свои ведя, постигнул ты смирение,
 Смотри, — жемчужина, из капли дождевой

В глубь моря пав, царит над царской головой.
 Упавшее зерно произрастет, а колос
 Поникнет. Не взносьсь, не возвышай свой голос.
 Будь снисходителен: ведь беспощаден рок.
 В оковах ноги дней, все сделай в быстрый срок.
 С летучим прахом ладь: ведь вострена погода.
 С недугом примирись, коль нет ему исхода.
 Зачем бредем в шатре, что нам сковал ступни?
 Веревку, сжавшую мне горло, растяни!
 Сбрось туфли узкие, вступая в путь безвестный.
 Мы можем захромать, когда нам туфли тесны.
 Куда идешь — придешь. Твой неуклонен шаг.
 Забудь, что видел ты сей горестный кишлак.
 Ведь горести к благам спешат всего охотней.
 Склоненный к лепесткам шипов ужален сотней.
 Был яд и в юных днях, и горький вкус был в них.
 Желчь горести текла во всех годах твоих.
 И в жизни страждем мы, и мы болезням любуя.
 Как будто бы волкам, что в нас вонзили зубы.
 И в смертный час, поняв минувшего обман,
 Гурган покинувши, ты двинешься в Кирман¹.
 Путь из Гургана, друг, в Кирман — далека. Дорога
 До смерти коротка: ты близ ее порога².
 Одну лишь голову имеешь ты, о тлен, —
 И ту в томлении склонил ты до колен!
 Угрозу палача увидев над собою,
 Согнуться должен ты, смиряясь пред судьбою.
 Взгляни на этот край, где бродим долго мы, —
 Он — яма узников, он — горестней тюрьмы.
 Когда мы в пламени сжигающего зноя,
 Спасенье нам — воды струенье ледяное.
 Когда ж запляшет снег, мы причесем скорей
 И в мех и в шерсть, и мы — подобие зверей.
 Куда нас уведут некрепких ног усилья!
 Куда нас вознесут столь немощные крылья!
 И все мы зло творим, и наша жизнь — слепа.
 Ох, угнетателей бессильная толпа!

Ты раздавил осу, но сам среди развалин
Змеей неожиданно мучительно ужален.
Сегодня видел я — я, по саду бродил:
Утенок муравью дорогу преградил.
Уже раскрыл он клюв, но миг был неудачен:
Он клювом ястреба внезапно был ухвачен.
Ты, совершивший зло, не охранен от бед:
Возмездие придет, — тебе исхода нет.
Сияет небосвод — правдивое зеркало.
Все то, что ты свершил, — все в небе замерцало.
Провозглашает мир, бесчестного страха:
«Тобою лишь твоя осквернена душа».
Иль не сказал тебе дорожный страж: «Упрямо
Ты яму рыл другим, — тебя поглотит яма!»
Чьи руки этот мир, как замок, возвели?
Есть праведный судья у неба и земли.
Под камнем в глубин вод, под камнем гор немало
Бесценных жемчугов и блещущего лала.
Кто исцелять слепых способен, как Иса, —
Вмиг тугию найдет, прославив небеса.
Мы слепы. Не для нас целебные составы.
Для нас побегам роз равны простые травы.
Пускай ты каменщик — стронтель бытия,
Все ж, как алоэ, друг, сгорает жизнь твоя.
К тебе придет, хоть ты мудрей врача Галена,
Все та же смерть, что шла, в тьму волока Галена.
Когда ты, встретив смерть, издашь последний стон,
Будь ты бездумный курд иль мыслящий Платон,
Припомни речь того, кто нам сказал: «Поверьте
Совету, — умереть хотя бы раз до смерти».
Закрыв глаза, ты злу промолвишь: «Не пугай!»
Освободился так от клетки попугай³.
Коль с лютым волком ты, страх перед ним отбросив,
Среди земных пустынь сдружился, как Иосиф, —
То так твое ярмо прикрепит он к волю,
Что, в скорби радуясь, ты тронешься во мглу.
С тех скатертей семи ни мяса, друг, ни кости

Без тленья ты не жди, ты ляжешь на погосте.
Зачем ты воду льешь в сосуд нечистый? Взмах
Твоей руки зачем просеняет прах?
Погибнет плоть твоя, не для в нетленность веры.
Есть девять очагов — небес предвечных сфер.
В час должный бытия ты позабудешь кров,
И с тайны пред тобой откинется покров.
Не видя над собой крутящегося неба,
Сочтешь ненужным все, в чем виделась потреба.
Ты кладь возьми с собой, там нет лугов, строга
И безжемчужна мгла, — тут блещут жемчуга.
Жемчужницы мои, сколь сможешь, перечисли.
В их мускусном нутре таится жемчуг мысли.
Пленительных стихов услышишь плавный лад.
Звучит он сладостней всех ласковых услад.
Стихи — не то что речь, — незвучный слог
не нужен.

Создание стихов — сверление жемчужин.
Но ряд истертых слов — ряд крашенных старух.
Средь них ты райских птиц не сыщешь даже двух.
Прошли года, и пыль запылила тело
Жемчужины. Оно, как видишь, пожелтело.
Хоть с новым золотом старинное равно, —
Все ж деньги Деция — ячменное зерно⁴.
Пятьсот семьдесят шесть промчалось лет, и дивом
Возник прекрасный лик в сиянии счастливом⁵.
Невесту выкупил для всех живущих я,
И, чтоб светлей была избранница моя,
Рассеял я свой дух, с его сияньем цельным,
И каждый стих одел сиянием отдельным.
Пусть ожидают все с моей душою встреч.
Мой стих — моя душа — сумеет их привлечь.
Здесь — плоть моя, коль я — душа в обильный
прах;

Когда Иосиф я, мой стих — моя рубаха.
Таким невестам, знай, не сыщется гробниц:
Уйдут из глаз, а дух наполнят до границ.

Я в тьму потайную живым проникнул светом.
 Ты Хызра помянул? Он здесь, в стихе вот этом.
 Внимай моим строкам, себе их вразуми:
 Ведь в них заключена вся сущность Низами.
 Нет! Лучезариному не скрыться под покровом, —
 С напрасной тайны ткань спадает с каждым словом.
 О друг стихов моих, чрез век спроси у них:
 «Где Низами?» — «Он здесь», — ответит каждый стих.

Даря вам шелк, я стал подобен шелкопрядам,
 Я также на листах ряд язв черну за рядом⁶.
 Но все же я в стихах сырой воды не пью,
 И я не так, как червь, свиваю нить свою.
 Я не сомкну очей, не взвесив россыпь клада,
 Хоть клады мне даны и рять мне их не надо.
 Мне повседневный труд — улада из улад.
 Ячменное зерно я обращаю в клад.
 Взяв горсточку зерна и зерна умножая,
 Явлю внимающим я мощиость урожая.
 Прославь того, кто, взяв лишь горстку ячменя,
 Творит сокровища блистательнее дня.

ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

Скажу завистникам: «Вы испытайте сами
 Ночь с воспаленными, бессонными глазами.
 Завистник, погляди: ведь рою я точь-в-точь,
 Как роет рудокон свою руду всю ночь.
 Чтоб людям отыскать жемчужину жемчужин,
 Сплю в глубинах я, мне взор пылливый нужен.
 Я весь горю в огне, я становлюсь таков,
 Чтоб осветилась ночь сиянием жемчугов.
 Я жемчуг шлю царю, чтоб, в скупости упорен,
 Мне царский весовщик дал горсть ячменных зерен.

Ждут порицатели, чтоб выйти из засад.
 Творец! Спаси от них моих речений сад.
 Порой случается: ты стих невзвучный сложишь.
 Всегда из звучных слов творить его не можешь.
 Но каждый, кто простер на знание права,
 Постигнет, как мои пленительны слова.
 Ты лев, — так на меня не лай из-за ограды.
 Поверь, лишь только псы пугать прохожих рады.
 Глупцы! От вашего кичливого меча
 Гасилась лишь у вас — не у меня — свеча.
 Спор болтунов со мной все становился глуше.
 Был длинным их язык, — длиннее стали уши.
 Уселись, как Иса, скрестив свои ступни.
 Увязнув, как ослы, — попалнсь мне они!¹
 Мне страха не узнать пред тварью земнородной.
 Стою в кольчуге я, с горящим солнцем сходной.
 Пусть от меня звезда зажжет свой яркий свет,
 Но солнцем стать, как я, никто не сможет, — нет!²
 Крупинку каждую, пылинку, волоконце
 Могу поднять я ввысь, позолотив, как солнце.
 И камень, падавший в мой звонкий стих, не раз
 Граненым делался, как блещущий алмаз.
 Смотри: индусский вор проник в мои уголья,
 Но сам его коня повел я за поводья³.
 На лад настронть сам всем помогаю я,
 И часто соколом зову я воробья.
 Лишь твой красивый взор я созерцаю, ворон.
 Порой про вора я всем говорю: «Не вор он».
 И левым ухом, вдруг, я пью упреков яд⁴.
 А правым слушаю, как рабски мне кадят.
 Готовый слушать брань и похвалы заране, —
 Свой светоч берегу я в этом урагане.
 В иной стране огню зажженному несут
 В дар масло нужное, наполнивши сосуд.
 Здесь, коль огонь живет весь край своей игрою
 К нему с холодною подходят камфарою.
 И яда и сластей я принимаю дань.

И мысли тонкие мне слышатся и брань.
 Я — море. Жемчугом я ваш наполнил город,
 А вы мне камешки насыпали за ворот.
 Но что все камешки для моря! В нем — улов
 Мною добываемых прекрасных жемчугов!⁵
 Пускай от слов моих уста людские сладки, —
 Горьки мои уста, вкусившие нападки.
 У крупорушки волн... мы с ним в яре одном:
 Всем сыплет он зерно, прельстившийся зерном⁶.
 И схож я с молнией сверкающей, отважной,
 Играющей огнем, ныряя в буре влажной.
 Что стонешь ты от змей? О сердце, ты ведь клад!
 А ведь нигде от змей для клада нет оград.
 Павлинн проходит в рай. Но, в рай вползти не смея,
 Кольцом священных врат стал дьявол в виде змея⁷.
 Змей все павлину шлет. Смарагдам нет конца:
 Павлинн и змей вдвоем на службе у творца.
 Вот помесь, погляди: тюрчанкою красивой
 И негром порожден рассказ мой прихотливый⁸.
 Здесь дал алхимиков, но рядом с медью оп;
 Здесь драгоценности, но здесь же и дракон⁹.
 Тут жемчуг и над ним кипучих волн громада,
 И тут же на кресте стоячая лампада¹⁰.
 Ты жемчуг мой возьми. Что глуби темнота!
 Ты светоч отдели от чуждого креста.
 К огнепоклонникам тут будто бы дорога,
 Но зашищен мой сказ от огненного бога.
 Невесте сладостной хвалу воздай и честь,
 В ней и хвала творцу и о пророке весть».

ТОГРУЛ-ШАХ ТРЕБУЕТ К СЕБЕ УЧЕНОГО НИЗАМИ

В те дни, когда мой ум, колдующий и властный,
 Свободен стал от чар сей повести прекрасной, —
 Сказали мудрые: «Ты слова властелина»,

И вспомнил я слова: «Путь разума один».
 Я создал паланкин. И не луны осколок,
 А солнце затаил его узорный полог².
 И был он с радостью большой приобретен,
 И вознесен хвалой был до созвездий он³.
 Каким имуществом, подарками какими
 Меня осыпали! Вот полюбуйтеся ими:
 В кусках надушенных китайские шелка;
 Не развернула их ничья еще рука,
 Хуттальский плавный конь, что шествует, гарцуя:
 Вся в золоте узда и царственная сбруя.
 И говорили мне: «Принять ты будь готов
 Пять или шесть рабынь, до десяти рабов».
 Но вот случилось так, что будто бы, измучен,
 Прилеж мой каракап, и груз был не навьючен:
 Принявший мой рассказ из горестной земли
 В путь дальний тронулся, — и зерна не взошли.
 Я горько сетовал: что все мы в мире значим!
 Я сердце сжег свое своим горячим плачем.
 Но вот вбежал гонец с письмом, и молвил он.
 Склоняясь: «На тридцать дней ты к шаху приглашен»⁴.
 Ты свиту царскую, поехав спозаранка,
 Достигнешь на краю тридцатого фарсанга⁵.
 Ты с шахом горстку дней пробудешь, он могуч.
 И дни свиданья с ним — к его щедротам ключ».
 Он отдал мне указ: «Вот это — твой хранитель,
 Надежный талисман и мощный предводитель».
 На голову свою я возложил указ⁶.
 Облобывав его, как должно, в третий раз.
 Я вник в его слова. Прочтя за словом слово,
 Я понял: для меня все лучшее готово.
 И, полный рвения, исполненный огня,
 Вскочил я, и занес я погу на коня.
 Я устремился в степь. Как будто в пляске скорой,
 Я трясся на седле, порой взбираясь в горы.
 Мой бег оставил бы онагров за спиной,

Не потягались бы и соколы со мной.
 И я плясал в седле, плясал я без опаски.
 Конь подо мной плясал, мы с ним летели в пляске.
 Поклоны отбивал я, будто бы калам;
 Как циркуль, отмерял дорогу по горам.
 Молениям внимал на каждом я привале,
 Чтоб небеса царю все блага даровали.
 И я у всех ключей, где набирался сил,
 Молитвы новые о шахе возносил.
 И свежий ветер с гор утешным дуновеньем
 Мне царской милости казался извещеньем.
 И лился аромат, мне радости суля,
 И свежей амброю казалась мне земля.
 И вот на царский стан я взор уже подъямлю,
 Вот пред ковром царя я уж целую землю.
 И молвили тому, кем славен стал престол:
 «К морскому берегу источник подошел».
 Прислал хаджиба царь; сей утешитель горя
 Нырявшему принес жемчужину из моря.
 Я к царскому столу хаджибом был ведом:
 Ведом был Утарида Луны небесный дом.
 Увидел я царя, увидел — о услада! —
 Джемшида трон с венцом, что помнил Кей-Кобада.
 От самаркандских стен, от мест, где встал Саксин,
 Пришли властители; и каждый властелин
 Охотно службу нес в блестящем этом стане,
 Свой совершая долг, назначенный охране.
 Был царский двор открыт для грузов многих стран.
 За караванами шел новый караван.
 Недаром цвет шатра был с морем синим дружен:
 Таил он мощь акул и красоту жемчужин.
 Венец, овеявший весь Кызыл-шаха трон,
 Подняв свой дивный блеск, всем бедам нес урон.
 Иль в небо кравчие взлетали, набирая
 В сосуды вишние вино фонтанов рай?
 Текло из рук царя обилие щедрот:
 Тем дал он города, другим — от них доход.

Я меченосцев ряд описывать не стану.
 Как тесен путь меж них был даже Кадар-хану!
 И чанг рокошущий и звучный органон
 Всплески в предел Зухре свой златострунный звон.
 По струнам шелковым бьют пальцы; при их взмахе
 Рвут, не жалея шелк, рабы свои рубахи.
 Напевов множество, и в каждом — новый лад.
 Но все лады — исток единственных услад.
 «Газелью» Низами красивые газели,
 Смирная чангов стон, как птицы, зазвенели.
 Вот чашу полную взял кравчий на ладонь,
 Пригубил шах вина сверкающий огонь.
 Когда о Низами был извещен владыка,
 Еще светлей стал свет приязненного лица.
 Мой сан подвижника владыкой был почтен,
 Хоть не отшельника у трона встретил он.
 И приказал вино убрать он из чертога
 И всем встречать меня приветно у порога.
 Он выпочерпням другие дал дела.
 И музыкантов рать с поклонами ушла.
 «Я ради Низами, — промолвил шах, — и руду
 И кубку отдых дам, — внимать стихам я буду.
 Его стихи звучат отраднее, чем руд.
 Его слова свой лад у музыки берут.
 Ведь лучшее вино не пьют с приходом Хызра.
 Что хмель! Мы припадем к свяшенным водам
 Хызра!»
 И молвил мне хаджиб: «О ты, чьи славны дни, —
 Входи! Хоть ты один, — всем званьям ты сродни».
 И я вошел к царю, дрожал я, словно ива:
 Ведь лишь пылинка я, он — солнечное диво.
 Я к шее голову униженно пригнул,
 И шею с головой к ногам царя метнул.
 И небо поднялось, день обернулся сказкой.
 И обнял царь меня, свой взор склоняя с лаской, —
 Как будто к муравью склонился Сулейман.
 И от волнения мой взор покрывал туман.

Два мира обнял я. «Садись!» — услышав это,
 Я сел перед царем — перед потоком света.
 Блеснул мне счастья свет, и чтоб он не потух,
 Словами должными я царский нежил слух.
 И речь моя могла пленить красавиц рая
 И ад развеселить, меж пламени ныряя.
 Я назиданья стлал, пригодные царям,
 И изречения — путь к познания дверям.
 Гостинищев сладостных немало я украдкой
 Раскидывал, пленяя царя улыбкой сладкой.
 Я говорил, — и царь то был грустнее туч,
 А то смеялся он, как в росных розах — луч.
 И, говоря, внимал я царскому признанью.
 Невежество, заснув, дало проснуться знанью.
 Потоком слов своих я краевич опьянил,
 И песни ни одной певец не проронил.
 Сказитель, появясь, рассыпал жемчуг, — взоры¹⁰
 Узрели на коврах жемчужные узоры,
 Владыка, слушая мой прихотливый сказ,
 Улыбкой сладкою мне отвечал не раз.
 Когда же речь моя сама столь стала сладкой,
 То появиться в ней уже пристало Сладкой.
 Царь тронул за плечо и глянул мне в лицо,
 Вдевая в ухо мне хваления кольцо.
 И он все осыпал хвалами вновь и снова
 Рассказ мой про Ширин, рассказ мой про Хосрова.
 И мне он говорил: «Основу мастерства
 Ты сказом заложил. Прославил ты слова.
 Предела не было твоим очарованиям.
 Ты грудь мне оживил своим повествованьем.
 Невесту ты явил, несущуюся вскачь, —
 С Луною паланкин. Сказ полон был удач.
 По вкусу мне Ширин. За родинку, за кудри
 Как отплачу тебе? Всех жеп она премудрей.
 И я свой помню долг. И я, как и мой брат,
 Тебя вознаградить безмерно буду рад.
 Мой брат, кому весь мир был только царским станом,

Который был царем, а также пехлеваном¹¹,
 Чем он вознаградил твой многолетний труд?
 Как много дал шелков и драгоценных груд?
 Он оценил тебя, ко мне дошло известие:
 Брат из своей казны дал два тебе поместья.
 Скажи, пришли ль к тебе сей дар вручать или нет?
 Указа царского узрел печать или нет?»
 Когда увидел я, что дар свой хочет лове
 Метнуть в ладонь купца, его смиряя горе,
 И хочет, чтоб цвеза мне данная земля
 И чтоб я волен стал, — словам его внемая,
 Я вновь призвал к нему тебя, о милость божья,
 И жемчуг раскидал у тронного подножья.
 И, вознеся чреду молитвословных строк,
 Поведал я царю, как мой печален рок.
 Сказал: «Моя душа поднять была так рада
 Поэмы царский дал. Нужна ли мне награда?
 Мой сказ был для хвалы единственный предлог.
 Прославить шахский трон я лучше бы не смог.
 И если восхвалять мне царский трон — улада,
 То о Ширин с Шекер и помнить мне не надо.
 Почивший пехлеван мне дал, о шаханшах,
 То, что указано сейчас в твоих словах.
 Когда ж его корабль навек утало море.
 Грустил я не один: весь свет был свергнут в горе.
 Но коль такой, как ты, властитель всем нам дан,
 И есть царевичи для украшения стран, —
 То горами даров, не горсточкой пыльников,
 Вновь оживится, шах, мой опустевший рынок». —
 Приветно принял царь хваления, чей путь
 Из глубин сердца шел, пыланьем полня грудь.
 Царь, сердца моего услышав благовестье,
 Мне дал Хамдуньян, — так названо поместье¹²,
 И мне велел указ преемственный он дать,
 И Кызыл-шаха дал он с грамотой печать.
 Прочел я: «Полностью мы даровали это
 Семейству Низами до окончания света.

Все безвозмездно мы вручили Низами
 В его владение, — ему с его детьми.
 А кто сомнения окутан тьмою будет,
 Тому я буду — враг, а бог — судьбою будет.
 А к тем, в чьих прозвучат несправедливых речах
 Мирек, пусть придет их друг единый — страх!
 Пусть им гремит с выси проклятья голос громкий,
 И да услышат гром их дальние потомки!»
 Так надо мною кров был нужный возведен.
 Сокровищницу царь открыл; украсил он
 Мой дух поддержкою, — и, царственно богаты,
 Сверкнули предо мной внесенные халаты.
 Царь, дав мне свой указ, ко мне склонил свой взор,
 Как бы навек меня включил в свой царский двор.
 Счастливая звезда вела меня; нет чуда
 В том, что обрел себе я славный трон Махмуда.
 Князю лицедреть я шел в далекий край,
 И вот я — Мухаммед, который видел рай.
 И вот услышал я завистника, с глазами
 Столь вороватыми и с низкими речами.
 С лицом Иосифа им порождился волк!
 Как всыпать в мед стекло, — он в этом ведал толк.
 Он молвил: «Низами не оценен вселенной:
 Что за награда, друг, за труд его нетленный?
 С Луною сколько звезд в стихах тобой дано!
 Поместье получил — да скудное оно.
 Поместье жалкую являет нам картину,
 Едва займет оно фарсанга половину.
 Земля бесприбыльна: уже ведь с давних дней
 Абхазцы исподу работают на ней».
 И так я отвечал завистнику: «Не думай,
 Что дара не ценю, что злой хожу, угрюмый.
 Скажу тебе, злодей, тебе ведь нужды нет
 В развалины мои вползать, как лунный свет.
 Ты слушал мне хвалы? Они звучней фонтанов,
 Они ценней, поверь, чем сто Хамдуньянов.

Там видишь лишь посев. Приди ко мне, собирай
 Посевы слов моих, ведь в каждом слове — рай!
 В колосьях зерна там, а здесь — не на авось, я
 Жемчугоносные заплел свои колосья!
 И если там дожди все погрузят в Евфрат, —
 Здесь — ключ живой воды рождать в стихах я рад.
 И если там — леса, то слушай, сердце злое:
 Здесь — рощи создаю из ценного алоэ.
 И благодарен я за то, что люди чтут,
 Все то, что сделал я, — весь мой великий труд!
 Пусть ветер кое-что там и свалил с размаха, —
 Все снова возведет благосволение шаха!
 Жемчужина ценней, чем раковины харвар.
 Потопы нам страшны, ручей — исполнен чар
 Великий царь сумел мое служенье взвесить:
 Мне не одно хотел поместье дать, а десять.
 Когда ж увидел он, как мало нужно мне, —
 Поместье это счел достаточным вполне.
 Дарящий радостен и одаренный весел.
 Ты на злоречие замочек бы повесил».

СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ШАМСЕДДИНА МУХАММЕДА ДЖАХАН-ПАХЛАВАНА

О чем я пел, куда стремил свой палаккин?
 Где бросил кладь свою? В чем свет моих годин?
 Всем прозвучал сигнал, — и пыль вражды с размаха
 Смела со света в ночь поверженного шаха.
 Пять наубатов в день свой гром ему несли,
 Ему был мал предел — семь поясов земли.
 Все громче вокруг него был грохот барабана,
 Но пробил барабан к отбытию каравана.

Все громче вокруг него был ста литавров звон,
 Но сам не ведал шах, что на кочевьи он.
 Сад юности пред ним к плодам закрыл дороги, —
 Ключа живой воды так не испил Двурогий¹.
 Вокруг него взыграл дней многобурных ряд.
 Его зря и смерть — две молнии подряд.
 Он рану получил от быстрых рук злодея.
 Разн злодея, рок, о мщении радея!²
 Свой светоч в небеса поднять он захотел.
 Сущств земли и вод оставил он предел.
 Хоть жизни океан стал для него не нужен,
 Мы много соберем им брошенных жемчужин.
 Хоть к жемчугам ушел морей верховных он,
 Оставил жемчугов ряд мудрословных он.
 Коль кравчим для него предстало милосердь,
 Да следует ему людских сердец усердь!
 Коль скрыл его плитой подлунный скорбный дол,
 Да будет благо вам, всходящим на престол!
 Хоть бросил он венец, но возвеличен богом,
 Царь всех, что шествуют по царственным дорогам.
 И будь бессмертен тот, кто взял его венец,
 К кому стремится жар всех праведных сердец, —
 Благой Нусрет-эд-дин, что всем земным просторам³
 Дал указание цвести пред нашим взором!
 Прибежище царей, великий атабек,
 Как вечный Феридун, да славится вовек!
 Как счастлив Абубекр, что Абубекру ведом!⁴
 Сияет Мухаммед свечой пред Мухаммедом⁵.
 Не от него ли ждут венчанные венца?
 И слава дней его не обретет конца.
 В высотах семь планет его дивятся знанью.
 И девять сфер небес верны его влиянию.
 На звездах утвержден его высокий трон,
 К ногам его коня повергся небосклон.
 Да будет мощь его, что славою одета,
 Залогом торжества над всем простором света!

Да будет он вовек властителем всего!
 Пусть будет пройден путь всех замыслов его!
 Будь, счастье, для него, как спутник долгой жизни,
 С которым все найдет, все встретит он в отчизне!
 О счастье молвил я. Так свет его лучист.
 Что, вымолвив о нем, сворачиваю лист.
 Творец, прости, коль я порою был небрежен.
 Твой снисхождение свет безмерен и безбрежен.
 Да будет счастлив тот, кто молвит мне: «Прими
 От благостных небес их милость, Низами».

КОММЕНТАРИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Имя главной героини поэмы — Ширин — буквально означает «Сладкая», «Сладостная»; в дальнейшем поэт обыгрывает это его лексическое значение.

В ВОСХВАЛЕНИЕ БОГА

¹ Имеется в виду Аллах, который, сотворив первого человека — Адама, наделил его именами всех вещей и явлений. Однако возможно и иное толкование подстишки. В оригинале буквально сказано: «Во имя того, благодаря которому бытие обрело имя». Обрести имя — значит «быть», «существовать».

² Т. е. разум может познать Бога лишь тогда, когда он становится смиренным, полностью забывает о собственном «я» и, изумленный безграничностью творения, «не отличает левой стороны от правой».

³ Человек тоже может постичь бога, если он полностью забудет о своем существовании и посвятит себя постижению творца.

⁴ Ты можешь познать бога до определенного предела, за который твой разум не должен стремиться, иначе тебя постигнет неудача и ты зайдешь в тупик.

⁵ По представлению средневековых астрономов, земля окружена семью основными небесными сферами и двумя сверхсферами.

⁶ Шесть сторон — север, юг, восток, запад, верх и низ. Четыре жемчужины — четыре стихии: вода, земля, огонь и воздух.

⁷ В данном двустишии поэт выступает против антропоморфистов, которые представляли бога подобным человеку.

В РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЯМОГО ПОСТИЖЕНИЯ
И ПОЗНАНИЯ РАЗУМОМ

¹ Паломники заоблачной равнины — звезды, планеты и другие небесные тела. Низами так же, как античные и средневековые астрономы, при-

держивался геоцентрической теории, согласно которой все небесные светила вращаются вокруг земли.

² По мусульманскому религиозному учению, бог создал звезды, небеса, луну и солнце, чтобы они служили человеку. В последующих бейтах Низами развивает эту мысль.

³ Шатры — небесные своды.

⁴ Их препоясан стан — они готовы служить.

⁵ Т. е. изумленный необычайным порядком, царящим на небесах, я чуть было не стал носить *зуннар* (см.) Надеть *зуннар* — стать огнепоклонником, поклоняться солнцу и другим светилам.

⁶ Это и следующие двустишия, посвящены осуждению огнепоклонников.

⁷ Под «Рыбой» имеется в виду мифический кит, на котором якобы держится земной шар. Выражение «Мир от Луны до Рыбы» — метафорически обозначает: со дна моря до Луны, т. е. весь подлунный мир. В оригинале присутствует игра неполной омонимией слов «мах» (луна) и «махиз» (рыба).

⁸ Куполы — небесные своды.

⁹ Индийские маги, поклоняясь, словно *мисрабу* (см.), ячменным зернам, с их помощью стараются предугадать грядущие события, но это пустая затея. Так же бесплодны старания астрологов, пытающихся с помощью каких-то камней предугадать будущий ход событий. В этом и последующем двустишиях солнце, луну и звезды поэт сравнивает с ячменными зернами — ничтожной крупницей (см. *джон*) и «камушками» астролобии.

МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ

¹ По коранической легенде, Аллах сотворил человека из глины.

² Комок земли и влаги — сотворенный из глины человек, физическое тело которого в значительной степени состоит из воды.

³ Согласно воззрениям позднейших мусульманских теологов, ислам распался на семьдесят две секты, из которых лишь одна идет по истинному пути.

⁴ Поэт сравнивает себя с розой, а свою поэзию с розовой водой. Т. е. поэт просит бога сделать так, чтобы его поэзия и после его смерти благоухала и источала сладость, как розовая вода.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА ВЕЛИКОГО, ДА БЛАГОСЛОВИТ
ЕГО АЛЛАХ И ДА ПРИВЕТСТВУЕТ

¹ Т. е. благодаря Мухаммеду, избраннику Аллаха, все бывшие до него пророки обрели прозорливость, пропавшую, их глаза обрели свет.

² Он источал аромат, благоухание, словно рейхан (базиллик) в утреннюю пору, и через него божественные истины дошли до нас, ибо Коран был дан Аллахом Мухаммеду в виде откровений.

⁹ Жемчужина-сирота — бесподобная жемчужина, не имеющая себе равных по красоте. Мухаммед в детстве лишился родителей и рос сиротой, поэтому Низами сравнивает его с бесподобной жемчужиной-сиротой.

¹⁰ Имеется в виду священная книга мусульман Коран.

¹¹ «Друг господ» — Халиль — прозвище пророка *Ибрагима* (см.); Келим — «Внимавший Богу» — прозвище пророка *Мусы* (см.).

¹² Поэт намекает на то, что пророк Мухаммед в молодости часто удалялся от людей в пустыню и проводил время в думах об Аллахе в обществе змей, ищериц и т. д.

¹³ Т. е. силами с его души позор его грехов. *Зуннар* (см.) здесь употреблен как символ греховности, неправой веры.

О ТОМ, ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО НАПИСАНИЮ КНИГИ

¹ Утреннее солнце уподоблено *халифу* (см.) — духовному и светскому владыке мусульман.

² Т. е. из тьмы возник небесный свод, дожидаясь своего султана — солнца.

³ В средние века по городам ночью ходила ночная стража, которая через определенные промежутки времени звонила в колокольчики или била в барабан, оповещая о том, что стража бдит. В последний (пятый) раз стража играла на рассвете. Пение и гомон птиц сравниваются с последней стражей.

⁴ Чаша *Джемшида* (см.) — сияющее солнце.

⁵ Семь *фиггуров* (см.) — семь планет, семь императоров небесного царства.

⁶ Восточный хан — солнце; ночной хан — поэт, пишущий стихи ночью напролет.

⁷ Чтобы открыть замок на двери сокровищницы поэтических слов, из камня (руды) добыли железо, из которого ты можешь изготовить ключ; т. е. твоя душа сейчас наполнена драгоценными словами, приступай к творчеству.

⁸ Т. е. ты настолько искусен в поэзии, что перед твоим поэтическим пером тростниковое перо искуснейшего писца *Утарида* (см.) — Меркурия кажется ржавым гвоздем, а покровительница и богиня искусств *Зухра* (см.) — Венера от зависти к тебе рвет на себе одежду.

⁹ По легенде султан *Махмуд Газавидский* (см.) «казал челикому *Фирдоуси* (см.) поэму «Шах-наме» и обещал заплатить за каждое двустишие по золотому динару, но не сдержал своего обещания и вместо 50 000 золотых динаров заплатил 20 000 серебряных дирхемов. Раздосадованный поэт отправился в баню и все это серебро разделил между банщиком и продавцом шербега (сладкого напитка). В этом и последующих стихах поэт намекает на указанную легенду.

¹⁰ Поэт скромно ставит себя ниже своих предшественников, «сверли-

щих рубины слов» с помощью щедрости царей, чьи великодушные руки уподоблены алмазу.

¹¹ Лишь те поэтические слова могут подняться выше созвездия *Плеяд*—*Сурайи* (см.), которые поэт создает, не испытывая нужды и житейских невзгод.

¹² По поверью, все зарытые в землю сокровища охраняются змеями, драконами, которые, сидя на сокровищах, питаются землею, прахом. Поэт сравнивает свой талант с сокровищем, себя со змеем, сидящим на сокровище, а свою ячменную лепешку — с черной землей, которой питается змея.

¹³ Сравнивая себя с пчелой, поэт хочет сказать, что он живет в стесненных, словно улей, обстоятельствах, но зато источает сладкие, как мед, поэтические слова.

¹⁴ Под шаханшахом (царем царей) поэт подразумевает заказчика поэмы, великого атамана Мухаммеда Джахан-Пахлавана Иль-Дениза (1075—1086), правителя Азербайджана и значительной части бывшей Сельджукской империи.

В ПОХВАЛУ ТОГРУЛ-АРСЛАНИ

¹ *Хабеш* (см.), *Тамгадж* (см.), *Чач* (см.) и *Шуштар* (см.) — далекие друг от друга области и города. Смысл двустишия: Поэт не мог преподнести законченную поэму султану потому, что тот находился в походах, присоединяя к своим владениям далекие области и города.

² Он добился невиданных успехов, даже поймал невидимую сказочную птицу *Анку* (см.) и воздвиг ее над своим царским шатром, а золотой и блестящий его венец возвышался выше и сиял ярче созвездия Плеяд.

³ Т. е. султан Тогрул III перешел реку Джейхун (Аму-Дарью) и дошел до Памирских гор.

⁴ По тогдашним географическим представлениям, обитаемая часть земли состояла из семи поясов, «климатов». Гиперболизуя завоевания султана, поэт хочет сказать, что он покорил весь земной шар и девять небесных «фер».

⁵ Властелин тюркских стран — хакан и кесарь византийский подчиняются ему и платят дань.

⁶ Поэт молит Аллаха, чтобы Тогрула не слгализили и он все «был окружен» благоухающей атмосферой.

⁷ Сити — сокращенная форма от арабского слова «сайиндати», которое буквально обозначает «моя госпожа», а «мехсити» — арабо-персидское слово, которое значит: «великая госпожа». В средние века придворных певцов и танцовщиц презрительно звали сити, а их начальницу — мехсити.

⁸ Джем — город в Хорасанской области. Т. е. за мои стихи город Джем может явиться наименьшим подарком.

⁹ Соломон (см. *Сулейман*) — библейский царь, который, по легенде,

умел говорить со всеми живыми существами и небесными телами. Рыба, на которой по легенде стоит земля, — символ всего земного, мелких тварей, а Луна — олицетворение небожителей. Т. е. мудрый Соломон говорил и обитателям и с мелкими существами, и с великими небожителями.

¹⁰ Золта — специальный сорт глины, песча, которыми пользовались ювелиры при плавке и обработке золота.

¹¹ По представлению средневековых астрономов, земля была неподвижна, небесные сферы вращались вокруг нее. Смысл бейта: Аллах, храня султана Тогрула до тех пор, пока существует земля, а небосвод вращается вокруг нас.

В ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА ВЕЛИКОГО ШАМСЕДДИНА АБУ-ДЖАФАРА МУХАММЕДА ИБН-ИЛЬДИГИЗА

¹ Шамседдин по-арабски буквально значит «Солнце веры».

² В этом и следующем бейтах поэт говорит, что пророк Мухаммед, создав новую религию — ислам, объединил арабов и властвовал над ними, а атабек Шамседдин Мухаммед стал владыкой всего древнеиранского царства и ныне правит всеми персами.

³ Т. е. пророк Мухаммед создал ислам, а атабек Шамседдин Мухаммед утвердил на земле законы этой веры.

⁴ Имя «Мухаммед» содержит три буквы «м», а буква «м» в начале и середине слова в арабской вязи пишется в виде кружочка, наподобие кольца. В средние века рабы носили специальные металлические кольца в ушах. Поэт утверждает, что буквы «м» в имени «Мухаммед» — символ того, что мир является рабом пророка Мухаммеда и атабека Шамседдина Мухаммеда.

⁵ Поток щедрости атабека поэт сравнивает со всемирным потоком и утверждает, что он даже превосходит последний, ибо всемирный поток не смог затопить все, и пророк Нух (см.) сумел пристать со своим ковчегом к горе Арарат.

⁶ Атабек Шамседдин Мухаммед, рассекая черные тучи алчности могучим мечом, проливает свои щедроты, словно дождь; этим же мечом он завоевал все семь обитаемых частей земли.

⁷ Белизна и чернота — день и ночь, т. е. подлунный мир.

⁸ Четыре вена — четыре стихии (вода, огонь, воздух и земля); семь просторов — семь обитаемых частей, «полюсов» земного шара. Смысл бейта: Шамседдин, отец Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана, покидая этот бранный мир, вернул земле четыре стихии, т. е. навел на ней полный порядок.

⁹ Китай в поэзии Низами страна тюрков, не соответствующая современным географическим представлениям; тюрки — символ белизны, красоты; Абиссиния (Хабеш) олицетворяла черноту, страну мрака. Поэт обычно употреблял Китай и Абиссинию как антонимы, для обозначения самых отдаленных краев земли.

¹⁰ Индиец — символ черноты. Так как восточные правители обычно держали чернокожих рабов, то «индиец» в данном контексте обозначает «раба»; тюрки и румийцы (византийцы) в классической поэзии олицетворяли белизну, красоту и противопоставлялись чернокожим. Смысл бейта: Когда он проник в Рум (см.), т. е. Турцию, он превратил белое свободное население в чернокожих рабов.

ОБРАЩЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕЛОВАНИЯ ЗЕМЛИ

¹ По легенде у Соломона (см. Сулейман) был перстень, на котором было написано «Аллах». Благодаря этому перстню все живые существа, демоны и духи подчинялись ему. По легенде, изложенной Низами в поэме «Искендер-наме» при Искендере (см.) — Александре Македонском впервые было изготовлено зеркало из полированного железа.

² В период правления Аббасидов (750—1256) синий цвет служил символом траура. Смысл стиха: Мы привыкли видеть тебя на троне на слоне, но если мы на слоне увидим чужой трон, то пусть он будет траурным трном.

³ Теперь, когда мечом из железа ты покорил мир и собрал огромные сокровища, удались во дворец, украшенный железными зеркалами (зеркала изготавливались из полированного железа), одаривай поэтов и слушаю их стихи.

⁴ Я первая певчая птица, воспевшая твою доблесть, и если ты будешь милостив ко мне, я, словно соловей, буду складывать песни в твою честь; если же ты лишишь меня своей благосклонности, то я превращусь в ворону.

⁵ Поэт намекает на то, что он давно не слагал стихов в честь атабека Шамседдина и объясняет это тем, что он искал подходящую его величию тему для большой поэмы.

⁶ В этом и последующих стихах поэт объясняет свой отказ служить при дворе атабека и сопровождать его в походах своей нелюдностью и подвижническим образом жизни.

В ВОСХВАЛЕНИЕ ШАХА МУЗАФФАРАДДИНА КЫЗЫЛ-АРСЛАНА

¹ Низами считал красный цвет символом Руси. Смысл стиха: он из-поэт Занг (см.) — Занзибар, черную страну, населенную неграми, красной русской рекой, т. е. прольет столько крови, что страна черных превратится в красную реку.

² Если бы старый Сатурн не служил у него рабом и стражником, если бы его не удерживало чувство ответственности и страха перед атабеком Кызыл-Арсланом, то он давно свалился бы с небес.

³ Бейт переведен неточно. В оригинале сказано: «Если он будет вечно,

то пусть сгинут все ширь, нина и вночерниа, ибо от этого не убавится веселья и радости.

⁴ В 1175—1176 гг. восточные астрономы во главе со знаменитым поэтом Анваром (ум. 1189) на основе расположения звезд предсказали, что в 1186 г. произойдет страшная буря и наступит конец света. Этому предсказанию Низами посвятил целую главу в поэме «Сокровищница тайн».

Здесь поэт выражает сомнение в возможности мировой катастрофы и утверждает, что если даже она произойдет, то ничего страшного не случится, ибо у нас есть такой вождь, как Кызыл-Арслан, мудрый, как Соломон. В последующих двустишиях поэт развивает эту тему.

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ ЭТОЙ КНИГИ

¹ Поэт намекает на то, что благодаря благосклонности атабеков Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана у него есть возможность высказываться, писать свободно, не опасаясь преследований, и поэтому он должен торопиться, ибо времена могут измениться.

² Поэт уподобляет десять лепестков лилии немим языкам. Смысл бейты: Говори коротко, но красиво, как роза, которая цветет непродолжительное время, но зато источает дивный аромат; не болтай много, подобно лилии, которая цветет долго, но, несмотря на то, что имеет десять лепестков-языков — немая, ибо не источает аромата.

³ Рельефные изображения, высеченные задолго до описываемых событий на горе *Бисутун* (см.) впоследствии связывались с легендой о Хосрове, Ширин и Фархаде.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

¹ В описываемые времена шахские слуги носили специальные пояса, отличавшие их от других слуг. Они отличались большой расторопностью и готовностью выполнить любое поручение своего господина. Отсюда пояс стал символом готовности служить. Я препоясаясь — я приготовился написать эту поэму.

В ОПРАВДАНИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

¹ Т. е. воспевая любовь огнепоклонников-язычников, не замарай чистый лист своих деяний. Согласно мусульманским законам, запрещено есть мясо животных, если они не забиты специальным образом.

² Друг Низами называет «костью падали» легенду о любви Ширин, Фархада и Хосрова, которые были огнепоклонниками-язычниками.

³ Т. е. ты обладаешь волшебным пером, которое, словно ключ, открыло тебе «Сокровищницу тайн».

⁴ Золотые монеты, чеканившиеся в столице халифата Багдаде, отличались точностью веса и чистотой пробы.

⁵ Мясник, зарезав барана, вдвигает воздух под кожу, чтобы снять шкуру без ножа. Поэт хочет сказать: Не вдвигай в меня воздух гордыни подобно тому как мясник вдвигает воздух под кожу барана, от чего тот раздувается и кажется больше, чем есть на самом деле.

⁶ По мусульманской легенде, *Иса* (см.) обладал чудесным искусством оживлять мертвых своим дыханием, но он не смог оживить Моисея (см. *Муса*).

НАЧАЛО РАССКАЗА

¹ *Парвизом* назван был и т. д. Непереводимая игра слов: поэт обыгрывает исполную омонимно слова «парвиз», которое означает «победитель» и «бахрома». Прототипом героя Низами был франкский царь из династии сасанидов Хосров II Парвиз (590—628).

² Мускусы хранили в шелковых мешочках.

³ Т. е. когда он покинул колыбель и вышел на жизненное ристалище, мир, боготворя его, принял в свои объятия.

⁴ Шесть сторон — см. пр. 7 к главе «В восхваление бога».

⁵ Он был настолько искусен в стрельбе из лука, что попадал в барабан Зухры, покровительницы музыки и искусства так же легко, как в барабанчик для приманивания сокола во время охоты.

⁶ Белый див — могущественный злой дух в иранской мифологии, которого сокрушил легендарный богатырь Рустам. Единоборство Рустама с Белым дивом воспето в эпосе Фирдоуси «Шах-наме».

⁷ Бузург-Умид буквально означает «Великая надежда». Часто поэт обыгрывает лексическое значение этого имени.

⁸ Колыца *Кейзана* (см.) — колыца Сатурна. Е. Э. Бертельс по этому поводу писал: «О колыхах Сатурна Низами знает не мог, так как они были открыты лишь после изобретения телескопа (не ранее начала XVII в.), поэтому нужно думать, что слово «колыца» здесь употреблено в значении «сфера» (Низами, Хосров и Ширин. Предисловие. Е. Э. Бертельс, М., 1955, с. 508). Однако известный астроном Г. Д. Мамедбейли утверждает, что восточным астрономам задолго до европейцев было известно о существовании колец Сатурна, (Г. Д. Мамедбейли. Низами как передовой ученый своего времени. «Низами», сб. статей. Баку, 1940, с. 103 и далее).

⁹ Длинные руки — люди, которые накладывают руки на чужое добро; угнетатели, тираны. Смысл двустишия: Ормуз навел в стране порядок и укоротил руки тем, кто грабил своих подданных.

¹⁰ Гулям — здесь мальчик. В средние века при дворах царили разврат и противоясственная любовь к мальчикам, которых обычно покупали в тюркских странах (Туркестане), жители которых отличались белой кожей и красотой лица.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

¹ Златая роза вдалеке уже стала уплывать — солнце постепенно начало заходить.

² Т. е. заходящее солнце сравнивается с ароматным дымом, который воскуривали также для того, чтобы уберечься от дурного глаза. Блики заходящего солнца уподоблены знаменам; мрак шатра — метафорическое обозначение ночного неба. Смысл бейта: Заходящее солнце, подобно бегущему парю, на своем диске сжигало алоэ, распространявшее благоухание, предохраняющее от сглаза, и убирало свои знамена, чтобы сплечь из них черный шатер.

³ Гурский раб — раб, происходящий из Гира (см.). Красные гурские рабы высоко ценились при дворах, и цари обычно держали их при себе.

⁴ В те времена струны арфы делали из особого сорта шелка.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОТЦУ

¹ Под кипарисом, который в классической поэзии был предметом сравнения для стройного стана, Хосров имеет в виду себя.

² Человек, готовый нести любое наказание, отправляясь на суд, надевал на себя саван и, подним меч, держал его над своей головой.

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ СВОЕГО ДЕДА АНУШИРВАН

¹ Блеснула в выси кубесник — взошла луна.

² Вкусил столь горький виноград — потерял прекрасного гурского раба. В оригинале непереводимая игра, основанная на неполной омонимии слов «гур» — гур, гурский раб и «гуря» — незрелый, кислый виноград.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИН

¹ Шестисводный шатер — метафорическое обозначение мира (см. пр. 7 к главе «В восхваление бога»). Шапур хочет сказать, что он путешествует по всему миру.

² Шемора — ассирийская царица Семирамида, которой легенды приписывают основание Вавилона, устройство висячих садов и другие заслуги; здесь это имя отнесено к Михин-Бану, имя которой значит «Великая госпожа».

³ Стройный стан Ширин сравнивается с пальмой, черные косы — с неграми, а сладкие уста — с финиками. Т. е. черные косы поднимаются вверх по ее стройному стану, чтобы поцеловать ее голову и уста.

⁴ Т. е. уста источали остроумные речи.

⁵ Бобер — черные волосы, горностай — белое, прелестное лицо.

⁶ Ее лик был так прекрасен, что планеты, залюбовавшись им, сблизил со своего обычного пути и заплутались. Этот лик был блее луны и утра.

⁷ Рубины — алые губы; жемчужины — зубы.

⁸ Заяц спит с открытыми глазами, но ничего не видит, словно впадая в обморок. Смысл стиха: При виде прекрасных глаз Ширин даже те, кто сильнее льва, лишаются сознания, падают в обморок.

⁹ Меджиун и Лейли — герои поэмы Низами «Лейли и Меджиун», написанной в 1188 г. Этимологически имя «Меджиун» означает «безумный», «одержимый злыми духами». Смысл двустишия: Ширин была намного красивее Лейли, и ее красота смутила бы самого Меджуна, безумно влюбленного в Лейли.

¹⁰ Калам — тростниковое перо, которым обычно шахи подписывали указы, приговоры о казни и т. д. Здесь с каламом сравниваются пальцы Ширин.

¹¹ По родинкам ее предскажешь путь ночей. — В подлиннике: «Ночи у ее родинки учатся темноте».

¹² В старину меланхолию лечили снадобьем, в состав которого входили растертые рубины (лазы) и жемчужины. Смысл бейта: при виде ее рубиновых губ и жемчужных зубов большие меланхолией исцелялись.

¹³ В двустишии поэт обыгрывает омонимию слова «ширин», которое обозначает «сладкая, сладостная».

¹⁴ Небесных семь арен — семь небесных сфер.

¹⁵ Ночная птица (в оригинале — Шебавиз) — легендарная птица, которая, по поверью, всю ночь стоит, тоскует, дожидаясь наступления утра.

¹⁶ Китайская живопись в средние века пользовалась большой популярностью, считалась образцовой. Низами был хорошо знаком с этой живописью по иллюстрациям в книгах манихеев и посвятил ей специальные главы в своей поэме «Искендер-наме». Говоря о китайской живописи, Низами имеет в виду главным образом манихейскую живопись. Мани (казнен в 224 г.), основатель манихейства (дуалистической религии), был известен Низами прежде всего как искусный художник (см. *Аржан* и *Мани*), а последователи Мани, спасаясь от преследований зороастрийского жречества и сасанидских правителей, переселились в восточный Туркестан (см. *Китай*). Манихейцы создали искусную настенную живопись и иллюстрировали свои книги высокохудожественными рисунками.

¹⁷ Речь идет о Ширин, ибо сахар синоним сладости, а имя Ширин означает «Сладкая».

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

¹ Т. е. он умеет изображать людей так искусно, что они кажутся живыми, а птица, нарисованная им, так и стремится улететь.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕБДИЗА

¹ Глиняный комочек, замешанный водой, — человек, сотворенный из глины; оболочка его состоит из влаги (крови и т. д.).

ШАПУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

¹ Небосвод уподоблен черной эбеновой доске для игры в *парды* (см.), а солнце — желтой кости. Смысл бейта: Когда ночь распустила свои кудри и светом дня — солнце — сгорело (начало заходить), то его, словно желтый шарик, бросили в ящик для пард и закрыли черной крышкой — ночным небосводом.

² Т. е. солнце зашло, наступила ночь, и Шапур может отправляться в путь.

³ Под «блещущими Плеядами» подразумеваются подруги Ширин.

⁴ Ширин увидела портрет Хосрова, изображенный на «благородной бумаге» — худжете.

⁵ Подруги Ширин разорвали в клочья искусный рисунок, перед которым бледнела китайская живопись.

⁶ Портрет Хосрова уподоблен кадилнице, жаровне. Смысл бейта: Портрет Хосрова так изволовал, разгорячил их, что они пылали, словно жаровня. Чтобы уберечь себя от чар этого портрета, они окурили себя *рутой* (см.) и покинули дуг, на котором расположились.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН
ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

¹ Ночное небо уподоблено черной сказочной птице *Анке* (см.), а солнце — лучистому зерну. Смысл бейта: Когда ночное небо, похожее на черную Анку, заключило в свои объятия солнце, казавшееся по сравнению с небосводом лучистым зерном, Ширин с гурienподобными подругами *выехала* в поле.

² На современных географических картах не зафиксирована местность под названием Анджарак; в рукописях это название представлено в различных вариантах: Анджук, Ильджук и т. д.

³ «Перисуз» — буквально обозначает «сжигающий перн», «уничтожающий духов», Армянское название, а также местонахождение монастыри под названием Перисуз не удалось установить. Смысл этого и предыдущего двустий: Когда солнце поднялось, перлики вылили остатки вина для тех растений, которые готовы были испить его, а затем красавицы отправились в монастырь «Сжигающий перн».

⁴ *Здесь гурья вино решила пить меж гурий.* — Ширин, подобная гурин, решила пить вино среди своих гурienподобных подруг.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА В ОДЕЖДЕ МАГА-ЖРЕЦА

¹ Птица Чар — чародей Шапур.

² В подлиннике полустиние буквально звучит так: «Те слова и докопы были подобны мускусной ночной весне». Т. е. они были несения-перные, словно мускус, и источали мускусный аромат.

³ Т. е. Шапур, подобно черным индийским воям, ловко украл ее сердце, а Ширин, как белая смелая тюрокка, бросилась на него, чтобы отобрать украденное.

⁴ Тюрки в поэзии Низами — символ красоты, белизны, непобедимости, а индусы — черноты. Смысл бейта: Тюрская красота Ширин была подобна неотразимому тюрокскому набегу; перед этой красотой не могли устоять даже тюрки.

⁵ Томные нарциссы — красивые, томные глаза Ширин. Смысл стиха: Даже Шапур, ведавший язык глаз, привычный к прекрасным глазам, лишился дара речи при виде необычайно красивых глаз Ширин.

⁶ Кумир — обычное сравнение для красавицы. В буддийских странах (Индия, Китай и т. д.) в храмах обычно разукрашивали идолов, отсюда и пошло сравнение красавицы с кумирами, идолами, которым поклонялись идолопоклонники.

⁷ Словесный мяч — образ, взятый из игры в *чуган* (см); отсюда выражение «выиграть мяч спора». Смысл стиха: Шапур бросил мяч слова на ристалище красноречия, чтобы затем выиграть его.

⁸ Т. е. на розовых ланитах юного Хосрова еще не появился черный пушок.

⁹ Т. е. Хосров настолько сладкоречив, что может своими сладкими словами извлечь жемчужину-душу из лала-рубина.

¹⁰ *Так он жемчужину сверлил многообразно.* — Он рассипал перлы красноречия, чтобы поймать жемчужину — душу Ширин.

¹¹ Бану — т. е. Михин-Бану.

¹² Яви свою луну — покажи свое луноподобное лицо.

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИН-БАЛУ В МЕДАНИ

¹⁻² Месяц — Ширин, блестящие звезды — ее красивые подруги. Смысл бейта: Ширин, которая была похожа на месяц, приказала окружающим ее блестящим, словно звезды, красавицам сесть на горностабных коней и помчаться через горы, чтобы добраться за ночь до Баранды, к Михин-Бану.

³ Накрыв на солнце черный покров, укрыли его под голубой ластовой небосвода. Т. е. солнце зашло и наступила ночь.

⁴ Двустиние построено на метафорах: синий ларен — небо, узоры из жемчужин — звезды, червонный замок — солнце. Китай — законодатель искусной живописи.

⁵ *Выходит из дара мечта китайских нег.* — Ширин вышла из дворца собирать бежать в Медани.

⁶ Китайские изделия — китайские куклы, т. е. красивые подруги.

служанки Ширин, которые были стройны, словно кипарис и услаждали взоры.

¹ Служанки и подруги помчались за Ширин, чтобы остановить ее, но у них не осталось даже призрака надежды, чтобы настичь хотя бы тень Шебдиза.

² В старинной сказке повествуется о том, что одна волшебница, спасаясь от преследования, бросила на дороге свой гребешок и зеркальце. Гребешок превратился в лес, зеркало — в гору, и старая волшебница скрылась — преследователи не смогли догнать ее. Смысл бейта: Дорога была так непроходима, будто бы здесь уронила свой гребешок и зеркальце колдунья из сказки.

КУПАНИЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

¹ Утомленная ночная жгдла исчезла, париссоподобные звезды с крутящегося небосвода скатились в бездну, и из-за облаков появилось солнце рубинового цвета.

² Вот сахарный Сухейль освобожден от шерсти. — Сладостная Ширин, блистательная своим блестящим белым телом звезду Сухейль (см.), сняла с себя шерстяную мужскую одежду, и при виде обнаженной Ширин звезда Тиштирия (Сириус) от восхищения и изумления вскрикнула.

³ Двухстишие содержит целый ряд метафор: лазурь — шелк голубого, небесного цвета, которым обвивалась свои бедра Ширин; Пляяды — ее белая, сияющая грудь; лотос — белое тело Ширин; шиповник — тот же шелк зеленого цвета. В поэзии Низами голубой, зеленый и синий цвета часто почти синонимы.

⁴ Синева — вода озера; луна — Ширин.

⁵ Т. е. в сеть ее волос вместо рыбы попалось отражение ее луноподобного лица.

⁶ Т. е. ее мускусные черные косы лежали на ее белом, благоухающем теле. Второе полустишие переведено неточно. В оригинале сказано: «От ее камфары мир вкушал лишь камфару». Есть камфару — идиоматическое выражение, означающее «быть бесильным, немощным» Т. е. ее камфарно-белое тело было недоступно простым смертным.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

¹ Полководец Ормуз Бехрам Чубине, собираясь захватить царскую власть, решил устранить наследника престола царевича Хосрова II Парвиза. Для этой цели он велел отчеканить монеты с изображением царевича, чтобы отец заподозрил своего сына в желании захватить престол. Эта хитрость вполне удалась коварному Бехраму.

² Мускуснокудрые — черноволосые, благоухающие мускусом красавицы, жившие во дворце Хосрова.

³ У Хосрова II Парвиза было несколько дворцов, один из них был зеленый. В оригинале «мишкуй» — (мускусный).

⁴ Орел — конь Шебдиз, фазан — Ширин.

⁵ Т. е. лицо Ширин было подобно зеркалу с ртутной амальгамой. По утверждению средневековых историков, такое зеркало, подобное луне, создал Муканна (см.). Это нехлебское зеркало из ртутной амальгамы излучало свет, заставлявший людей поверить в пророческую миссию Муканна.

⁶ Выющиеся волосы Ширин уподоблены извивающимся змеям.

⁷ Ширин уподоблена сокровищу, а ее косы — змеям. По поверью, змеи охраняютклады.

⁸ Т. е. ни один волшебник-змеелов, усиливающий змей своим колдовством, не держал в руках кос Ширин, ибо эти змееподобные косы мгновенно жалали колдунов и не подпускали их к себе. Здесь речь идет о целомудрии Ширин, о том, что ничьи руки до сих пор не касались ее кос.

⁹ Сад — рай, садовод — страж райских садов, которого по мусульманской легенде зовут Ризван. Здесь страж райских врат и садовод — Ширин; ключ — платье с пуговицами. Смысл бейта: Ширин сняла с себя платье и гранаты ее груди стали доступны взорам.

¹⁰ Солнце — Хосров, Луна — Ширин. Смысл стиха: Солнцеподобный Хосров свернул с дороги, словно для того, чтобы взглянуть на луноподобную Ширин.

¹¹ Зодиакальному знаку Водолея уподоблено озеро, в котором купалась Ширин, а она сама сравнивается с Луной.

¹² Хумай (см.) — Хосров; оседланный фазан — его конь. В классической восточной поэзии походка фазана считается необычайно красивой.

¹³ Свои черные, как ночь, кудри Ширин напустила на свое луноподобное лицо.

¹⁴ Серебро — белое тело Ширин; рисунок черным — узоры, образованные кудрями Ширин на ее белом теле.

¹⁵ Т. е. нельзя молиться сразу двум богам.

¹⁶ Когда пускали по кругу чашу, никому не полагалось пить дважды.

¹⁷ По поверью, Земля держится на Быке, а Бык стоит на Рыбе. Смысл бейта: Шебдиз на скаку так ударял копытами о землю, что Рыба и Бык чуть не оглохли.

¹⁸ Ворон — вороной Шебдиз, сокол — всадница Ширин.

¹⁹ Т. е. царевич Хосров от горя согнулся, словно плачущая ива. Изогнутая клюшка для игры в чоуган делалась из ивы. Смысл стиха: От страданий его стан согнулся и стал словно ивовая клюшка.

²¹ И роз не розов цвет — Розовые щеки Хосрова перестали быть розовыми, побледнели.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДИАНЕ

¹ В оригинале буквально сказано:

Смыс с лица краски невесты,
Она как новобрачная искала своего [исчезнувшего] мужа

Иными словами, Ширин вела себя не как нареченная, а как законная жена, и искала своего мужа.

ПОСТРОПКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

¹ В подлиннике буквально сказано:

Когда Ширин установила свою колыбель в Меданне,
То она начала источать из своих сладких уст целые блюда меда.

Иными словами, обосновавшись в Меданне, Ширин начала угощать окружающих сладкоречивыми беседами.

² В подлиннике буквально сказано:

Я горянка, изращенная цветником розы,
От жары мои алые руки (т. е. ланиты) стали желтыми.

³ По легенде, в вавилонском колодезе заточены падшие ангелы *Харут* и *Марут* (см.), которые обучают людей искусству колдовства. Вавилонская колдунья — искуснейшая колдунья.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИН-БАЛУ

¹ Т. е. Михин-Балу первым делом начала возносить хвалу богу.

² Столица Аррана Барда славилась, помимо прочего, своим знаменитым «Белым садом».

ПШРШЕСТВО ХОСРОВА

¹ Т. е. у входа в шатер стояли два стражника с обнаженными мечами, оберегая Хосрова от недругов.

² Чернота может зардеться только от огня, а огонь научился отнимать цвет черноты у времени, которое превращает черные волосы в белые (в седину).

³ Т. е. уголь темного, фиалкового цвета, разгораясь, становится красным, как тюльпан.

⁴ Вдох *рейхана* (см.) — благоухание рейхана. Во втором полуступиши язычки пламени уподоблены завиткам рейхана.

⁵⁻⁶ Утки и куропатки, глядя на сладкое, красное вино, наполнявшее живот (внутренность) сосудов, сделанных в виде петухов, от зависти словно сгорали на огне.

⁷ Нарциссы в классической восточной поэзии обычно сравниваются с томными глазами. Черная сердцевина нарциссов при этом уподобляется зрачкам. Смысл стиха: Перед шатром расстилалось поле, напоминавшее цветник нарциссов с томными глазами и фиалками, похожими на кудри красавицы.

⁸ В подлиннике сказано:

С цитронами и гранатами, в изобилии украшавшими
пришество,
Весенний ветер играл в прятки, показывая им фокусы.

⁹ Стоны кеманчи уподоблены мольбам пророка Моисея (см. *Муса*), обращенным к богу, чтобы он показал себя ему.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

¹ Полог — специальная завеса, которая висела у входа в шатер.

² Т. е. Шапур поцеловал землю перед Хосровом. Слово «разрисовал» здесь подчеркивает, что Шапур был художником.

³ Т. е. Ширин страстно припала к картине, изображающей Хосрова.

⁴ Туркестан — здесь обиталище прекрасных, белоликих турчанок, гарем Хосрова.

⁵ Цветок весны — Хосров.

⁶ Т. е. Шапур как умелый, искусный лучник, обладающий большим запасом стрел, пронзающих сердца, искал хороший лук, т. е. удобный случай, чтобы завоевать сердце Ширин для Хосрова.

⁷ Серебряный кумир — Ширин.

⁸ Влюбившись в Хосрова, Ширин от тоски по нему почам завила свои кудри, черные как ночь.

⁹ Т. е. Хосров Паранз дал себе зарок никогда не забыть услуг Шапура и воздать ему должным образом.

¹⁰ Изумруд — Ширин; рудник — Хосров; рейхан — Ширин.

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

¹ Месяц ясновзорый — луноподобная Ширин.

² *Стал лик его — рубин*. Т. е. Шапур густо покраснел, стал пунцовым. Жемчужина — Ширин. Увидев, в каких условиях живет Ширин, Шапур покраснел и в смущении пал перед ней ниц и поцеловал землю.

³ Т. е. Шапур не снял с себя «колодки» — узы дружбы к ней и, как узник, будет оставаться в этих колодках.

⁴ Роза роз — Ширин.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОЦА

¹ Индустан — родина слонов. Смысл бейта: Гонец напомнил Хосрову, жившему на чужбине, о его отечестве.

² Зенг — *Занзибар* (см.), страна, населенная неграми, символ черноты; Чин — Китай (см.), Китайский Туркестан, славившийся белизной своих жителей, олицетворяет белизну. Зенг и Чин здесь метафорически обозначают весь мир. Кроме того, в оригинале поэт обыгрывает омонимию слова «чин», которое, кроме Китая, обозначает «извилистый», «вязь».

Смысл бейта: Гонец привез письмо, написанное черными чернилами извилистой, замысловатой вязью и сообщившее о том, что трон повелителя мира от Китая до Занзибара пустует.

³ Посох — метафорически обозначает «сын». Смысл бейта: Ормуз умер, и смотреть будет теперь на мир глазами сына; мир отнял у него боевое копье и будет жить в мире с ним с помощью посоха — Хосрова.

⁴ Индиго — синий (траурный) цвет, бакал — лаковая краска, пред-

составляющая соединения органических красителей с различными минеральными веществами; символ радости и веселья. Смысл бейта: Рок держит в своей мастерской рядом с бакалом и нищим, рядом с радостью печаль.

² На мир не следует полагаться, ибо он рано или поздно, словно индийский вор, обграбит тебя, т. е. похитит твою душу, и ты умрешь.

³ Предбанник — намек на то, что труп мертвеца омывают перед захоронением.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

¹ Т. е. когда пришла весть о том, что Ормуз, отец Хосрова II Парви-
за, умер.

² Он развлекался в обществе наложниц, которые по сравнению с сакердотом — Ширин напоминали простые буднички.

ШАПУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

¹ Т. е. Михин-Бану успела заметить, что и шах влюблен в Ширин, ибо об этом постоянно шептались луноподобные красавицы, окружавшие Хосрова в ее дворце.

² Когда вино в кувшине начинает бродить, оно с силой выталкивает крышку. Смысл бейта: Михин-Бану старалась успокоить волнувавшуюся, словно забродившее вино, кровь Ширин, но это был такой же напрасный труд, как попытка замазать солнце глиной.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БАХРАМА ЧУБИНЕ

¹ Ключ победы, сверкая своими устами, заявляет, что с помощью рассудка можно открыть любые замки, преодолеть любые препятствия.

² Бехрам знал, что после того, как он уберет Хосрова, Ормуз ослепнет от тоски по сыну, подобно тому, как в свое время ослеп от слез Якуб в разлуке с Юсуфом, но, несмотря на это, он обвинил Хосрова в том, что он ослепил отца, и под этим предлогом выступил против него.

³ Он слепоту врага мирил с помощью «слепого», т. е. бесчисленного количества золота.

⁴ Т. е. вступая на территории Ирана Бехрам объявлял ему «шах».

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

¹ Арканы мускуса сползают по плечам. — Черные и благоухающие, как мускус, волосы Хосрова ниспадали по плечам.

² Луна в обоих полустишиях обозначает лицо. Смысл бейта: На лу-

ноподобном лице еле пробивался черный пушок, а линия подбородка обрамляла лунный лик Ширин.

³ Т. е. чтобы своим полетом связать землю с небом, они сели в седла.

⁴ Всадники, следовавшие за Хосровом, натянули поводья, и луноподобные подруги Ширин тоже остановили своих коней.

⁵ Луна и Солнце — Ширин и Хосров.

⁶ Сгорая от страсти, они не могли двигаться дальше, словно их коня увязли в болоте.

⁷ Муравьи — простые люди, прислуга.

⁸ Т. е. вокруг Хосрова и Ширин собралось такое множество народа, что от их тяжести земля застонала и пожаловалась Быку, на котором она стоит.

⁹ Семь областей — семь стран мира (см. *икли*).

¹⁰ Я стану своей препояшу. — Я надену рабский пояс, чтобы услужить тебе.

¹¹ Слон — Хосров, муравей — Ширин. Смысл бейта: Если такой великий человек, как Хосров, пожалует в дом маленькой, как муравей, Ширин, то она будет счастлива.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

¹ Если крестьянин сеет чистые, добрые семена в черную грязную землю, то они, несмотря на пребывание в грязи, дадут добрый урожай.

² Перевод несколько неточен. Смысл бейта: К человеку с чистой, благородной сущностью не пристанет никакая грязь.

³ Михин-Бану учит Ширин, что у нее есть две тени, которые должны следовать за ней: первая — ее собственная тень, а вторая — счастье.

⁴ Т. е. оберегай печать своего сокровища — целомудрие.

⁵ Т. е. не женившись на тебе, он может изведать твою сладость.

⁶ Рабы носили специальные кольца в ушах. Смысл бейта: Ширин внимательно слушала мудрые речи Михин-Бану и ее советы вдевала в свои уши, словно рабские кольца.

ХОСРОВ И ШИРИН ИГРАЮТ В ЧОВГАН

¹⁻² Когда бледный, как жемчуг, свет звезд сменился алым, рубиновым светом солнца, последнее вручило поводья дню Зухре (Венере) — Ширин и Муштарн (Юпитеру) — Хосрову.

³ Звезды — подруги Ширин, ибо она сама — Луна.

⁴ Т. е. двор полон красивых и сладких, как сахар и леденцы, девушек — подруг Ширин, ловких и искусных в игре наездники.

⁵ В поллинике сложная цепь образов. Ключки човгана изготавливались из табаристанской ивы сандалового (темно-красного) цвета. Смысл бейта: На поле было так много играющих всадников, что поднятые вверх

каменки из пива напоминали пивной лес, а сами всадники были так прекрасны и белолицы, что луна, смущенная красотой и близкой луноподобных красавиц, покраснела, стала пунцовой, как сандал.

⁴ Т. е. играющие в човган красавицы ловко отбирали летящий мяч у ветра и так высоко подбрасывали его, что чуть не разбивали голову соседнему диску, выскочившему из ворот.

⁵ Шебдиз — вороной, черный; Гульгун — светло-розовый. Бег Гульгуна за Шебдизом поэт аллегорически уподобляет содержанию коранической поговорки (За невзгодами следует радость) или же афоризму самого Низами (Мрачная ночь червато светлыми днями) — ведь Хосров и Ширин немало пережили прежде, чем встретились.

⁶ Павлин — солнце; ворон — ночь.
⁷ Поднести пальчик к очам, тоньше, приложить руку к глазам — жест, обозначающий: «Слушаюсь!», «Повинуюсь!», «С готовностью!», «С удовольствием!»

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИН

¹ *Играя, разорвал он розы оболочку.* — Мир, охваченный радостью, в экстазе любви разорвал рубашку розы, т. е. заставил ее распуститься.

² Отряд гординок (в переводе — голубей) символизирует весну. Солдаты являются воинами весны, а вороны — осени. Смысл бейта: Роза буйно распустилась и подняла свое знамя в саду, захватив его.

³ В классической восточной поэзии жасмин — предмет сравнения для белолицых красавиц; здесь он метафорически обозначает кравчего, а парцесс сравнивается с чашей вина.

⁴ В кавычки заключены названия цветов: «бланный (или коровий) глаз» — левкоя; «слоновое ухо» — прис; «мышьиные ушки» — незабудки либо майоран.

⁵ Рвать на себе рубашку — идиоматическое выражение, употребляющееся для передачи состояния экстаза. Раньше существовал обычай рвать на себе одежду от сильного горя, в гнев, будучи страстно влюбленным и т. д.

⁶ Ветерок постоянно шептал в уши шивонника о своей любви к нему.

⁷ Рейханы боялись показать свое благоухающее лицо, чтобы их не заметили и тут же не сорвали. Плодовые деревья были сплошь покрыты белыми цветами, напоминавшими свадебный наряд.

⁸ Изумруд — зелень, перд — капли росы.

⁹ *Пейсан* (см.) — апрельские дожди. По поверью, жемчуг образуется от капель дождя, проникнувших сквозь толщу воды и попавших в раковину. Ширин здесь сравнивается с благодатным дождем.

¹⁰ Мускунные черные косы Ширин благоухали слабее, чем амбра, а при виде ее сладких рубиновых уст сахар совсем слип.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

¹ За ногу повесили разлуку — разлука, преданная казни, больше не угрожала им.

² Раньше во время пира все должны были снимать и оставлять в прихожей свои мечи во избежание ссор и драк в пьяном виде. По утверждению Низами, после описанного случая Хосров никогда, даже во время пира не снимал с пояса меча.

³ Т. е. губы Ширин были так сладки, что ее поцелуй оставил на ладони царя сахар.

⁴ Т. е. когда Ширин не пила, была трезва, поцелуй Хосрова не угнетался к ее устам.

⁵ Когда же Ширин была хмельной, она сама грешила, целуя Хосрова.

⁶ Хосров так сильно прижимал к себе Ширин, что ее белое и мягкое, как горюстай, тело под шелковым платьем краснело.

⁷ Хосров так крепко целовал ее розовые ланиты, что на них остались синие следы, напоминающие васильки.

⁸ Из-за синих следов поцелуев на своем лунном лице она, подобие Луне, шествующей по стемному небесному саду, ходила по синим, т. е. темным садам и постоянно в руках вместо розы держала белила (пудру) чтобы замазывать синяки на своих розовых ланитах.

РАССКАЗЫВАНИЕ ПРИТЧ ХОСРОВОМ, ШИРИН, ШАПУРОМ И ДЕВУШКАМИ

¹ По поверью, живая вода, которая дарует человеку вечную жизнь и молодость, находится в подземном царстве мрак. Легенда о живой воде и попытке Искендера найти ее подробно изложена Низами в его поэме «Искендер-наме». См. также *Хызр*.

² Черный палаккин — черный небосвод, ночь. Смысл бейта: Небесный палаккин облачился во тьму для того, чтобы стать завесой, оберегающей целомудрие, скромность.

³ Души влюбленных избавились от пошлого благоразумия, звезды гневно показывали зубы утреннему рассвету, чтобы тот не смел прийти и прервать веселые пирушки.

⁴ Смысл бейта: Зеленое поле, заполненное цветами и розами, источало мускус целыми «грузами ослов», а ветерок растирал амбру и мускус словно изготовляя снадобье из небесных, благовонных трав.

⁵ Ширин держала в цепях демона своей страсти, ибо ангел целомудрия напоминал ей о клятве, которую она дала Михин-Бану.

⁶ *Язычников сверкающее чудо* — т. е. Ширин, красотой подобная му миру, которому поклонялись идолопоклонники.

⁷ Эджебнуш (удивительно Сладкая), Сухейль (звезда счастья—Канопус), Фекеауз (каприз судьбы, неба), Хамил (независимая, свободная), Хотан (Госпожа Хотана), Гохермульк (жемчужина царства), Сементуря (тюркский жасмин) и т. д. — подруги Ширин.

⁸ Т. е. они, смеясь, пустили в ход рубиновое вино.

⁹ Они сидели, а алые губы у них блеснули, как рубины; они открывали свои луноподобные лица, которые белели на фоне красных рубинов, ветках у них.

¹⁰ Мораль всех притч одинакова: Хосров нашел Ширин, и это большое счастье для них обоих.

¹¹ Согласно средневековой астрологии, сближение Венеры с Юпитером — доброе предзнаменование.

¹² Ветер — страсть. Смысл стиха: Если Ширин не ответит мне взаимностью, то охотившая меня страсть к ней погубит меня.

¹³ Смерлить дала — источать перлы. Смысл бейта: Ширин, которая своими речами источала перлы, сама была как перл и своей красотой просверлила сердце Хосрова.

¹⁴ Т. е. ночь собрала свои политки и собралась уйти, чтобы уступить свое место утру.

¹⁵ Хосров просит утро, чтобы оно задержало свой приход.

¹⁶ Игра в перстень — дрязгания, широко распространенная на Востоке женская игра. Сравнившиеся по очереди клали золотое кольцо на тыльную сторону ладони и без помощи другой руки постепенно, подбрасывая кольцо, двигали его к пальцу. Выигрывала та девушка, которой удавалось надеть кольцо на мизинец. «Убрать перстень» — идиоматическое выражение, означающее: кончить игру и разойтись по домам.

¹⁷ По мусульманской легенде, дьявол проник в рай в образе змеи. Приняв облик змеи, он уговорил павлина взять его с собой. Павлин согласился. Тогда змея обвилась вокруг его ног, и павлин, перелетев через высокий забор, доставил дьявола в рай. Поэтому ноги павлина так уродливы.

¹⁸ Когда розовый конь зарн взнуздан вороного коня ночи. Т. е., когда зарн зазвездал.

¹⁹ Солнце — Хосров, Луна — Ширин.

²⁰ Сахар — сладкие красавицы, миндаль — Хосров. Смысл стиха: Там было много красавиц, но Хосров был один.

²¹ Т. е. завивать ее кудри, играть ее локонами.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДНИ

¹ Персты, простершиеся над нами, — судьба.

² Овечью печень идет собака мясника. «Собака не получит желаемого» — идиоматическое выражение. «Есть свою печень» — терзаться тоскою, страдать.

³ Солончаки издали кажутся водоемами, и этот мираж притягивает к себе жаждущих путников.

⁴ Даустиние в подлиннике буквально звучит так: «Если ты найдешь покупателя для своего индига, то разложи свой товар, будь ты даже у самого Нила». Слово «индиг» одновременно означает «индиг»,

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Т. е. Ширин с готовностью, нежно отвечала ему.

² Согласно понятиям современной поэты медицины, болезни делились на четыре группы: холодную, горячую, сухую и влажную. На соответствующие группы делились и еда, и лекарства. Каждую группу болезней делили противоположным по характеру лекарством: горячие — холодными, сухие — влажными и т. д. Жар любви Хосрова к Ширин относился к горячей группе болезней, а сахар тоже «горячий», значит сахар (т. е. сама Ширин) были противопоказаны Хосрову в таком состоянии.

³ Тут на ее губе жемчужина зажеглась. — Т. е. от страсти она прикусывала своими жемчужными зубами губы. И змеяли она от уст обереглась. — Т. е. она своими извивающимися, словно змеи, кудрями прикрывала свое лицо от уст Хосрова.

⁴ В подлиннике сказано: «От смущения (гнева) она стала сминной шип; как прекрасен шип, чреватый красной розой!».

⁵ Т. е. под каждым волоском, жестким от гнева, словно львиные волосы, у нее скрывался мягкий горностеевый пушок.

⁶ Т. е. она убеждала, не обращая внимания на его мольбы.

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Царский повар отведал все подносимые царю блюда, чтобы доказать, что они не отравлены. Это и называлось «пробой шипи».

² Ты набрось свои арканоподобные косы мне на шею и завладей мною, хотя, может быть, я буду недостойной тебя добычей.

ШИРИН СНОВА ОТВЕЧАЕТ ХОСРОВУ

¹ Согласно средневековой медицине, страдающему жадой противопоказана халва, ибо она принадлежит к одной — «горячей» группе (См. прим. 2 к главе «Ответ Ширин Хосрову»).

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

¹ Речь идет о клятве, которую Ширин дала Михи Бану: не поддаться на уговорам Хосрова.

² Хотя мертвым да пойдет на волю Мубарек. Эта поговорка означает: отпустить раба на волю после смерти. Мубарек — работорговческое имя раба. Смысл бейта: Обещай, что ты будешь моей хитой бы после моей смерти.

³ Стих состоит из сплошных метафор: змея — Хосров, драгоценный камень, заключающий в себе противоположия — Ширин; роза — Ширин; ко-

лочки — Хосров. Согласно поверью, в голове змеи находится драгоценный камень (апирик), который служит противовесом от змеиных укусов. Смысл бейта: Ты ничего не потеряешь, если расстанешься со мной.

¹ Смысл стиха: Подобно тому, как козел не разжиреет от быстрого (жаркой) беготни, ты не получишь никакого удовольствия, овладев мною в яростном жару сенокоса.

ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ В РУМ, ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРНАМ

¹ Завести осла на крышу — идиоматическое выражение, означающее: поставить себя в трудное, безвыходное положение. Смысл двустишия: хотя и оказался в тушке, но сумел выйти из него.

² Смысл бейта: Ведь я и сам горю, и незачем было тебе разжигать меня, глядя на меня своими огненными глазами; я и так терзался печами в пылающей страсти к тебе, и не надо было усугублять мои страдания своими неизгнанными ласками.

³ По древнему обычаю, провожая гостя, в его суму клали припас на дорогу. Если гость задерживался сверх меры, хозяин вытаскивал его суму и клал в нее хлеб, давая знать о том, что гостю пора и честь знать.

⁴ Четырехкрылый орел — конь; дракон — меч.

⁵ Т. е. монах был царем среди мудрецов, и его взору было открыто будущее.

⁶ Поэт говорит, что он воздерживается от подробного изложения похода Хосрова с византийскими войсками против узурпатора Бехрама Чубине, ибо эти события детально описаны у Фирдоуси в его «Шах-наме».

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БЕХРАМОМ И БЕГСТВО БЕХРАМА

Влетая в ухо ругать перерывает барабанную перепонку. Здесь с руганью сравнивается гром барабана, ржание коней, лязг мечей, которые оглушали.

² Смысл бейта: На крыльях стрел, словно орлы, растерзавшие врагов, летели векеля — бераты (см.) коршунам, гласившие о том, что им даруются горы трупов.

³ Кольчугорезы, в медь абирающие яд, — отравленные кольчугорезы. Смысл стиха: Отравленные кольчугорезы погружали бойцов в смертный сон.

⁴ Т. е. брызги крови заполнили даже блюдца мунджуков. Мунджук — эмблема в виде полумесяца, укреплявшаяся на вершине древка знамени.

⁵ В знак траура женщины распускали волосы, плакали, причитали (см. *нарчак*).

⁶ В подлиннике буквально сказано:

От звука тюркских наивов затянулись тюркские наивы,

В этом страшном тюркском бою.

Здесь применена очень сложная игра с омонимией слов «най» и «тюрок». «Най» в первом употреблении означает трубу, флейту, звуками которых призывали к бою, воодушевляли сражающихся, а во втором случае «най» метафорически означает «горло». Тюрок же означает богатыря, бесстрашный воин; тюркский бой — смертный бой.

⁷ Т. е. Бузург-Умид стоял с астролябией в руках, чтобы определить наилучший момент для вступления Хосрова в бой.

⁸ Хосров упал на слонополого Бехрама с палицей, напоминавшей по виду слоновою ногу.

⁹ Под локоном здесь имеется в виду челка, которую носили индийцы.

¹⁰ В двустишии в оригинале три раза употреблено имя Бехрам. В первый раз имеется в виду Бехрам Чубине, второй раз — Бехрам Гур — герой поэмы Низами «Семь красавиц» Бехрам V (421—438), чьего судьба в лице планеты Бехрама — Марса наступила в зените его могущества, и он загадочно исчез в пещере.

¹¹ Черно-белый или пегий конь — беспрерывно мчавшиеся, сменяющие друг друга день и ночь.

ВОСШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА ПРЕСТОЛ В МЕДИИ ВО ВТОРОЙ РАЗ

¹ Ресницы, т. е. нежные взоры Шарин, начали грабить сердце Хосрова.

² Марнам была христианкой, а христиане-византийцы возвысили трон Хосрова до высот четвертого небосвода, где пребывает христианский богосыл Иса (см.) — Иисус Христос. Смысл стиха: Хосров не смел думать о Шарин от страха перед Марнам, благодаря сородичам и единоверцам которой он возвратил себе трон.

³ Пустить ослицу в приплод или в Зенджан — поговорка Караванний пути, соединявший древний Рей (ныне Тегеран) с Азербайджаном, был труднопроходимым в районе Зенджана (см.). Выюнные животные (ослицы, кобылы и др.) не выдерживали трудностей дороги и часто выкидывали на этом участке приплод. Смысл поговорки: Выбрав одно из двух или пусти ослицу в приплод или, нагрузив ее поклажей, отправь в Зенджан, зная, что она выкинет приплод по дороге.

⁴ Не мощен звездный свет: ведь звезд разрознен рой. — Звезды тусклят оттого, что рассеяны по небу и не находятся вместе. Хосров намекает на то, что и он, и Шарин не будут сиять полноценным светом счастья, пока они обретаются в разлуке.

⁵ Поговорка: «Мышь не могла пробраться в пору скорпиона, и чтобы помочь себе, она еще привязала к хвосту метлу». Так говорится о человеке, который желает решить трудную задачу, но еще больше усложняет ее.

⁶ Поговорка «Нерп и так был красив, а от жары еще покраснел» представляет вариант и лонгане широко распространенной поговорки: «Ах-мед и так был красив, а еще осия украсила его лицо». Эти поговорки уни-

требуются применительно к некрасивому человеку, еще более обезображенному каким-нибудь несчастным случаем, или о каком-нибудь трудном положении, еще больше усугубленным каким-нибудь обстоятельством.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВОМ

¹ Имеется в виду автор эпосов «Шах-наме» Фирдоуси.

² Т. е. из ее миндалевидных глаз изливались кровавые слезы, которые устремлялись к ее вкусным, как миндаль, ланитам и словно хотели поцеловать их.

³ Ширин от горя и тоски по Хосрову своими ногтями, похожими на желтофоль, царапала свои розовые щеки.

⁴ Из ее миндалевидных глаз потекли струи слез с сладким, как уныло (уныло) устам.

⁵ Хотя и тебе пришлось вытерпеть немало горестей по вине Хосрова, не горюй, ибо ему не удалось отвратить твоего яхни-плова, т. е. он не смог овладеть тобой.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХИН-БАЛУ

¹ Если ты будешь есть хлеб мятыми ломтиками, подобно тому, как ешь гульшак — засахаренные лепестки роз, — то ты не станешь рабом гульшака.

² Все, что ты жадно поглощаешь, в твоём чреве превращается в гниль, а все то, что оставляешь, расцветает, как роза.

³ Индеец — грабитель, вор. Мир прозван индийским вором и грабителем потому, что он похищает, убивает людей. Убить мир — отрешиться от него. Смысл двустишия: Если ты убьешь мир, что подобен индийскому вору, за то, что он похитил твоего отца, то с тебя не взыщет никто, ибо ты законным образом отомстил ему за своего отца.

⁴ Кинь горбуну — кинь небосводу.

⁵ В подлиннике буквально сказано:

Мудрецы, которые от этих тайн мира страдают,
Подобно розам, целуют руки тех, кто обезглавит их.

Обезглавить розу — сорвать ее с куста.

⁶ Осуждая ханжей, поэт хочет сказать, что они проповедуют отказ от благ мира и всего мирского, чтобы эти блага достались им самим.

⁷ В подлиннике сказано:

Подвижники ошущают сотни трупов,
Чтобы стащить с них одежду и самим носить ее.

⁸ Этот мир и все мирское бренны, единственно достойное занятие для человека — жить так, чтобы унести с собой и могилу запас добрых дел и незапятнанное имя.

ВОЩАНИЕ ШИРИН

¹ *Диван* (см.) — правительственная канцелярия, управление, суд. Смысл стиха: Ширин стремилась к тому, чтобы ее совесть была чиста.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

¹ Отряд алах лучей, схожих с румийшами—византийцами, напал на чернокожий отряд чочи; т. е. рассвет разогнал ночной мрак.

² Юсуф — солнце, апельсин — солнечный диск (см. *Юсуф и Зейла*).

³ Т. е. от страха перед царем речи их растекались, словно ртуть, и они бормотали что-то невнятное.

⁴ Поэт обыгрывает омонимичность имени Чубине, которое означает также «деревянный».

⁵ Имеется в виду Бехрам-Гур, герой четвертой поэмы Низами «Семь красавиц».

⁶ В подлиннике буквально сказано:

Потому лиса царствует над волком,
Что лиса видит сеть, а волк видит лишь рыбу.

⁷ Т. е. многие шахи затевали ссоры, междоусобия по совету болтунов.

⁸ Часто из-за необдуманного шага грудь царей становится мишенью для стрел вместо того, чтобы нежиться под шелковыми одеждами.

⁹ В оригинале читаем:

Не ешь хурмы столько, чтобы она превратилась в
колючки

И чтобы она отдавала во рту горечью.

¹⁰ Употребление в пищу мяса павших, не зарезанных с соблюдением особых правил животных, было запрещено исламом, однако, этот запрет переставал действовать в случаях всеобщего голода, недорода и т. д. Поэт советует быть умеренным в еде и есть в таком количестве, чтобы быть полуголодным, чтобы было дозволено даже есть мясо павших животных.

¹¹ Поговорка «Миробалан должен быть рядом с миробаланом, а сахар с сахаром» употребляется в тех случаях, когда несовместимые по характеру люди пытаются дружить.

¹² В подлиннике сказано, что многие, подражая полководцам, призывали к португее меч, но эта выходка многим стоила головы и многих луноподобных низвергла в черную землю.

¹³ Полунегр — небо, от вращения которого происходят ночь и день: черно-белый конь — день и ночь.

¹⁴ Смысл этого и следующих двустиший: Я не виню честолюбивых ослов, сластолюбивых мух и воронов, вроде Бехрама Чубине, стремящихся

к сеновалу — к власти, к халие роскошного пира — государственной казне и губящих ради одной ягодки целое нижировое дерево, это в порядке вещей; нужно жалеть и оберегать саму власть, государственную казну и сад страны, а этого можно достичь лишь справедливой политикой и заботами о подданных.

¹⁴ В подлиннике буквально сказано:

За счет чужого серебра не золоти ты свой дворец,
Ибо от этого пострадает вера, а казна продырявится.

¹⁵ В подлиннике сказано:

На этом возбужденном базаре ты оберегай
Померанец москательщика от колотушки прачек.

Двуступенчатость состоит из метафор: возбужденный базар — этот суебивый мир; померанец москательщика (снадобье, изготавливавшееся из померанца) — люди, подданные; колотушки прачек — дalkи насильников. Смысл стиха: Царь, оберегай своих подданных от произвола своих чиновников, и тогда тебя не постигнут никакие невзгоды.

¹⁷ Ноги — слуги, прислуга; голова — вельможи, государственные сановники. Смысл стиха: Царь, разгневанный слугами, мелкими чиновниками, карает сановников.

¹⁸ Т. е. замечай достоинства людей, а не их недостатки.

¹⁹ В подлиннике сказано:

Нельзя смотреть на маленького врага пренебрежительно,
Ведь у новичков трудно выигрывать в нарды.

Действительно, бывает, что новичок, только что научившийся играть в нарды, выигрывает у искусных игроков.

ХОСРОВ ПРИЗЫВАЕТ БАРБЕДА

¹ *Даренный ветром клад* — песня, сложенная в честь исторического события, имевшего место в действительности. В 615 г. Хосров II Парвиз с огромным войском выступил в поход против Египта. Персидские войска после долгой осады хитростью взяли Александрию и захватили огромные богатства. Добыча, доставшаяся персам, умножилась благодаря случайности — ветер подхватил и пригнал к их лагерю корабли, груженные сокровищами жрецов и египетской знати. В честь этого «сокровища, даренного ветром», Барбед и сложил свою песню.

² «Клад Быка» — эта песня была сложена Барбедом по случаю захвата каравана быков, нагруженных сокровищами Египта.

³ Сейчас трудно установить, по случаю пожара какой сокровищницей сложил Барбед одноименную песню.

⁴ У Хосрова II было несколько тронов, главный из которых назывался «Такдис» (Арконоподобный). Барбедом была сложена специальная песня в честь того трона.

⁵ Один из дворцов Хосрова именовался «мускусным», песня Барбеда была сложена в его честь.

⁶ Мускус привозили из *Хотана* (см.), где водились в изобилии кабарги, из желез которых добывался мускус.

⁷ Т. е. песню, сложенную в честь кипариса, Барбед исполнил так искусно, что кипарис дал ему расписку в том, что он полностью передает себя в руки певца, который может даже пролить его кровь.

⁸ «Напеа Новруза» — песня, сложенная в честь Нового года, справлявшегося во время весеннего равноденствия — 21 марта каждого года (см. *Новруз*).

⁹ «Михррани» — песня, посвященная древнему празднику Митры (солнца), справлявшемуся осенью, после окончания сбора урожая.

¹⁰ Т. е. когда Барбед спел песню «Охота», то все восхищенные красавицы, подобные Зухре, стали его добычей.

¹¹ Предание о *Сиауше* (см.) было широко распространено в народе и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси. Трудно сказать, речь идет о песне, сложенной Барбедом, или же о народной песне.

¹² Об *Предже* (см.), убитом братьями, также существовало множество песен в народном творчестве. В данном случае, по-видимому, речь идет об обработке этих песен, осуществленной Барбедом.

¹³ Т. е. Хосров часто хвалил Барбеда, восклицая «Браво!», «Прекрасно!».

¹⁴ Т. е. каждый раз, когда царь восклицал «Браво!», «Прекрасно!», казначей щедро вознаграждал Барбеда.

¹⁵ В стихе трижды употреблено слово «зих» и обыграна его омонимия «Зих» означает златотканную кайму на царском кафтани, халате. В подлиннике беит выглядит так:

Как прекрасно слово «Прекрасно!»
Может дарить драгоценную одежду с золотой каймой.

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРИАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

¹ Т. е. Хосров заклинал христианку Мариам именем Исы — Иисуса Христа, чтобы она была снисходительна к Ширин.

² Вавилонский чародей — падший ангел *Харут* (см.).

³ Мариам сравнивает женщин с глиняными горшками, расписанными снаружи красивыми узорами, но используемыми для мусора.

⁴ *Пеллеа мускусной тоску я утолю* — задую себя своими мускусными косами.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

¹ Лунный свет — Ширин; лал — Ширин; дарец — дворцовая башня, крепость.

² Т. е. Марям расценивает себя наподобие Иисуса Христа.
³ Т. е. если Марям увидит Ширин, то она словно див-богатырь оседает дивного, моровистого коня и умчится к себе на родину или же начнет войну.

⁴ Китайские узоры — тонкий хитроумный план.

⁵ Т. е. замок Ширин напоминал взволнованное море, пенные волны которого были подобны нектару.

⁶ Имя коня главного героя «Шах-наме» Рустам, — Рахш, что метафорически означает добрый скакун.

УПРЕКИ ШИРИН ШАНУРУ

¹ Сердолик — здесь прекрасные уста; т. е. ее алые уста своей красотой смягчали ее упреки.

² Румийская мастерская — мастерская византийских художников, живописцев которых, наряду с китайской, считалась самой совершенной. Под «картинной румийской мастерской» Ширин имеет в виду Марям, а под «армянской сладостью» — себя.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

¹ Усллада рая — Ширин.

² Т. е. Шанур, как покорный индийский раб, преклонялся перед луноподобной Ширин.

³ Низами относит чисто мусульманский обычай разговаривать с незнакомой женщиной через завесу ко временам описываемых событий.

⁴ Два сахарных замка — губы; жемчужины — зубы. Т. е. Ширин сняла замок с сахарных губ и жемчужных зубов и начала говорить.

⁵ Сладкая пальма — Ширин, — начала вести такие сладкие речи, что финики начали терзаться завистью.

⁶ Ферхад машинально подносил пальцы к глазам, говоря этим жестом: «Слушаюсь!».

ПЛАЧ ФЕРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

¹ Нисар (см.) — здесь: жемчуга. Смысл бейта: он сыпал пурпурные жемчуга слез вокруг себя, и от этих кровавых слез его лицо стало похоже на заросли тюльпанов.

² Руту (см.) сжигали, чтобы ее дымом отогнать злых духов — дивов, ведьм и т. д.

³ Т. е. он забыл о том, что он Ферхад.

⁴ Т. е. он слагал прекрасные стихи о прекрасной Ширин.

⁵ Он жил, нося в душе образ Ширин и совершенно забыв о своем «я».

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

¹ Грабительница душ — Ширин.

² В подлиннике сказано:

Сердце Хосрова по-своему обрадовалось,
 Что ему стал единомышленником еще один лишенный сердца.

Т. е. он по-своему был рад тому, что нашелся товарищ по несчастью, что Ширин разбила еще одно сердце.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

¹⁻² Смысл слов Хосрова сводится к следующему: «Я приложил немало усилий, чтобы достичь вершины царского могущества, стать недоступным простым смертным и хочу провести праздник в обществе высокопоставленных людей, а мне навязали деревенщину, мужлана. Ширин посмеялась надо мной, желая «украсить» мой праздник игрой этого одержимого, который, как и все припадочные, при виде новой Луны (имеется в виду Ширин) падает в обморок».

По мнению средневековых медиков, болезнь одержимых, припадочных (эпилептиков) усиливалась во время новолуния.

³ Для лечения меланхоликов существовало специальное снадобье из растертых жемчугов, рубинов и золота.

Упомянув золото, поэт одновременно намекает на это лекарство.

⁴ Т. е. золото многим ослепляло глаза, при виде золота многие крепкие, как железо, люди ослабевали.

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

¹ Т. е. Ферхад, опустив голову, забыл об окружающих.

² Чтобы соблазнить Ферхада, перед ним поставили огромный, как слон, ларь с золотом.

³ В подлиннике буквально сказано:

Так как в его чистом сердце была лишь одна жемчужина,
 То все другие жемчуга, золото и прах для него были одинаковы.

Т. е. кроме одной жемчужины — Ширин — ничего не имело цены для него.

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

¹ Ферхад, считая себя больным, одержимым, заключает, что ему нужно находиться вдали от луны, ибо болезнь эта усиливается в новолуние (см. прим. 2 к главе «Совещание о Ферхаде»).

² Т. е. Ферхад должен отказаться от Ширин.

РАССЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОБЫ ЕГО

¹ Т. е. он проливал кровавые слезы, высекал из глыб крепкими, как алмаз, ресницами слезы яхонтового цвета.

² Т. е. когда заходило солнце и наступали сумерки.

³ Ветер одновременно служит омонимом страсти.

⁴ Т. е. если ты посетишь меня, ступишь ногой на землю, где я тружусь, то это место станет священным.

⁵ Ферхад называет Ширин святыней, царицей Тараза — города в восточной части Туркестана, славившегося своими белолыбыми красавицами.

⁶ Я могу привести тебе в дар вместо золота желатину своего лица, а вместо серебра свои серебряные слезы.

⁷ Он наполнял все ночи слезами, подобными жемчугам.

ШИРИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ГОРЕ БИСУТУН,
И КОНЬ ЕЕ ПАДАЕТ

¹ Мчит гору *гурия*. — Гурнеподобная Ширин мчится на гороноподобном коне.

² Ее рубины чья. — Обожая алые уста Ширин.

³ Т. е. он омывал своими кровавыми слезами гранит.

⁴ Т. е. гранитная гора привлекла к нему драгоценную Ширин, чьи уста алели, словно рубин.

⁵ Т. е. Ширин хотела покинуть гору, где угощала Ферхада.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН.
ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА

¹ Если на одну чашу весов положить золотые динары, а на другую — ячмень, то, несмотря на то, что золото ценится выше ячменя, ячмень перетянет, если вес его окажется больше веса золотых динаров.

В стихе Хосров сравнивается с золотом, а Ферхад с ячменем, но Ферхад оказывается несомненно Хосровом, ибо у последнего вес любви к Ширин меньше, чем у Ферхада.

² В подлиннике сказано:

Как хорошо сказала изготовитель розовой воды
цветнику роз:

Не бери то, что тебе придется отдать обратно.

— Т. е. лишь тот сумеет избавиться от преследований злого рока, кто унесет свои ножки из этого мира, т. е. умрет и, подобно Мессии (Иисусу Христу) вознесется к четвертому небосводу, где он будет невиден в окружении сонма звезд.

¹ Дав здесь символизирует низменные страсти. Смысл стиха: Ты можешь спастись от мирских страстей, лишь обуздав их и обретя добрый нрав.

² Глиняная кость — земля.

³ См. *нат*.

⁴ Т. е. тебе не удастся обуздать мчащегося коня времени — дая и вочи.

⁵ Невеста — земная жизнь.

⁶ Сереброкудрая — эпитет, прилагаемый к невесте. Т. е. земная жизнь — древняя, седая (сереброкудрая) невеста, не привязывайся к ней.

⁷ В этом стихе Низами опять намекает на всемирную катастрофу, предсказанную астрологами в 70-х годах XII в. (см. об этом выше).

⁸ Согласно понятиям народной медицины, земля, посыпанная на рану, останавливает кровотечение.

⁹ Т. е. мы вскармливаем свое дыхание, которое является хозяином нашей жизни, «осенним ветром», т. е. земными страстями, и потому оно нас ведет к смерти; дыхание нужно кормить любовью, тогда оно будет вечно жить, как Ферхад. Дыхание (жизнь) без любви мертво.

ПИСЬМО ХОСРОВА К ШИРИН, ВЫРАЖАЮЩЕЕ
СОЧУВСТВИЕ, НО НАПИСАННОЕ В НАСМЕШКУ

¹ Т. е. твой стройный, как кипарис, стан от горя согнулся; ты так много бил по своим розовым щекам, что они покрылись синяками и стали лазурными.

² Пусть будет у тебя тьма сердец, как у земли, в объятиях которой лежат тысячи сердец, все равно ты не найдешь человека, так беспрдельно любящего тебя.

³ В подлиннике: Альтаир — звезда Альфа в созвездии Орла. Под «орлом» Хосров имеет в виду себя.

⁴ Если ты, полная луна, жива и здорова, то пусть не беспокоит тебя исчезновение полумесяца — Ферхада; если цветет твоя красота, то нечего беспокоиться о том, что пропала родника, т. е. Ферхад.

СМЕРТЬ МАРНАМ

¹ Каким — мудрец; здесь имеется в виду Хосров. Смысл бейта: О Хосров, подумай о делах мирской жизни и знай, что за каждое злодеяние тебе придется расплачиваться.

² В первом полуступиши имеется в виду Марнам (Марнам — арабская форма имени Марии), а во второй строке — дева Мария. По преданию, однажды преследуемая богоматерью Мария остановилась отдохнуть.

под высохшей пальмой, но пальма тут же расцвела и принесла ей свои плоды. Смысл бейта: Когда Мариам умерла, Хосров, иссохший от тоски по Ширин, расцвел, словно пальма богоматери Марии.

² Устав о смерти Мариам, Ширин оказалась словно между розой и шипами. С одной стороны, она радовалась ее смерти и от этого расцвела, как роза, а с другой стороны, шипы печали и горя терзали ее: ведь смерть суждена нам всем.

СОЧУВСТВЕННОЕ ПИСЬМО ШИРИН ХОСРОВУ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МАРИАМ, НАПИСАННОЕ В ОТМЕСТКУ

¹ В подлиннике сказано:

Господни, который улаживает наши дела
И который не нуждается ни в нас, ни в нашем служении
ему.

² Т. е. он образует рубины и яхонты в сердце простого камня, под землей.

³ Т. е. Хосров вскоре снова обратит взоры на цветник розоподобных красок и заключит в объятия лучшую, чем Мариам, похитительницу сердец.

⁴ В подлиннике сказано:

Жалко, что та кукла не осталась здесь,
Ибо кто остается здесь, тот предается веселью.

Ширин намекает на то, что Хосров скоро забудет ее и станет наслаждаться жизнью.

⁵ Багдад, столица Аббасидского халифата, в средние века славился своими шумными беспрерывными праздниками, роскошью, веселыми пиршествами, а также тем, что там изготавливались красивые плетеные корзины.

Период процветания Багдада (VIII—IX вв.), когда возникла поговорка: «Багдад не пострадает от исчезновения одной корзины», поэт относит к началу VII в., т. е. ко времени правления Хосрова. Смысл бейта: Ширин со скрытой издевкой «утешает» Хосрова, говоря, что Мариам для его роскошного двора была словно «старая корзина для Багдада».

⁶ Если ты утратил один лал (рубин), т. е. Мариам, то не горюй, ибо таких лалов у тебя целые сокровищницы.

⁷ Здесь Мариам сравнивается с девой Марией, а Хосров — с Исой (Иисусом Христом).

ПИСЬМО ШИРИН ПРИХОДИТ К ХОСРОВУ

¹ Филник — Ширин; шипы — Мариам; лампада — Ширин; дым — Мариам.

² Празднество Марии — христианский праздник в честь девы Марии.

Смысл стиха: Когда умерла Мариам, то для Хосрова наступил праздник, такой же веселый, как празднества в честь богоматери Марии.

³ Даже глоток воды, выпитый после смерти врага, приносит великое удовлетворение, доставляет счастье.

⁴ Т. е. разгорячить, раззадорить Ширин, вызвать ее ревность с помощью другой расторопной в любви красавицы.

ОПИСАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ ХОСРОВА

¹ В подлиннике буквально сказано: «С тех пор, как небосвод препояслся [служить людям], на престол не садился ни один венецосец, подобный Хосрову».

ХОСРОВ, ПИРУЯ, ВОССЕДАЕТ НА ТРОНЕ ТАКДИС

¹ На троне, имевшем форму арки, был изображен небесный свод со всеми планетами и звездами.

² По звездам из самоцветов, изображенным на арке, можно было определять точное время дня и ночи с точностью до часов и минут.

³ Глядя на этот трон, можно было видеть весь мир, словно в чаше *Джемшида* (см.).

⁴ Самых могущественных царей на Ближнем и Среднем Востоке называли сахибкиранами — обладателями счастливой звезды. Сахибкиран буквально означает: рожденный под знаком сближения двух счастливых планет — Венеры с Юпитером или Венеры с Солнцем. В данном стихе под троном сахибкирана имеется в виду престол Александра Македонского, героя поэмы Низами «Искендер-наме».

⁵ Раньше на воротах и дверях вешали металлические кольца, которыми стучали по железным пластинкам, чтобы оповестить хозяев о приходе гостей. Кольцо небосвода в стихе уподоблено этому кольцу на воротах двора Хосрова.

⁶ Если хочешь добиться величия, не завязывай туго свой кошелек, будь щедрым.

⁷ Самая большая дань, которую ты можешь взимать с мира — это радость и веселье.

⁸ Если ты умеешь взимать дань с подданных, то умей и радовать их: ведь радовать лучше, чем брать.

⁹ Согласно представлениям средневековой медицины, жемчуг обладал необычайными целебными свойствами; его порошок входил в состав многих лекарств.

Хосров ел кебаб, предварительно посыпав его порошком крупного («освещающего ночь») жемчуга, за который платил оманским ловцам жемчугов целый «груз золота».

ХОСРОВ ВСЛУШИВАЕТ ОПИСАНИЕ ШЕКЕР ИСФАХАНСКОЙ

- ¹ «Шекер» буквально означает «сахар».
- ² Шекер настолько слаще сахара, что сахар пошел к ней в рабство.
- ³ Как ветру открыты все просторы, так и двери всех домов и дворов повсюду открыты для Шекер, всюду она с чашей в руках, словно тюльпан. Чаша тюльпана здесь метафорически уподоблена кубку вина.
- ⁴ Т. е. забыть, вычеркнуть из памяти Ширин с помощью Шекер и, сочетавшись узлами брака с Шекер, развязать узлы, связывающие с Ширин.

ПОЕЗДКА ХОСРОВА В ИСФАХАН ЗА ШЕКЕР

- ¹ Т. е. раб от гордости поднял голову до колена Сатурна.
- ² Твердая вода — лед, который сравнивается с хрусталем.
- ³ Шекер советует Хосрову есть целый год чеснок, чтобы избавиться от запаха изо рта.
- ⁴ Т. е. чеснок помог ему избавиться от дурного запаха изо рта, и он стал источать запах, подобный аромату лилии.
- ⁵ Шекер клянется, что ее девственность еще не тронута.

РАССПРОСЫ ХОСРОВА О ШЕКЕР И ЕГО СВАТОВСТВО

- ¹ Т. е. Шекер хранит свою девственность, словно сахар в мешке.
- ² Хотя Шекер общается со многими, но она держит секиру наготове и никого не подпускает к своей сокровищнице.
- ³ Т. е. Шекер мнила, что она победила Ширин.
- ⁴ Хосров вскоре остыл к Шекер и держал ее за занавесой, словно сахар в мешочке; его влекло к себе царство фиников — Ширин.
- ⁵ Т. е. Ширин — сама душа, а Шекер — сахар, а сахар может служить лишь чертогом, т. е. оболочкой души.
- ⁶ Замочить полу — подмочить репутацию, запятнать себя каким-нибудь неблагоприятным поступком и т. п. В стихе Ширин сравнивается с хрусталем, а Шекер — со влажным льдом, который порочен, ибо влажен.
- ⁷ В подлиннике сказано:

Нужно ослепить страсть (желание).
Снежка не приводит к улаживанию дел.

- ⁸ Быть в своей шерсти — идиоматическое выражение, означающее «быть независимым, даже находясь в жалком состоянии».
- ⁹ В подлиннике сказано:

Подобно слонам, никому я не сказал о своей тайне,
Подобно шелковичному черню, скрылся я в своем коконе.

Т. е. подобно слону, я никому не жаловался на свои сердечные раны, и, подобно шелковичному черню, уединился в своем доме (коконе). В стихе обыграны исполняя омонимия слов «пид» (слон) и «пиде» (шелковичный червь).

¹⁰ Если Ширин заставила кровоточить мое сердце, то я заслужил это, ибо я жаждал ее, а жажда всегда приносит чуму с кровоточащими язвами.

¹¹ Т. е. ждать от возлюбленной верности бесполезно, хранить верность — дело самого влюбленного. Ведь когда врач pronисывает целебный бульон (сикбу), то его должен готовить сам больной, а не врач.

¹² В этом мире так скрывай свою тайну за занавесой, чтобы начальник стражи не явился к тебе и не обнажил меч, требуя ответа за содеянное.

¹³ Т. е. если в удачливое, радостное время ты кроишь для себя сотню кафтанов, то ради своего доброго имени разорви хотя бы одну рубашку.

ОДИНОЧЕСТВО ШИРИН И ЕЕ СТЕНАНИЯ

¹ Нубийцы — чернокожие, негры. Так как на черном фоне их белые зубы хорошо заметны, то кажется, что они всегда показывают зубы, смеются: поэтому нубийцев считали символом радости и веселья. В стихе ночью своей чернотой уподоблена нубийцам.

² В середине века во время боя под ноги вражеским коням бросали железные шипы, вонзавшиеся им в копыта. Так как Ширин кажется, что ночь тянется слишком долго, она, обращаясь к ней, говорит: «Почему ты не уходишь? Может быть, мои стопы и вздохи бросили шипы под ноги твоего скакуна?»

³ В подлиннике сказано:

Допустим, что барабанишку связали руки,
Разве и Плеядам сломали ноги?

Созвездие Плеяд появляется перед рассветом, и Ширин кажется, что его отсутствие на небосклоне задерживает наступление утра, и она вопрошает: «Разве Плеядам сломали ноги, что они не появляются?» Под «барабанишкой» имеется в виду барабанишник ночной стражи, который через определенные промежутки времени бил в барабан. Последний (пятый) раз барабанишник бил перед рассветом.

ВОСХВАЛЕНИЕ УТРА

¹ Утренние молитвы считаются самыми чистыми и искренними, поэтому они в стихе уподоблены свежей розе.

ШИРИН ВОЗНОСИТ ХВАЛУ БОГУ

¹ И дождалась она в терпении взмаха крыла. — Имеется в виду пуг, который перед тем, как начинает кричать, взмахивает крыльями. Второе подлунное в подлиннике звучит так: «Петух пропел: «Терпение — залог к радости». Этот афоризм в тексте дан на арабском языке.

² Т. е. освободи меня из заключения подобно тому, как освобождаешь зубин из обитый камня.

³ Это подлунное, взятое из молитвы, приведено в оригинале на арабском языке.

⁴ В те времена узников заключали в глубокие ямы, колодези.

⁵ Пламень, укрывшийся за тканью, — бог.

⁶ Т. е. утренними молитвами сирот, их призывом о помощи. Согласно мусульманским верованиям, крик этот поднимается выше небесного престола, ибо «когда плачет сирота, дрожит небесный престол».

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН
ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ

¹ С рукою у седла. — В описываемые времена вельможи, сопровождавшие на коне шаха, слезали с коня и, положив одну руку на седло, а другую себе на грудь, шли пешком сзади до тех пор, пока шах не разрешил им сесть на коня.

² Хосров излучал такой свет, что солнце готово было пасть ниц перед ним; его конь был так высок, что Хосров вдевал кольцо рабства в уши месяца.

³ Словом «секира» переведено выражение «дур баш», буквально означающее «Удались!», «Посторонись!». Дурбашем называлось копье с двумя расходящимися на конце развилками, с помощью которого стражники расчищали дорогу перед царем, крича: «Удались!», «Посторонись!». Зубцы этого копья поэт уподобляет смеющемуся рту с раскрытыми губами.

⁴ В средние века во время поездок над царем держали черный шелковый зонтик, верхушку которого украшал золотой сокол с раскрытыми крыльями — символ шахской власти. Этот зонтик здесь уподоблен черной крепости, а золотой сокол — крепостной башне.

⁵ В описываемые времена и войсках сасанидских царей существовали специальные учетчики, проверявшие наличие количество воинов. Смысл стиха: Учетчики, считая воинов, сблизь со счета и пришли в смятение — такое множество воинов они увидели, и они решили, что Хосров, наверное, отправляется в поход.

⁶ Серебристая камфара — снег.

⁷ Рубин — солнце.

⁸ Ширин велела в знак глубокого уважения к высокому гостю усыпать дорогу перед ним золотыми червонцами.

⁹ Нарцисс в классической восточной поэзии часто сравнивается с томными глазами красавиц.

¹⁰ Т. е. по приказу Ширин специально посланные слуги в знак глубокого почтения осыпали Хосрова золотыми монетами, а дорогу перед ним устлали парчой и шелком.

¹¹ Т. е. как странно и несправедливо устроен мир: Хосрову, не посевшему ни зерна добра, оказывали всяческие знаки любви.

¹² Т. е. она хлебосольна на скатерти красоты, почему же тогда она отказывает в обычном хлебосольстве гостю?

¹³ Царские шатры обычно были шестигульной формы и изготавливались из разрисованного шелка.

¹⁴ Смысл бейта: Здесь нет белой госпожи, повелительницы, с этой кровли с царем будет говорить черная индийская рабыня, имя которой Ширин.

¹⁵ Т. е. в знак покорности Ширин подвесила к своим луноподобным ушам кольца — эмблему рабства и свое солнышкоподобное лицо прикрыла тенью — покрывалом.

¹⁶ Черною чадрую, что дышит амброю. — Чадру делали из черных конских волос, поэтому они метафорически уподоблены источающим аромат амбры кудрям; луна — лицо.

¹⁷ В подлиннике это двусложие звучит так:

Эта Хума с красною павлина
Отправилась на крышу, словно фазан в воздух.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

¹ Рубины своих серег, горящие огнем, ты бросила под копыта моего коня.

² Ты насыпала столько рубинов и яхонтов под ноги моего коня, что я от смущения покраснел и стал пуцовым, словно рубины и яхонты.

ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ В средние века стражники набирались обычно из индийцев.

² Планета Меркурий одновременно находится в лоне двух созвездий, а солнце, с которым сравнивается Хосров, одно.

³ Рум вонзил свое копые. — Т. е. Маршан из Рума (Византии) вонзил копые.

⁴ Обычно в човган играли одним мячом, а в Индии при игре пользовались двумя мячами.

⁵ Ширин считала своей киблой (см.) Хосрова.

⁶ Ширин сравнивает себя с глиной, которую употребляли в качестве мыла при мытье головы, глину при этом клали на голову. А «класть что-либо на голову» — идиоматическое выражение, означающее «оказать кому-либо почет».

⁷ Ты не сможешь обвить меня своими руками, для этого твои руки коротки, ибо мое светлое тело обвито переливающимися созвездиями.

⁸ В подлиннике это двустишие звучит так:

С помощью онагра, разве сможешь победить льва [моей
красоты]?

Я — Ширин, а не дитя-молокосос.

Говоря об онагре, Ширин подразумевает Шекер. В стихе поэт обыгрывает полную и неполную омонимию слов шир (лев), ширин (Ширин) и ширхар (молокосос). Смысл бейта: Тебе не удастся с помощью какого-то онагра, т. е. Шекера, одержать верх над моей могущественной, как лев, красотой, ибо не забывая, что я Ширин, а не ребенок.

⁹ Перевод двустишия неточен, оно в подлиннике звучит так:

Я не дитя, с которого сладкими речами
Можешь снять одежду за одну хурму.

Т. е. ты не обманешь меня сладкими речами, тебе не удастся овладеть мною.

¹⁰ В оригинале буквально сказано следующее:

Я, подобно Зухре, органон, на котором я играю,
Сначала я называю, а затем играю (ласкаю) на нем.

Для настройки расстроенного органа ему натягивали ушки, а «натягивать ушки» — идиоматическое выражение, означающее «наказывать кого-либо», «обижать» и т. д.; понятия «играть» и «ласкать» передаются одним глаголом «налахтан».

ВТОРОЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Сладкий сердечник — сладкие уста Ширин.

² Сладкие в поэзии всегда ассоциировались с красным цветом, алыми ланитами и красной одеждой. Сравнивая себя с розовощекой славянской княжной, Ширин жалуется на то, что теперь она заключена в крепость, словно розовая вода в склянку.

³ Перевод двустишия далек от оригинала, в котором буквально сказано:

До сих пор мои индусы поклоняются огню,
До сих пор мои глаза подобны хмельным тюркам.

Под «индусами» Ширин имеет в виду свои родинки, которые находятся на огненных (румяных) ланитах и словно молятся на них, а глаза подобны хмельным, бесстрашным тюркам, которые смело похищают сердца.

⁴ Т. е. она подобна нераскрывшемуся бутону розы: жемчужина ее девственности не тронута.

⁵ Намекая на Шекера, Ширин говорит, что яблочко ее подбородка

своею красотой заставит отправить обратно в Исфахан все исфаханские яблоки.

⁶ В подлиннике сказано, что одним нежным взглядом Ширин может завоевать Рум — родину белолицых красавиц-пурчанок, а своим нежным благоуханием купить Хотан — родину мускуса.

⁷ Т. е. у пурчанки Ширин узкие тюркские глаза, а с узкоглазыми пурчанками никто не может сравниться красотой.

⁸ В оригинале сказано: «Хотя яблоки моих грудей подросли и стали как гранаты, все равно я могу ими погубить влюбленных и свести с ума мудреных».

ВТОРОЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹⁻⁴ Смысл этих бейтов сводится к следующему: Я, подобно свече, не переставая стоять, а свеча стоит и плачет от тоски по меду, из которого сделан воск; я тоже стремлюсь к Сладостной. Почему ты нахмурена, о Сладкая, как душа сахарного тростника (наросты на стебле сахарного тростника сравниваются с гневным, нахмуренным лицом), ведь сахарный стебель твой весь в наростах от того, что он постоянно опутан узлами (узлами) сладости. Почему сердце пальмы в шипах? Наверное, от того, что пальма тоже подвластна узам сладости.

Сравнивая Ширин с сахарным тростником и пальмой, Хосров хочет сказать, что она так надменна, неприступна (опутана узлами гнева) от того, что находится во власти уз своей собственной сладости.

⁵ Т. е. финиковая пальма, сахарный тростник, будучи сладкими, идут по «сладкому пути», т. е. доставляют всем сладость, а Ширин, будучи самой сладостной, идет по горькому пути и доставляет Хосрову одну лишь горечь.

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Ширин, раскрыв свои рубиновые уста, начала потечать сахар сладкого тростника.

² Т. е. Ширин напустила свои черные полосы на свое лицо.

³ В описываемые времена в шахматной игре пешка не могла нападать на короля, а самая большая фигура, в которую она могла превратиться, был слон.

⁴ Ширин сравнивает себя с газелью и воробьем, а Хосрова — со львом и орлом.

⁵ Ширин иронизирует над Хосровом, говоря: «Когда ты заболел поносом, ты тотчас же сделал себе снадобье из засахаренных лепестков розы Сахара (имеется в виду Шекер); теперь опять возвращайся к ней».

⁶ Перевод двустишия неточный. В подлиннике сказано:

Ты одновременно хочешь и Шекер (Сахар) и Ширин
(Сладкую),
Но выбирай: или охотиться на луну, или лови рыбу.

Под «луной» Ширин имеет в виду себя, а под «рыбой» — Шекер, намекая на то, что разница между ними столь же велика, как расстояние между небом и землей (т. е. Луной и Рыбой, на которой стоит Земля).

ТРЕТИЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Крестьянин посоветовал легендарному тирану Немроду, беспощадно убивавшему людей: «Ты не торопись убивать людей, а торопись сеять зерна». В стихе обыграна неполная омонимия глаголов «коштан» (убивать) и «коштан» (сеять).

² Перевод далек от оригинала, который буквально гласит:

Нельзя закрыть ворота Фархара перед фазгуром,
Разрушить мост на реке Мулиан.

Фархир (см.) — город в Китайском Туркестане, а *фазгур* — китайский император. Во второй строке поэт намекает на знаменитое стихотворение Рудаки (ум. в 940 г.). Однажды бухарский эмир Наср ибн Ахмад отправился в Герат и разбил лагерь в его окрестностях на зеленом лугу. Эта местность так понравилась ему, что он надолго задержался там и не собирался возвращаться в Бухару — столицу Самаркандского государства. Тогда по просьбе сановников Рудаки написал свою знаменитую касыду, которая начинается словами: «Аромат реки Мулиан доносится до нас». Эмир, прочитав эту касыду, тут же покинул постель и как был, прямо в нижнем белье, вскочил на коня и помчался в Бухару.

Низами, намекая на эту легенду, устами Хосрова говорит, что было бы нецелесообразно разрушать мост на реке Мулиан перед властелином, стремящимся в свою столицу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Ширин, блистающая как солнце, над сонмом красавиц города Халлука — родины красоты, склонилась вниз, сверкая, словно цветок, обрызганный росой.

² Ширин сравнивает речи Хосрова с ивой, которая хотя и цветет, но не дает плодов, ибо слова Хосрова никогда не завершаются делом.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

¹ Ширин уподоблена Вавилону, в одном из колодцев которого пребывают в заточении искуснейшие чародеи и волшебники *Харут* и *Марут* (см.).

² См. об этом выше, прим. к гл. «Хосров умоляет Ширин».

³ Хосров обещает Ширин закрыть глаза страсти и низменного вожделения и на коленах просить у нее прощения.

⁴ Хосров сравнивает Ширин с раем.

⁵ Хосров сравнивает себя с Искендером, а Ширин — с живой водой, в поисках которой Искендер долго блуждал по свету.

⁶ Хосров говорит, что Ширин в свое время дала ему ложку своей сладости, и он, попробовав ее, безумно влюбился, но потом она отняла у него даже эту ложку.

ПЯТЫЙ ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

¹ Т. е. приподняв свои рубиновые губы над жемчужинами зубов, Ширин начала источать жемчужные и рубиновые слова.

² Т. е. какое удивительное совпадение: с неба идет холодный и белый, как камфара, снег, и в моей душе тоже зима, там царит холод. Согласно представлениям средневековой медицины, камфара охлаждала жар, страсть.

³ Т. е. снегом.

⁴ Т. е. крупницы (см. *шаир*) ласки в душе царицы нет.

⁵ В подлиннике буквально сказано:

Я тюрчанка, но не та, которая не уважает
арабской речи.

Я не та, которая не ведает искусства муки и
капризов.

⁶ В подлиннике сказано:

Ты был дейлемцем, но избрал царский сан,
Ты продал топор и купил булаву.

Дейлемец — стражник из Дейлема, города и области в северной части Ирана. Дейлемцы отличались белизной лица и высоким ростом, поэтому шахская стража набиралась из дейлемцев. Смысл бейта: Когда ты еще не был шахом, а был моим стражником, ты старался при помощи топора покорить меня своей воле, а став царем, ты выступаешь против меня, грозя булавой. Булава служила символом царской власти.

⁷ Клад — Хосров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

¹ Двустипше переведено неточно, в подлиннике сказано:

Мне нужен человек, равный мне по чести,
Ибо подругой павлина может быть лишь павлин,

ОТВЕТ ШАПУРА ХОСРОВУ

¹ Так как камфара, согласно понятиям средневековой медицины, остужала жар, то речь Шапура уподоблена камфаре. Смысл двустичия: Шапур начал успокаивать пылавшего гневом Хосрова.

² Ссора влюбленных подобна вспышке молнии, которая тут же гаснет.

³ Сожженная амбра перестает благоухать.

⁴ В подлиннике сказано: Женщина и луна, очевидно, созданы из одной материи, если ты закроешь дверь, они проникнут к тебе через отверстие дымохода.

⁵ Счастье — Ширин; власть — Хосров.

ШИРИН СОЖАЛЕЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ ХОСРОВА

¹ Т. е. пусть он примет все мои условия и готовится к сватовству.

² Сад роз — Хосров.

СНОВИДЕНИЕ ХОСРОВА И ТОЛКОВАНИЕ
СНА ШАПУРОМ

¹ Хосров хочет сказать, что он спит, а Шапур бодрствует, будучи звездой его счастья.

² В подлиннике: «Я увидел, что в просторном саду лампада подносит мне вино».

³ В подлиннике: «Объясни мне, что значит эта лампада, при свете свечи и луны растолкуй мне этот сон».

ХОСРОВ УСТРАИВАЕТ ПИР

¹ Яхонты Джемшида — звезды.

² Внезапный вор — солнце.

³ Т. е. при появлении вора, который сложил в свой мешок джемшидовы яхонты, птицы испугались, начали взмахивать крыльями и кричать, а напуганные женщины торопливо бегать туда-сюда, звеня ножными браслетами.

⁴ Черные стражники — негры выглядели вокруг белого царского шатра так, словно черную Эфиопию прикрепили к поле белого исфаханского халата.

⁵ По преданию, Хосров постоянно держал в руке мягкий золотой шарик — символ справедливости; когда же Хосров сжимал его в гневе, золото проступало между пальцами.

¹ Никиса так прекрасно играл на чанге, что богиня музыки Зухра (Венера) заслушалась и перестала играть на своем органоне.

² Заря любви зары — Ширин.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ ШИРИН

¹ Раскупоривать фuku (см.) — идиоматическое выражение, означающее: завершать незначительное дело. Смысл двустичия: Если ты не удостоишь меня чести подавать тебе розовую воду, быть твоей кравчей, то пусть хотя бы я буду радовой служанкой у тебя на побегушках.

² Смысл бейта: Если я не сумею быть твоей портишкой и украшать твою одежду узорами, то пусть, по крайней мере, я буду твоей служанкой: тогда я буду жечь руту, чтобы уберечь тебя от дурного глаза.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВИ

¹ В подлиннике сказано:

Мое обоняние чувствует аромат друга,
Лампада моей души видит образ моей сокровищницы.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ

¹ Он начал петь прекрасные, как розы, слова в ладе «Нюваруз».

² Китайские зеркала отличались чистотой полировки и ясностью изображения. Смысл бейта: «Не бери в руки китайского зеркала, ибо оно отражает всякого, а чьи руки попадет. Тебе нужно такое зеркало, как мое лицо, ибо оно может отражать лишь один твой лик». Ширин сравнивает здесь непостоянную Шекер с китайским зеркалом, а свой лик с зеркалом, в котором запечатлен лишь один образ — Хосрова.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВИ

¹ Залпасты ног — золотые браслеты, которые носили на ногах богачи, знатные женщины.

² Нарциссы — глаза; гиацинты — кудри.

³ Имеются в виду косы.

⁴ Жемчужины — зубы.

⁵ Т. е. пальцы Ширин были так белы, что кипятившийся белизной своего меха горностай от зависти мог бы укунить их.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ НЕКИСЫ, ПОДСКАЗАННАЯ
ШИРИН

¹ Ширин уподобляет Хосрова двум мирам — земле и небосводу, стараясь оправдать себя в том, что не пустила Хосрова к себе в замок: ведь два мира не могут уместиться в одном чертоге.

² Продолжая оправдываться, Ширин уподобляет Хосрова слону и Симургу, а себя муравью и свой замок муравейнику.

³ Полуоткрытые фисташки в классической восточной поэзии обычно сравнивались с раскрытыми смеющимися губами.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВ

¹ В прежние времена среди мясников существовал такой обычай. Чтобы поймать в стаде самого жирного барана, мясник читал специальную волшебную молитву, с помощью которой «заговаривала» ноги предводителя отары — бородатого козла и вместе с ним обходил стадо. Увидев козла, все овцы собирались около него и мясника, и последний выбирал нужное ему животное. Смысл бейта: Рок заговорил, околдовал меня, чтобы я всегда крутился вокруг тебя.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ БАРБЕДА, ПОДСКАЗАННАЯ
ХОСРОВ

¹ Т. е. слова песни Некисы воспламенили Хосрова, словно огонь, и Барбед водою своей песни хотел потушить это пламя.

² Т. е. мне говорят, что она (Ширин) отказала мне в счастье, но я отвечаю им, что я счастлив уже тем, что она счастлива.

ВЫХОД ШИРИН ИЗ ШАТРА

¹ Он невольно поклонился ей в ноги.

² Т. е. отбросив плотскую страсть, он воспылал к Ширин чистой любовью.

³ Ширин — вода, Хосров — огонь.

⁴ Т. е. он распускал ее волосы и закрывал ими ее луноподобное лицо.

⁵ Т. е. Хосров подносил ее ноги к губам, чтобы поцеловать их.

⁶ Т. е. звуки поцелуев заглушали звуки небесной кеманчи.

⁷ Лунный предел — созвездие, в котором находится луна. В персидском языке и созвездие, и башня обозначаются одним словом «бурдж».

⁸ Т. е. Хосров приказал проводить Ширин в свой замок.

⁹ Хосров велел астрологам выбрать счастливый день для того чтобы луноподобную Ширин привести во дворец солнцеподобного Хосрова.

ПРИЕЗД ШИРИН ДЛЯ ВЕНЧАНИЯ В МЕДАИН

¹ Т. е. когда взошло солнце.

² Встречая невесту, близкие жениха осыпают их сладостями, фисташками, орехами, но вместо этого Хосрова и Ширин осыпали жемчугами и самоцветами.

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИН

¹ Семь украшений — семь красок, которыми испокон веков пользовались восточные женщины для своего туалета: 1) хна, которой красили волосы, кончики пальцев и ладони рук; 2) басма — черная растительная краска, которой красили брови и ресницы; 3) белила; 4) румяна; 5) гал — смесь мускуса, амбры и других благовоний; 6) сурьма и 7) золотая фольга.

² Хосров ворвался в Хузистан — страну сладости и вкусил сладость сладкого леденца (табарзада).

³ Вино — губы Ширин; гранаты — ее груди.

⁴ Участники свадьбы после первой ночи новобрачных окрашивали ладони хной.

⁵ Крепость Дизакне — одна из старейших крепостей Аррана, ныне она называется Дизакан и находится на территории Армянской ССР. Слово «Дизакне» состоит из двух частей: «диз» (крепость) и «Акне» (название крепости).

⁶ Белый жасмин — седина. Смысл двустишия: Хосров еще в молодости, подобно Низами, начал размышлять и печалиться о неизбежной старости.

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ
И ЗНАНИИ

¹ Согласно воззрениям Низами, добрые деяния человека выступают вступниками за своего хозяина в судный день на том свете.

ВОПРОСЫ ХОСРОВА К БУЗУРГУ-УМИДУ
И ЕГО ОТВЕТЫ

¹ В стихе обыграно этимологическое значение имени Бузург-Умид, которое означает «Великая надежда».

² По представлениям средневековых ученых, небосвод, состоящий из девяти сфер, является границей материального мира, а за пределами небосвода находится непостижимая неизвестность.

³ В подлиннике буквально сказано:

Лишь о том, что приходит и уходит (происходит)
в этой [земной] обители,

Имеет смысл рассуждать.

² В стихе вместо «воздух» сказано «небосвод».

³ В подлиннике буквально говорится: «Этот мир есть папиная форма того мира». Иными словами, тот мир (т. е. загробная жизнь) носит духовный характер, а этот мир, земная жизнь — единственная реальная форма существования духовного мира. Поэтический перевод стиха далек от оригинала. Между тем, эта мысль поэта имеет важное значение для уяснения сущности его философских воззрений.

⁴ В подлиннике сказано: «Невозможно видеть душу без тела». Поэтому не следует бессмысленно вопрошать о душе без тела, плоти.

⁵ 3 подлиннике буквально сказано:

Шах снова спросил: «Если душа существует,
То разве образы тел не абсурдны?»

Т. е. если допустить, что душа продолжает жить и после смерти тела, то откуда же берутся образ, внешний вид погибших тел, которые мы видим во сне, где же они живут после смерти хозяев?

⁷ В подлиннике сказано:

Когда сон и мысль объединяются,
То обычно души появляются во сне.

Т. е. когда работа мысли и сон вступают в сотрудничество в воображении, перед мысленным взором возникают картины реальной жизни.

⁸ В тексте буквально сказано:

Ты тот свет, который до того, как приобщился
к земле,

Имел свою обитель над небесами.

Т. е. до того как спуститься на землю в форме плоти, тела, ты жил в виде света (духа) в наднебесном мире.

⁹ Этот ответ Бузург-Умид соответствует мусульманскому учению о сотворении человека, согласно которому Аллах сначала начертал на своес скинжали, хранимой в наднебесном мире, план и судьбу всей вселенной, затем создал землю и небо, потом духов, ангелов и лишь после этого сотворил Адама — прародителя человечества.

¹⁰ Буквальный перевод двуступища:

Первый из них сказал: «Это похоже на то, как
во сне

Человек бросается в водоворот».

О НАЗНАЧЕНИИ ПРОРОКА

¹ Калила и Димна — так звучат по-арабски имена Караката и Диманака, героев басен Бидная, сборник которых послужил образцом для

появления в арабской, персидской и тюркской литературах целой серии аналогичных сборников басен. Источником для первого перевода этого сборника на среднеперсидский язык (пехлеви) послужили индийские эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата». С пехлеви сборник был переведен на арабский язык в 40-х годах XIII в. Абдаллахом Ибн ал-Мукаффей. В 30-х годах X в. родоначальник персидско-таджикской литературы Рудакки (ум. в 940 г.) осуществил поэтическую обработку сборника, из которого до нас дошли лишь отдельные разрозненные двуступища. Персидско-таджикскую прозаическую обработку в середине X в. завершил знаменитый визирь Саманидов Балами. Впоследствии появился целый ряд прозаических и поэтических вариантов этих басен, осуществленных различными писателями и поэтами. Судя по всему, Нишам излагает притчи в обработке Рудакки.

СОРОК ПРИТЧ ИЗ «КАЛИЛА И ДИМНЫ» С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ СОРОКА ТОНКИХ МЫСЛЕЙ

¹ Все эти сорок притч восходят, как точно установил Е. Э. Бертельс, к сорока рассказам, изложенным в «Калиле и Димне». Ниже приводится краткое содержание этих рассказов в изложении Е. Э. Бертельса (Нишам и Хосров и Ширин. Пер. К. Липскерова. Предисловие и комментарии Е. Э. Бертельса. М., 1955, с. 533—538).

² «Бык Шатраба и лев». Бык и лев, бывшие друзьями, были натравлены друг на друга шакалом; в результате бык Шатраба был разорван львом.

³ «Занятие обезьяны плотничеством». Обезьяна, подражая плотнику, начала выдергивать забитые в бревно клинья; бревно защемило ей морщину и она упала без чувств.

⁴ «Лисца и барабан». Лисца, увидев на дороге толстый барабан, предположила в нем обилие жира, но, раздраз его, обнаружила пустоту.

⁵ «Скупой подвижник, проигравший вору одежду». Вор обманул приотвешенного его отшельника и завладел подаренными ему царем драгоценными одеждами, отшельник в огорчении долго отыскивал вора.

⁶ «Ворон и змея». Ворон, желая избавиться от съездившей его птенцов змеи, по совету шакала похитил у женщины ожерелье и на виду у всех отнес в змеиную нору; явившись за ожерельем убили змею.

⁷ «Цапля и рак». Цапля, пытавшаяся обманым путем перенести рака, подобно другим рыбам, из пруда в укромное место, чтобы съесть его, была задушена им.

⁸ «Кролик и лев». Посланный на съедение ко льву кролик обманом погубил льва, заставив его прыгнуть в глубокий колодезь.

⁹ «Три рыбы и спасение одной из них из сетей». Выловленная и положенная на берег реки рыба, притворившись мертвой, бросилась в реку и спаслась от ловивших ее рыбаков.

¹⁰ «Сговор шакала, волка и вороны на убийство верблюда». Шакал

волк и ворон, предварительно сговорившись друг с другом, обманули верблюда, заставив его предложить самого себя на съедение тигру.

¹¹ «Птица Титави против морских волн». Морская птица Титави, враждовавшая с морем, затоплявшим ее гнездо с птенцами, восстановила против моря всех птиц и повелительницу птиц Анку, заставила море смириться и возратить отнятых птенцов.

¹² «Утки и черепаха». Черепаху переносили утки по воздуху, она держалась ртом за несомую ими тростинку, но, заговорив, упала на землю и разбилась.

¹³ «Птица, обезьяна и светлячок». Простодушная птица, заметив, что обезьяны припали светлячка за огонь, спустилась к ним, чтобы разъяснить им ошибку, и за это поплатилась головой.

¹⁴ «Умный купец и простодушный купец». Коварный купец обманывал путем пытался присвоить принадлежащую простодушному купцу часть найденного ими обоими клада, но благодаря вмешательству судьи, который раскрыл его обман, понес заслуженную кару.

¹⁵ «Лягушка, змея и ласка». Лягушка, желая погубить съедавшую ее детенышей змею, указала ласке дорогу к змеиной норе; добравшись до меньшей норы, ласка съела не только змею, но и детенышей лягушки.

¹⁶ «Послающий железо мышь и похищающий ребенка сокола». Человек, взявший от своего друга на хранение железо, присвоил его, сказав хозяину, что железо поели мыши. Владелец железа ушел домой и по дороге похитил сына обманщика. На вопрос отца о местонахождении его сына он в свою очередь ответил: «Сокол унес твоего сына; после этого тот сознался в обмане и возвратил железо владельцу».

¹⁷ «Чужая жена и сжигающий свой плащ живописец». Живописец уславился с женой другого о том, что черный плащ будет служить ему отличительной приметой в лунную ночь, а белая подкладка плаща его — приметой в темную ночь. Раб живописца похитил плащ и, выдав себя при помощи плаща за живописца, провел часть ночи с возлюбленной живописца; принеся несколько позднее живописцу плащ, тот понял свою оплошность и в огорчении сжег свой плащ.

¹⁸ «Невежественный врач, смешавший лекарство с ядом». Невежда, выдававший себя за врача, перепутал целебные травы и вместо целебного лекарства приготовил отраву, от которой умерла царская дочь.

¹⁹ «Вахирь и спасение голубей из сетей». Голубь вахирь, попавший вместе с другими голубями в сети охотника, уговорил голубей действовать дружно и, взлетев вместе с сетями, долетел до крысы, которая перегрызла узлы сетей и освободила голубей.

²⁰ «Союз ворона, мыши и газели». Ворон, мышь и газель были друзьями: мышь выручала из беды попавшую в сеть газель, перегрызая сети, ворон же перетаскивал в клюве мышь с одного места на другое, защищая при этом свой клюв, чтобы она не выпала из него.

²¹ «Мышь, подвижник и похищение подвижником золота». Мышь, похищавшая у подвижника продукты, жила в норе с золотом. Выследив эту мышь и подрыгав ее нору, гость подвижника обнаружил там золото и разделил его пополам с подвижником.

²² «Волк, умерший от того, что хотел съесть тетиву лука». Голодный волк напел на дороге убитого охотника со стрелами и луком, убитую охотником газель и пронзенную стрелой дику свинью. В намерении сохранный находку про запас волк решил удовлетвориться одной тетивой лука. Едва была вырвана тетива, как лук выпрыгнул и поразил волка.

²³ «Ворон и сова». Вороны всегда враждовали с совами.

²⁴ «Изгнание слонов от родника воды зайцем». Заяц выдал себя перед слоном за посланца луны, а источник, находящийся в стране зайца, — за лунный источник, и своею хитростью заставил слонов не пользоваться этим источником.

²⁵ «Кошка-подвижница, куропатка и заяц». Кошка, притворявшаяся подвижницей, разбила спор между зайцем и куропаткой и, заставив их прибиться, съела обоих.

²⁶ «Похищение ворами барана подвижника». Вору поочередно уверяли подвижника в том, что его баран является собакой, и, заставив его поверить этому и бросить барана, похитили животное.

²⁷ «Муж, жена и вор». Ненавидевшая мужа жена при виде забравшегося к ней вору крепко обняла своего мужа, шла у него защиты.

²⁸ «Оборотень, вор и отшельник». Оборотень, намеревавшийся задумать благочестивца, и вор, стремившийся украсть у этого же благочестивца корову, поспорили друг с другом из-за того, кто должен первым осуществить свое намерение, и в пылу пререканий разбудили благочестивца, который, таким образом, спасся от обоих.

²⁹ «Жена столяра и отец жены». Столяр, желая проверить верность своей жены, притаялся под кроватью, но, несмотря на совершение на его глазах прелюбодеяния, был обманут своей женой и поверил в ее верность.

³⁰ «Выбор в мужья мыши девушкой-мышью». Превращенная в девушку мышь вместо солнца, облака, ветра и горы предпочла себе в мужья мышь.

³¹ «Обезьяна и черепаха». Обезьяна хитростью заставила возвратиться черепаху, отвозившую ее к себе домой, чтобы вырвать у нее сердце для лечения своей жены.

³² «Обманывание осла лисицей и доставление его льву». Лисица обманым путем привела осла ко льву, нуждавшемуся в сердце осла для своего излечения. Когда лев растерзал осла, лисица съела его сердце и уверила льва в том, что сердца у осла вовсе не было.

³³ «Попусту мечтающий отшельник и кувшин с медом и маслом». Отшельник накопил кувшин масла и меда и так размечтался по поводу будущих доходов от их продажи, что в пылу мечтаний разбил кувшин.

³⁴ «Убийство отшельником невинной ласки». Отшельник поручил ласке наблюдение за своим ребенком, а сам ушел. Ласка загрызла змею, напавшую на ребенка. Возвратясь, отшельник увидел кровь змеи на мордочке ласки и, не разобрав в чем дело, убил преданную ласку наложкой, думая, что на ней кровь ребенка.

³⁵ «Убийство голубки голубем». Голубь заподозрил голубку в том,

что она съела заготовленное им на зиму зерно, и заклевал ее насмерть, после чего убедились, что зерно было не съедено, а высохло и уменьшилось от этого в своих размерах.

²⁸ «Разгрызание мышью сетей кошки». Мышь постепенно перегрызала сети и последний узел перегрызала в момент прихода охотника с тем расчетом, чтобы кошка не смогла на нее броситься.

²⁹ «Кубарре, шах и шахзаде». Птица Кубарре выклевала у царевича гаяз за то, что он убил в гневе ее птенца, после чего, опасаясь царского гнева, улетела на высокое место и не поддавалась на увещевания царя, стремившегося возратить ее и отомстить за глаз сына.

³⁰ «Шакал-подвижник и янос на него зверей льву». Подвижник-шакал, за свою честность возведенный львом в высокий сан, был оклеветан другими животными, но в конце концов оправдан и снова назначен на прежнюю должность.

³¹ «Странник, золотыльник и змея». Змея за то, что странник вытаскивал ее из ямы, спасла его, избавив от казни по подозрению в убийстве царской дочери.

³² «Четыре сына»: купца, земледельца, царя и богача испытали свои способности, оказавшись в нужде. В итоге оказалось, что больше всего получил сын царя благодаря счастливой судьбе.

³³ «Охота львицы и поимка ее львят». В отсутствие львицы отправившийся на охоту всадник нашел оставленных в логовище львят и увез их, что и повлекло возмездием за совершенное львицей злодеяние.

ОПИСАНИЕ ШИРУИЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

¹ Т. е. после того, как Хосров постиг суетность жизни, он забил доской дверь этой лавочки сует — мира: т. е. он понял, что жизнь — суета сует, и оторвался от мирского.

² Шируйе — буквально означает «львенок», а на пасти льва всегда исходят зловоние.

³ В подлиннике сказано:

Он смотрел на нее, словно див на перы,
Так, как осел смотрит на ремесло седельщика.

Т. е. он ненавидел ее, как злой дух ангела и как осел седельщика (седельщик изготавливает седла, чтобы оседлать осла).

ХОСРОВ УДИНЯЕТСЯ В ХРАМ ОГНЯ. ШИРУИЕ ЗАКЛЮЧАЕТ ЕГО В ТЕМНИЦУ

¹⁻² Муканна (см.), подняв бунт против арабских захватчиков в Хамзабе, обвиняла о чуде, призванном доказать, что он является воплоще-

нием божества. «Чудо» его заключалось в зеркале, сделанном из позированного железа и положенном на дно колоды. Муканна заявила, что оно является «чудотворной луной».

Ширин сравнивает Шируйе с Муканной (хотя Муканна выступил со своим «чудом» на сто тридцать шесть лет позднее описываемых событий, в 776 г.) и говорит, что подобно тому, как от сырости зеркало поржавело и обман открылся, так и обман Шируйе тоже будет вскоре разоблачен.

³ Т. е. одержать над миром победу. Как отмечалось выше, эта эллегория заимствована из игры в *чоган*.

ШИРУИЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

¹ Двурогий — Искандер (Александр Македонский), герой последней поэмы Низами, в которой поэт объясняет, почему его прозвали двурогим.

² Звездные узоры — символ коловратной судьбы.

ШИРУИЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ШИРИН

¹ Растертые яхонты, жемчуга и некоторые другие самоцветы в средневековой медицине использовались как лекарства, входили в состав многих целебных мазей.

СМЕРЬ ШИРИН В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

¹ Хабешский негр — черная ночь; камфара — утро; серебро — горизонт. Т. е. черная ночь, похожая на эфиопского негра, неслась на руках утра, словно камфару в склянках; склянка разбилась, и утро растеклось по горизонту.

² Из небесной крепости черная ночь глядела на месяц и засмеялась, из ее чрева показалось утро, словно белые зубы изо рта негра.

³ Как только блеснула заря, Ширин приказала изготовить царские посылки на благоухающего кемарского дерева — алоэ, разукрашив их драгоценными камнями и золотом.

⁴ Калам — тростниковое перо с тонким срезом в середине кончика для того, чтобы оно было эластичнее и лучше удерживало чернила. Пальцы Варбеда от горя стали словно расщепленные кончики пера.

⁵ Жасмин — Ширин; кипарис — Хосров.

⁶ Мутриб (певец, музыкант) в Африке — ночь, мутриб на Руси — день.

В ОСУЖДЕНИЕ МИРА

¹ Небо названо быкоподобным потому, что на нем находится созвездие Тельца. Смысл двустишия: Мир этот жесток и изменчив, не надейся на него, собери свои пожитки — добрые дела и вовремя отправляйся в вечную жизнь.

² Мир этот — пустынный солончак, и его миражи манят жаждущих жизни и губят их.

³ В подлиннике буквально сказано:

Много хаджи (паломников в Мекку) упали с верблюдов,
А унав, не смогли отличить колоковинта от шавеля.

Т. е. многие мусульмане, стремясь достичь высшей благодати, совершали паломничество в Мекку, чтобы узреть Каабу, однако они часто падали по дороге с верблюдов и расставались с жизнью, не будучи в состоянии отличить горькую ядовитую траву колоковинта от целебного шавеля.

⁴ Млечный Путь уподоблен змею, дракону, спящему над сокровищем — жизнью; кому же может доставить удовольствие жить в пасти дракона? Поэтому будь разумен и вовремя отрекись от сокровища — жизни.

⁵ Знания — земная жизнь.

В НАЗНАНИЕ

¹ Т. е. смерть не мучает того, кто задолго до смерти отрекся от мирских привязанностей, кто умертвил свои страсти и понял суетность мира.

² Четыре вещества — четыре стихии (вода, огонь, воздух и земля), составляющие материальное тело, плоть. Смысл двустишия: Если сумеешь отречься от низменных телесных страстей и посвятить себя служению духовному миру, ты возвысишься выше семи небесных сводов.

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

¹ Кыпчакский мой кумир. — Речь идет об Афак, первой жене Низами.

² Т. е. Афак носила свою фату словно доспех, и никто не осмелился бы подойти к ней с дурными мыслями. Низами гордился целомудрием и благочестием своей супруги Афак, которая была невольницей правителя Дербента, однако не покорилась ему, несмотря ни на какие домогательства и угрозы.

³ Поэт молит господа оберегать его сына, рожденного от тюрок.

В НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ СВОЕМУ МУХАММЕДУ

¹ По мусульманскому преданию, пророк Мухаммед во время своего вознесения к Аллаху приблизился к нему на расстояние двух выстрелов из лука. Поэт желает своему сыну счастья служения богу и приближения к нему.

² Т. е. ты сейчас молод, как молодой месяц, а когда ты достигнешь совершеннолетия и станешь словно полная луна, мы желали бы видеть тебя в окружении достойных людей, достигших благодаря своим знаниям и мудрости высоты звезд.

ХОСРОВ ВИДИТ ВО СНЕ ПРОРОКА

¹ Хосров II Парвиз и пророк Мухаммед были современниками и почти ровесниками. Хосров умер на четыре года раньше (628) Мухаммеда (ум. в 632). Эта глава, очевидно, написана во время второй редакции поэмы. Поэт, вероятно, хотел обелить себя в глазах представителей официального ислама, обвинявших его в том, что главными героями поэмы он сделал огнепоклонников (см. в начале поэмы главу «В оправдание этого сочинения»).

² По мусульманскому учению, Мухаммед является последним из пророков, после него пророков больше не будет, поэтому он сравнивается с печатью под списком посланников Аллаха.

³ Одним из чудес Мухаммеда было расщепление Луны, другое его чудо заключалось в том, что он мог «спустить луну с небес» и спрятать ее в своем плаще.

⁴ Мухаммед, якобы поговорив с гранитом, смигнув его, сделал мягким, как воск.

⁵ Нерус — абиссинский король.

ПОСЛАНИЕ ПРОРОКА ХОСРОВУ

¹ По преданию, легендарного тирана Немрода, преследовавшего пророка Ибрахима (Авраама), погубил москит, который по велению бога проник ему в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб. Во втором полустиишии намечается на эпизод с пророком Энобом, который не мог справиться с нашествием муравьев.

² Пламень — огонь, которому поклонялись огнепоклонники — эноверцы Хосрова; мотылек — Хосров.

³ По поверью, заболевший бешенством не может выносить даже одного вида воды.

⁴ В 645 г. арабские мусульманские войска около местечка Зикар одержали решающую победу над иранскими войсками.

⁴ Т. е. некто в полночь явился перед мысленным взором Хосрова с посохом в руке, разломил его и сказал ему: «Вот так я разломлю твою веру».

⁵ Избранник — см. Мустафа.

⁶ Тюрк — в поэзии Низами символ мужества, красоты, бесстрашия, предводителя и вождя. Называя пророка «тюрком», что поэт делает часто, он подчеркивает все его вышеуказанные качества. Смысл бейта: О мудрый предводитель, отважный вождь, красивый и великодушный пророк, ты воздвигл племена всех семи обитаемых частей света, и весь подлунный мир славит тебя.

⁷ Лула — пророк Мухаммед, который светом своего учения озарил весь мир, пребывавший до этого во мраке язычества.

⁸ В двести пятьдесят пять ежедневных молитв сравниваются с пятью поуба-тами (фанфарами), в которые били перед дворцами могущественных султанов и царей, символизируя их власть. Во второй строке намечается на вознесение пророка к Аллаху.

ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОРОКА

¹ *Слуга семи шатров, миндальноглазый вмиг...* — Джабраил (архангел Гавриил). Поэт называет его миндальноглазым, метафорически уподобляя тюрку, а тюрки, как отмечалось выше, в классической поэзии символизировали красоту.

² Разорвав сердцем созвездия Скорпиона, он погладил мимоходом лоб Льва, т. е. созвездие Джабри, состоящее из четырех звезд, как бы образующих «лоб» созвездия Льва, и пролетел ввысь.

³ Ките — созвездие Девы.

⁴ Рыба — созвездие Рыбы. Юнус — библейский Иона, признанный исламом как пророк, который был проглотен китом, а затем успешно освободился из его чрева. Мухаммед, пролетевший мимо созвездия Рыбы, уподоблен Юнису, спасшемуся от Кита.

⁵ Согласно Корану, когда Мухаммед пролетал мимо сказочного небесного сада, Аллах велел ему: «Не оглядывайся!», дабы он не увлекся необычайной красотой рая и не отклонился с пути.

⁶ Низам — Аллах. Он разрешил Мухаммеду приблизиться к нему на расстояние двух выстрелов из лука.

НАСТАВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

¹ Переводимая игра названиями двух городов в Иране — Гургана и Кимрана. «Гурган» одновременно обозначает «волки», а «Кимран» — «кери». Смысл бейта: В смертный час, спасаясь от волков этого

мира, мы отправимся в страну червей, которые сожрут нашу плоть. Т. е. наш путь до смерти значительно короче, чем путь из Гургана в Кимран.

² Популярный рассказ о попугае, вошедший во многие классические сборники басен, гласит, что попугай, стремясь вырваться из клетки, приоткрыл мертвым, его выбросили, и он улетел к себе на родину, в Индию.

³ Т. е. Деши и его золото давно истдели, и потому они не стоят килограмма зерна.

⁴ Т. е. в 576 г. была завершена эта поэма; указанная дата соответствует 1180—81 гг. нашего летоисчисления.

⁵ Т. е. подобно тому, как шелкопрячий червь, пожирая древесные листья, дарует шелк, я тоже, испуская стихи, дарую читателям «шелковые стихи».

ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТНИКОВ

¹ По преданию, Иисус, когда оживлял мертвых своим дыханием, садился на колени, произносил молитву, а затем вдувал в рот мертвого свое дыхание. Придворные поэты сажались перед Низами в позу Иисуса, стараясь изречь животворные мысли, однако они скоро, подобно оску, увязали в грязи и не могли сказать ничего путного.

² Придворные поэты, обкрадывая мои стихи, могут, как звезды, таять отраженным светом, но они никогда не научатся сиять, подобно мне, как солнце.

³ Бейт переведен вольно, в подлиннике сказано:

Посмотри ты на мою выдержку, что видя своего
индийского грабителя,
Подобно тюркам, я веду за ним запасного копя.

Т. е. я вижу, как придворные поэты, как черные индийские воры, обкрадывают меня, я же, подобно великодушным белым тюркам, делаю вид, что не замечаю этого и даже подаю вору запасного копя.

⁴ Как указывает поэт в начале поэмы, в главе «В оправдание сочинения этой книги» завистники и блюстители чистоты ислама упрекали Низами за то, что он посвятил свое произведение воспоминанию истории любви огнепоклонников, «воздвиг Кабу над капищем огня».

⁵ Я подобен наполненному жемчугами морю, а мои враги и завистники бросают камешки в это море, из которого сами воровски добывают жемчуга.

⁶ Я похож на вола на току, который врывает крупорушку и всем сыплет зерно, а сам ищет, где бы раздобыть зерно.

⁷ Змея не могла понасть в рай из-за высокой ограды, и тогда она попросила павлина, чтобы тот разрешил ей обвиться вокруг его ног, пав-

дин согласился и перелетел через ограду вместе со змеей, которая таким образом попала в рай.

³⁻¹⁰ Все эти двуступища представляют собой ответ обвинителям Низами, упрекавшим его в «греховности» темы, избранной им для своей поэмы. Оправдываясь, поэт сравнивает свои стихи с сокровищем, красной тюрчанкой и лампадой, а сюжет поэмы — с драконом, негром и крестом. Он предлагает читателям взять сокровище, красавицу-тюрчанку и лампаду, оставив все остальное.

ТОГРУЛ-ПАШ ТРЕБЫТ К СЕБЕ УЧЕНОГО НИЗАМИ

¹ Когда поэт закончил поэму и от всех умных людей поступили поздравления, он вспомнил арабскую поговорку: «Путь разума един». Т. е. если все умные люди хвалят поэму, то она действительно удалась.

² Поэма «Хосров и Ширин» уподоблена паланкину, а содержание поэмы — солнцу.

³ Т. е. когда поэма была завершена, Низами преподнес ее адресату, заказавшему ее, — атабеку Мухаммеду Джахан-Пахлавану. Поэма была принята весьма благосклонно и были обещаны поэту неразрезанные куски китайского шелка, великодушный хуттальский конь, несколько рабов и рабынь и т. д., однако эти обещания не были исполнены, заказчик долго находился в походах, а затем он умер, и поэт не получил ничего из обещанного вознаграждения.

⁴ Т. е. приглашен к атабеку Кызыл-Арслану (1186—1191), который после смерти своего старшего брата Мухаммеда Джахан-Пахлавана стал верховным правителем Азербайджана и всего Иранского Ирака.

⁵ Т. е. Кызыл-Арслан находился на расстоянии примерно 180—200 км. от Гянджи. Как удалось нам установить, Низами выехал из Гянджи на встречу с Кызыл-Арсланом по старой нахичеванской дороге, и встреча их состоялась в Сакасе-Шахи, расположенном на расстоянии примерно 80 км от г. Нахичевани, вблизи курортного местечка Истису.

⁶ На голову свою и возложил указ — высказал глубокое почтение указу.

⁷ Газелеподобные красавицы-певщицы исполняли под звуки чанга и органа газели Низами.

⁸ Т. е. поклонился шаху в ноги.

⁹ Небо поднялось — Кызыл-Арслан поднялся.

¹⁰ Во времена Низами, следуя еще более древнему обычаю, каждый крупный поэт имел своего сказителя-декламатора, который читал его стихи.

¹¹ Имеется в виду атабек Шемседдин Мухаммед по прозвищу Джахан-Пехлеван, что значит «Богатырь мира».

¹² Хамдунин — название деревни, которую Кызыл-Арслан пожаловал Низами.

СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ШАМСЕДДИНА МУХАММЕДА ДЖАХАН-ПАХЛАВАНА

¹ Двурогий — Александр Македонский, которому уподоблен в стихе атабек Мухаммед Джахан-Пехлеван. Александр Македонский в поисках живой воды проник в подземное царство мрака, но не нашел там ее источник. Смысл стиха: Могучий и мудрый, как Александр Македонский, атабек Мухаммед не обрел вечной жизни.

² По свидетельству некоторых историков, атабек Мухаммед был отравлен.

³ Сын Мухаммеда Джахан-Пехлеван Нусрет-ад-дин пришел к власти после смерти своего дяди Кызыл-Арслана в 1194 г. и правил до 1201 г. Из этого явствует, что данная глава, как и главы «Хосров видит во сне пророка», «Послание пророка Хосрову», «Вознесение пророка» написаны значительно позже самой поэмы, первая редакция которой была завершена в 1180—81 гг.

⁴ Сына атабека Шамседдина Мухаммеда звали Абубекр Нусрет-ад-дин. В стихе он уподоблен первому халифу (см.) *Абубекру* (632—634).

⁵ *Сияет Мухаммед*. — Атабек Шамседдин Мухаммед; *пред Мухаммедом*. — Перед пророком Мухаммедом.

СЛОВАРЬ

собственных имен, географических названий
и непереведенных слов

Аббасиды — династия арабских халифов (749—1258).

Абиссиния — см. *Хабеш*.

Абу-Бакр — см. *халиф*.

Абу-Дулаф — см. *Асади*.

Абхазия — в средневековой географии так называли всю современную Грузию; абхазцы — грузины.

Авеста — священная книга зороастрийцев (см. *Зардушт*).

Аджам — все неарабские страны, входившие в состав арабского халифата (см. *халиф*). Этим словом чаще всего обозначался Иран.

Айаз — самый любимый раб (впоследствии облаченный в сан эмира) могущественного султана из династии Газневидов Махмуда (999—1030).

Айван — крытая терраса перед домом или портик дворца; приемный зал, отделенный от двора аркой.

Алан — название города в Туркестане, где изготовлялись высококачественные кошмы.

Аланы — ираноязычные племена, обитавшие во II—IX вв. в Приазовье и Предкавказье, предполагаемые предки современных осетин.

Алиф — первая буква арабского алфавита, изображаемая в виде прямой вертикальной линии; в поэзии — символ стройности.

Алмагест — распространенное в средние века название главного труда внтичного ученого Птолемея Клавдия (II в.) «Сочинение или математическая система», известное на Востоке также под названием *Меджисте* (от греч. *мега* — величайшая).

СЛОВАРЬ

Алоэ — алойное благоуханное дерево, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии. Его сжигали в курильницах.

Альбурз (Эльбурс) — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря; его высшая точка — потухший вулкан *Демавенд* (см.), у подножия которого расположен Тегеран.

Амбра — благоуханное вещество, широко применявшееся на Востоке. Добывается из желудка и кишечника кашалота.

Амириты — европеизированное название арабского племени Бени Амир.

Анатус — это имя, по-видимому, искажено переписчиками, которые, выбыв пропавшую одну точку над буквой «т» превратили ее в «н». *Тиадуси* или *Тнатус* — восточная форма произношения имени византийского принца Феодосия, брата императора Маврикия (582—602).

Анка — огромная мифическая птица, которую нельзя увидеть; синонимом всего невидимого, нематериального.

Анкарак — гора Аншарак на территории современной Армении. В прежних изданиях эта гора ошибочно отождествлялась с горой Кяпас, расположенной недалеко от Гянджи, в результате обвала после землетрясения здесь образовалось высокогорное озеро Гей-Гель.

Ануширван — буквально «бессмертный», прозвище иранского царя из династии Сасанидов Хосрова I (531—579). После него царствовал Ормуз (579—590), а после Ормуза — прототип героя «Хосрова и Ширин» Низами — Хосров II Парвиз (590—628). При Ануширване была произведена оценка всех земель и установлены точные размеры налогов, до него взимавшихся произвольно, за что этот царь прозван Справедливым.

Араваан — распространенное на Востоке дерево или полкустарник с ярко-красными цветами, называется также «людным деревом»; синоним багрового или пурпурного цвета.

Ардашир Бабахан — основатель династии Сасанидов в Иране (224—241).

Аржанг (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. *Мани*), которая будто бы была украшена прелестными миниатюрами с многочисленными изображениями красивых лиц. Аржанг — символ всего прекрасного, изящного.

Аристотель — древнегреческий философ (384—322 гг. до н. э.), ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского. Известен на Востоке под именем Арасту.

Ариш — мера длины, примерно соответствующая русскому аршину

Арран — древнее название западной части современного Азербайджана; столицей этой области были *Барда* (см.), а затем Гянджа, родина Низами. В средневековой географии Арран и Армения зачастую рассматривались как одна страна.

Арслан — номинальный властитель Азербайджана и Иранского Ирана султан Арслан-шах (1161—1176), сын султана Тогрула II (1132—1135) и отец султана Тогрула III (1176—1194). При нем фактическим правителем Азербайджана и Иранского Ирана был атабек Шамс ад-Дин Ил-Диниз — (1136—1175).

Асади — персидско-таджикский поэт XI века, автор поэмы «Гершасп-наме», которая была преподнесена Абу-Дулафу, правителю Нахичевани.

Аспид — черный сланец, отделочный материал; использовался также для письменных досок.

Атабек — букв. «отец-воспитатель». После распада Сельджукской империи на мелкие султанаты княжества фактическая власть перешла в руки атабеков — «воспитателей» сельджукских принцев.

Афрасияб — легендарный туранский царь, патриарх тюрков; его войны с иранским царем *Кей-Хосровом* (см.) подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Ахриман (Ариман) — имя злого духа древнеиранской религии. Ахриман — властитель зла на земле, враг человека, находящийся в постоянной вражде с богом добра Ормуздом (Ахурамаздом).

Ахсатан I (1160—1196/97), сын Манучихра — ширваншах, правитель феодального государства Ширван в Северном Азербайджане.

Аят — стих в Коране; его текст подразделяется на суры (главы), а последние состоят из стихов.

Бадахшан — в средние века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира (ныне Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР) и горные районы Северного Афганистана. Там добывали драгоценные камни — рубины и гранаты. В стихах Низами губы красавиц часто сравниваются с бадахшанскими ладами.

Базахран — см. *Бахарзан*.

Базилик — см. *рейхан*.

Бакан — лаковая краска

Балх — один из древнейших городов и культурных центров Востока, столица Бактрии. Он был расположен в оазисе Балх на территории Северного Афганистана. В средние века Балх иногда назывался *Бама* или *Балхи-Бамайан*.

«Барсем вач» — зороастрийская молитва с барсемом (барсемом) в руках. **Барсем** — пучок гранатовых веток или камыша длиною в пядь, который держал жрец или молящийся в руках перед едой, вознося хвалу Ахурамазду за то, что он сотворил растительный мир, кормящий всех живых существ.

Барбат (*барбед*) — восточный струнный музыкальный инструмент.

Барда, Берда (Бердаа) — в X в. главный город *Аррана* (см.). В 943 г. был разграблен и сожжен *русами* (см.) и с тех пор утратил свое значение. Развалины его находятся недалеко от г. Барда Азербайджанской ССР.

Басма — растительная краска для волос и бровей.

Бахарзан — местность в Армении.

Бахрам Чубине — полководец Ормуза, отца Хосрова. В 589 г. он поднял восстание против Хосрова и захватил власть. Хосров спасся бегством в Барду, а оттуда направился в Константинополь и, заручившись помощью византийского императора, одержал победу над Бахрамом, который бежал в Среднюю Азию, где и был убит наемными убийцами. Битва между Хосровом и Бахрамом произошла около Гянджи.

Бахрам — сын Исфендиара (см.), персонаж «Шах-наме» Фирдоуси. После смерти отца он захватил в Иране престол и отомстил потомкам *Рустама* (см.).

Бейт — двустишие.

Бек — титул знатных и богатых людей.

Берат — вексель, доверенность, письмо, указ о выплате денег, выдаче имущества и т. п.

Берберийцы — берберы и жители Северной Африки.

Берда — см. *Барда*.

Бижен — один из персонажей «Шах-наме». В наказание за любовь к дочери туранского царя *Афрасияба* (см.) прекрасной Маниже он был посажен в глубокий колодезь.

Билаль — легендарный *муэдзин* (см.) пророка Мухаммеда родом из Эфиопии (Хабеша).

Билькис — жена царя *Сулеймана* (см.), библейская царица Савская.

Бисутун — скала у дороги из Хамадана в Керманшах (северо-западный Иран). По приказу Дария I (V в. до н. э.) на ней были высечены клинописная надпись и рельефные изображения, которые связывались с легендой о Фархаде. В этом же районе находятся развалины шахского дворца, известные под названием «Замок Ширин».

Буэра — один из вождей тюркских племен, обитавших на армянском плоскогорье (см. *Пажити Буэры*).

Булинас Румийский — Аполлоний Тиаский, философ-неопифагореец, математик (ум. ок. 100 г.), много путешествовавший по Востоку. Легенды о нем как о мага-заклинателе, чарошее были широко распространены на Востоке.

Бурак — легендарное верховное животное (полуконь, полумул), на котором Мухаммед совершил свое вознесение.

Буртасы — племя, обитавшее в низовьях Волги, тюркского или финно-угорского происхождения.

Бухари — Мухаммед ибн-Исмаил ибн-Ибрахим (810—870), бухарский богослов и ученый, прославившийся тем, что собрал подлинные предания (хадисы) о пророке Мухаммеду и назвал свой труд «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный свод»).

Вазир (везир, вивирь) — главный советник шаха, первый министр.

Ваши — город в Туркестане, области, расположенной к северу от Ирана и в древности заселенной восточноиранскими, а позже тюркоязычными народами.

Ваши — букв. происходящий из города *Ваш* (см.). Так назывался высококачественный шелк, выделявшийся в Ваше.

Вир — водоворот.

Вис — главная героиня поэмы «Вис и Рамин» персидского поэта Фахр ад-Дина Гургани, написанной между 1048 и 1056 гг. на сюжет парфянской повести о любви царицы Вис к брату царя Рамину.

Гавриил — см. *Джабраил*.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, построенное на монофоне (аа, ба, ва и т. д.), второе значение слова «газель» — антилопа, отличающаяся стройностью и быстротой бега.

Газна — средневековый город, столица султана Махмуда (999—1030), основателя династии Газневидов. Развалины Газны находятся около г. Газнин в Афганистане.

Гален — знаменитый греческий врач и философ (131—210 гг. н. э.).

Гебры — распространенное и поныне в Иране мусульманское название зороастрийцев. Низами называет гебрами также индийских огнепоклонников — незороастрийцев.

Гялян — область в Иране у берегов Каспийского моря, которая славилась своими быстроногими конями и плодовитыми пчелами. «Гиль» по-персидски означает: прах, земля. Низами думал, что Гялян — мно-

жественное число от этого слова и потому он часто употреблял его как синоним бренности мира, грешной земли.

Гоухар — драгоценный камень или жемчужина; слово «гоухар» обозначает также первичную субстанцию. Омонимия эта, восходящая к мифу о происхождении мира из белой жемчужины, нередко используется в стихах Низами.

Гуль — злой дух, который сбивает путника с дороги, заставляет его плутать, а затем пожирает его, изнеможенного от голода и жажды.

Гульгун — конь. Ширин, рожденный той же кобылицей, которая принесла *Шеддиза* (см.), и не уступающий ему в скорости бега.

Гульшакар — засахаренные лепестки роз, варенье из лепестков роз.

Гулял (*гулям*) — раб, слуга, обычно тюрк или славянин. Из раба, поставляемых невольничьими рынками, рекрутировалась гвардия халифов и других правителей. Отсюда второе значение слова «гулям» — гвардеец, воин.

Гумбаз — гробница с куполом.

Гурган — город в Иране.

Гур — дикий осел оиятр. Название это созвучно слову, означавшему по-персидски «могила».

Гур (с гортанным «г») — старинное название области, занимавшей часть территории современного Афганистана.

Гурии — бесно, тевственные и вечно юные райские деви, которые предназначены в рай для праведников.

Гюлистан — сад роз, цветник.

Гюрза — ядовитая змея.

Гяз — мера длины, соответствующая старому локтю (немного меньше метра).

Гянджа — родина Низами, один из древнейших городов Азербайджана. В XII в. Гянджа была не только столицей Азербайджана, но и политическим, экономическим и культурным центром Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Гянджа находилась в пяти километрах к северо-востоку от современного Кировабада.

Давид — см. *Давуд*.

Давуд — мусульманский вариант имени библейского Давида (Х в. до н. э.), царя древних евреев. Ислам причисляет его к сонму пророков. По легенде, Давуд, отец *Сулеймана* (см.), был необычайно мудрым. Творец Забура (псалмов), он обладал дивным голосом, первым из людей выковал колющую: железо в его руках делалось мягким, как воск.

Данаб, Денеб (Зенаб) — звезда Альфа в созвездии Лебедя; астрологи считали ее влияние вредным.

Дари — язык персидской классической литературы.

Дарий — древнеперсидский царь Дарий III Коломен (336—330 гг. до н. э.), последний из династии Ахеменидов, империи которого разгромил Александр Македонский, воспетый в «Искендер-наме» Ниязи.

Дастан — сказание, поэма, сюжетный рассказ, нередко роман-история о влюбленных.

Дастархан — скатерть.

Дастур — советник шаха в древнем Иране.

Дебир — писец, секретарь, состоящий при шахе.

Дей — десятый месяц древнего иранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

Дейлемский топор — топор из Дейлема, области в прикаспийской части Ирана, жители которой славились своими железными изделиями, в частности топорами.

Дербент — область и город на севере Азербайджана, на западном берегу Каспия. Во времена поэта Дербент входил в состав владений *ширанишахов* (см.).

Дервиш — мусульманский монах, часто — странствующий паломник.

Джабраил — вестник Аллаха; в Библии ему соответствует Гавриил.

Джан — душа, душечка.

Джейран — вид антилопы. См. *газель* во втором значении.

Джейпал — правитель одного из могущественных индийских государств.

Джейхун — арабское название реки Аму-Дарья.

Джем, Джемшид (Джамшид) — мифический царь древнего Ирана, в правление которого не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Когда Джемшид возгордился, бог в наказание отдал власть над ним тирану Заххаку, который зверски казнил его — расплил пилой. Джемшид был обладателем чудесной чаши, с помощью которой он мог видеть все, что происходит в любой точке земли. Легенды приписывали ему также установление *Новруза* (см.).

Джирам — гора в Армении.

Джуляб — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, а также применяют как лекарство; розовая вода.

Демавенд — потухший вулкан, расположенный к северу от Тегерана, покрытый вечными снегами.

Дестур — советник.

Дохлиз — прихожая, коридор, галерея вокруг дома.

Деций — римский император.

Див — злой дух, демон.

Диван — правительственная канцелярия, государственный совет; в другом значении — сборник стихов одного или нескольких авторов, где материал расположен в определенном порядке.

Джизья — подушная подать, взимавшаяся в мусульманских странах с иноверцев.

Джим — пятая буква арабского, шестая — персидского алфавита.

Джинн — злой дух, демон громадного роста и страшного вида, умеющий мгновенно менять свой облик.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряной, весом около 3,5 г.

Дихкан — первоначально представитель домусульманской иранской земельной аристократии; потом этим термином стали обозначать земледельца-крестьянина. У Ниязи часто употребляется в значении «хранитель древних преданий».

Дувал — глиняный забор.

Дурраджд — см. *турач*.

Духан — винная лавка.

Дэв — см. *див*.

Ездигерд — иранский шах из династии Сасанидов (ум. в 420 г.). Ездигерд покушался урезать привилегии зороастрийского духовенства, за что получил прозвище Грешник.

Занг — Занзибар, группа островов у восточного побережья Африки; у Ниязи — вообще страна, населенная неграми.

Заратуштра — см. *Зардушт*.

Зардушт — Зороастр, основатель зороастризма, древней религии Ирана VII в., главным в этой религии был культ огня.

Зардушти — зороастринец.

Захм — меднатр (посредник) — приспособление, с помощью которого играют на струнных музыкальных инструментах.

Зекат (закят) — налог с имущества в пользу бедных мусульман; милостыня.

Земзем — священный колодец в Мекке (см.), около храма *Каабы* (см.). Его минеральной воде приписывают чудотворные свойства.

Зенд (Зенд-Авеста) — название священной книги зороастризма (см. *Зардушт*), распространенное во времена Низами. В действительности книга называлась «Авеста», а «Зенд» — позднейший комментарий к ней на языке пехлеви.

Зенджан — один из древнейших городов Ирана, расположенный в оазисе Зенджан-руд. ныне является центром первого остана Ирана.

Зенеб — см. *Данаб*.

Зербафт — плотная узорчатая ткань из шелковых и золотых ниток.

Зерифкен — один из ладов древней иранской музыки.

Зикар — название местности, где произошла первая битва между арабами-мусульманами и войском сасанидского Ирана в 645 г. и арабы нанесли сокрушительное поражение персам.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зинде-руд — река в Иране.

Зиндж (зинг) — негр.

Зих — восклицание: «Прекрасно!», «Браво!». «Зих» одновременно обозначает вышитую кайму на кафтане, халате.

Зороастр — см. *Зардушт*.

Зульф — локоны, кудри.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане, подданные мусульманским правителям. Зуннаром назывался также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы-огнепоклонники.

Зухра (Зухре) — планета Венера, уподоблявшаяся небесному музыканту; на старинных восточных миниатюрах она изображалась в виде красавицы с бубном в руках. См. также: *Харут* и *Марут*.

Иблис — демон, стоящий выше других духов зла.

Ибн-Мукла (ум. в 939) — знаменитый арабский каллиграф.

Ибн-Хани (937—972) — арабский поэт, оратор и софист; славился своим полемическим искусством.

Ибрагим (Ибрахим) — библейский Авраам, причисленный к исламу

и шести великим пророкам (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). По мусульманской традиции, Ибрагим был сыном Азера-идоложца. Приняв единобожие, Ибрагим начал разрушать идолы, созданные отцом и другими мастерами. Тиран Нимрод велел бросить Ибрагима в горящую печь. Через некоторое время, открыв дверцу печи, служители Нимрода увидели, что огонь в печи превратился в цветник, и Ибрагим нежился в нем. За свою безграничную веру в бога Ибрагим получил прозвище Халидуллах — Друг Аллаха.

Изд — см. *Яздан*.

Иклимы — географические области, на которые делил тогда всю обитаемую часть суши (Хорасан, Ирак, Туркестан, Занзибар, Рум, Индостан, Египет). Иклимы — также семь обитаемых поясов между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору: до 20°, 27°, 33°, 38°, 43°, 47°, 53° с. ш. Прочие северные широты считались необитаемыми.

Ильдениз (Ил-Дениз) — название рода племени, из которого происходили азербайджанские атабеки. Так звали также основоположника азербайджанских атабеков Шамс ад-Дина Ильдениза (1124—1175) отца Шамс ад-Дина Мухаммеда Джахан-Пахлавана и Кызыл-Арслана.

Илья — распространенный персонаж восточных легенд (в Библии ему соответствует Илья-пророк), помогающий мореплавателям, спасающий терпящих кораблекрушение. На суше аналогичные благодеяния оказывает *Хызр* (см.).

Индиго — синяя краска для тканей. Синяя одежда на Востоке символизирует траур.

Индия — во времена Низами включала в себя всю территорию современных Индии, Бангладеша и Пакистана. Индия в классической поэзии из-за смуглости населения служила символом черноты. Индийцы (индусы) обычно служили стражниками у восточных правителей.

Ионийцы — греки, живущие на островах Ионического моря, греки вообще.

Иосиф — см. *Юсуф*.

Ирак — в средневековой географии существовало два Ирака: 1) Ирак арабский (Ирак-и араб) и Ирак Иранский (Ирак-и аджам — букв. Ирак неарабский). Первый включал в себя почти всю территорию современной Иракской арабской республики, а второй состоял из центральной части современной Исламской республики Иран от Хамадана до Тегерана, включая города Керманшах, Хамадан, Малайир, Арак, Гуляйган и Исфаган.

Ираки — один из ладов восточной классической музыки.

Иредж — младший сын Феридуна, легендарного царя Ирана. Феридун в старости разделил свое царство между тремя сыновьями — Туром, Сельмом и Иреджем. Иран (центральная часть державы) достался Иреджу, а Туру и Сальму — Туран и Рум. Сальм и Тур из зависти убили Иреджа, и из-за этого возникла длившаяся веками вражда Ирана и Турана. Предание об Иредже подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Прем — прекрасный сад, созданный мифическим тираном Шеддадом, который решил устроить на земле подобие ада и рая. По легенде, Шеддад умер, не успев войти в свой рай.

Иса — Иисус Христос, причисленный исламом к шести великим пророкам (Адам, Авраам, Ной, Моисей, Иисус, Мухаммед). Мусульманский Иса — не сын Бога, а лишь пророк, человек, передавший людям божественное откровение. Согласно поверью, Иса обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием.

Искендер — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Исрафил — архангел, который звуком своей трубы должен возвестить начало Страшного Суда. От звука этой трубы расколетсся земля, рассыплются в прах горы, и мертвые восстанут из могил.

Истахр — Персеполь, столица древнего Ирана при царе Дарии III (см.), развалины которой находятся на юге области Фарс, неподалеку от г. Шираза.

Ису — название, которое, как полагают ученые, относится к племенам ису (или весь), обитавшему вокруг Белого озера, по рекам Шекне, Мологе и Тверцу и в X—XII вв. ассимилировавшемуся с русскими племенами.

Исфганинский лад — один из ладов восточной классической музыки.

Исфган — один из древнейших городов Ирана.

Исфендияр — легендарный иранский богатырь, обладавший будто бы железным телом, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Исхак — библейский пророк, сын патриарха Авраама.

Ифриты — самый страшный и злобный вид нечистых духов.

Йемен — страна на юге Аравийского полуострова, в поэзии Низами — синоним счастья, счастливого предзнаменования (см. *Сухейль*).

Кааба — храм в Мекке (см.) кубической формы, где хранится священный монолит — черный камень. Кааба — величайшая святыня ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане.

Каба — род кафтана без воротника, шерстяной халат, обычная верхняя одежда во времена Низами, сохранившаяся в Иране и поныне.

Кабарга — разновидность небольшого безрогого оленя; из мускусов желез самца кабарги добывают *мускус* (см.).

Каве — персонаж из «Шах-наме» Фирдоуси. Кузнец Каве поднял восстание против тирана Заххака, надел на острие пика свой кожаный фартук. Когда Заххак был свергнут и на престол взошел шах Феридун, фартук Каве расцвёл жемчугом и драгоценными камнями и сделался шахским штандартом — «Кавесым стягом».

Кадыр-хан — титул древних турецких императоров.

Кайсар, Кейсар (кисра) — византийский император, арабизированная форма слова «кесарь» (цезарь).

Калам — перо для писания, изготовлявшееся из тростника.

Калым — выкуп за невесту ее родителям. Хотя пророк Мухаммед заменил этот обычай выплатой суммы для обеспечения жены на случай развода, калым все же сохранился в мусульманских странах вплоть до наших дней.

Камедь — густой сок некоторых деревьев, растущих в Аравии и Иране.

Камфара — кристаллическое белое сильно пахнущее вещество; добывается из камфарного дерева, произрастающего в юго-восточной Азии и употребляется как стимулирующее средство при сердечных болезнях.

Канопус — см. *Сухейль*.

Капелла — звезда первой величины в созвездии Возничего.

Карагач — дерево с плотной древесиной, высотой до 20 м, использовалось как строительный материал, топливо и в декоративных целях.

Карун — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен землей вместе со своими богатствами. Предание о сказочном богатстве Каруна идет от мусульманской традиции.

Касаб — тонкая желтая льняная материя. В мусульманских странах ее должны были носить евреи для отличия их от мусульман и христиан.

Касу — см. Кей-Кавус.

Касыда — большое стихотворение с монорифой (аа, ба, ва и т. д.), нередко панегирического (ода) или философского содержания.

Каф, Кафские горы — легендарные горы восточной географии, находившиеся будто бы на краю земли; в этих горах, по поверью, обитает птица Симург.

Кебаб — жареное на вертеле мясо, шашлык.

Кей (*Кейд*, *Кай*) — титул древних иранских шахов из мифической династии *Кейанидов* (см.), иногда синоним слова «шах».

Кейзан — планета Сатурн, символ необратимого времени, несущего несчастья и смерть.

Кей-Кавус — легендарный шах древнего Ирана.

Кей-Кубад — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными пирами.

Кей-Хосров — легендарный шах древнего Ирана. В «Шах-наме», где рассказана история его правления, Кей-Хосров на вершине своего могущества отрывается от власти и таинственно исчезает в горах.

Кеманча — восточный смычковый музыкальный инструмент, род скрипки с тремя или четырьмя струнами. Этот инструмент и ныне пользуется большой популярностью в Азербайджане.

Кесра — см. *Хосров*.

Кирманшахан — город на северо-западе Ирана, недалеко от которого находится «Замок Ширин» (см. *Бисутун*).

Китай — в поэзии Низами страна поторк, не соответствующая современному географическому представлению о Китае, Китайский Туркестан, страна, откуда привозят прекрасных белокожих рабынь — тюрок, где живут искусные художники. Китай — это также Восток, страна восходящего солнца.

Ковсар (*Кусер*) — один из райских источников, упоминаемых в Коране.

Колювик — горькое ядовитое растение; применялось в медицине.

Константинополь — столица Византии до 1453 г., когда турки завоевали его и переименовали в Стамбул.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

Кызыл-Арслан — атабек Музаффараддин Кызыл-Арслан (1186—1191), сын Шамсааддина Ильдегиза и брат Шамсааддина Мухаммеда Джахан-Пехлевана (1176—1186). Он покровительствовал Низами и другим поэтам, литераторам и ученым.

Кулах — головной убор иранских крестьян, а также *дихкан* (см.), которые носили высокие войлочные шапки, расшитые жемчугом и драгоценными камнями. В другом смысле «кулах» — корона, шахский венец.

Лал — рубин, обычное сравнение с устами красавиц.

Лат — название одного из многочисленных доисламских идолов в Мекке.

Лакор — индийский город, ныне находящийся на территории Пакистана.

Лотос — водяное растение из семейства кувшиновых с красивыми крупными цветами, почитавшееся древними египтянами и индусами.

Маги — в поэзии эпохи Низами зороастрийцы, жрецы-огнепоклонники, художники, волшебники. Так как ислам запрещал употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.

Магриб — западная часть средиземноморской Африки (Алжир, Тунис, Марокко), иногда и Египет, и арабская Испания.

Мазендеран — область в Иране.

Майдан — см. *Мейдан*.

Майоран — душистое растение, употребляемое в пищу как пряная приправа.

Малик — страж ада, упоминаемый в Коране.

Мандур — древнее название Мильской степи на юге Азербайджана.

Мани — (казнен в 244 г.) — основатель манихейства. Манихейство — дуалистическая религия, вобравшая в себя раннехристианские и гностические верования. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами известен прежде всего как искусный художник (см. *Аржанг*).

Маррих — планета Марс.

Махди — Мессия, последний XII имам, якобы таинственно скрывшийся. Он явится перед концом мира на белом коне, очистит мир от скверны, насилия, тирании и установит идеальный порядок.

Махмуд — самый выдающийся представитель династии Газневидов (Газна — столица Газневидов, город на территории нынешнего Афганистана), могущественный султан Махмуд (999—1030), создавший обширную империю, завоеватель Индии.

Медаш — арабское название Ктесифона, древней столицы иранских парей династии Сасанидов, находившейся неподалеку от развалин дворца Сасанидов, известных в народе под названием «Дворец Хосрова».

Меджисте — см. *Алмагест*.

Меджлис — шахский прием, на котором читали стихи, слушали музыку. Меджлис — это и духовная беседа суфийского старца со своими учениками.

Меджнун — букв. одержимый, неистовый; прозвище Кейса, героя арабского сказания, положенного в основу поэмы Низами «Лейли и Меджнун»; в нарицательном значении — безумно влюбленный человек.

Медина — город на Аравийском полуострове, где Мухаммед впервые утвердился как пророк и где он похоронен.

Мелик — по-арабски царь, государь; почетный титул многих султанов и правителей.

Мелик-шах — могущественный сельджукский султан (1072—1092).

Мейдан — площадь, ристалище для игры в конное поло.

Мекка — священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове, на берегу Красного моря. В Мекке находится знаменитый храм Кааба.

Мен (ман) — мера веса от 3 до 12 кг.

Мера — исторический город в Средней Азии (ныне город Мары Туркменской ССР).

Месих, Мессия — см. *Иса*. Древнееврейское слово «Масиха», из которого получилось «мессия», в I в. стало обозначать Иисуса Христа.

Миль — палочка для сурмления век и ресниц.

Минбар — кафедра в мечети.

Мискаль — мера веса, равная 4,6 г.

Мирадж — вознесение пророка Мухаммеда к Аллаху, которое он совершил вне времени.

Миробалан — терпкий, вяжущий плод, содержащий большое количество танина; применялся в медицине.

Михаил — архангел Михаил.

Михраб — стрельчатая, сводчатая ниша в мечети, указывающая направление в сторону Мекки. Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу. Михраб — обычное в поэзии Востока сравнение с бровями красавицы.

Мобед — зороастрийский жрец-огнепоклонник; в поэзии Низами часто — жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще (напр., индуcский мобед).

Моисей — см. *Муса*.

Мугань — Муганская степь, низменность к югу от нижнего течения Аракса в Азербайджане.

Музаффараддин — см. *Кызыл-Арслан*.

Муканна — буквально: человек с закрытым лицом; прозвище Хашима ибн-Хакима из Мерва, поднявшего около 776 г. восстание против арабских завоевателей. Муканна считал себя божественным избранником и закрывал лицо зеленым покрывалом будто бы потому, что обычные люди не могли выдержать исходящего от него ослепительного сияния. Согласно легенде, он изготовил из ртути искусственную луну, которая по ночам светила из колодца.

Мулиан — река (канал) в Бухарском оазисе.

Мунджук — бунчук, эмблема в виде полумесяца на вершине древка знамени. Под мунджуком находилось блюдо из драгоценного металла.

Муса — арабизированная форма имени библейского пророка Моисей. Муса пришел в назначенное Господом время на гору Синай и «беседовал» с ним Господь. Он сказал: «Господи! Дай мне посмотреть на тебя». Он сказал: «Ты меня не увидишь, но посмотри на гору, если она удержится на своем месте, то ты меня увидишь». А когда открыл его Господь горе, он обратил ее в прах, и пал Муса пораженным (Коран, гл. 7, стих 139). Муса совершил два чуда: когда он бросил свой посох перед фараоном, тот превратился в змею; когда же он вынимал руку из-за пазухи, она излучала свет. Отсюда выражение «белая рука», что в классической литературе метафорически обозначает необычайное мастерство, искусство.

Муסיкар — свирель, дудка.

Мускус — ароматическое вещество, добываемое из пупка самца кабарги.

Мустафа — избранник, почетное прозвище пророка Мухаммеда, ибо Аллах из всех пророков избрал его и приблизил к себе.

Мутриб — левец и музыкант, трубадур; слова «мутриб» и «трубадур» имеют в основе общий арабский корень «трб», обозначающий радость, веселье.

Мухаммед (570—632) — пророк мусульман. Родился в Мекке на Аравийском полуострове. В детстве лишился родителей, воспитывался в доме своего дяди Абу-Талиба. В 595 г. женился на богатой вдове Хадиджат, служил караванщиком. Выступил с пророчествами в начале VII в. В 622 г., спасаясь от преследований соотечественников, переехал вместе со своими сподвижниками в г. Медину. К 630 г. проповедуемая им монотеистическая религия — ислам была признана значительной частью населения Медины, Мекки и других близлежащих районов. Умер в 632 г. в зените славы и всеобщего признания. Он считался последним пророком, хотя и был сотворен Аллахом еще тогда, «когда Адам был глиной». Он оставил после себя священную книгу мусульман Коран, который был дан ему Аллахом как откровение.

Мухтасиб — должностное лицо в мусульманском городе, обязанное следить за соблюдением шариата. Мухтасиб осматривал город, базары, проверял правильность гири, ловил продавцов вина, пьяниц и т. д.

Муштари — планета Юпитер.

Мюрид — послушник, ученик духовного наставника, последователь суфизма.

Набат — род леденцов, белые круглые конфеты из хорошо очищенного сахара.

Набиз — алкогольный напиток, вино.

Най — небольшая тростниковая флейта, пронзительные звуки которой служили сигналом к началу сражения.

Нарды — широко распространенная на Востоке игра. Игроки на специальных досках делают ходы, которые определяются количеством цифр, вывавших на игровых костях; дважды шесть — наивысшее число, которое может выпасть на костях.

Нат — кожаная подстилка, на которой обезглавливали осужденного.

Нейсан, Нисан — месяц древнего солнечного сирийского календаря, совпадающий с апрелем.

Немрод (Нимрод) — легендарный тиран, свергнувший в огненную печь пророка Ибрагима (Авраама). За это бог наказал его, напустив на него москита, который через ухо проник в мозг и терзал тирана до тех пор, пока тот не погиб.

Несрин — вид дикорастущего нарцисса, жонкиль.

Нил — река в Египте; символизирует голубой цвет, индиго.

Новбат (ноубат) — место перед воротами дворца, где пять раз в день били в литавры. Эта процедура символизировала могущество султана, царя.

Новрузи — один из ладов восточной классической музыки.

Нехшеб — город в Средней Азии, впоследствии Карши.

Ниагус — брат византийского императора; подлинное имя его Тиадус (Феодосий), ему было поручено командование византийской армией, направленной на помощь Хосрову Парвизу.

Нисар — древний обычай осыпать новобрачных или вступающего на престол золотыми монетами, драгоценными камнями, карамелью.

Новруз — новый год древнего иранского календаря, приходящийся на 21 марта.

Ноа (Нух) — библейский патриарх, спасшийся в ковчеге во время всемирного потопа; почитается мусульманами как пророк.

Нубиец — чернокожий из Нубии; в поэзии Низами — символ черноты ночи; улыбка нубийца на черном лице — метафора, обозначающая рассвет.

Нушануш — возглас во время пирушки, означающий «На здоровье, да будет сладостно вино!».

Нуширван — см. Ануширван.

Онагр — дикий осел, кулан (см. *гур*).

Оман — область и город в юго-восточной части Аравийского полуострова.

Органон — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник современного органа.

Ормуз — см. Ануширван.

Падшах — царь, шах.

Пажити Бугры — равнина (площадь Бугры) на территории современной Армении.

Палуде — вид желе, лакомство.

Пардус — барс.

Парча — знамя, стяг, к вершине древка которого как символ власти привязывали пучок волос из конского хвоста.

Пери — фея, прекрасная лицом и злая душой, символ женской красоты.

Пехлеван — непобедимый, могучий богатырь; атабека Шамсаддина Мухаммеда звали Джахан-Пахлаван.

Пехлеви — среднеперсидский язык, официальный язык Ирана до прихода туда арабов в 650 г. Отсюда — пехлевийский лал, пехлевийский напев и т. д.

Платон (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, известный на Востоке под именем Афлатун.

Раст — один из ладов восточной классической музыки.

Рафраф — название завесы между девятым сводом неба и местом пребыванием Бога.

Рахван — один из ладов восточной классической музыки.

Рей — древний иранский город, который был расположен в южной части территории современного Тегерана.

Рейхан — базилик, благовонная трава вроде мяты.
Ремгеле (Румкула) — историческое название пустыни, расположенной, как указывает поэт, на расстоянии 600—700 км от горы Аншарака в Армении (см. **Анкарак**).

Рибат (рабат) — караван-сарай, постоялый двор.

Ризван — страж райских ворот, упоминаемый в Коране.

Ричар — припосы; маринад, кислые фрукты.

Роузан — отверстие в потолке для света и воздуха.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рум — Византия, Малая Азия.

Румиц — **Искендер** (см.).

Рустам — главный герой так называемого систанского цикла иранского героического эпоса, непобедимый богатырь-великан; персонаж «Шах-наме» Фирдоуси.

Рута — растение, которым окуривали от «дурного глаза».

Саз — струнный музыкальный инструмент, чаще всего рубаб.

Саклабы — арабское название славян.

Саксин — в древности было несколько городов с таким названием. Слово «Саксин» образовано из двух слов: «Сака», «саки» (скифы, тюрки) и «сена» — обиталище, край. Позднейшая форма этого имени — Шакинен, а современная форма — Шаки. На территории Азербайджана находятся два города с этим названием. В данном случае Низами имеет в виду г. Шаки, расположенный на расстоянии 80 км от Нахичевана.

Саманиды — независимая от халифата династия иранского происхождения, правившая с 888 г. до 999 г. Хорасаном и Мавераннахром со столицей в Бухаре.

Самарканд — один из древнейших городов, культурных политических и экономических центров Средней Азии.

Самум — песчаная буря в африканских странах.

Санда — сандаловое дерево, обладающее приятным запахом.

Сапфир — драгоценный камень синего или голубого цвета. Сапфирные чаши — голубые, синие небеса.

Сарджуш — проба пищи из котла, первая ложка пищи для проверки вкуса и готовности блюда.

Сиавуш (Сиявуш) — один из героев древнего иранского эпоса, сын легендарного царя **Кей-Кавуса** (см.). Спасаясь от необоснованных подозрений отца, он бежал к патриарху тюрков Афрасиябу, который ласково принял его и выдал за него дочь Ферегис. Однако позже Афрасияб, поверив клевете своего брата Гарсиваза, убил Сиавуша. После этого иранцы, чтобы отомстить за кровь Сиавуша, начали длительную войну с турками. Предание о Сиавуше было широко распространено и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сидр — (букв. **кедр**) — мифическое дерево, растущее у небесного престола, дальше которого не могут подняться даже ангелы и архангелы. В Коране это дерево зафиксировано в форме «сидрат ал-мунтаха», что обычно переводится на русский язык как «лотос крайнего предела».

Сикба — особым образом изготовленный лекарственный бульон, напиток.

Симург — мифическая огромная птица, обитающая на горе Каф, царь птиц; символ всего невидимого, таинственного.

«**Сокровищница тайн**» — первая поэма Низами, завершенная в 1187 г., в которой он в дидактическом ключе изложил свои этические, эстетические взгляды, художественные принципы, социальные и философские воззрения.

Соломон — см. **Сулейман**.

Справедливый — см. **Ануширван**.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — **Соломон**), включенный исламом в число второстепенных пророков, бывших до Мухаммеда Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, **пери** (см.) и **джинны** (см.), которые носили его на ковресамолете по всему его царству.

Сурайя — созвездие Плеяд, состоящее из семи звезд, находится на небе намного выше других созвездий.

Суруш — древний Сраоша, один из ангелов зороастрийского (см. **Зардушт**) пантеона; вошел в мусульманские легенды как божественный вестник, несущий откровение, внутренний голос.

Сухейль (Канопс) — главная звезда созвездия Корабль Арго. Появляющаяся в определенное время года в южной части неба, она лучше всего видна в Йемене. В поэзии Низами Сухейль и Йемен — взаимосвязанные понятия. Сухейль — это символ красоты, блеска и счастья.

Табарад — кусковой сахар, карамель; синоним сладости.

Табархун — ива пурпуровая, розги из сандалового дерева.

Тамгадж — область в средневековом восточном Туркестане.

Тараз — область и город в Туркестане, поставивший белокожих красивых рабынь; символ белизны, света, утра, противоположность *Хабешу* (см.), Развалины Тараза находятся неподалеку от современного г. Джамбула.

Тигр — одна из двух главных рек Ирана.

Тиштрия — звезда Сирнус.

Тогул, сын Арслана — номинальный султан Азербайджана и Иранского Ирака Тогул III (1176—1194). Фактически же правителями при Тогуле III были Мухаммед Джахан-Пехлеван (1175—1186) и его брат Кызыл-Арслан (1186—1191).

Туба — райское дерево.

Турция — во времена поэта состояла из части Малой Азии (Арзум, Кония, Сивас, часть побережья Черного моря); в нее не входили столицы Византии Константинополь (Стамбул) и прилегающие области.

Тутия — лекарственная мазь для глаз.

Туран — мифическая страна иранского героического эпоса; туряны — народ общего с иранцами происхождения, но враждебный им. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.

Турач (дуррадж) — птица из семейства фазанов (франколинов). Бормотание турача считается на Востоке приятным.

Турундж — померанец, небольшой горько-кислый плод, похожий на апельсин, сок которого употребляют при приготовлении соусов.

Тут — тутовое дерево.

Тюрки — народы и племена тюркской расы; в классической поэзии Востока тюрки — символ белизны, красоты.

Умм-хани — одна из жен пророка Мухаммеда, из дома которой он совершил свое вознесение.

Уннаб (уннаби) — зисифус обыкновенный (грудная ягода), красный вкусный плод; традиционно поэтическое сравнение уннаби с губами и окрашенными хной пальцами красавицы.

Утарид — планета Меркурий, покровитель мудрости, он же искусный писец.

Ушшаг — один из ладов восточной классической музыки.

Фагфур — букв. сын бога; титул китайских императоров (отсюда русское «фарфор»).

Фарр — божественная благодать, которой согласно теократическим

представлениям древнего Ирана, должен был обладать законный правитель. Фарр изображался в виде сияния (нимба) вокруг головы.

Фарсанг — путевая мера; столько, сколько может пройти конь за один час, т. е. шесть-семь (иногда десять) километров.

Фарси — персидский язык, язык классической литературы.

Фархар — восходит к санскритскому слову «вихара» — буддийский храм. Является также названием нескольких городов в Китайском Туркестане. Храм Большой Фархар, отличавшийся величием и красотой, находился в одноименном городе в Тибете.

Феникс — чудесная птица, которая, согласно древнеегипетским мифам, достигнув старости, сжигала себя в пламени и вновь возрождалась из пепла, молодой и прекрасной.

Феридун — один из мифических царей древнего Ирана, герой «Шах-наме» Фирдоуси, вернувший себе трон с помощью кузнеца Каве. Феридун в старости хотел разделить свою державу между тремя сыновьями, но братья Салым и Тур из зависти к Иреджу, которому предназначался Иран (а им достались Рум и Туран), убили Иреджа, из-за чего возникла длившаяся веками вражда между Ираном и Тураном.

Фирдоуси — великий персидский поэт (936—1020), автор эпоса «Шах-наме» («Книга царей»).

Фирман — царский указ.

Фука — бродячий напиток, пиво.

Хабеш — Эфиопия, откуда во времена Низами привозили темнокожих рабов; в поэзии — синоним мрака, ночи, в противоположность *Таразу* и *Хотану* (см.).

Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку, к храму *Каабы* (см.).

Хаджи — мусульманин, совершающий паломничество в священный город Мекку.

Хаджиб — приближенный шаха.

Хазарское море — Каспийское море.

Хазраны (хазранийцы) — хашарцы-хазары — народность тюркского происхождения, которая с V до XI в. образовала государство на обширной территории, на западном и северном берегах Каспийского моря.

Хакан — император древних тюрков, титул китайского императора; хакан Чина, Турана и кайсар Рума в поэзии Низами такие же противоположности, как Рум и Туран, как Запад и Восток.

Хаким — мудрец, провидец, суфий, а также врач.

Халиф — религиозный глава мусульман и одновременно верховный правитель мусульманского государства; халифат сложился в VII в. после смерти пророка Мухаммеда, преемниками которого были четыре «праведных» халифа: Абу Бакр (632—634), Умар (634—644), Усман (644—656) и Али (656—661); в начале XI в. халифы потеряли светскую власть и сохранили лишь религиозный авторитет.

Халлух — город в восточном Туркестане, жители которого — тюрки. В поэзии служит символом красоты и противопоставляется Хабешу — символу черноты и мрака. Халлух славился также своими кабаргами — быками, из желез которых добывали ароматическое вещество — мускус.

Хан — титул тюркских и монгольских правителей, князь, глава племена, феодал, помещик; почетный титул, присоединяемый к мусульманским именам собственным.

Ханзола — колоковит, горький, ядовитый плод пустынного растения.

Хар — см. *Рей*.

Харвар — букв. ослиный выюк: крупная мера веса, колеблющаяся в зависимости от места, где она применялась (от ста до четырехсот килограммов).

Харут и Марут — два ангела, которые, по мусульманской легенде, были для испытания посланы на землю в человеческом облике. Они влюблись в красавицу *Зухру* (см.) и под влиянием охватившей их страсти совершили преступление. В наказание за это они были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного Суда. *Зухра*, ставшая причиной их падения, вознесена на небо, где приняла облик планеты Венеры, покровительницы красоты и музыки.

Хатун — тюркский титул правительницы или жены *хакана* (см.), благородной тюркской дамы.

Хирман — ток, амбар, место, куда складывают собранный урожай.

Хисари — один из ладов восточной классической музыки.

Ходжа — феодальный придворный титул; впоследствии — «господин», «почтенный человек».

Хорасан — обширная область, по средневековой географии занимавшая территорию современного Ирана — от Тегерана до берегов Аму-Дарьи — и часть Афганистана (Балх, Газна).

Хорезм — древняя страна в районе Хорезмского оазиса, в низовьях Аму-Дарьи, один из старейших очагов высокоразвитой земледельческой культуры.

Хосров, Хосрой — шах Хосров *Ануширван* (см.), чье имя стало па-

рицательным титулом могучего властелина, подобно тому, как стало нарицательным имя Цезаря.

Хотан — название области в Туркестане, откуда привозили красивые рабыни; как и Тараз, и Китай, синоним света, белизны, красоты.

Худжасте — высокосортная бумага особого формата.

Хуизган — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Низами привозили финики; синоним сладости.

Хурма — круглый сочный фрукт, широко распространенный в Азербайджане.

Хума — сказочная огромная птица, приносящая счастье. По поверью, на кого упадет тень этой птицы, тот станет царем. (Отсюда — *Гамзат* из русских сказок).

Хызр — таинственное существо в зеленых одеждах, обладающее вечной жизнью, открывшее источник «живой воды». Хызр чудесно передвигается в пространстве и приходит на помощь путникам, погибавшим в пустыне. Суфии считали Хызра второстепенным пророком.

Чанг — большой струнный инструмент, напоминающий арфу (современный чанг больше похож на цимбал).

Чач — один из древнейших городов в Средней Азии, современный Ташкент.

Чин — см. *Китай*.

Човган (чоуган) — конное поло; всадники клюшками отбивают друг у друга шар и загоняют его между двумя столбами; чоуганом называют и клюшка изогнутой формы. В поэзии — синоним всего изогнутого, в частности, кудрей красавицы.

Шадурван — шахский шатер.

Шаир — по-арабски ячмень, персидский эквивалент его *джоу* (см.), что одновременно служит мерой веса, равной 1/96 г.; крупница.

Шамсе — металлическое изображение солнца, укреплявшееся на фронтонах дворцов или на вершине куволов мечети.

Шариат — законодательство, свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на Коране.

Шаханшах — букв. «шарь царей», древний титул иранских царей со времен династии Ахеменидов (559—329 гг. до н. э.).

Шахиджан — арабизированная форма слова «Шахиган» («наместник»), почетное название древнего города Мерв (ныне Мары на территории Туркменской ССР). Крупнейшие города имели в те времена присвоенные им почетные названия (титулы).

Шахразур — город, расположенный недалеко от древней столицы Ирана Экбатана.

Шахруд — река в Иране.

Шебазия — легендарная птица; считается, что по ночам она жалобно стонет.

Шебдиз — черный конь Хосрова Парвиша; символ ночи.

Шихна — правитель города, начальник военной и полицейской власти.

Шумтир — Сузы, одна из древнейших столиц Ирана; ныне — Шум, небольшой город на юге Ирана.

Эбен — черное тропическое дерево с ценной, твердой, благоухающей древесиной; символ черноты и крепости.

Эвклид (Евклид) — знаменитый древнегреческий математик.

Эдем — по библейской легенде, земной рай, местопребывание первых людей до грехопадения, благодатный уголок земли.

Эмпирей — самая высшая часть неба, обиталище Бога.

Эрженг — то же, что и **Аржанг** (см.).

Юсуф — герой мусульманской легенды, восходящей к Библии (Иосиф Прекрасный), любимый сын **Якуба** (см.). Был из зависти похищен другими сыновьями **Якуба** и брошен в колодезь, откуда его извлекли случайные путники. Он был продан в рабство египетскому вельможе **Кит-фиру** (Потифару), жена которого **Зулейха** влюбилась в **Юсуфа**. Легенда о **Юсуфе** и **Зулейхе** послужила основой для многочисленных сказаний и поэм на этот сюжет. **Юсуф** — символ красоты, мудрости, целомудрия, благородства.

Яма — город в Восточном Туркестане, славившийся своими красавицами-тюрянками.

Язад (Изад) — древнее имя зороастрийского божества.

Якуб — библейский Иаков; по учению ислама, один из пророков, бывших до Мухаммеда, отец **Юсуфа**. Когда Иосиф исчез, **Якуб** ослеп от горя и слез.

Ясмен — жасмин.

Яхни (сокращение от **яхни-плова**) — род плова, где вареное мясо или курица кладутся под рис, на дно котла.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
В восхваление бога	43
В разъяснение прямого постижения и познания разумом	45
Мольба о прощении	48
В восхваление пророка великого, да благословит его аллах и да приветствует	50
О том, что предшествовало написанию книги	51
В похвалу Тогрул-Арслану	54
В восхваление атабека великого Шамседдина Абу-Джафара Мухаммеда Ибн-Ильдыгиза	56
Обращение во время целования земли	59
В восхваление шаха Музаффареддина Кызыл-Арслана	61
О пропикновении в сущность сей книги	64
Несколько слов о любви	67
В оправдание сочинения этой книги	69
Начало рассказа	72
Выезд Хосрова на охоту	75
Хосров со старцами идет к своему отцу	77
Хосров видит во сне своего деда Ануширвана	79
Рассказ Шапура о Ширин	80
Поездка Шапура в Армению за Ширин	85
О происхождении Шебдиза	87
Шапура в первый раз показывает Ширин изображение Хосрова	88
Шапура во второй раз показывает Ширин изображение Хосрова	90
Шапура в третий раз показывает Ширин изображение Хосрова	91
Появление Шапура в одежде мага-жреца	93
Бегство Ширин от Михин-Бану в Меданн	99
Купанье Ширин в источнике	104
Хосров видит Ширин в источнике	105
Приезд Ширин в замок Хосрова в Меданне	112
Постройка замка для Ширин	114
Приезд Хосрова в Армению к Михин-Бану	116
Пиршество Хосрова	118
Возвращение Шапура	120

Шанур второй раз едет за Ширин	122
Хосров узнает о смерти отца	126
Хосров восходит на трон вместо отца	128
Шанур приносит Ширин к Михин-Бану	129
Бегство Хосрова от Бехрама Чубине	130
Встреча Хосрова и Ширин на охоте	132
Наставление Михин-Бану Ширин	134
Хосров и Ширин играют в човган	136
Описание весны и веселья Хосрова и Ширин	139
Хосров убивает льва во время пира	141
Рассказывание притч Хосровом, Ширин, Шануром и девушками	144
Хосров и Ширин остаются одни	151
Ответ Ширин Хосрову	153
Ответ Хосрова Ширин	154
Ширин снова отвечает Хосрову	157
Хосров умоляет Ширин	158
Хосров покидает Ширин и направляется в Рум. Венчание Хосрова с Мариам	161
Сражение Хосрова с Бехрамом и бегство Бехрама	164
Восшествие Хосрова на престол в Меданне во второй раз	167
Стенания Ширин в разлуке с Хосровом	171
Завещание Михин-Бану	174
Воцарение Ширин	177
Прибытие Ширин в Медани	179
Хосров узнает о смерти Бехрама Чубине	180
Хосров призывает Барбеда	185
Хосров просит у Мариам соисхождения к Ширин	188
Хосров посылает Шанура за Ширин	190
Упреки Ширин Шануру	191
Начало любви Ферхада	195
Приезд Ширин к месту работ Ферхада	199
Плач Ферхада от любви к Ширин	200
Хосров узнает о любви Ферхада	203
Советы о Ферхаде	204
Хосров вызывает к себе Ферхада	205
Спор Хосрова с Ферхадом	206
Рассекание горы Ферхадом и жалобы его	209
Ширин направляется к горе Бисутун, и конь ее падает	216
Хосров узнает о поезде Ширин. Гибель Ферхада	219
Письмо Хосрова к Ширин, выражающее сочувствие, но написанное в насмешку	224
Смерть Мариам	227
Сочувственное письмо Ширин Хосрову по поводу смерти Мариам, написанное в отместку	229
Письмо Ширин приходит к Хосрову	231
Описание справедливости Хосрова	232
Хосров, пируя, восседает на троне Такдис	233
Хосров выслушивает описание Шекер Исфahanской	236

Поездка Хосрова в Исфahan за Шекер	238
Расспросы Хосрова о Шекер и его сватовство	242
Одиночество Ширин и ее стенания	246
Восхваление утра	248
Ширин возносит хвалу богу	248
Поездка Хосрова к замку Ширин под предлогом охоты	250
Свидание Хосрова с Ширин	256
Первый ответ Ширин Хосрову	257
Первый ответ Хосрова Ширин	261
Второй ответ Ширин Хосрову	262
Второй ответ Хосрова Ширин	264
Третий ответ Ширин Хосрову	266
Третий ответ Хосрова Ширин	268
Четвертый ответ Ширин Хосрову	270
Четвертый ответ Хосрова Ширин	272
Пятый ответ Ширин Хосрову	275
Возвращение Хосрова от замка Ширин	279
Ответ Шанура Хосрову	282
Ширин сожалеет об отъезде Хосрова	284
Сновидение Хосрова и толкование сна Шануром	287
Хосров устраивает пир	287
Первая песня Некисы, подсказанная Ширин	291
Первая песня Барбеда, подсказанная Хосровом	292
Вторая песня Некисы, подсказанная Ширин	294
Вторая песня Барбеда, подсказанная Хосровом	296
Третья песня Некисы, подсказанная Ширин	298
Третья песня Барбеда, подсказанная Хосровом	301
Четвертая песня Некисы, подсказанная Ширин	302
Четвертая песня Барбеда, подсказанная Хосровом	304
Выход Ширин из шатра	305
Приезд Ширин для венчания в Медани	309
Свадьба Хосрова и Ширин	311
Наставления Ширин Хосрову о справедливости и знании	317
Вопросы Хосрова к Бузург-Умиду и его ответы	319
О назначении пророка	325
Сорок притч из «Калилы и Димны» с высказыванием сорока тонких мыслей	326
Мудрость и наставления Низами	329
Описание Шируйе и конца царствования Хосрова	330
Хосров уединяется в храм огня. Шируйе заключает его в темницу	332
Шируйе убивает Хосрова	334
Притча	336
Пробуждение Ширин	336
Шируйе сватается за Ширин	337
Смерть Ширин в усыпальнице Хосрова	339
В осуждение мира	341
В назидание	344

Смысл сказа о Хосрове и Ширин	345
В наставление сыну своему Мухаммеду	346
Хосров видит во сне пророка	347
Послание пророка Хосрову	351
Вознесение пророка	354
Наставление и завершение книги	356
Порицание завистников	360
Тюрьманах требует к себе ученого Низами	362
Сожаление по поводу кончины Шамседдина Мухаммеда Джахан-Пахлавана	369
Комментарии	372
Словарь собственных имен, географических названий и непеведенных слов	430

Низами Гянджеви

Н65 Хосров и Ширин. Поэма. Перевод К. Липскерова. Научный редактор, автор вступит. статьи и комментариев Р. Алнев, Б., Язычы, 1983.—458 с. портрет.

Поэма «Хосров и Ширин» — вторая из поэмы, входящих в бессмертную «Пятирицу» Низами, выделяется своим сюжетным богатством, яркими запоминающимися образами, пропитанным лиризмом, органически сочетающимся с традициями героического эпоса.

В центре повествования стоит история любви благородной и умной красавицы Ширин и иранского царевича Хосрова. В пленительном образе Ширин Низами воплотил свой идеал женщины. Вся поэма звучит как гимн возлюбленной, самоотверженной любви. Наряду с этим в ней получили свое дальнейшее развитие гуманистические идеи Низами о социальной справедливости, не обходимости духовного совершенствования человека.

4702060100—51 Реш. кол. Госкомиздата за № 83 от
М-656—83 31 марта 1982 г.

С(Аз)1

Редактор Николай Хатунцев.
Художник Р. Назиров.
Художественный редактор Л. Мамедов.
Технический редактор В. Плиткина.
Корректоры Н. Шамшур, Г. Моника.
ИБ № 1603

Сдано в набор 20.11.1982 г. Подписано к печати 21.04.1983 г. Формат бумаги 60×90/16. Бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Физ. и условн. п. л. 28,75+1 вкл. Учетн.-пад. л. 24,74. Заказ № 4250. Тираж 16000. Цена 2 руб. 40 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы», 370088 Баку, проспект Кирова, 18.
Новая Книжная типография, 370102, г. Баку, ул. Алл Татывде, 4.

Низами Кенчэви

ХОСРОВ ВӘ ШИРИН

Поема

Бакы—1983

„Язычы“ нәшријјаты. 370088.

Бакы. Киров проспекти. 18.

Лени китәб мәтбәәси. 370102.

Бакы, Әли Тағыйев күчәси, 4.

2
593443